

ЛЕГЕНДАРНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

2

Николай
Долгополов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

В новой книге «Легендарные разведчики-2» из молодогвардейской серии «ЖЗЛ» вам предстоит познакомиться с героями, с которых лишь недавно снят гриф «Совершенно секретно». Их открывает для вас дважды лауреат литературной премии Службы внешней разведки РФ писатель Николай Долгополов. И потому знакомство с Героями России Алексеем Козловым и Жоржем Ковалем, нелегалами Михаилом и Елизаветой Мукасей, Еленой Модржинской, Иваном Михеевым, нашими агентами Клаусом Фуксом и членом «Кембриджской пятерки» Дональдом Маклейном, настоящим подполковником Рудольфом Абелем, а не полковником Вильямом Абелем — Фишером... станет для читателя откровением.

Автор не мог не возвратиться к прежним Героям — тому же Вильяму Фишеру, Рихарду Зорге, о деятельности которых за последнее время стало известно немало нового. Изложена версия гибели великого Николая Кузнецова. В книге дан ответ на часто задаваемый вопрос: был ли разведчиком академик Евгений Примаков, спасший Службу внешней разведки от грозившего ей в начале 1990-х развала? Здесь же рассказ о Герое России Икс, чье имя пока не раскрыто. Есть в «Легендарных разведчиках-2» и некий момент мистификации. Среди персонажей этой книги и любимица главарей Третьего Рейха — русская актриса Ольга Чехова. Но была ли она советской разведчицей?

-
- [Легендарные разведчики-2](#)
 - [ПЯТЬ АБЗАЦЕВ ОТ АВТОРА](#)
 - [ЗОРГЕ БЕЗ МИФОВ](#)
 - [Рихард Зорге](#)
 - [Шанхайские университеты](#)
 - [Спас Москву и СССР](#)
 - [В разведку женщин не пускать!](#)
 - [13 месяцев с Рамзаем](#)
 - [Коммунисты всегда под колпаком](#)
 - [Сталин не пошел на обмен](#)
 - [Кто открыл нам Зорге](#)
 - [Рамзай еще не уходит](#)
 - [ВЕРСИЯ](#)

- [Николай Кузнецов](#)
- [Письмо как предчувствие жертвы](#)
- [Кто знал о Грачеве](#)
- [Герой подполья или предатель?](#)
- [Шаги к гибели](#)
- [Смерть в Боратыне — не только версия](#)
- [Истина](#)
- [Могли расстрелять и свои](#)
- [Кузнецов спас от немцев, Медведев — от ГУЛАГа](#)
- [Верить — не верить?](#)
- [За смертью на грузовике](#)
- [Охота на мертвого Героя](#)
- [Нет, не разведчик](#)
- [ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛКОВНИКА АБЕЛЯ](#)
 - [Вильям Фишер](#)
 - [Откуда вещички? Из Штатов, вестимо](#)
 - [В тюрьму — полковнику Абелю](#)
 - [Ключевые фразы](#)
 - [Эвелина об отце](#)
 - [Еще остались те, кто знали](#)
 - [Кеннеди вошел в историю разведки](#)
 - [Шпионский мост](#)
 - [Что сказали дочери](#)
 - [А если по правде](#)
 - [Один Абель стоил трех](#)
 - [И в некролог воткнули дезу](#)
 - [«Абелю» вручили «Оскар»](#)
 - [Обмены во все времена](#)
 - [Он был даже литовцем](#)
 - [Мой Абель](#)
 - [Еще не эпилог](#)
- [СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА](#)
- [СВЯЗНИК ПОЛКОВНИКА АБЕЛЯ](#)
- [КАКАЯ МАРЬЯ БЕЗ ИВАНА](#)
 -
 - [Чекистка дворянского происхождения](#)
 - [Иван дождался Марью](#)
 - [Код к Варшавскому замку](#)
 - [Аналитик предсказала точно](#)

- [Разведка довела до философии](#)
- [«ГОМЕР» РАСКРЫЛ СЕКРЕТЫ БОМБЫ](#)
 -
 - [Предатели и олухи](#)
 - [Чужой, но не совсем](#)
 - [Вгрызание в действительность](#)
 - [Была ли Мелинда декабристкой?](#)
 - [Брожение закончилось отъездом](#)
- [ВОТ ТАКОЙ ПОЛУЧИЛСЯ ФУКС](#)
- [БОГ ПРОСТИЛ И ПОМОГ](#)
 -
 - [Из Михеева — в «Михаси»](#)
 - [Свой — чужой? Везде только свой!](#)
- [НЕУЛОВИМЫЙ ДЖО](#)
- [ЛЮДИ ИЗ ЛЕГЕНДЫ](#)
 -
 - [Устанавливаем связь](#)
 - [С такой чистой биографией прямая дорога в чекисты](#)
 - [Даже Чарли Чаплин предупреждал: скоро война](#)
 - [Путь в иные разведсферы](#)
 - [Короли нелегалов](#)
 - [Чуть-чуть — и полный провал](#)
 - [Двадцать два года состояли из таких эпизодов](#)
 - [Против течения](#)
 - [Как можно без личной жизни](#)
 - [Нам хватало и полувзгляда](#)
 - [Книга на двоих](#)
 - [В Москву, к детям, по легенде](#)
 - [И в 100 лет — разведчик](#)
 - [Прощайте, Майкл и Эльза](#)
- [НЕ БЫВАЕТ НИ РАНО, НИ ПОЗДНО](#)
- [«ПЕТЛЯ ПРИМАКОВА»](#)
 -
 - [Царство «дяди Жени»](#)
 - [Жизнь определила в лидеры](#)
 - [Его перст в моей судьбе](#)
 - [Слово Кобы](#)
 - [О личном](#)
 - [Золотое перо](#)

- [Он многое нам оставил](#)
 - [ПО ПЯТНИЦАМ МЕНЯ ВОДИЛИ НА КАЗНИ](#)
 -
 - [Технический чертежник](#)
 - [Агент из химчистки](#)
 - [С двумя паспортами](#)
 - [Бомба из ЮАР](#)
 - [Исчезновение](#)
 - [Полгода в камере смертников](#)
 - [Одиннадцать за одного](#)
 - [И десять лет в придачу](#)
 - [ЕСТЬ ЛИШЬ БЕЛЫЕ ПЯТНА](#)
 - [ЛИКВИДАТОРЫ](#)
 -
 - [Человек без имени и без жалости](#)
 - [Первый предатель](#)
 - [Первая ликвидация](#)
 - [Приговор приведен в исполнение](#)
 - [Как сейчас с возмездием?](#)
 - [МИСТИФИКАЦИЯ: БЫЛА ЛИ ОЛЬГА ЧЕХОВА АГЕНТОМ НКВД?](#)
 -
 - [В списках не значилась](#)
 - [Есть прижать по родственникам](#)
 - [Киносъемки в оперативных целях](#)
 - [Очень личное](#)
 - [КРАТКИЙ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Легендарные разведчики-2

Николай Долгополов

ПЯТЬ АБЗАЦЕВ ОТ АВТОРА

Благодарю, уважаемый читатель, потому что книга из молодогвардейской серии «ЖЗЛ» «Легендарные разведчики-2» родилась исключительно благодаря вам. Первая — «Легендарные разведчики» — была вами оценена, раскуплена, несколько раз за короткий срок переиздана. И на встречах с вами, читателями, и по почте — простой и электронной — вы спрашивали о продолжении, даже подсказывали имена. И я решился.

Меня предупреждали: рискованно. Ведь почти обо всех разведчиках первого плана уже рассказано в «Легендарных...». Не соглашусь. Хотя бы потому, что, по крайней мере, для меня и, верю, для вас не существует деления людей этой штучной, точнее уникальной профессии на первый или второй разряды. Есть герои более известные, которым в силу различных, иногда грустных и даже трагических обстоятельств суждено было выйти из неизвестности раньше остальных. С других, порой лишь после кончины, сняли, казалось, вечный гриф секретности. И потому знакомство с Еленой Модржинской, Иваном Михеевым, Джо Ковалем, Клаусом Фуксом, настоящим подполковником Рудольфом Абелем — не полковником Вильямом Фишером, из оперативных соображений воспользовавшимся именем и фамилией своего друга, —.. будет для читателя полезным.

Не мог не вернуться к прежним Героям — тому же Вильяму Фишеру, Рихарду Зорге, о деятельности которых за последнее время стало известно немало нового из архивов — государственных и сугубо личных, родственных. Попробую изложить новую версию, подчеркиваю, лишь версию, гибели великого Николая Кузнецова. Отвечаю на часто задаваемый вопрос, был ли разведчиком академик Евгений Примаков, спасший Службу внешней разведки от грозившего ей в начале 1990-х развала. Постарался рассказать о Герое России Икс, чье имя пока не раскрыто. Может, удастся назвать его фамилию и поведать о совершенных им подвигах в «Легендарных разведчиках-3»? Но это я забегаю вперед. Введу и некий момент мистификации. Среди персонажей этой книги и любимица Гитлера — русская актриса Ольга Чехова. Но была ли она советской разведчицей?

И последнее. Перед некоторыми моими героями я испытываю некое чувство если не вины, то не до конца выполненного писательского долга. Что-то и когда-то я о них рассказывал, представлял, не выделяя из общего ряда. Сейчас они, к примеру, Михаил и Елизавета Мукасей, Юрий

Соколов... снова с нами.

Благодарю за помощь Пресс-бюро Службы внешней разведки РФ во главе с Сергеем Ивановым, моих добровольных помощников — собкора ТАСС в США Андрея Шитова, исследователей Бориса Александрова, Бориса Рябчикова и Льва Моносова, редактора этой книги полковника разведки в отставке Игоря Прелина и многих, многих других небезразличных и отзывчивых, без которых не пишутся такие книги. Вот и всё. Теперь вы готовы? Тогда переворачивайте страницу.

Ваш Николай Долгополов

ЗОРГЕ БЕЗ МИФОВ

Рихард Зорге

Парадоксально, но гражданин Германии, немецкий коммунист Рихард Зорге, получивший затем советский паспорт и ставший резидентом военной разведки СССР в Токио, действительно появился на свет поблизости от Баку.

«Я родился на Южном Кавказе, меня привезли в Берлин совсем маленьким. Этот факт из моей жизни я всегда помнил. Я, возможно, слишком русский, я — русский до мозга костей». И первые слова, им произнесенные, были русскими. Лишь в Берлине в возрасте четырех лет мальчик заговорил по-немецки.

Недавно еще раз полюбовался памятником Зорге, установленным в начале 1980-х в столице советского тогда Азербайджана. Монументальная работа знаменитого скульптора Владимира Цигаля, сделанная в соавторстве с бакинскими зодчими, одна из достопримечательностей города и уж точно украшает парк, где степенно прогуливаются жители.

Что не украшает, так это комментарий гида на английском языке, постоянно называвшего казненного 7 ноября 1944 года в Токио Зорге «советским шпионом». Даже немцы, в основном и ехавшие в огромном экскурсионном автобусе, озадачились таким жестким ярлыком. Потом подходили ко мне, говорили на нормальном, как говорят теперь многие немцы, английском, что и в их понимании Зорге не шпион (*spy*). а разведчик (*intelligence man*).

Впрочем, как объяснил мне гид, есть два варианта одной и той же экскурсии по городу Баку. Одна — на английском, к нам, россиянам, безжалостная. Вторая — на русском, более мягкая по отношению к гостям из веками близкой Азербайджану страны. Надеюсь, хоть в «более мягкой» своего легендарного земляка Рихарда Зорге именуют разведчиком.

Кстати, о том, кто разведчик, а кто и шпион, я долго говорил с ушедшим ныне Героем России, полковником, атомным разведчиком, историком, теоретиком и аналитиком разведки Владимиром Барковским. Владимир Борисович, которого еще до ухода называли легендой советской разведки, высказывался на сей счет точнее: «Человек, который приносит пользу твоей родине — всегда разведчик. Наносящий ей ущерб — шпион». Уверен, что братскому Азербайджану Рихард Зорге ущерба никогда не наносил.

Но как же Рихард Зорге «попал» в Баку? История проста и

документально подтверждена. Его отец, немецкий инженер Герман (наберитесь терпения) Адольф Рихард Курт Зорге, работал здесь в селении Сабунчи с 1885 года обычным техником на нефтяных промыслах у того самого и выдумавшего знаменитую ныне премию промышленника Нобеля. Потом, поднакопив деньжат, сделался владельцем чугунолитейного и механического завода. Но летом 1892 года добралась до Сабунчи эпидемия холеры, и жена немца умерла. И он, вдовец с несколькими детьми, женился на молодой прислуге — 22-летней сироте, дочери рабочего-железнодорожника Нине Кобелевой.

Брак, как ни странно, сложился удачно. Нина искренне полюбила солидного немецкого инженера, жили они в счастье и достатке. 4 октября 1895 года в поселке Сабунчи Бакинского уезда Нина Кобелева-Зорге родила сына, названного Рихардом.

Его отец совсем не интересовался политикой. Странно, ведь в жилах Германа Адольфа... текла и кровь Фридриха Зорге, одного из основателей и секретаря I Интернационала, друга и помощника Карла Маркса, а также Фридриха Энгельса. Сын Рихард приходился Фридриху Зорге внучатым племянником. Соратник Маркса скончался в Америке. Вышла его обширная переписка с основателями марксизма. Только вот отец Рихарда детям своим завещал держаться подальше от всяких революций и пахнувшей кровью политики. В Баку семья жила в мире со всеми, ни в какие конфликты не ввязывалась.

Этот бакинский период продлился недолго. Через три года все многочисленные отпрыски Зорге во главе с отцом отправились в Берлин, где в западном пригороде на Манизерштрассе и прошло детство Рихарда или Ики, как его нежно называли вся родня и знакомые. Так что еще раз: младенец никакого вреда бакинцам нанести был просто физически не в состоянии. Несколько детских лет в Азербайджане — единственная безмятежная пора в его суровой, щедрой на испытания жизни.

Иногда вдруг всплывали какие-то «бакинские» подробности. То мой приятель, давно покинувший Азербайджан, рассказывал, будто его бабушка жила «ну, совсем рядом, прямо по соседству с семейством Зорге». И эта мудрая старая армянская женщина-бакинка каким-то образом поддерживала связи с уехавшими в Германию. И даже еще до Второй мировой знала, кем стал росший на ее глазах до трех годков Рихард. Но вот это — уж вряд ли. Если бакинская бабушка поддерживала связи с близкими Зорге, то вряд ли ей сообщали из столицы Рейха о судьбе коммуниста Рихарда, сначала арестованного в Германии, а потом вдруг как в воду канувшего.

Или выискивались в столице Азербайджана знатоки, утверждавшие, что некоторые другие родственники Рихарда Зорге тоже работали на советскую разведку. Обучались «на нелегалов» в СССР, а еще конкретнее — в том же Баку. Никаких документальных подтверждений этому нет.

По-моему, домыслы о родственниках — чекистах родились потому, что в окружении будущего Героя было немало тех, кто впоследствии отдал уже в Германии дань увлечения (или, как Рихард, — жизнь) марксизмом. Так что все это — мифы, без которых не обойтись ни одной видной личности.

Но бакинские легенды, как и памятник в парке, мне, честно говоря, нравятся. Они делают разведчика ближе, роднее. Это ж здорово, когда людям из разных точек бывшей огромной страны хочется верить: он и наш Герой тоже.

Хотя Рихард Зорге начинал в армии немецкой. В Первую мировую пошел на фронт добровольцем. Быстро понял, что к чему и кому нужны такие войны. После третьего тяжелого ранения врачам пришлось его оперировать. Левая нога стала короче, Зорге слегка прихрамывал, но ничуть этого не стеснялся. Своеобразная походка даже придавала ему определенный шарм.

Как тут не вспомнить еще одного Героя — только России — атомного разведчика Александра Феклисова. В молодости, спасая людей, он отморозил ухо. Но настолько не обращал внимания на недуг, что и все его соратники, агенты, иностранные оппоненты невольно свыклись с этим, поняли, что глухой на одно ухо полковник прекрасно слышит мир. Вот и легкое прихрамывание Зорге вызывало у женщин некое восхищение — навстречу им идет рыцарь, герой.

Рыцарь — не рыцарь, но в Германии он участвовал в восстаниях и боях, которые, как надеялись и немецкие рабочие, и российские их вдохновители, закончатся такой же революцией, что произошла в 1917-м в России. Не получилось. Тюрьма, подполье, знакомство и работа с вождем немецкого пролетариата Эрнстом Тельманом. И здесь, подметив в Зорге нечто выделяющее его из толпы митингующих, ему поручают ответственный пост: он отвечает за безопасность представителей высшего советского и партийного руководства, приезжающих в Германию. Охрана ведется если и не совсем профессионально, то с большим старанием.

Тут к Зорге начинают приглядываться советские чекисты. Такой приятный, старательный парень очень пригодился бы Коминтерну и в Москве. В ней Рихард обосновывается в 1924-м, получив советское гражданство.

В столице мирового социализма он пишет великолепные статьи — почти все под своей фамилией — в коммунистической прессе и работает в отделе информации Коминтерна. Странно, что коммуниста и публициста никак не прикрывали, печатался хотя бы под псевдонимом. Ведь из инфоотдела до разведки всего лишь пара шагов. Зорге делает их не по приказу. Он уверен, что именно работая за кордоном, сможет принести наибольшую пользу мировой революции.

Откровенно говоря, мне так до конца и непонятно, как удалось Зорге больше десяти лет избегать всяческих подозрений со стороны суровых фашистских спецслужб. Хорошо, действительно работал вдали от Третьего Рейха. Но как не попал в сети контрразведки, бдительного раскручивавшей жернова проверок, еще когда жил в Веймарской Германии? Ведь были и арест в 1920-м, и членство в германской компартии. А десятки брошюр и статей исключительно антифашистского, даже скорее сугубо коммунистического толка. Они издавались под настоящей фамилией журналиста и в Германии, и в Советском Союзе. Допустим, Киму Филби и другим членам так называемой «Кембриджской пятерки» юношескую левизну простили благодаря благородному происхождению и родительским генам. А как не попал в картотеку сверхподозрительного гестапо Зорге? Правда, можно вспомнить эпизод с намечавшимся назначением любимца немецкой колонии в Токио в партайгеноссе — вот до какой степени ему доверяли. Тогда московский Центр и сказал свое веское слово: опасно! Из Токио просто обязаны были запросить подтверждение о благонадежности кандидата на пост руководителя организации НСДАП, объединявшей всех наци, живущих в Японии. И Зорге под благовидным предлогом отказался.

Нахожу этому лишь одно объяснение. Обаяние личности Рихарда Зорге было таково, что в головы (и умные тоже) людей, с ним общавшихся, никакое подозрение проникнуть никак не могло. Им хотелось верить в этого человека. И верили.

А еще удача. Теперь бы сказали: Зорге был фартовым. И это — тоже правда. Но даже фарт имеет обыкновение заканчиваться.

Шанхайские университеты

Да, советский разведчик Рихард Зорге прославился в основном фантастически успешной работой в Токио. Однако не следует забывать, что еще до длительного японского периода Зорге отработал несколько лет в Китае.

Легенда, как говорят профессионалы, приезда в Китай немецкого, а на самом деле уже советского, гражданина Рихарда Зорге проста. Сравнительно молодой человек отправился в огромную страну для изучения банковского дела и написания статей для трех иностранных изданий.

Кто придумал эту легенду? Парадоксально, но не высокое начальство из Разведывательного управления Красной армии, а сам начинающий разведчик. Да, настоящим разведчиком Зорге было назвать трудно, хотя его официально приняли на работу в Разведупр. Короткие собеседования, прощупывание на тему того, где, на каком участке немец мог бы быть полезнее и эффективнее. Приступили к учебе, которой суждено было вскоре завершиться.

Выяснилось, что сейчас не до нее. Горячая ситуация создалась в Китае, кого-то надо было туда срочно отправлять. И послали Зорге. Решение случайное, но именно случайно оказавшееся как раз верным. Рихард потом признавался, что ему не по душе чопорная, до боли знакомая Европа. Больше притягивало новое, неизвестное, восточное, азиатское. Вот где могли пригодиться его работоспособность и темперамент. К тому же в Советском Союзе возлагали немалые надежды на Китай — там могла развернуться настоящая революция.

Китай стал его сознательным выбором. Потому он без колебаний принимает предложение руководителя Разведупра Берзина отправиться в Шанхай.

И как можно скорее. Всего ничего прошло с момента принятия решения работать на советскую разведку, а уже 10 января 1930 года японское судно с Зорге на борту бросает якорь в шанхайском порту.

За два с половиной месяца до отъезда энергичный немец сумел обогатить собственную легенду убедительными деталями. Еще в давние времена во Франкфурте Рихард познакомился с главным редактором «Дойче Гертрайдэ Цайтунг». Газета имела скорее сельскохозяйственное направление, чем какое-то политическое. Зато выходила ежедневно. Ее

главный редактор сумел найти небольшие деньги на отправку в Китай собственного корреспондента. На только эти средства было не протянуть. И чтобы придать легенде еще большую правдивость и оправдать получаемые из московского Центра деньги на ведение разведывательной работы, Рихард быстро ухитрился заключить в том же Франкфурте договор с германо-китайским обществом на проведение научного исследования. Тема — «Происхождение и развитие банковского права в Китае».

Успел Зорге даже не съездить, а, извините, смотаться в США. Там он договорился, что будет регулярно посылать материалы для двух американских газет. И псевдоним (вовсе не оперативный) прекрасно знающий английский и отлично на этом языке писавший Рихард придумал соответствующий — Алекс Джонсон.

Он приехал в Китай под собственным именем и со своими подлинными документами немецкого гражданина. На его визитной карточке того периода, щедро раздаваемой и охотно из рук симпатичного немца принимаемой, выведено: «Доктор Рихард Зорге, почтовый ящик 1062, Шанхай».

Чем же занимался Рихард в Китае? Вместе с Берзином они определили список наиболее важных задач. Первая — определить и дать характеристику социальной, а также внешней и внутренней политической деятельности нанкинского правительства и отдельных его фракций. Далее выявить военный потенциал чанкайшистов. Получить сведения об оснащении армии — не только сил Чан Кайши, но и многочисленных военных клик, то появлявшихся, то исчезающих на внутривластной арене Китая. Понять, какую стратегию избрали для себя в этом регионе США и Англия. Определить, на что способны иностранные державы в этой стране и какова их мощь.

Считается, что если 70 процентов из намеченного разведчику удастся, то его миссия выполнена успешно. Справился со сложнейшими задачами и Зорге. За два года в Центр было передано около шести сотен донесений. О их важности свидетельствует другая красноречивая цифра. 250 из них легли на стол товарища Сталина.

Наиболее ценный документ из всего присланного, конечно, копия Антикоминтерновского пакта. Она попала в Москву еще раньше, чем ее получил в Италии сам участник фашистской оси Бенито Муссолини.

И это, несмотря на то, что почти сразу же, как и каждый иностранец, Рихард попал под колпак спецслужб. Вот свидетельство из архива полиции Шанхая: «С июля 1931-го по январь 1932-го Зорге находился под наблюдением полиции. Проверяли его абонементный ящик 1062. Следили

за квартирой. Было установлено: из дома выходит редко. Свободное время проводит, играя в шахматы со знакомыми».

Надо заметить, что Рихард явно перехитрил службу наружного наблюдения (наружку. — *Н. ДД* «Из дома выходит редко»... А Зорге изъездил весь Китай, преодолев 10 тысяч километров по трудным его дорогам. «Время проводит, играя в шахматы»... Но именно в Китае он как следует сработался с радистом Максом Клаузенем и его русской женой Анной, прибывшими в Шанхай в декабре 1929 года.

Как быстро все произошло! В 1928-м коммунист Клаузен приезжает в Москву. Сбывается его давнишняя мечта: он будет работать и жить в стране, строящей социализм. Но у разведки были на Макса свои виды. Ему предложили пойти на курсы радистов, которые он, проявив завидные способности, закончил через год. И сразу командировка в Шанхай, где легко сходящийся с людьми улыбчивый немец занялся коммерцией.

Случайно познакомился с женщиной, жившей по соседству. Ее звали Анной. Красивая и спокойная русская после некоторых настойчивых предложений, нет, еще не руки и сердца, а всего лишь поменяться снимаемыми комнатами, согласилась с чудачком немцем. Тот почему-то хотел жить только на неудобном чердаке, а ей отдавал свою гораздо более удобную квартирку этажом ниже. Тогда Анна еще не знала, что на чердаке радиостанция ее будущего мужа работает почти безукоризненно, а этажом ниже много помех. Знакомство переросло в дружбу, а дружба завершилась замужеством. Согласие на брак дали Клаузену — помимо невесты — сначала резидент Зорге, а потом и Центр.

Долго скрывать от Анны, кем на самом деле он является, «коммерсанту» Максусу не удалось. Обстоятельства не позволяли продолжать игру в молчанку с собственной женой. Правда, сначала объяснения мужа в том, что он специалист по радиосвязи, успокоили Анну. Но почему такие частые отлучки? Зачем перевозить — и тайно — рацию с места на место? В конце концов Клаузен был вынужден признаться. Жена поняла и приняла.

И уже скоро, переезжая через границу, хладнокровно выдержала одно из первых испытаний. Таможенник увидел здоровенный ящик с рацией. Но открывать его было так долго и муторно, что он попытался взять молодую женщину на испуг. Потребовал, чтобы та под клятвой призналась, что в деревянном коробе. И Анна без сомнений выдала: «Посуда. Только тщательно упакованная посуда. Будете открывать? Если перебьете, придется вам и расплатиться». Рация благополучно пересекла границу, а Центр больше не сомневался: приобретен хладнокровный и надежный

помощник. Кстати, подобной выдержки, демонстрируемой в тяжелейшие моменты, не всегда хватало Максy.

Вернувшегося после Шанхая в СССР Клаузена почему-то послали в степной городок в Саратовской области. Странно. То ли трудовое воспитание-перевоспитание, то ли недоверие. Анна осталась в Москве, а Макс научился управлять трактором, а для хобби и поддержания профессиональной формы открыл для местных и школу радистов-любителей. Его отметили грамотой, портрет ударника труда — немца повесили на Доске почета.

Тут в Центр и пришла телеграмма из Токио, где уже работал резидент Рамзай. Зорге признавался, есть тому и документальные подтверждения, что был готов остаться в Китае хоть на всю жизнь, так ему в огромной стране нравилось. Но политическая обстановка изменилась. Глобальные угрозы исходили уже из Японии, куда и должен был отправиться резидент. Еще в Шанхае он увлекся изучением японской культуры, политики, да всего, что имело хоть малейшее отношение к загадочной державе, в которой любой разведке в ту пору работать было чрезвычайно сложно, однако необходимо.

Зорге просил прислать ему в Токио в качестве радиста только Клаузена, с которым он так слаженно работал в Шанхае. И резиденту Рамзаю (это оперативное имя придумал для Рихарда сам начальник военной разведки Берзин) не отказали. Судьба Макса снова дала крутой поворот. Одного из лучших радистов советской разведки, выше его ставили только Вильяма Фишера (будущего полковника Рудольфа Абеля), ждала большая работа. Интересно было бы узнать: пересекались ли в Шанхае, да и вообще в Китае, пути Макса Клаузена и другого мастера этой профессии — настоящего Рудольфа Иоганновича (Ивановича) Абеля, тоже работавшего в те годы в этой же части огромной страны? Правда, под крышей консульства. Последнее обстоятельство делает пересечение едва ли возможным, ибо легальная разведка старалась никак не соприкоснуться с нелегальной, чтобы, не дай бог, не подвести, не поставить нелегалов под угрозу.

Содружество Зорге с Клаузеном переросло в дружбу и полное взаимопонимание, которое так помогло им через несколько лет в Японии, куда Макс Клаузен прибыл специально для работы с группой Рамзая. Анна присоединилась к мужу позднее, когда Макс сумел легализоваться в закрытой для иностранцев стране. Анну все принимали за немку. В немецком клубе она устраивала благотворительные вечера и организовывала всяческие праздники, а дома помогала мужу. Когда тот

работал на радию, выходила гулять с собакой. Появлялся рядом кто-то посторонний, и Анна возвращалась домой, предупреждая мужа.

Иногда Анне Клаузен приходилось уезжать в опасные командировки. Возила неведомые ей документы, отснятые на пленках, в Шанхай. Держалась естественно, уверенно и ни разу не вызвала подозрений у таможенников и пограничников.

Да и свой основной источник — японского журналиста Ходзуми Одзаки — Зорге приобрел еще в 1930 году в Китае, где Одзаки с июня 1928 года трудился в Шанхае собственным корреспондентом «Осака Асахи». Случайность? Ничего подобного. Разведчик моментально выделил молодого японца из множества аккредитованных в Китае коллег. Тот не отличался задиристостью, не предсказывал, как некоторые его соотечественники, что Япония вместе с Германией станет владычицей мира. Наоборот, осторожно намекал: милитаристские настроения, ставка на экспансию способны погубить Японию. Одзаки очень помог Зорге еще в самом начале их знакомства. Это о нем Зорге писал: «Он был моим первым и наиболее ценным помощником. Одзаки добывал самую полную и интересную информацию, которая когда-либо поступала ко мне из японских источников. Сразу же я близко подружился с ним».

Они поняли друг друга. И это понимание переросло в тесное сотрудничество между немцем и японцем во благо Страны Советов. Именно Одзаки предупредил Зорге: продажные китайские генералы договорились отдать Маньчжурию японцам. На это предупреждение в Москве среагировали мгновенно.

Забегая вперед заметим, что в Японии Зорге постарался побыстрее отыскать Одзаки. Это удалось сделать через связника — югославского журналиста Бранко Вукелича. Тот представлял в Токио несколько французских изданий и, заглянув весной 1934 года в редакцию «Осака Асахи», не вызвал никаких подозрений.

Одзаки искренне удивился, узнав, что Зорге в Токио. Вернувшись домой из Китая, он был уверен: его друг Рихард по-прежнему в Шанхае. Вскоре они встретились в тенистом парке маленького городка. Зорге не пришлось уговаривать Ходзуми. Их ждала совместная работа.

А в Шанхае, конечно, далеко не все складывалось так, как хотелось. Тут можно сетовать на то, что, отправляясь в Китай, Зорге не прошел практически никакой специальной подготовки. Разведчик учился на ходу.

Активно занимался вербовкой. Правда, совсем не уверен, подходит ли это слово для объяснений действий Зорге. Он скорее старался приобретать не агентов, а друзей, способных помочь ему и Советскому Союзу. Метод

убеждения был наиболее предпочтителен для Рамзая. Возможно, именно отношения полного взаимопонимания и дружбы между резидентом и его помощниками так долго спасали от провала.

Ну, как, например, можно было подкупить американскую журналистку Агнес Смедли, автора всемирно знаменитых бестселлеров. Рамзай привлек ее идеями, которые та разделяла. И в ответ Смедли, обладавшая огромным количеством самых разнообразных связей, знакомила его с людьми, определявшими политику в важнейшем регионе Азии. И, внимание, именно Агнес свела Зорге с Одзаки. Но можно ли называть писательницу разведчицей? Возможно, хотя и с натяжкой. А вот другом Зорге — точно. Смедли оказывала ряд услуг советской разведке и после окончания Второй мировой войны.

Другая сотрудница резидентуры Рамзая — Рут Кучински-Вернер вошла в историю разведки под псевдонимом «Соня». С ней Зорге тоже познакомился в Шанхае, где и началось ее многолетнее сотрудничество с советскими спецслужбами. В годы войны помогала знаменитому резиденту «Дора», он же — Шандор Радо, добывать и переправлять ценнейшую информацию из Швейцарии в Москву. В послевоенные годы занималась атомной разведкой. «Соня» мирно умерла уже в XXI веке в Лондоне, так и не раскрыв всех своих секретов.

Зорге фактически ни разу не дал повода для подозрений и благополучно уехал из Китая. Забегая далеко вперед напишу, что в обвинительном заключении Зорге, подготовленном японской политической полицией после его ареста в Токио, фигурировали лишь несколько человек, работавших с ним в Шанхае. Причем вина их не была никак доказана, никем и никогда не определена.

Под предпоследним 19-м номером в обвинительном заключении упоминается одной строкой «Пауль» — Римм Карл, в 1930 году заместитель и военный консультант Р. Зорге в Китае. Расшифруем то, о чем не знали японцы. Речь о кадровом сотруднике военной разведки, полковнике Карле Мартыновиче Римме. Эстонец по национальности, он был помощником Зорге. После отъезда Рихарда на родину для последующей командировки в Японию работал в Китае еще с несколькими резидентами. Вернувшись в СССР, возглавил отделение 2-го Восточного отдела военной разведки. Судьба, как и со многими разведчиками тех лет, обошлась с ним жестоко. В декабре 1937 года Карл Римм был расстрелян. Реабилитирован в 1957-м. А в 1965-м награжден орденом Красной Звезды «за образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом мужество, смелость и отвагу».

А последний 20-й номер в обвинительном заключении, где приводится полный состав группы Рамзая, — Агнес Смедли. О ее роли японцы могли только догадываться.

Все же они добрались до некоторых своих соотечественников, связь с которыми Зорге установил еще в Китае. Так, журналист Кавамура Иосио был арестован, как и многие члены группы «Рамзая», в 1941 году. Затем осужден и в 1942-м скончался, как пишется в «Трофейных японских документах, касающихся деятельности Рихарда Зорге и его группы», от последствий тюремного заключения.

Работа в Шанхае послужила отличной подготовкой для еще более тяжелого и результативного пребывания в Японии.

В 1930-х эта страна осуществила агрессию против Китая. Оккупировала часть его территории. Создалась серьезная угроза и советскому Дальнему Востоку. Зорге предвидел развитие событий в таком направлении, сообщая в Москву о все нарастающей угрозе со стороны японцев.

Еще в 1932 году в Китае Зорге сделал безошибочный прогноз о попытках США усилить свое влияние в мире и особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «В будущем США займут место Великобритании, как господствующая держава на Тихом океане», — радировал он в Центр из Шанхая. Вот уж действительно точнейший дар предвидения.

Был еще момент работы Рихарда Зорге в Шанхае, на который обращаю внимание. Он сумел постоянно получать отчеты немецких военных советников, оценивавших состояние противоборствовавших в Китае внутренних и иностранных вооруженных сил. Умение добыть и проанализировать такие отчеты немецкого руководства стало отличительной чертой его деятельности и в Токио.

С 15 февраля 1932 года и по октябрь 1941-го Рихард Зорге был резидентом советской военной разведки в Японии. И рядом с ним трудились преданные, проверенные помощники — журналисты Ходзуми Одзак и Бранко Вукелич, радист Макс Клаузен с женой Анной.

Порой Зорге изображается человеком, выкованным из железа. Никаких личных забот, душевных переживаний. Как непохоже на правду. А больше всего он мечтал увидеть свою жену Катю. Да, в его жизни было немало женщин, но любовь всегда оставалась только одна. Понимал, что разлука с женой — навсегда. Но вопреки всему верил, что они еще встретятся. Писал ей: «Надеюсь, что наступит время, когда это станет возможно». Самообман? Самовнушение? Похоже. Но только так можно было заглушить тоску по любимой женщине.

Он грустил о матери. Скучал по сестре. Разойдясь во взглядах с братом Германом, задумывался и о его судьбе. Что будет, если в Японии его, Рихарда, арестуют? Зорге осознавал, что тогда родственники в Германии обречены. А вот жесткую травлю в СССР жены Кати, ее арест и трагическую гибель он при всей своей прозорливости вряд ли предвидел.

От себя с горечью добавлю, что испытания, выпавшие на долю Екатерины Максимовой, ни с чем не сравнимы. Величайшая несправедливость — погибнуть, по существу, быть замученной своими же. Не удалось отыскать ни единого свидетельства того, что Зорге каким-то образом узнал о трагедии Кати. Они так и ушли из этого жестокого мира, веря друг в друга.

Сама мысль о ждущей его любимой женщине придавала сил Зорге. А они ему были нужны. Именно в Японии Рамзай понял, что способен не только получать ценнейшую информацию, но и оказывать влияние на развитие некоторых важных политических событий.

Спас Москву и СССР

Говоря о Зорге, мы все теперь с неоспоримым единодушием отдаем должное двум великим подвигам, им совершенным. А вот о третьем, на мой взгляд, не менее важном, почему-то не вспоминаем. Давайте же попробуем разобраться в том, чего добился Рамзай в Японии.

Подвиг № 1. Назвал точную дату войны

Начнем с очевидного, проторенного и пройденного. Именно Зорге в радиосообщении, переданном радистом Максом Клаузенем, уведомил Центр о безукоризненно точной дате начала войны. Однако в Москве его информацию восприняли скептически.

А первая радиограмма о неизбежной войне с Германией пришла из Токио еще 18 ноября 1940 года. Зорге тогда удалось узнать от специального посланника Гитлера, заехавшего с инспекцией в Токио, что все приготовления к вторжению в Британию — фикция. Германия не собирается воевать на два фронта. Фюрер решил бросить основные силы на уничтожение России.

Прошло немногим больше месяца, и Зорге передает конкретное уточнение: «На германо-советской границе сосредоточено 80 немецких дивизий. Гитлер собирается оккупировать территорию Советского Союза по линии Харьков — Москва — Ленинград». А все дивизии, которые демонстрируют, всего лишь демонстрируют, намерения вторгнуться в Британию, не достигают даже полной численности. Часть солдат и техники уже переброшена на Восток.

Хотя Сталин постоянно читал донесения Зорге, разведчика он недолюбливал. То, что сообщал Рамзай, никак не вязалось с его собственными представлениями о возможном развитии событий. Иосиф Виссарионович был уверен, что заключивший Пакт о ненападении Гитлер не решится перечить ему, вождю народов Сталину и не нападет на СССР. Глубочайший стратегический просчет, вызванный самоуверенностью, явной недооценкой силы противника. Подумаешь, какой-то резидентиска раз за разом передает телеграммы, от которых трясет всю разведку. Что значили они по сравнению с его гениальными предначертаниями.

Но Зорге был абсолютно уверен в надежности своих источников информации. Среди них — посол Германии в Японии Ойгер Отт, военный и морской атташе посольства и постоянно наезжавшие из Берлина в Токио

высокопоставленные гитлеровские эмиссары. Среди них и нанесший визит в Токио фельдмаршал фон Бок. Именно тот самый, что после нападения Германии на СССР командовал на Восточном фронте группой армий «Центр». За рюмкой он много чего нарасказал миляге-журналисту. Можно сказать, что сотрудники посольства Третьего Рейха в Токио как могли помогали советской разведке, сообщая все, что только могло заинтересовать Зорге.

Конечно, немцы, как требовали того законы разведки, постоянно блефовали: то подбрасывали через своих военных сведения о различных датах начала военных действий, то вообще отрицали любые намерения Гитлера напасть на СССР. Рихард учитывал это и всегда проверял достоверность информации через другие источники: в друзьях у него были англичане, китайцы, американцы...

Да, время шло, в процессе подготовки к вторжению планы Гитлера менялись. Зорге, не поддаваясь на дезинформацию, отсекая все подброшенное, неправдоподобное, следя из Японии за каждым сделанным в Рейхе шагом, держал Москву в курсе событий. Чтобы оценить добросовестность Зорге в оценке и проверке поступавшей информации, достаточно проследить за последовательностью его действий.

Так, в марте 1941 года после душевной беседы с новым атташе ВМС Германии Зорге дает Москве знать: фашисты могут начать войну сразу же после победы над Англией.

Но уже 11 апреля — новый сигнал о том, что немецкий Генеральный штаб, не дожидаясь завершения английской кампании, закончил подготовку к нападению на СССР. И в этом же месяце — подтверждение, с описанием действий близких к Гитлеру генералов.

Вскоре Зорге навел посла Отта на мысль осведомиться у Риббентропа о стратегических планах Германии — в интересах проведения более решительной политической линии в переговорах с Японией. Ответ был конкретен — война с СССР начнется в мае.

Затем, когда обстановка около действительно туманного Альбиона изменилась, посол Отт в конфиденциальной беседе информировал верного помощника и фактически своего пресс-атташе, такова уже официальная степень доверия к Зорге, что «германские войска могут перейти советскую границу в конце этого месяца — мая». Впрочем, следует оговорка, которую обвиняющие Рамзая в дезинформации, сознательно опускают: в том же донесении подчеркивалось, что есть вероятность переноса срока нападения на будущий год. И эти «временные допуски», подчеркивает Зорге, исходят не от его посольского окружения, а от тех, кто вершит дела в столице

Рейха.

Так, он передает в Москву, что план нападения на СССР генерала Маркса, всего лишь однофамильца великого Карла, отвергнут Гитлером после тщательного и всестороннего изучения. Зорге даже сообщает, что после этого решения в окружении фюрера шутили: «Маркс — и на Москву? Только этого нам не хватало».

Зорге знал обо всех фашистских планах, мало-мальски связанных с Россией. Это как раз и делает честь разведчику. Он постоянно в курсе меняющихся событий, отслеживает все нюансы чужих — вражеских — намерений.

19 мая 1941 года Зорге посылает тревожнейшую информацию о девяти армиях, сосредоточенных на польской границе. Данные получены в конфиденциальной беседе со специальным посланником из Берлина Нидермайером.

30 мая 1941 года еще одна радиограмма. В ней прямая ссылка на Отта, утверждавшего, что война с Советским Союзом начнется во второй декаде июня. И в те несколько дней между этим сроком и началом войны на Зорге из Москвы сыплются упреки в паникерстве. На одной из его радиограмм Сталиным начертана резолюция: «В перечень сомнительных и дезинформационных сообщений Рамзая». На другое предупреждение о скором начале войны в Токио приходит ответ из Москвы, в котором прямо указывается, что Центр считает возможность нападения Германии на СССР маловероятной.

Но Зорге не боится гнуть свое, то, в чем абсолютно уверен. Рихард не из конъюнктурщиков, убажующих и убаюкивающих Сталина, боящихся ему перечить.

Ко многим информационным сообщениям Зорге дает и собственный комментарий, но какой: посол в стране оси Берлин-Рим-Токио уверен в точности своего прогноза на 95 процентов. При этом ссылается на Риббентропа, который заверяет Отта, что нападение на СССР — вопрос решенный. В разведке, да и не только, такая ссылка на высокопоставленный подысточник обозначает огромную вероятность основного сообщения.

Затем через день в подтверждение переданного приводится разговор с приятелем, военным атташе посольства Германии в Японии Шоллом: «Следует ожидать со стороны немцев фланговых и обходных маневров и стремления окружать и изолировать отдельные группы. Война начнется 22 июня 1941-го». Рамзай также приводит слова Шолла о том, что военные действия могут развернуться и двумя днями позже. Сначала вторжение, а

затем — объявление войны. Наступление будет вестись по всему фронту, главные направления — Москва и Ленинград.

Вносит свою важнейшую лепту в отправляемую в Москву информацию и помощник японского премьера Одзаки. Посол Японии в Германии был вызван к Гитлеру. Фюрер уведомил его: мы нападём на Россию 22 июня без объявления войны. Чтобы сообщить об этом Зорге как можно быстрее, осторожный советник принца Коноэ нарушает все правила конспирации. Всю ночь он простаивает около дома Зорге, ожидая Рихарда. Полиция не могла не заметить странного поведения высокопоставленного сановника Одзаки.

И Зорге понимает, что его группа на грани провала. Под любыми предложениями надо бежать из страны. Но разве можно подвести родину? Кто сообщит ей важнейшую информацию, если не его, Рамзай, люди?

И 15 июня 1941 года радист Макс Клаузен направляет в Москву еще одно грозное предупреждение: «Повторяю: 9 армий совершат нападение на советскую границу 22 июня! Рамзай».

Порой радиogramмы настолько длинны, что Клаузен передает их частями. Это — огромный риск: все равно засечь радиопередатчик при столь длительной работе не составляло труда. Почти восемь лет регулярно посылал он радиogramмы в Центр. Потом Клаузен подсчитал — в среднем отправлялось по два сообщения в день. А накануне 22 июня 1941 года группа «Рамзай», не считаясь с угрозой быть запеленгованной, идет ва-банк.

20 июня Зорге, прямо указав источник — посол Германии Отт, даже позволил себе в радиogramме излишнюю эмоциональность: «Через два дня начнется война между СССР и Германией. Она неизбежна». Как правило, такие выводы Центр никогда не приветствовал. Долг разведчика добывать информацию и сообщать со ссылкой на источник. А выводы — за московским начальством.

Сразу после нападения Германии Рамзай передает в Москву: «Выражаем наши наилучшие пожелания на трудные времена. Мы все здесь будем упорно выполнять нашу работу».

В этих сообщениях — все абсолютно точно. Кроме одного. Резидент больше не имел права подписываться собственным многолетним оперативным псевдонимом Рамзай. Центр, крайне недовольный работой Зорге, в виде своеобразного наказания сменил любимившееся Рихарду имя на безликое «Инсон». Ведь не зря Сталин продемонстрировал недоверие Зорге и его группе в присутствии начальника Разведуправления Красной армии генерала Голикова, решившегося потревожить спокойствие вождя и

наших границ щемящим душу докладом.

После упреков Сталина все сошки рангом поменьше решительно заклеямили Зорге если не предателем, то двойным агентом. Еще до этого финансирование токийской резидентуры сократили до минимума, чуть ли не в два раза. После этого все члены группы жили в основном на деньги Рихарда, зарабатываемые журналистикой, и его радиста Клаузена — удачливого коммерсанта. Зорге и не думал жаловаться на трудности. В Центр полетела радиограмма от группы «Рамзая» с просьбой переводить значительную часть их зарплаты в Фонд борьбы с фашизмом.

По некоторым сведениям, содержание группы «Рамзая» обошлось Центру в смехотворные для такого размаха деятельности 40 тысяч долларов. Абсолютное ничто по сравнению с переданной бесценной информацией.

Радиограммы Зорге в отличие от многих других разведывательных донесений не канули в вечность, не были уничтожены, сожжены. Они аккуратно хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории. На некоторых из них — резолюции Сталина, подлинность которых почему-то оспаривают его последователи и сторонники. Но они, сделанные синим карандашом, есть, существуют, хотя действительно шокируют отталкивающей грубостью: «Не послать ли ваш источник к.....матери!»

Оценивая работы группы Зорге, можно смело сказать, что самыми точными, аргументированными, подтверждающими предыдущую информацию были именно донесения Рамзая из Токио. В группе Рамзая было 35 человек. Среди них четверо приехавших в Японию иностранцев. Остальные — бизнесмены, государственные служащие, военные, ученые, журналисты. А работали на них втемную или по идеологическим убеждениям 160 источников. Самая важная птица, ни о чем и близко не подозревавший принц и премьер Коноэ.

Конечно, не только Разведу пр предупредил Сталина о войне. Нарком государственной безопасности Меркулов все же решил положить на стол Иосифу Виссарионовичу сведенные вместе сводки множества донесений закордонных разведчиков, в которых те криком кричали о скором нападении Гитлера. Уломала Меркулова совершить этот смелый, если не рискованный шаг разведчица Зоя Рыбкина, она же будущая детская писательница Воскресенская. Поняв, что нарком не решается ознакомить Сталина с донесениями, которым вождь не хотел верить, Зоя Ивановна использовала последний, убедивший Меркулова аргумент.

А что будет, спросила она, если война все-таки начнется в третьей

декаде июня? С кого спросят? Именно этот, слегка шкурный довод, а не только забота о судьбе родины, заставил наркома собраться с силами и решиться на поход к вождю.

Увы, и этот шаг оказался бесполезным. После доклада нового молодого начальника внешней разведки Фитина, в котором была названа точная дата нападения на СССР, полученная из разных надежных источников, в кабинете Сталина повисло гробовое молчание. На календаре 17 июня 1941 года, а лишь три дня назад ТАСС выпустил свое ныне знаменитое: «Германия так же неукоснительно соблюдает условия советско-германского договора о ненападении».

Строгим недовольным голосом Иосиф Виссарионович спросил: что это такое? Впоследствии Фитин так описывал последовавшее объяснение: «Не без большого внутреннего волнения я сказал, что материалы надежные, получены от надежных источников и что информация их, которую получали ранее, подтверждается».

Иосиф Виссарионович подошел к своему рабочему столу, закурил трубку, повернулся лицом к руководителям разведки: «Никому из немцев, кроме Вильгельма Пика (один из организаторов компартии Германии и будущий руководитель Германской Демократической Республики. — *Н. ДД* верить нельзя. Но если вы считаете надежным — перепроверьте».

Начались перепроверки, отправление запросов о подтверждении. В одном из совсем закрытых музеев я видел несколько похожих сообщений, пришедших в те же дни из Финляндии, Италии, Польши: нападение — 22 июня. Одна дама-разведчица (вы прочитаете о ней в этой книге. — *Н. Д.*) приводила из сопредельной с нами страны детальные и вскоре, увы, подтвердившиеся подробности первой фашистской атаки. Наш единственный агент в гестапо Вилли Леман — оперативный псевдоним Брайтенбах — сообщил о нападении за два дня и указал время до минуты — точнее некуда.

Вспомнил ли вождь о предупреждениях Зорге и других, когда в 3 часа 15 минут 22 июня Георгий Жуков позвонил ему на ближнюю дачу в Кунцево и сообщил: немцы бомбят советские города? Вряд ли. Рвать волосы было поздно. За первые несколько месяцев войны страна потеряла убитыми, ранеными и пленными около трех миллионов солдат и офицеров. Не призывников, а кадрового ядра армии.

Сталин искренне, и в это никак не хотят поверить исследователи, полагал, что если он уже назначил главным врагом СССР проклятого британца Уинстона Черчилля, то так и должно быть. Подвел культ собственной личности. Слишком привык вождь, что его слово —

последнее, решающее. Болезненное самомнение не позволяло представить, что Гитлер, «усмиренный» лично им, Сталиным, посмеет наплевать на заключенный Пакт о ненападении. 9 мая 1941 года в Москве были закрыты дипломатические представительства всех стран, оккупированных к тому времени фашистами. В этом же месяце Сталин выступил на Политбюро: «Вам надо понять, что Германия никогда не пойдет одна воевать». И еще пригрозил: «Если вы будете на границе дразнить немцев и войска двигать без нашего разрешения — тогда головы полетят». Соратники, хорошо зная Иосифа Виссарионовича, не сомневались — точно полетят.

Какие сообщения разведки, которой вождь не доверял. Он терпеть не мог собственных дипломатов и торгпредов, живущих «там», а уж на разведчиков всегда смотрел с большим подозрением. Они же общались с иностранцами без всякого контроля. Потому Иосиф Виссарионович и позволил наркомам Ягоде, Ежову, а потом и Берии истребить больше половины закордонной разведки. И если бы Зорге, как предлагало его начальство в кровавые 1937–1938 годы, вернулся в СССР, ему, скорее всего, было бы суждено разделить трагические судьбы десятков коллег по профессии. Когда Зорге под благовидным, вполне объективным предлогом отклонил приказание приехать в Москву, и возник так называемый вопрос о доверии к Рамзаю. Горячие головы были готовы разобраться с этим в Москве: на месте им, ни черта не сведущим в разведке, будет виднее. Но Рихард не вернулся, тихо игнорируя приказы. Чем вызывал прямое отторжение. Примером отношения к нему Центра накануне войны может служить телеграмма за подписью «Директор» (читай военной разведки): «Дорогой Рамзай! Внимательно изучив присланные материалы за 1940-й год, считаю, что они не соответствуют поставленным задачам». Рамзай, тратящего из-за наложенных Центром финансовых ограничений, по существу, собственные деньги на обеспечение работы резидентуры, упрекают в том, что он слишком щедро расходует государственные средства на оплату японских и прочих иностранных источников, работающих на него в Токио. «Мудро» предлагают сократить расходы на агентов и платить только за важные сведения.

И лишь после катастрофы 22 июня 1941 года к Зорге начали вновь прислушиваться. В театре, который посещали в основном европейцы и где даже вездесущей наружке за всеми было не уследить, ему назначили встречу со связником советской военной разведки. Самое подходящее место, простите за подробность, мужской туалет. Тут Зорге и сообщили, что вся его группа будет отмечена высокими наградами, а урезанное было финансирование Рамзаю обязательно увеличат.

Зорге, пренебрегая высоким статусом связника, перебивает посланника Центра. Вся его группа — коммунисты, ни один не трудится ради денег и наград. Задает и вопрос, который, наверно, стоило оставить при себе. По крайней мере в Москве приехавшим после начала войны из-за кордона разведчикам задавать его начальству строго не рекомендовалось. Зорге спрашивает, почему игнорировали его предупреждения о начале войны. Наверняка же об этом сообщали и другие товарищи.

Успел Зорге высказаться и о роли Коминтерна: неужели хорошо обученные коммунисты-интернационалисты не говорили о неизбежности нападения Германии на СССР? Коминтерн — тема сложная. О роли коминтерновцев и сейчас предпочитают помалкивать, а уж в те годы... Благополучно вернувшийся из Токио в Москву связник проинформировал начальство о состоявшемся разговоре. В Центре поведение Рамзая вызвало недовольство.

И все же после 22 июня Сталин признал, что «Рамзай оказался прав. Ему нельзя не доверять — иначе возможны новые убийственные просчеты».

Подвиг № 2. Сообщил, что Япония не нападет на СССР Началась война, и дурацкий псевдоним «Инсон» забыли, на связи — все тот же резидент Рамзай. И теперь уже Центр наседали на Зорге. От него требовали невозможного. Добыть точную информацию, вступит ли Япония в войну на стороне Гитлера или все-таки не решится. Ясно, что Апрельский пакт о нейтралитете, заключенный с Москвой, для японских генералов лишь бумажка. На карте — без всякого пафоса — судьба Москвы, к которой немцы подошли почти вплотную, и наверняка всей страны. Или человечества?

Но Зорге не мог знать того, чего не знал и сам японский премьер-министр принц Фумимаро Коноэ. И тут очень помог Одзаки. После приезда Рамзая в Токио его сотрудничество с журналистом стало еще более осознанным. Рихард постоянно общался с Ходзуми, их встречи стали регулярными. Зорге был откровенен со своим помощником, другом и агентом. Он всячески стремился продвигать Одзаки. И тот оправдывал надежды. Сумел завязать знакомство с принцем Коноэ, возглавившим правительство.

Первая аудиенция состоялась по рекомендации двух университетских друзей Коноэ — его советников. Одзаки был представлен ими как знаток Дальневосточного региона. Но Коноэ не собирался опираться лишь на лестное мнение своих помощников. Он сам дотошно расспрашивал

претендента, выяснял его политические взгляды. Получив чрезвычайно благожелательный отзыв журналиста о Советском Союзе, осведомился, не является ли тот другом СССР. Умница Одзаки не пошел на попятную, объяснил, что он — друг Японии и по-настоящему изучал северного соседа. А современные генералы живут мифами войны 1904–1905 годов. Россия уже не та, что была при разгроме Порт-Артура. И пообещал с цифрами в руках доказать, что СССР — сильная страна.

Своей уверенностью, основанной на глубоких знаниях «противника», журналист понравился Коноэ. Одзаки сделался советником премьера. Поначалу принц Коноэ далеко не всегда соглашался с выводами Одзаки. Но по мере того, как политические предсказания аналитика сбывались, приблизил его к себе. Рекомендации Ходзуми ценились, и порой Коноэ им точно следовал.

Война на севере виделась принцу рискованной операцией, которая в случае неудачи отбросит Японию на годы назад. Поэтому он считал, что в его окружении должны быть и уверенные в успехе генералы, и вот такие трезвые головы, как Одзаки, умеющие не только высказывать, но и отстаивать собственную, не совпадающую с другими, точку зрения.

Кстати, когда в июле 1938 года японцы начали военные действия в районе озера Хасан, это не стало сюрпризом для Красной армии. Одзаки успел предупредить о намерениях японских генералов Зорге. Приложил к этому руку и другой важнейший источник — художник Мияги Етоку, которому, чтобы придать себе значимость, намекали об этом позирующие ему для портретов японские генералы и их болтливые жены. Так что августовское поражение японцев было в определенной степени предопределено советской резидентурой в Токио. Как, впрочем, и год назад, в 1937-м, из сфотографированных Одзаки документов, «одожденных» для изучения из канцелярии нового премьера Коноэ, стало понятно, что Япония нападет на Китай.

На Хасане японцы были разбиты, а Халхин-Гол превратился для Токио в символ позора и огромных потерь.

И все равно в 1941 году японский генералитет рвался в бой. На принца давили немцы, забывшие, что хотя бы формально они все же считаются дипломатами. Зорге, ежедневно составлявший депеши в Берлин о переговорах посольства и немецкой военной миссии за подписью посла Германии Отта, только успевал поддакивать, когда тот обзывал японцев «трусливыми мерзавцами, не желавшими помогать союзникам».

Скромный с виду военный атташе Германии в Токио подполковник Кречмер носил, как выяснил Зорге, звание генерал-лейтенанта. Сравните с

послом Оттом — «всего лишь» генерал-майором. И оба «дипломата» не просили, а требовали, чтобы Япония немедленно начала войну с Советским Союзом. Сейчас, десятилетия спустя, можно смело сказать, что война на два фронта была бы для СССР губительна.

А Центр, повторюсь, давил на Зорге. Его замучили радиogramмами с приказами, гневными депешами, порой хамоватыми, с требованием дать ответ на вопрос, нападут ли японцы, ставя перед резидентом вопрос категорически — да или нет?

Одзаки передавал, что кабинет премьер-министра Коноэ в войну вступать пока не решается. Советник Одзаки докладывал принцу: «Война с русскими, если японцы ее начнут, станет недальновидным и ошибочным шагом, ибо империя не получит от нее существенных политических или экономических выгод. Великобритания и США будут только рады, если Япония ввяжется в войну, и не упустят шанса нанести собственный сильнейший удар после того, как запасы нефти и стали Японии иссякнут в борьбе с русскими».

И Коноэ, как сообщала в Москву группа «Рамзая», пока выжидал. Это слово «пока» и бесило Москву. Зорге просил Центр подождать еще неделю, еще немного.

Итак, премьер Коноэ, ненавидя СССР не меньше своих генералов, тем не менее всячески затягивал решение. Помнил о тяжелом поражении, нанесенном Советами японской армии на Халхин-Голе, в результате которого кабинет министров премьер-министра Хиранумы Киитиро вынужден был уйти в отставку. Коноэ понимал, что его армия к битве с русскими не готова. Ждал, когда немцы возьмут Москву. И даже отмерил конкретный срок: если Москва не падет и в августе, Япония в войну не вступит. Однако опять-таки «пока».

Зорге объяснял Центру одну из причин нерешительности Коноэ: у Японии нет ресурсов — ни людских, ни топливных или, как сказали бы сегодня, энергетических. Но устоит ли азиатская логика в неравном споре с восточной же самоуверенностью? Этого не мог предсказать и Зорге.

Еще 24 июня 1941 года группа «Рамзая» добыла совместный проект армии и флота — «Программу политики империи в соответствии с изменением обстановки». Был в ней и очень тревожный пункт № 3: «Если развитие германо-советской войны будет проходить особо выгодно для империи, применить оружие и, разрешив этим северную проблему, обеспечить стабилизацию северных территорий». В первые недели войны японские генералы считали, что «учитывая темп продвижения германской армии, военный разгром СССР последует примерно в течение двух

месяцев».

Одзаки питал принца информацией, которую готовил для него Зорге. Коноэ уже к концу лета 1941-го получал относительно реальные сводки с фронтов Великой Отечественной в нужной для СССР трактовке. Премьер был подготовлен для понимания важнейшего для себя итога первых месяцев войны: никакого блицкрига у немцев не получилось.

Редкая удача для разведки подобраться столь близко к руководителю государства. Ведь к осени 1941 года Одзаки набрал такой политический вес, что Коноэ назначил его своим личным секретарем. Но сколько лет потребовалось проработать вместе Одзаки и Зорге, прежде чем был достигнут этот успех.

И Коноэ выдержал, не разорвал подписанный с нашей страной 13 апреля 1941-го пакт о нейтралитете. Подчеркнем, натиск японской военной верхушки и фашистской дипломатии удалось во многом сдержать и благодаря дуэту Зорге — Одзаки.

2 июля 1941-го Рихарду стало известно, что японское правительство приняло решение отложить — пока — нападение на СССР. Весть тотчас полетела в Москву. И вернулась срочной радиограммой из Центра: что предпримет Япония дальше?

30 июля Зорге наконец-то решительно сообщил: Япония в войну с Советским Союзом не вступит, принято решение сохранять строгий нейтралитет, в конфликт в Европе не вмешиваться. В нескончаемом споре между японскими сухопутными и морскими силами верх взяли военные моряки, предложившие осторожно начать боевые действия в Юго-Восточной Азии и на тихоокеанских островах. Сухопутные вооруженные силы рвались в бой, мечтая быстро отличиться, что не нравилось более консервативным и гораздо выше в военной иерархии стоявшим морякам. Эти точные сведения добыл уже другой сподвижник Рамзая — художник Мияги.

6 сентября Зорге порадовал Центр известием: в текущем году войны с Японией не будет. Японцы собираются начать боевые действия на юге, а не на советском Дальнем Востоке.

В радиограмме, переданной в Москву 14 сентября 1941 года, Рамзай утверждал, что «японское правительство решило не выступать против СССР. Однако вооруженные силы будут оставлены в Маньчжурии. Военные действия могут быть начаты весной будущего года, если состоится поражение СССР».

И сразу же после получения этой стратегической информации под Москву, где шли жесточайшие бои, с Дальнего Востока были переброшены

четыре наши отлично подготовленные дивизии, за ними кадровые артиллерийские полки, бригады танков. Готовились к схватке с Квантунской армией, а их исключительно быстро доставили с дальневосточных границ в Подмоскowie. Они и спасли.

Подвиг № 3. Разведчик перевернул ход войны

Но было и еще нечто, о чем почему-то пишется мало, а если и упоминается, то вскользь, как-то неуверенно. А ведь уроженец Баку Рихард Зорге сумел перевернуть весь ход Второй мировой: запустил ее уже в дни войны по нужному для Советов руслу, изменив направление одного из главных ударов потенциального противника — Японии.

Конечно, принц Коноэ и предполагать не мог, что определенный вклад в решение не нападать в 1941-м на русских внес... он сам. Точнее, его советник Ходзуми Одзаки, действовавший вместе с и вовсе не ведомым принцу советским разведчиком Рамзаем. Ходзуми с помощью Зорге развил теорию, понравившуюся премьеру Коноэ. Если Гитлер возьмет Москву, то в скором будущем Сибирь и Дальний Восток все равно достанутся Японии — но уже без кровопролития. Вступление Японии в войну с СССР на руку американцам. Штаты выждут, пока имеющийся у Токио полугодовой запас нефти, необходимый для ведения серьезных военных операций против русских по всему необъятному фронту, иссякнет, и ударят по островам. А точный, по-настоящему объективный отчет имевшихся у Японии топливных ресурсов произвели те же Зорге с Одзаки. Рихард был даже рад вести эти подсчеты. Отвлекало от мрачных мыслей.

Идея победоносной войны Японии на Тихом океане оказалась более привлекательной для Токио. В главного противника японцев превратились Соединенные Штаты. «Подсказку» Зорге, переданную через Одзаки, принц Коноэ услышал. Эта информация пришла в Москву меньше чем через сутки после окончания важнейшего и окончательно принятого в императорском дворце решения: «Япония осуществит нападение на Америку и Англию. Опасность для Советского Союза миновала». Больше шифровок от Зорге Центр не получал. Эта, от 14 сентября 1941 года, стала последней.

Рихард уже сидел в тюрьме, а его идеи воплощались в жизнь, когда 7 декабря японцы неожиданно — для американцев и их провалившихся спецслужб — напали на Пёрл-Харбор. Теперь и у США не было выбора: только война с Японией и никакого отступления. Установка советского разведчика Зорге была выполнена.

Как хочется заявить, что такого в истории мировых разведок не

наблюдалось. Однако похожий триумф повторился годы спустя, когда сотрудник внешней разведки ГДР капитан Гийом тоже выбился в секретари канцлера ФРГ Вилли Брандта и во многом небезуспешно старался управлять действиями шефа.

Что касается Зорге, то была и еще одна подготовленная им радиограмма. В связи с тем, что дальнейшая работа в Японии становилась бесполезной, Рамзай просил у руководства указаний. Возвращаться в Москву или выезжать в Германию? Передать ее в Центр Клаузен уже не успел. Группа была арестована.

За несколько дней до ареста Рихард серьезно заболел. Нервное истощение вместе с гриппом были изматывающими. Его и арестовали больным.

35 — столько обвиняемых привлекли японцы по «делу Зорге». Из них выделены 17, которых сочли непосредственно причастными к группе «Рамзая». Главными обвиняемыми признали пятерых — Рихарда Зорге, Ходзуми Одзаки, Бранко Вукелича, Етоку Мияги, Макса Клаузена.

Японцы после войны убеждали всех, будто документы «по делу Зорге» сгорели во время пожара в марте 1945-го, когда американские самолеты разбомбили здание Министерства юстиции. Это не соответствует действительности. Сохранились пусть не оригиналы, а копии допросов всех главных фигурантов дела, хотя и без их подписей. Зорге и Клаузена допрашивали на немецком, Вукелича на английском, а Одзаки и Мияги, понятно, на японском. И все в большей, как Зорге и Мияги, или в несколько меньшей степени держались твердо.

В разведку женщин не пускать!

Зорге был из мужской плеяды, сохранявшей дистанцию со всеми. Даже проникая в сердца столь притягательных для него женщин, он держал их на определенном отдалении от своих истинных дел, довольствуясь радостью физической, а не духовной близости. Профессия обязывала.

И здесь, по ходу, опровергну еще один миф. Рассказывали мне о сыне, а чаще о дочери Зорге, чуть не до начала нашего XXI века трогательно ухаживавшей за его могилой в Токио. Увы, детей Зорге, как и многие лично знакомые мне разведчики, особенно нелегалы, не оставил.

А дочку, думаю, путают с верной подругой Рихарда по житью в Японии Исии Ханako, которую часто называли его гражданской женой. Нет, резидент в Японии не был женат ни на ней, ни на других дамах, которые дарили ему любовь. А миф о дочери Исии и Рихарда возник, полагаю, потому, что японская спутница прожила до 89 лет и за могилой следила до самой своей смерти в 2000 году. Может, ее стройную, неплохо для своих лет сохранившуюся и принимали за заботливую дочку.

С Исии Зорге познакомился в октябре 1935 года. Она работала официанткой в немецком ресторане, который был известен всей жившей в Токио германской колонии. Японцев, обслуживавших господ немцев, было принято называть понятными для европейских посетителей именами. Исии звалась Агнессой.

Не хочу выкидывать слов из песни. Возможно, повторяю, лишь возможно, в пору, предшествовавшую знакомству с Рихардом, она занималась и другим ремеслом, убажывая клиентов.

В японских источниках утверждается, будто, как и всех местных, соприкасающихся с иностранцами, ее завербовала контрразведка. И время от времени Исии якобы сообщала сведения о чужих.

Но не о Зорге. Никаких доказательств, ни единого документа, подтверждающего это, нет и уже точно не будет. Зато есть все основания утверждать, что любовь подавила страх перед охранкой. Чувства оказались сильнее угроз контрразведки. Зорге превратился в единственного любимого.

А вот Рихард, по-своему ценя и любя маленькую японку, не отказывал себе в житейских радостях. В разных японских источниках указываются несхожие, но немалые цифры его любовниц. Точно известно, что, только-только приехав в Токио, он случайно встретил старую если не любовь, то

глубокую привязанность. Хельга была замужем за офицером Оттом, которому и благодаря усилиям Зорге суждено было относительно скоро превратиться в сурового посла.

Интересно иное. В конце Первой мировой войны Хельга, как и Рихард, была не чужда смелых марксистских идей. В 1919-м они были вместе не только в постели, но и в революционном строю. Потом пути их разошлись. Об увлечениях молодости рослая, говорят, чуть не под 190 сантиметров, жена Отта забыла. Но отказываться от некогда любимого Рихарда, попавшего, как и она, в Японию, не собиралась. Да и не в ее интересах было вспоминать, а уж тем более рассказывать другим соотечественникам, когда и на каких революционных баррикадах свела их судьба. Да, просто были знакомы. И в Токио отношения возобновились, продолжались годами. Муж догадывался, однако молчал.

Вопрос в ином. Понимала ли жена посла, с кем имеет дело? Скорее всего — да. Больше того: может, в чем-то, по мере сил и возможностей помогала. Ей было не до коммунизма. Но и в ярую фашистку она за эти годы не превратилась. Была к Рихарду не любовь, а привязанность, уважение. Наверняка быстро уразумела, что такие, как Зорге, в отличие от нее, собственным убеждениям никогда не изменяют.

Японцы «засекли» еще двух спутниц Зорге из немецкого посольства. Одна трудилась то ли машинисткой, то ли секретаршей. И по роду деятельности могла быть полезной разведчику.

Не буду представлять Зорге эдаким Казановой. Но жизнь молодого здорового мужчины складывалась так, как и должна была сложиться. Он был официально женат на безответной русской женщине Кате Максимовой. Брак заключен, действительно трудно поверить в такую вот хронологию, в Москве уже после его отъезда в Японию. И закончился трагически. Ребенка, которого Зорге наказывал жене обязательно назвать тоже Катей, Максимова так и не выносила.

Жена, закончившая театральное училище и подававшая надежды, бросила профессию. Считается, из-за несчастной любви к довольно известному актеру. И карьере, которая ждала ее в каком-нибудь театре или в студии, изменила круто. Может, привлекала производственная романтика? Или поверила в силу и высокое предназначение пролетариата, вкалывая аппаратчицей на московском заводе «Точ-измеритель»? Получала крошечные премии, в личном деле — благодарности за ударный труд. Поднималась шаг за шагом по цеховой служебной лестнице — и не выше. Не нищета, однако, ой как далеко и до на многие годы исчезнувшего Рихарда, и до несбыточной сытости. Она смирилась. Ждала. Писала и

получала крайне редкие письма. Тревожно, беспокойно, мучительно пережила чистки 1930-х. Хорошо, хоть не тронули.

Уж кому она могла тихая и безответная помешать? Но добрались и до бедной Кати, трогательно годами ждавшей Зорге. После его ареста в Токио в 1941-м немного подождали до 1942-го. И у Екатерины Максимовой начались неприятности. Как пишет журналистка Надежда Столярчук, «в июне в ее трудовой книжке появилась запись: “Объявлен выговор с предупреждением за беспечность и срыв графика”. В ноябре — другая, куда более страшная: “Уволена по ст.47 КЗоТ РСФСР, пункт Д (совершение преступления, арест)”. И тут же суд, приговор: пять лет ссылки в Красноярский край...» А до этого вот-вот должны были назначить начальником цеха.

Выслали в далекую Сибирь. Поселили в барак, где содержались только политические. У Катинной сестры сохранилось два ее письма, где она писала о замучившем ее голоде и страшных морозах. Не выдержав непосильной работы, осужденная Максимова в мучениях скончалась в медицинском пункте поселка Большая Мурта 3 июля 1943 года, так и не узнав, что удалось свершить ее любимому мужу.

Пару раз читал, будто Максимова отравили. Нет, не верится. Но до смерти довели умело. Она работала с вредными химикатами без всякой защиты. Местные врачи честно пытались спасти ее жизнь. Но женщина была настолько истощена, а имеющиеся лекарства так примитивны, что Катя была обречена. Да и по признанию запомнившей Максимова медсестры, «жить ей не хотелось. Отмучилась...». Причиной смерти названо «кровоизлияние в мозг».

Упорные попытки разыскать могилу жены Героя, в том числе и настойчивых собственных корреспондентов «Российской газеты», ни к чему не привели. В отличие от могилы Зорге в Токио, эта, наша, стерта с земли. Но не из памяти.

13 месяцев с Рамзаем

О личности Зорге, о методах его работы ходит много домыслов. И чтобы внести ясность, я предоставляю слово старейшему чекисту России Борису Игнатьевичу Гудзю. Это именно он за два с половиной года до войны 13 месяцев руководил из Москвы группой человека, известного ему под оперативным псевдонимом Рамзай. Царство небесное Борису Игнатьевичу, которого я провожал в последний путь на 105-м году его длинной жизни.

— Борис Игнатьевич, а как вы оказались в военной разведке? Почему перешли туда из Иностранного отдела ОГПУ?

— Приехал из-за границы, как раз из Японии, где был резидентом легальной разведки в Токио, и многое мне в родном ИНО показалось странным. Все какие-то напряженные, глаза бегают, общая неуверенность. 1936 год — уже идут процессы, хотя чекистов пока еще массово не сажают или берут выборочно, редко. И приняли меня в ОГПУ после возвращения без интереса, с прохладцей. Как так? Человек вернулся после нескольких лет работы в Японии, по существу, прибыл с фронта. Я докладываю, а слушают меня в ОГПУ с пятого на десятое, невнимательно: «Да-да, это мы знаем... Вот мы даем вам путевку — поезжайте отдохните в Кисловодске, а потом, после, после мы будем с вами подробно разговаривать».

— Но тогда отдых в Кисловодске был вожделенной мечтой для многих.

— Только не для меня. Решил встретиться с Артузовым. Его, бывшего руководителя и одного из основателей ИНО, перевели, к всеобщему удивлению, в военную разведку. Чтобы как-то объяснить странное назначение, объявили, что для усиления. Сообщаю ему: хочу вас повидать. Он отвечает: давай, приезжай. Доложил, рассказал, как «слушали» меня в ИНО. И Артузов предложил перейти в Разведывательное управление РККА. Я согласился.

— Так вы и познакомились с Зорге?

— Я познакомился не с Зорге, а с его операцией. Мой 2-й Восточный отдел занимался запутанными дальневосточными делами, в том числе по Японии. Так что действительно 13 месяцев довольно плотно работал по линии «Рамзай». Этот разведчик больше известен у нас как Рихард Зорге. Меня ввели в операцию, и вместе с начальником отдела я продолжал эту линию. Читал донесения Зорге, отвечал на его письма, изучал вопросы,

которые он нам присылал. Когда начальник 2-го отдела болел, а случилось это часто, я докладывал об операции начальнику управления, подписывал у него письма, подготовленные для отправки Зорге.

— Борис Игнатьевич, а почему все-таки работать с Зорге руководители военной разведки пригласили именно вас?

— Руководили военной разведкой Урицкий и Артузов. Артур Христианович Артузов и пригласил меня в январе 1923 года в разведку. Я пригодился ему на сей раз уже в 1936-м как живой человек, два с лишним года проработавший в Японии в качестве сотрудника внешней разведки. Ему было интересно получить человека с японским опытом. Он же там не бывал, как, впрочем, и начальник моего 2-го отдела. Чтобы руководить Зорге, требовалось конкретное знание обстановки. Это исключительно ценно для разведки. Как японская контрразведка ведет наблюдение? Каким образом можно оторваться от слежки, не раздражая наружки? Да и стоит ли отрываться? Я понимал, как и где встречаться с источниками. Вести их в ресторан или еще куда-то. В ту пору японская контрразведка работала тотально, следила за каждым иностранцем. Так что я помогал корректировать деятельность Зорге уже не столько логически, какими-то абстрактными соображениями, а практически, с учетом личного знания обстановки. Ситуация для меня совершенно ясная. Для моих начальников — не особенно. Вряд ли бывали они в Азии, да и в Европе, кроме, конечно, Германии, страны, где работать нам было так же немыслимо сложно, как в Японии. Помимо абсолютного контроля со стороны японцев еще и труднейший язык, и исключительно сложный, не всем европейцам понятный менталитет. А еще тяжелый климат, к которому русскому человеку сложно привыкнуть. И постоянное, действующее на нервы, ни на минуту не оставляющее в покое наружное наблюдение. А оторвешься от него, тоже выход слабый. В следующий раз тебя так возьмут в оборот, что мало не покажется: никаких церемоний, сплошная жесткость, иногда переходящая в непредсказуемую откровенную грубость.

— Рассказывают, что так работала при шахе Ирана Реза Пехлеви его секретная служба САВАК.

— Я тоже слышал. Но предвоенное время было еще более суровым. После Второй мировой войны САВАК хотя бы как-то щадил иностранцев, отыгрываясь на своих, на персах. А в Японии деления на своих или пришлых не было. Моим непосредственным руководителем в Москве был кадровый офицер, полковник, который до этого два-три года стажировался в Японии. Даже написал подробную, очень полезную для армейских специалистов книгу о японской армии. Она у меня до сих пор хранится с

его дарственной надписью. Окончил Военную академию, а его — в разведку.

— Хотел попробовать силы на новом поприще?

— Не имел никакого желания. Тогда было принято нажимать, оказывать административное давление, выдвигать в разведку партийцев, военных. Выпускника академии вызвали и сообщили: будете начальником, займетесь разведывательной деятельностью. У нас с ним сложились хорошие отношения, и полковник мне иногда жаловался: был командиром полка, руководителем большого военного хозяйства, а меня — к вам, в разведку, и еще заставляют заниматься агентурной работой. Не был он ни разведчиком, ни контрразведчиком: «На кой черт нам это нужно? У нас по японской армии все есть, мы все о ней знаем». Я его убеждал, что и они, японцы, совсем не дураки, они к нам лезят, а мы — к ним. И результаты это нам приносит хорошие, иногда открываются такие сюжеты. А он: «Борис Игнатьевич, зачем я буду этим заниматься? Будет у нас какой-то агент, не будет. Все это мышьяная возня».

И как раз в это время начинается история с Рамзаем. Военный разведчик Зорге действует в Японии. Потому специально пригласили меня на это дело, чтобы учитывал все нюансы.

— И вы лично посылали Зорге какие-то свои указания?

— Письма имели право подписывать только Урицкий и Артузов. Я же готовил послание от имени руководителей разведки. Они могли его принять или нет. Мы со специалистами 2-го отдела обдумывали и взвешивали все детали. Изучали тщательнейше каждый шаг Зорге — ведь мы руководили операцией. Потом шли к Артузову с изложенными в письме предложениями. Он решал: «Это указать обязательно. Это — не надо. Подготовить и изложить такую-то мысль. Потом — подредактировать».

— И Зорге выполнял все указания из Москвы?

— Конечно. Слушал нас внимательно.

— Как вы оцениваете деятельность Зорге? Ведь он передавал столько ценнейшей информации. И сегодня иногда даже не верится, что вся она могла быть собрана одной группой.

— Это был человек высочайшего класса. Очень умный, развитой, исключительно талантливый, с незаурядными способностями.

По уровню и сравнить его не с кем. Зорге для меня был и политическим деятелем, который пришел в разведку. Плюс ко всему Рихард — блестящий журналист. А корреспондент, по-моему, тоже своеобразный разведчик.

— Ну-ка, ну-ка, Борис Игнатьевич, поведайте, что вы думаете о

журналистской профессии?

— Профессия, несомненно, в чем-то близкая, несколько похожая на нашу. Вот идут двое: корреспондент и разведчик. Они выходят из одной точки и стремятся поначалу приблизительно к одинаковой цели: им нужна информация. А потом их пути расходятся. Журналисту вполне достаточно добытых сведений для написания статьи. Разведчик же продолжает движение по иному пути. Ему нужна секретная и актуальная информация — и постоянно новая. Значит, требуется агентура, а для этого — вербовка. А когда корреспондент идет по этому второму, более длинному и сложному пути, он, как Зорге, превращается в разведчика. Процесс очень своеобразный. И если человек, даже талантливейший, уровня Рамзая, на этапе перехода от журналистики к разведке минует школу, в которой он должен усвоить законы контрразведки, то у него могут случаться некоторые заскоки, потери.

— Вот к чему привел наш разговор о журналистах. Неужели у великого Зорге были заскоки и возникали проблемы?

— Иногда случалось. Это была наша с ним болезнь. Ведь до нас он не был кадровым разведчиком. Начинать работать, не пройдя школу контрразведки. Разведчик должен всегда сознавать, что находится в опасности, над ним давит угроза со стороны контрразведывательной организации. Одно дело изучить это абстрактно, на чекистских наших курсах. Другое — пережить на себе. Зорге был с этим не знаком. И мы старались как-то обогатить Рамзая нашими необходимыми ему знаниями.

— В чем же конкретно эти, как вы их называете, заскоки проявлялись?

— Он, к примеру, гонял по Токио только на мотоцикле, купленном у Макса Клаузена, для которого продажа немецкой техники служила и отличным прикрытием, и источником дохода. Когда Макс, как и в Китае, только начинал в Токио свое дело, его первым покупателем стал Зорге. А за этим популярным в иностранной колонии человеком потянулись и другие иностранцы, не только немцы. Но в Токио в 1930-х годах движение было интенсивнейшее. Можете себе представить, чтобы серьезный резидент с мощнейшей агентурной сетью — и на мотоцикле?! Я сам — старый мотоциклист и знаю, что ни в коем случае этого делать нельзя. На машине — совсем другое дело, тем более если руль держишь уверенно. И вот Рамзай попадает в аварию.

— В одной из многочисленных книг о Зорге я вычитал, будто в тот самый раз он был здорово навеселе.

— Зорге — без сознания, с ним — секретные материалы. Да он тогда чуть не загремел в полицию с этими документами.

— И еще я читал, что Зорге ухитрился каким-то невероятным образом вызвать помощника, неимоверным усилием воли оставался в сознании с проломленным черепом, сломанной челюстью и, только передав документы вызванному им Максусу Клаузену, тут же вырубился.

— Подтверждено достоверно. Но был он в таком состоянии, что секретные документы, он как раз и ездил за ними к Одзаки, сам передать был уже не в силах. Только глазами показал Максусу на карман, и тот, отлично его понимавший, ухитрился незаметно добраться до бумаг и их забрать. Клаузен был чрезвычайно удачлив. Мы, естественно, мотоцикл после этого строжайше запретили.

Или передает Рамзай в Москву по радио длиннющие телеграммы. Они больше характера журналистского, а не разведывательного. Конечно, интереснейшие, их бы в газету, а лучше даже по размеру в журнал. Но мы же имели здесь все японские газеты, в Москве у нас японисты сидели. Всю токийскую печать анализировали и все прекрасно понимали. Опасно было столько передавать: Зорге же знал, что в Токио есть пеленгаторы, последнее слово радиотехники, которые стараются уловить переговоры в эфире. А надо было перемещаться с этой его радиостанцией. В Японии, особенно в Токио, это очень сложно. И на машине тоже. Кругом японцы, европейское лицо сразу заметно. Может, на лодке? Но тут возникают осложнения.

А возьмите наружку. Как от нее отрываться и надо ли отрываться вообще? У меня здесь большой опыт, на себе испытал, как они ведут наблюдение. Тут Зорге нам сообщает: я с ними, с этими ребятами из наружки, дружу. И вроде они настолько сошлись друг с другом, что им можно и деньги дать, то бишь, взятку, чтобы слишком уж не надоедали. Но эта игра — рискованная. Опасно! К счастью, и здесь пронесло.

Спасибо Борису Игнатьевичу. Но о тотальной слежке позволю себе сказать особо. Наружка в Японии отличается от любых аналогичных служб других стран. В Токио ей дозволялось практически всё. Контрразведка ходила за Зорге, как и за другими иностранцами, по пятам. Не помогало и немецкое подданство, искренне в ту пору почитаемое японцами. Документы не для того, чтобы понять, кто перед ними, это и так было ясно, а для устрашения могли проверить и проверяли на каждом шагу. Мелочь, однако, неприятная, выбивающая из колеи, рабочего настроения. В квартиру входили не только в отсутствие подопечного. Врывались, задавали любые вопросы, имели полномочия — на всякий случай обыскивали. Буквально цеплялись железной хваткой за опекаемого. Никакой тайны из того, что они совсем рядом, что дышат в спину, не делали. Иногда точно так же работают американцы. Но японцы

превосходили их по наглости и бесцеремонности. поголовно всех людей, по роду деятельности общавшихся с иностранцами, превращали в осведомителей, стукачей. Если видели, что те с доносами не спешат, лишали работы. А горничные, сторожа, переводчики, шоферы и прочие садовники за должность держались крепко. Хочешь не хочешь, приходилось доносить. Эта система была тотальной.

В ней и приходилось действовать Зорге. Испытал ее на собственной шкуре и работавший в Токио Гудзь. Но задачи и положение двух разведчиков, один из которых работал под дипломатической крышей, а второй фактически нелегально, были несопоставимы.

И поэтому Рамзаю приходилось применять методы нетрадиционные. Наблюдая за сотрудниками наружки, выделял из них на контакт идущих. Обладая огромной харизмой, превращал более доброжелательных в своеобразных знакомых. Случалось, перекупал их, подсовывая небольшие подарки, и если своими словами, то и взятки.

Разведчиков, в том числе и легальных, учат: если тебя прочно опекает наружка, ни в коем случае нельзя без крайней на то необходимости от нее отрываться, обманывать, ставить в тупик. Тогда и шпики становятся безжалостными. Кто же любит, когда к тебе относятся неуважительно и вопреки принятым негласным правилам дурят?

Зорге писал в Центр: «Я особенно не боюсь больше постоянного и разнообразного наблюдения и надзора за мной. Полагаю, что знаю каждого в отдельности шпики и применяющиеся ими методы. Думаю, что я их всех уже стал водить за нос».

И Рамзай всячески, годами смягчал отношения с филерами, не позволял им превратиться в жесткое противостояние. Да, это идет против всех разведывательных канонов. А мог ли Рамзай действовать в Японии традиционно?

Он был под наблюдением, от которого постоянно уходил. Но наружка совсем не дремала. И тут Зорге ставил ее порой в тупик. Так, она пунктуально насчитала: с 6 сентября 1933 года — даты прибытия Рихарда в Токио и до дня ареста у него были 52 женщины. С ними он вступал в связь как постоянную, так и мимолетную. Среди этих пяти десятков наиболее устойчивые, многолетние отношения сложились с женой посла Отта и японкой Исии Ханako. Посол об этом точно знал и равнодушно смотрел на измены супруги, да и не подобраться было японской контрразведке к высокопоставленному германскому дипломату, никакой шантаж тут не проходил.

А вот Ханako всячески стращали. Врывались в ее дом, обыскивали,

требовали сообщить все, что она знает о немце. Но искренне любящая Зорге женщина стоически молчала. Наглости арестовать ее, делящую постель с сотрудником посольства Германии, у японцев не хватало. Совместное проживание продолжалось фактически и физически до самого ареста Рихарда. Попытки засадить Исии в тюрьму не удались. Она, вероятно, знала о двойной жизни любимого, но не была ни его агентом, ни даже помощницей разведчика. Зорге никогда не смешивал постель и работу.

Коммунисты всегда под колпаком

В те годы запрет для разведки был введен строжайший: с агентами-коммунистами работать нельзя. Они всегда и везде под наблюдением спецслужб. И нарушение, пусть невольное, этого правила, как считается, погубило Зорге.

Этой точки зрения придерживался и Борис Игнатьевич Гудзь. Вот как он оценивает арест разведчика в 1941 году:

— В отношении Зорге была допущена очень крупная ошибка. Это мое личное мнение. Оно оспаривается многими исследователями, авторами толковых книг о Рихарде Зорге. Он держал связь с реэмигрантом Етоку Мияги, членом американской компартии. Но как же можно работать с коммунистами? Они ведь везде за рубежом находились под наблюдением. Например, если вы работаете в Германии, то никакой связи с членами немецкой компартии.

Художник Мияги выехал из Японии в США, где наши его завербовали. На побережье в Сан-Франциско, он там жил до конца 1932 года, образовалась чуть ли не миллионная колония японцев. Но начальнику военной разведки Яну Карловичу Берзину пришла мысль использовать Мияги в Японии. Он изымает художника-коммуниста из нормального японского окружения в Штатах и осенью 1933-го посылает в Японию на связь с Зорге, которому подсказали: нужно встретиться с таким-то человеком, он уже находится в Японии, используйте его. Рихард так и поступил. Не раскусил, что нельзя столь явно и столь часто общаться с коммунистом.

Напомню, дело Рамзая было раскрыто в Японии не военной контрразведкой, а их политической охранкой. Эта служба, работавшая по коммунистам, и вышла на Мияги через другого коммуниста, тоже раньше жившего в США.

А художник вошел в Токио в моду, рисовал портреты высших руководителей, большей частью военных, их жен, был вхож во многие модные салоны. Так что не только Одзаки, но и Мияги обладал важнейшей информацией. Также очень полезная, но и опасная связь. Такие люди — всегда под наблюдением охранки. Надо это понимать.

— Но в чем здесь просчет Зорге? Мияги-то ему прислали по приказу из Москвы. И как же Зорге мог послушаться?

— Так и мог: решить на месте — рискованно, нецелесообразно. Меня,

работавшего во 2-м отделе Разведупра, смущало и другое. В 1919 году Зорге вступил в компартию Германии, возглавлял коммунистическую газету, был партийным функционером и другом Эрнста Тельмана. Это ему была поручена охрана советской делегации во главе с Куусиненом, прибывшей на съезд КПГ. Через пять лет, в 1924-м прибыл в Москву, вступил в компартию. И даже написал три публицистические книги, понятно какого направления, под собственной фамилией. И немецкая контрразведка могла это обнаружить.

— Но как получилось, что не обнаружила? Как вышло, что весной 1933 года в Берлине перед поездкой в Японию в качестве корреспондента Зорге удачно прошел все собеседования и получил на то разрешение от партийных нацистских бонз?

— Проглядели его, потому что прошло немало времени между приходом Гитлера и той его партийной работой. Изменилась власть, и, быть может, нацисты не сразу взялись за старые архивы. Коммунистов они уничтожали безжалостно. Опасность оставалась всегда и нами учитывалась. На всякий случай для Зорге была заготовлена версия:

он скрывал юношеское увлечение левым движением, теперь, повзрослев, полностью разделяет идеологию национал-социализма. Мы разрешили ему вступить в фашистскую партию. Но переживали, тревожились — вдруг коммунистическое прошлое всплывет. Не всплыло. И Берлин по представлению уполномоченного гестапо в Токио даже предложил Зорге стать руководителем отделения нацистской партии в Японии. Рамзай благоразумно отказался. Это могло вовлечь его в чисто внутренние конфликты и дразги, мало что дав взамен. Да и более тщательную проверку личного дела могло спровоцировать.

Дополню Бориса Гудзя и рассмотрю все версии провала группы «Рамзая». По первым двум все началось с ареста художника Етоку Мияги. По одной из них, японская политическая полиция якобы вышла на «другого коммуниста», который затем совершенно случайно вывел ее на Мияги. Бдительные жильцы пожаловались на соседа, будто бы тот болтает лишнее. И болтуна, чтобы пострадать, вызвали в полицию.

Разговор с инспектором не предвещал больших открытий — обычная бытовая ссора. И вдруг разволновавшийся посетитель начал давать показания. Изобличал некоего художника Мияги как предателя, врага нации. Даже подозрительные полицейские не поверили в буквальном смысле слова наделавшему в штаны от страха трусу.

Однако за художником теперь присматривали, мало ли что. И очень быстро выяснилось, что Мияги — действительно коммунист, да еще

сующий нос куда не надо и к тому же общающийся с иностранцами. «Топтуны» установили: этот художник постоянно встречается с корреспондентом уважаемых немецких газет Рихардом Зорге. Что может быть общего между коммунистом и нацистом, не вылезавшим из немецкого посольства?

И охранка, вышедшая на Зорге по коммунистической связи, простите за специфическую терминологию, передала Мияги контрразведке.

Итак, мы рассмотрели две версии ареста художника. И линия Мияги остается в деле Зорге наиболее уязвимой, если даже отбросить его принадлежность к компартии и предательство соседа-стукача.

Но вот и третья версия, в которую, судя по токийским изданиям, верят сами японцы, а натолкнули их на это американцы. Группу Зорге якобы выдал один из руководителей японской компартии Рицу Ито. Формальных доказательств нет. Есть лишь ссылка на протокол допроса Ито, который действительно был знаком с Мияги. Допрос вели «умело», и Ито не выдержал, назвав участников шпионской группы, среди которых были одна из малозначащих помощниц Зорге и все тот же художник. Когда после войны Рицу Ито пытались допросить его товарищи по компартии, он сбежал в Китай. Но и там бывшие соратники его нашли. Они вроде бы даже просили уничтожить Ито, как предателя, но гуманные китайцы лишь засадили его за решетку на 27 лет. Ито, как ни странно, выжил, вернулся на родину в Японию, где, заклеянный врагом собственными соратниками, скончался в преклонном возрасте, так ни в чем и не признавшись.

Эпизод с Рицу Ито видится совместной японо-американской попыткой дискредитировать коммунистов, представлявших в конце 1940-х — начале 1950-х годов определенную силу и имевших немало сторонников. Если Ито действительно под пытками кого-то и выдал, то именно двух коммунистов, никак не подозревая о глубоко законспирированной группе «Рамзая».

Есть и четвертая версия, она выглядит достаточно правдоподобно. В начале 1940-х в Токио с подозрительностью смотрели на всё с клеймом «сделано в США». Полицейские составили список японских граждан, которые, проведя годы в Штатах, вернулись домой. В него попал и Мияги. Время от времени проводилась выборочная проверка каждого такого «американца». Настал черед Мияги. А дальше все, как и следовало ожидать. Без всяких предателей — коммунистов и стукачей — засекли его регулярные встречи с Одзакки. Они охранку насторожили. Когда поняли, что больной туберкулезом соотечественник встречается с югославским журналистом Вукеличем и немцем из пресс-службы германского посольства, поднялся переполох. На исходе второй недели слежки

выяснилось, что после этих встреч доктор Зорге спешит в дом коммерсанта Клаузена. Тот самый, в котором, как свидетельствовал пленгатор, работала рация. Почерк радиста совпадал с тем, что действовал поблизости от жилищ Зорге и Вукелича. Сомнения почти отпали. Хотя и оставались спорные моменты, было решено взять Мияги и Одзак, а затем — остальных.

И наконец, существует еще и пятая, классическая версия. Ее в мягкой форме озвучили в России только в 1995 году, ссылаясь на бывших непосредственных руководителей Зорге из военной разведки. По этой версии, на Рамзая вышли случайно. Его никто не выдавал и не предавал. Просто группа работала очень долго. И лишь цепь случайностей, а вовсе не допущенные ошибки или предательства, на девятом году активной деятельности привела Зорге к неизбежному концу.

Хочется в это верить. Уж очень славных, достойных людей собрал Рихард Зорге под красные знамена, которые сам считал коминтерновскими. А японцы признания Зорге в служении именно Коминтерну с удовольствием приняли. Война с набравшей в военные годы огромную мощь Красной армией в их планы не входила. И чтобы лишний раз не злить СССР, называли Зорге не советским шпионом, а именно коминтерновцем. Не забыли об этом напомнить даже при казни 7 ноября 1944-го.

Аресты начались с Мияги. Когда пришли за художником, он, все поняв и стремясь избежать неминуемых пыток, совершил харакири. И опять версии. Первая — с помощью самурайского меча, с которым ему позировали натурщики. Версия вторая — воткнул в живот старинный нож.

Совершить харакири Мияги не сумел. Его мигом доставили в тюремную больницу и откачали. Он тут же ухитрился, обманув охрану, выброситься с третьего этажа. Но и на этот раз самоубийство не удалось. Не суждено было ему умереть относительно легкой смертью.

Наверно, после этого следователи поняли, что Мияги будет молчать, и все равно допрашивали его с невероятной жестокостью. Он ничего не сказал. Тюремщики прозвали художника «фанатиком». Мучили на допросах. Етоку терял сознание, его обливали водой, снова били. Говорил только в бреду. Звал умершего отца и жену.

Во время следствия Мияги сделал заявление. Вот часть его: «Понимая, что главная задача заключается в том, чтобы избежать войны между Японией и СССР, я принял решение вступить в организацию, как простой солдат. Я принял участие в ней, отдавая себе отчет, что в военное время буду приговорен к смерти». Мияги проявил себя стойким. Да, фанатичным, верным, преданным. Неизлечимо больной, страдающий от туберкулеза в

последней его стадии, он скончался в тюрьме 2 августа 1943 года.

Если бы японцы знали, кто первым сообщил Советскому Союзу о подготовке их нападения на озере Хасан, они бы обращались с Мияги поаккуратнее. Не дано им было докопаться до того, что сигнал тревоги, тотчас в СССР принятый, подал именно этот смертник.

Не вступая в бессмысленный спор с Гудзем, замечу: существует и другое объяснение возвращения Мияги из Соединенных Штатов в Японию. Американцы еще в 1932 году собирались арестовать художника-японца, казавшегося им подозрительным. И чтобы не потерять ценного агента с необычной профессией, Мияги решили вывести из Америки. Сам он был не прочь поехать в Москву. Больше-то некуда. Мияги даже обращается с просьбой отправить его в Советский Союз. Ему не отказали, сообщив лишь, что «такая возможность изучается».

Но в это время в Японию отправляется Рамзай, которому требуется поддержка. И с согласия художника Берзин перебрасывает того в Токио. Следует встреча с Зорге и с Вукеличем в музее. Говорящий по-английски Мияги выступает в качестве гида, знакомит Рамзая и его спутника с секретами современной японской живописи. Прикрытие надежное, объясняющее общение с иностранцами. К тому же Зорге убеждается, что его потенциальный помощник хладнокровен, умен и уже неплохо знаком с разведывательной работой. Где еще найдешь такого среди японцев? И он уговаривает Мияги стать его другом. Живописец сомневается. И все же не может отказать советскому резиденту. Его «да!» становится началом долгого и плодотворного для советской разведки сотрудничества. И началом конца группы «Рамзая» осенью 1941 года.

Никакой вины Зорге здесь нет. Конечно, понимал важную роль художника еще один помощник Зорге — югославский журналист Бранко Вукелич. С Мияги общался и Одзак, но знакомство двух японцев подозрений до поры до времени не вызывало.

Все документы, попадавшие в руки Рамзая после обработки, моментально уничтожались. Законы конспирации соблюдались. Что можно было еще предпринять, чтобы обезопасить группу «Рамзая»?

К тому же Мияги с давних американских времен тяжело болел туберкулезом. Сомнительно, чтобы соотечественники заподозрили обреченного в работе на иностранную разведку. Полиция была осведомлена о его доходах от продажи собственных картин и чтения лекций о японской культуре на приличном английском.

Из США он привез три тысячи долларов — деньги по меркам 1941-го немалые. И Мияги об этих сбережениях иногда «пробалтывался». Уж не

знаю, накопил ли их сам Мияги, или советская разведка заранее обеспечила агента этой суммой. Ее обладатель, человек свободной профессии, мог и не ходить каждый день на работу. Это устраивало не только его — главным образом Зорге Мияги всегда отличало немногословие. Супруга Одзаки не подозревала, чем занимается ее супруг. Профессионал Вукелич, разведясь с женой, по предложению или приказу Зорге отправил ее на родину в далекую Австралию. Новая спутница жизни — японка — ждала ребеночка, не до разведки ей было. А русская жена Макса — Анна Клаузен работала на советскую разведку еще с шанхайских времен.

Так что выскажу свою точку зрения: Зорге сгубили время, уж очень долго держался он со своими людьми в Японии, плюс случайность, которой стал выход полиции на Мияги. Увы, случай и предательство всегда довлеют над жизнью любого, даже самого осторожного разведчика.

Приведу еще одну точку зрения, высказанную полковником разведки, писателем Анатолием Георгиевичем Смирновым в его книге «“Висбаден” всегда на связи», в которой профессионально разбирается деятельность Зорге. Книга вышла в 2012 году в издательском доме Дальневосточного федерального университета. Может, из-за гигантских нашенских расстояний не добралась в нужном количестве до Москвы и заслуженной известности недополучила. А зря. «Висбаден» — это Владивосток, в котором и принимали радиошифровки из Токио. И было их столько, особенно в начале Великой Отечественной войны, что японцы рацию запеленговали, установили радиста и его друзей. Смирнов уверен, что это и стало решающим фактором в разоблачении всей группы. Не берусь судить, так ли, и считать, что это утверждение из разряда неоспоримых.

Но вот парадокс: Зорге едва не расстался с жизнью еще в самом начале 1930-х. Тогда покушение на него собирались совершить... немецкие коммунисты. Товарищи по партии не простили Рихарду «измены». Как мог он, твердый коммунист, сражавшийся на баррикадах, отсидевший в 1920-м в тюрьме, вдруг изменить марксистским убеждениям, записаться в арийцы и, главное, проделать путь от коммуниста до нациста. И приговор за это предательство был один — смерть.

Специальная служба компартии Германии уже начали охоту за «изменником». Откуда честным парням было знать, что их верный друг выполнял тяжелейшее задание Коминтерна, Москвы по внедрению в нацисты. Превозмогая отвращение, Рихард Зорге вживался в новый и для себя ненавистный образ. Удалось.

Партийный приговор отступнику был вынесен: ликвидировать, как предателя. По существовавшим правилам компартия Германии о своем

решении уведомила Коминтерн: требовалось согласие находившихся в Москве товарищей. В Коминтерновском центре ужаснулись. Забили тревогу, приводить приговор в исполнение моментально и строжайше запретили.

Но и об этом Борис Игнатъевич Гудзь мне не раз, пусть коротко, без подробностей, однако рассказывал; вскоре пришла новая просьба дать санкцию на ликвидацию, затем еще одна. Понятно, все покушения были запрещены. Быть может, раз на четвертый соратники Зорге поняли, что здесь что-то не так. Но и этот запрет на ликвидацию представлял опасность для советского разведчика. А вдруг кто-то из не состоявшихся ликвидаторов будет захвачен фашистами и, не выдержав допросов в гестапо, станет предателем? Да просто проговорится. Так что Зорге вечно находился под дамокловым мечом.

На мой вопрос, знал ли Зорге, что на него ведут охоту свои, Борис Гудзь не ответил.

И еще один довольно тонкий момент, в котором наши с Борисом Игнатъевичем точки зрения на деятельность Зорге не совпадали. Начинал Рихард Зорге свою работу разведчика под крылом, говоря современному, внешней разведки. В этой службе требуются политическая аналитика, глубокое проникновение в стратегические планы противника, взвешивание его потенциальных возможностей. И как раз в этом Зорге был необычайно, по тем давним временам даже неправдоподобно, силен. В одной из трех упоминавшихся книг, написанных в его московский период, публицист Зорге предсказал приход к власти фашистов. Упреки в том, что я делаю из Зорге провидца, не принимаются. Он и был настоящим провидцем.

Почитайте (или хотя бы полистайте) сборник «Рихард Зорге. Статьи. Корреспонденции. Рецензии», опубликованный в 1971-м издательством Московского университета. В книге воспроизведены материалы Зорге из нескольких изданий. Какие же они разные, эти работы, предназначавшиеся для журнала «Коммунистический интернационал» или, к примеру, для «Франкфуртен Цайтунг». Той самой, что приветствовала сожжение нацистами книг, «вредных» для нации, Рембрандта объявляла неарийцем, призывала никогда не исполнять музыку Бизе, Сен-Санса и Шопена. Но все, в том числе и вышедшие в фашистской Германии труды Зорге опубликованы, несмотря на то что автор никогда не писал их в стиле, предпочитаемом доктором Геббельсом. Зорге был не просто журналистом, репортером. Нет, теоретиком, аналитиком, смотрящим в будущее философom. Оценить значение его публицистики в далекое, тревожное

время, когда вопрос стоял о выживании одной отдельно взятой страны, строящей социализм, было крайне сложно, нереально.

Думается, разведчик опередил свое время на десятилетия и десятилетия, отказавшись от необходимого, однако лишь сиюминутного, сугубо оперативного подхода. Он заглядывал в далекое будущее. Не предсказывал, но и не только информировал, а и анализировал события в развитии. И статьи Зорге, видевишиеся в военной разведке, куда его перевели, определенной если не блажью, то тратой его (и не только его) драгоценного времени, были предтечей, скорее образцом той информационно-аналитической работы, которой внешняя разведка впервые серьезно занялась в годы войны. Ведь совсем не зря весной 1943-го был создан Информационный отдел Первого управления Наркомата Комитета государственной безопасности — по существу именно аналитическая служба. Косвенно, пусть хотя бы косвенно, но как раз Рихарда Зорге можно считать одним из первых аналитиков внешней разведки. Хотя в последние годы он и трудился в разведке военной. Уверен, что обоим ведомствам будущий Герой Советского Союза приносил пользу величайшую.

Как много в судьбе разведчика зависит от удачи и счастливого для него стечения обстоятельств! Как часто прижимают его к земле нагромождения всевозможных случайностей и порой совершенно нелепых совпадений.

Был и в карьере Зорге момент, когда его провал казался неминуем. Такое может произойти с любым разведчиком-нелегалом, его нельзя избежать и предотвратить. Потому что нет от слепой случайности противоядия. В 1933 году в Берлине злой рок явился на прощальный перед отъездом в Токио ужин прессы в лице некого Густава Хильгера, приглашенного по совету одного из покровителей Зорге. Когда Рихард услышал фамилию будущего гостя, то в памяти промелькнули какие-то воспоминания, ассоциации — не больше. На вечере был даже Геббельс. И Хильгер — тоже. Всмотревшись в лицо будущего корреспондента в Токио, без предисловий осведомился, где мог раньше видеть доктора Зорге. И сам же ответил, что, кажется, месяца четыре назад в Большом театре в Москве. Да-да, на опере «Чио-Чио-сан», имеющей некоторое отношение к нынешней командировке журналиста. И даже припомнил, что тот был с очаровательной спутницей, блиставшей красотой.

Память не подвела Хильгера — многолетнего заместителя заведующего отделом торговой политики, советника по вопросам экономики посольства Германии в СССР. Зорге действительно пригласил Катю Максимову в Большой. Так они отметили вступление в брак. Никаких экстравагантностей в Большом театре Зорге не допускал. Уже тогда

разведчикам не слишком рекомендовалось появляться в людных местах, где могли произойти какие-то непредвиденные встречи. Не под запретом, однако нежелательны были также известные рестораны, художественные галереи, театры, включая, конечно, Большой, в котором каждый живущий в Москве иностранец считал своим долгом побывать.

Замечу, этот предвоенный полузапрет действовал и в 1950-1970-е годы, когда, к примеру, наш разведчик Ким Филби, исчезнувший из Бейрута и тихо-тихо живший в Москве, лицом к лицу столкнулся в том же Большом со своим коллегой — британским журналистом, с которым работал, надо же, в Бейруте, откуда таинственно испарился. Британский журналист в своей статье упомянул о встрече с Филби, описав к тому же его спутницу. Для английской разведки это стало подтверждением: да, Филби там, где и должен был быть — в Москве.

Но та случайная встреча состоялась уже после бегства Кима, а Зорге находился в берлинском журналистском клубе в окружении людей с повязками со свастикой на рукавах черных мундиров. Но Рихард вывернулся. «Вспомнил», что они действительно совсем недавно виделись с Хильгером в редакции одной мюнхенской газеты. Привел и имя человека, который тогда присутствовал, — своего собственного брата, как и он, Рихард, доктора наук. Брат, конечно, подтвердил бы его слова.

Хильгеру было бы достаточно заглянуть в полицейский архив, чтобы на всякий случай проверить, что за журналист отправляется в Японию. Однако Зорге снова повезло. Любитель оперы из посольства Германии до архивов, это уж абсолютно точно и понятно, не добрался. А то бы операции под кодовым названием «Рамзай» не состояться.

И уж если встретился нам на страницах этой книги советник Хильгер, то припомним, рядом с кем трудился он в посольстве Германии в Москве. С Герхардом Кегелем. Прежде чем занять дипломатический пост, Кегель успел побывать подпольщиком, вступить в компартию Германии, наладить контакт с журналисткой Ильзе Штебе, которую гестапо впоследствии выследило и казнило, как советскую шпионку. А Кегель, немало для СССР сделавший, выжил и даже издал после войны переведенную и на русский книгу «В бурях нашего века. Записки разведчика-антифашиста». От Кегеля наши службы впервые узнали имя приехавшего с непонятной инспекцией в Москву молодого немецкого химика, оказавшегося будущим шефом всей фашистской внешней разведки Вальтером Шелленбергом. И, здорово поддав в «Национале», Шелленберг вдруг выдал, что важной целью грядущей и уже близкой войны Германии с СССР будет выход на линию «А — А» — Архангельск — Астрахань. Кегель моментально сообщил об этом

советским друзьям. Жизнь подтвердила, что опьяневший Шелленберг не врал. А Кегель, благополучно переживший войну, обосновался после нее в Восточной Германии. Занимал в ГДР важные государственные посты.

Но вот Хильгеру наших разведчиков разоблачить было не суждено.

Еще один раз пощадил Зорге или, возможно, так до конца и не понял всего ему внезапно открывшегося морской атташе посольства в Японии Пауль Веннекер. В отпуске в Германии пришла ему в голову мысль навестить мать друга Рихарда. Мама ушла накрывать на стол, а моряк, копаясь с ее разрешения в домашней библиотеке друга, случайно наткнулся на написанную Зорге еще 13 лет назад брошюру о Розе Люксембург. Сугубо марксистский подход к изложению событий хорошо знакомого ему автора — фашиста-единомышленника поразил Веннекера. Если бы эту работу сейчас нашли в доме гестаповцы, концлагерь грозил бы всем родственникам Зорге, а уж автору...

И Веннекер притащил книжечку в Токио, отдав Рихарду. А тот на глазах Пауля тотчас сжег ее. И все же не избежал вопроса: «Ты, Рихард, коммунист?» Зорге отшутился, что давным-давно был, как и многие молодые, розовым. Веннекер шутку принял.

Признаться, роль Веннекера в деле Зорге осталась мне не до конца понятной. Когда уже осенью 1941-го Рамзай почувствовал, что кольцо вокруг его группы сжимается, то сложил в саквояж все наиболее ценное. Даже некоторые секретные бумаги. А саквояж отнес в дом Пауля Веннекера. Как объяснить этот поступок? Это ли не степень высшего доверия? Догадки можно строить любые. А ошарашенный атташе, узнавший об аресте Рихарда, не потащил саквояж в посольство. Чем бы это могло закончиться? Он взял и сжег бумаги. Что это было? Забота о собственной шкуре или товарищеский жест? А может, жест сочувствующего? Или, что ничем и никак не доказано, однако невольно заставляю себя написать это слово, поступок соратника?

Немного узнали в гестапо и от посла Отта. Не только генерал-майор был в курсе того, что Рихард был близок с его женой. А уж дружба с Зорге выставлялась послом напоказ.

Почему бы и нет, если Рихард Зорге, живя и работая в Токио, поддерживал отношения с министром иностранных дел Германии Иоахимом Риббентропом. Подтверждение тому письмо, найденное в мае 2015 года в токийском магазине раритетов. Послание датировано 4 октября 1938-го. В нем нацист поздравляет доктора Зорге с 43-летием: «Мы ценим ваш выдающийся вклад в деятельность посольства Германии». К посланию прилагается и большая — 29 на 23 сантиметра — фотография Риббентропа.

И как после этого не доверять Рихарду?

После ареста Зорге послу Отту приказали сдать дела и прибыть в Германию. Там его ждали суд, неминуемый концлагерь, а то и смерть. Тут же пришел приказ о разжаловании генерал-майора Отта. Коллеги по Абверу поторопились, дав ясно понять, что рассчитывать на пощаду нечего.

Не испытывая судьбу, набравшийся опыта абверовец молча повиновался. Вместе с женой отправился в Берлин. Через Китай. В Пекине следы его затерялись. Выплыл Отт только после войны. Вернулся в Германию. Никаких наказаний «ни от белых, ни от красных» не понес.

А вот консулу Гансу Отто Мейснеру, поддерживавшему с Зорге дружеские отношения, быстренько пришлось расстаться с тепленьким местечком. Его отправили на грозный Восточный фронт, где бывший дипломат воевал танкистом. Выжил, сохранил добрые воспоминания о Рихарде и написал о нем книгу «Кто вы, доктор Зорге?». Она и стала по существу первым серьезным литературно-документальным рассказом о деятельности советского разведчика, пробудила интерес к нему во всем мире. Но и Мейснер о многих свершениях своего приятеля мог лишь догадываться. Чтобы восполнить собственное незнание, ввел в книгу вымышленный персонаж — японскую танцовщицу, сотрудничавшую с Рамзаем. В исполнении писателя-любителя эта дама иногда воспринимается героиней комикса, что подрывает доверие ко всему Мейснером сочиненному.

Я полагаю, единственным человеком, твердо знавшим, кем стал Зорге, был его брат Герман. Старший брат Вильгельм погиб во время Первой мировой войны, а Герман, тоже, как я писал выше, доктор наук, в былые времена симпатизировал левым. Сначала он искренне помогал Ике, потом редкие встречи с младшеньким его тяготили. Он не просто догадывался, знал, откуда раз в несколько лет наведывается в Германию Рихард. Смеею предположить, Ика не тратил сил на вымыслы. Брат по планам Москвы и его собственным должен был помогать в приобретении нужных связей среди политиков, журналистов, да кого угодно. Жестоко, но Герман был приперт к стенке. Или помощь, или...

Каково в нацистской Германии было прослыть родственником советского шпиона. И Герман выполнял все, нет, не требования, а просьбы младшего брата. Сводил его с нужными людьми, давал рекомендации, хлопотал. Лишь бы Рихард скорее уехал туда, откуда приехал или куда захочет, только бы не появлялся на этом опасном для него и родственников немецком горизонте. Последний раз братья увиделись во время приезда уже известного токийского корреспондента Рихарда Зорге в Германию. Не

было в их встрече тепла и искренности. Но Герман и тогда в очередной раз выполнил все просьбы Рихарда.

В 1941 году после провала брата в Японии Герман Зорге был арестован гестапо. Не только разведчики ходят под богом. Их близкие — тоже.

А уж верные помощники, агенты, сослуживцы, просто знакомые... Много разговоров ведется об умелых действиях японцев, запеленговавших передатчик Клаузена. Якобы благодаря этому они точно вышли на дом Макса. Но здесь тоже нет, как я писал, однозначных ответов. Группа «Рамзая» действовала в Токио больше восьми лет. Огромный срок именно для организованной группы, передающей свои сообщения в основном при помощи радиосвязи. Примеры подобной живучести разведгрупп редки. Но японцы вышли на радиостанцию только в последние 16 месяцев работы группы — в 1940-1941-м. И то лишь потому, что объем радиопередач резко возрос. Рихард и его люди сознательно отбросили постоянно проявляемую раньше осторожность. Впереди была война с Германией, и они понимали ценность своих сообщений, откладывая их, переносить на потом было губительно для СССР. И они рисковали.

На помощь профессионалам из японской контрразведки пришли даже местные радиолюбители. Какую же они проявили настырность. Это их усилиями Клаузен и попал под колпак. На его глазах в доме был нагло проведен несанкционированный обыск, правда, ничего не давший.

Но дотошливые японцы почерк радиста изучили досконально. Были уверены, что он принадлежит одному, лишь одному и очень квалифицированному радисту. И если даже радиостанция пеленговалась в разных точках, то радист оставался все тот же. Радиус поисков сужался. В конце концов прояснилось, что все передачи в отличие от прошлых лет ведутся из дома немца Зорге, его соотечественника коммерсанта Клаузена или югославского журналиста Вукелича.

Офицер японской контрразведки явился в немецкое посольство с предупреждением: подданные Германии занимаются в Токио деятельностью, несовместимой с пребыванием в стране. Самоуверенные немецкие дипломаты дали решительный отлуп «этим наглým японцам». Посол Отт в разговоре с Зорге обвинил их в шпиономании.

Наверное, развязка могла бы наступить и быстрее, если бы японцы смогли точнее оценить все имеющиеся в их руках данные. С трудом представляли, будто угроза может исходить от разведки дружественной Германии... Ведь японцы в принципе союзники фюрера. С СССР Япония воевать в данный момент не намерена. Значит, остаются США, граждане которых и вызывали главные подозрения у Токио.

Японцами не исключалось и участие английской разведки. Не случайно прямо в Токио летом 1940 года бесследно пропал британский журналист из Рейтера Джеймс Кокс. По слухам, японцы сочли его резидентом английской разведки. А потом короткой строчкой в местной прессе промелькнуло, что подозревавшийся в шпионаже Кокс выбросился с третьего этажа.

Многочисленные промахи и просчеты японцев тоже позволили продержаться группе «Рамзая» дольше отпущенного.

Сталин не пошел на обмен

Все-таки почему не был произведен обмен Зорге на нескольких генералов? Ведь японцы предлагали. И это — не миф. После войны подтвердил неоспоримый факт возможного обмена один из содержащихся в Москве крупных немецких разведчиков. Он прямо показал, что были в Токио не прочь обменять Зорге на нескольких своих офицеров, захваченных уже воевавшими с Японией американцами. Две стороны проявили заинтересованность в обмене.

Но Иосиф Виссарионович на это не пошел. Сталин, и не только он, считал Зорге двойником, работавшим и на нас, и на Германию.

Некоторые близкие к «отцу народов» руководители разведки подозревали Зорге в сотрудничестве с немцами.

Однажды Сталин сообщил Георгию Жукову, в ту пору начальнику Генерального штаба Красной армии, что «один человек передает нам очень важные сведения о замыслах гитлеровского правительства. Однако на этот счет у нас имеются некоторые сомнения. Мы им не доверяем, потому что, по нашим данным, он двойник». Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» полагает, что Иосиф Виссарионович «вероятно, имел в виду Рихарда Зорге, о котором я узнал только после войны». Может, Сталин и хотел бы поверить Рамзаю. Но в таком случае разрушалась вся его стратегическая концепция, основанная на укрощении им, Сталиным, Гитлера. И тонко чувствующий, куда ветер дует, начальник военной разведки генерал-лейтенант Голиков пишет на полях радиограммы Зорге о возможной дате начала войны во второй половине июня 1941-го и о переброшенных на наши границы немецких дивизиях: «В перечень сомнительных и дезинформирующих сообщений Рамзая».

Макс Клаузен потом рассказывал, что «мы получили странную радиограмму. В ней говорилось, что возможность нападения представляется Центру невероятной. Рихард был вне себя. И воскликнул: “Это уж слишком!”».

И тут же обращусь к воспоминаниям Вальтера Шелленберга. Руководитель немецкой внешней разведки называет Зорге «токийским агентом Главного управления имперской безопасности», а его сведения передаваемой фашистам «первоклассной информацией». Как ни покажется невероятным, но и это — чистая правда. Просто так творить и писать свои статьи фашисты из посольства журналисту Зорге не позволили бы. Зорге

передавал отобранную политическую информацию послу Ойгеру Отту. В ней не было ни капли дезинформации. Иначе бы, снова обращаясь к свидетельству Гудзя, был бы Рамзай тут же разоблачен. А его сделали пресс-атташе посольства, а по существу, первым советником посла. И благодаря этому Зорге совершил то, чего, насколько знаю, не удавалось в таких вселенских, мировых масштабах ни одному разведчику мира. Пусть в годы войны все это было не так очевидно.

Сталин не высказал никакого желания помочь Рамзаю. Но работало же в Токио советское посольство, вскоре узнавшее, что Зорге — советский гражданин. И тут тоже никаких действий, полное молчание.

Обмен Зорге на японских генералов, захваченных американцами, или их агентов, арестованных в СССР, виделся вполне реальным. Но никто и пальцем не пошевелил, чтобы вступить с японцами в переговоры. Хотя следует иметь в виду, что в те суровые годы войны такой практики вообще не было принято. От провалившихся разведчиков просто отрекались. Так и о группе «Рамзая» предпочли «забыть».

Для разъяснения вновь обращаюсь к Борису Гудзю.

— Да Сталин и не пытался спасти Зорге. Он был мстительным, злобным человеком. Но и здесь я позволю себе высказать свою сугубо личную версию. По крайней мере, взглянуть на события так, как они видятся мне. Предполагаю: японская охранка, Зорге арестовавшая, все же не знала, что он именно советский разведчик.

— А за кого же они тогда его принимали?

— Японцы думали, что он — немецкий шпион.

— Прямо сталинская версия.

— Рихард Зорге не был никаким двойником. Да, стажер немецкого военного атташата Ойгер Отт вырос с помощью советского резидента Зорге до генерала, а в 1939 году и посла Германии в Японии, отношения с ним были исключительно доверительные. Говорят, Зорге помогал Отту. И правильно, это само собой разумеется. Он улавливал тончайшие нюансы, до которых туповатому немецкому офицеру Отту было никогда не добраться. Даже лежа в больнице после аварии на мотоцикле, он сумел набросать пришедшему к нему Отту главные тезисы выступления в Берлине. И тот их использовал. Конечно, помогал, тянул и вытянул в послы. А как нашему разведчику удалось бы проработать столько лет с Оттом, если бы он не давал ему никаких сведений о Японии? Надо было общаться, оставаться на соответствующем уровне. И Зорге его бесконечно консультировал, снабжал квалифицированными советами, никогда не подбрасывая дезинформацию. Иначе быстренько бы провалился. Он близко

сошелся с Оттом. И в ответ получал от того бесценные сведения. Имел доступ к черной папке, в которой Отт хранил все наиболее ценные донесения, отосланные посольством Германии в Берлин, и все указания, информацию, полученную оттуда. Бывало ли такое в истории нашей или других разведок? И так на протяжении нескольких лет. А когда он вырастил из исполнительного, но недалекого абверовца Отта посла, то тот уже не мог обходиться без опеки друга Рихарда. Немецкий посол был в полной зависимости от советского разведчика, Зорге превратил его в надежный и неиссякаемый источник информации, которую сам и контролировал, преподнося Отту в нужном для СССР виде. Рамзай видел в кипе донесений, собранной всей немецкой агентурой в Японии, больше, чем приоткрывалось Отту.

Зорге не только угрожали пытками, но и пытали. И эти пытки было невозможно выдержать. Я считаю, что после ареста Рамзай раскрылся, признался. Как — дано понять только тому, кто сам испытал подобное. Судить Зорге за это я не могу. И позицию, которую он избрал, избавив себя впоследствии от пыток, называю правильной. Он решился открыто сказать: я — советский разведчик. Поймите, я не противник Японии, я — ее друг. Дружу с японским народом, стараюсь, чтобы у моей страны не было с ним осложнений. Понимаете, как он поставил вопрос: я — друг, а не собиратель шпионских сведений. И тут высказываю вам, повторяюсь, лично мою точку зрения. Зорге проявил себя вроде бы и как человек Коминтерна. Он не шпион, а идейный работник. А в СССР связи с Коминтерном старались скрывать. Сталину позиция, занятая Зорге, не понравилась.

— Извините, если вопрос покажется вам несколько обывательским. Не кажется ли вам, что замечательный разведчик всегда был чересчур равнодушен к прекрасному полу?

— И в свои сто с лишним лет я вам отвечу так: а что в этом плохого?

— Может, вашему начальству не нравилось, что Зорге, женатый на москвичке Екатерине Максимовой, был в Токио совсем не одинок. Ведь тогда разведчикам приказывали блюсти себя строго.

— Что-то я такого не припоминаю. Зорге жил с японкой Исии Ханако, которая разыскала прах. Думаю, собрала горстки земли и пепла на месте захоронения. Впоследствии поставила Зорге памятник. Вот какие японские женщины. Она сохраняла верность любимому до самой своей смерти в 2000 году. Зорге был настоящим мужчиной. По легенде, холостяк. Сидит в Японии годы и годы. Здоровый, нормальный человек. Ясно, что какую-то штучку себе там заводит. Может, были у него, кроме японки, какие-то встречи. Наверное, с германскими дамами, он нам информации об этом не

давал. А мы не спрашивали: с кем вы там? Такие вопросы отпадают, они ни к чему.

Добрые и светлые люди перевели с японского специально для книги писателя Валерия Поваляева «Японский лабиринт» кипы материалов о годах, проведенных Зорге в тюрьме. Эти свидетельства использовались в зарубежье во время одной из международных конференций, посвященной разведчику.

Мучительное существование в тюрьме Сугамо, режим в которой считался даже по военным японским меркам жесточайшим. Ежедневные допросы, когда сил не остается ни на что. Почти три года в крошечном каменном мешке. На полу грязная циновка, в углу — параша.

Раньше об этом лишь догадывались, хотя отгадка-то была проста, напрашивалась. Зорге пытали. Выплыли на свет документы о допросах с пристрастием. Ногти изранены: под них медленно засовывали острые длинные иглы. Запястья изуродованы бамбуковыми тисками, которые изуверы сжимали и сжимали. Лишь однажды Зорге изменил себе: попросил оставить в покое хотя бы его руки. Изуверы еще туже сжали их тисками. То была последняя просьба Зорге. Он лишь изводил тюремщиков молчаливым презрением.

Но годы тюрьмы истощали. И даже прирученный Зорге крысенок исчез из камеры. Иногда вместо крысенка упоминается лягушонок, якобы занесенный в тюрьму порывом обрушившегося на Токио урагана. Однако и крысенок-лягушонок сбежал, оставив заключенного один на один со следователем, методично, месяцами выдавливающим из Рихарда нужную информацию.

Следствие по делу группы Зорге продолжалось два года. В камере появился низенький столик. Зорге разрешили вести записи. Относительно недавно японцы раскрыли их содержание.

О мужестве Зорге, о его вере в Советский Союз можно судить по признанию, сделанному на допросе 24 марта 1942 года: «Я категорически отбрасываю мысль, что СССР в результате войны с Германией потерпит поражение или будет сокрушен. Если вообразить самое тяжелое для СССР, то оно, я полагаю, заключалось бы в потере Москвы и Ленинграда и отходе в результате этого в бассейн Волги. Но даже и в этом случае Германия не сможет захватить Кавказ... СССР сохранит огромную силу сопротивления. Вот почему я уверен, что бессмысленно предполагать, будто Советское государство сможет оказаться разгромленным».

Еще во время следствия Зорге сделал и такое заявление: «Сейчас... я еще более укрепляюсь в правильности моего решения, принятого 25 лет

назад. Я могу решительно заявить об этом, обдумывая все, что произошло в моей судьбе за эти 25 лет и особенно за последний год».

Суд в Токио был закрытым. Дело слушали семь человек в черных мантиях. На суде Зорге сказал:

— Сам Советский Союз не желает иметь с другими странами, в том числе и с Японией, политических конфликтов или военного столкновения. Нет у него также намерения выступать с агрессией против Японии. Я и моя организация прибыли в Японию в 1933 году вовсе не как ее враги... Мы своей деятельностью стремились отвести возможность войны между Японией и СССР.

Ему вторил Ходзуми Одзаки, арестованный в собственном доме 14 (по другим данным 15-го) октября 1941-го. Слова при прощании с женой, как и многое из того, что делал Одзаки, были пророческими: «Не тревожься. Я знал, на что шел. В итоге все будет хорошо».

Одзаки держался твердо. Мне кажется, я знаю причину: Ходзуми на сто процентов предвидел, чем может — или должно — завершиться многолетнее сотрудничество с советской разведкой, начавшееся еще в Шанхае. Развязка невольно приближалась с каждым годом рискованной работы, с каждым новым его сообщением, переданным Зорге. И журналист откровенно признавался в этом прокурору токийского окружного суда:

— Мы не могли предотвратить нападения фашистской Германии на СССР. У нас не было иного выхода, кроме как собирать информацию, помогавшую советскому правительству правильно оценить обстановку и принять необходимые меры.

Только за первые две недели допросов с пристрастием Одзаки похудел на 15 килограммов.

Зорге взял всю вину на себя, сознательно преуменьшал роль всех остальных членов его группы. 29 сентября 1943 года судьи вынесли приговор: Зорге и Одзаки — к смерти через повешение, Клаузена и Вукелича — к пожизненному заключению. Анна Клаузен получила семь лет.

И тут надо обязательно отметить, что не все арестованные по делу Зорге понесли вынесенные им наказания. Среди информаторов Одзаки был и 46-летний Кен Инукай. Богатый землевладелец, член японского парламента и сын премьер-министра Японии Цуесси Инукай, убитого в 1932 году. Его принадлежность к группе Зорге была доказана. Однако сын бывшего премьера и депутат был помилован благодаря принадлежности к японской правящей верхушке. После войны Кен Инукай даже занимал пост министра.

Сайондзи Кинкадзу, сын князя Киммоти Сайондзи, занимал пост советника в кабинете министров Японии. Ввиду высокого происхождения и занимаемого поста осужден на три года тюрьмы — условно.

Годы, проведенные в тюрьме, так сказались на здоровье некоторых осужденных членов группы Зорге, что многие из них скончались в заключении или вскоре после выхода из него в 1945 году. Так, информатор Мияги дамская портниха Китабаяси Томо умерла почти сразу же после освобождения.

Апелляции Зорге и Одзаки отклонили. Их перевели в камеры смертников, где они промучились больше года. Каждый день мог стать последним.

Вукелич скончался в тюрьме от воспаления легких через два месяца после казни Зорге и Одзаки — 13 января 1945 года. Как же его пытали, какие мучения он перенес, если в день смерти до этого пышущий здоровьем сорокалетний мужчина весил всего 32 килограмма.

После присвоения Рихарду Зорге — посмертно — звания Героя Советского Союза супругов Клаузен пригласили в Москву. Много чего рассказал Макс московским кураторам. Он отбывал пожизненный срок в тяжелых условиях. Болел, лечился в тюремном госпитале. И выжил. Когда они с Анной встретились, то не узнали друг друга. Супруги в 1946-м переехали в Восточную Германию. В Берлине написали для нас, потомков, свои воспоминания.

19 января 1965 года в доме 2 на Лубянке Макс Клаузену вручили орден Красного Знамени, а его жене Анне — Красной Звезды.

Вспомним и о спутнице Зорге Исии Ханako. И она побывала в Москве. Рассказывала соратникам Рихарда, как отыскала останки любимого на токийском кладбище Тама. В братской могиле, где покоятся сотни борцов с нацизмом, Ханako с помощью друзей сумела найти тело Зорге. Опознала его по золотым зубам да еще и по примете, о которой мы уже упоминали: после ранения одна нога была чуть короче другой. Исии несколько лет собирала деньги на памятник Зорге. И собрала. До самой ее смерти не исчезали живые цветы у памятной гранитной плиты.

В Москве Исии Ханako показала массивное золотое кольцо. Оно выплавлено из зубов Рихарда. Руководство КГБ СССР было столь тронуту ее верностью к Зорге, что, невзирая на определенные правила, пригласило Исии Ханako отдохнуть в своем ведомственном санатории в Сочи. Предложение было с благодарностью принято.

А казнили Рихарда Зорге и Ходзуми Одзаки 7 ноября 1944-го.

Почему убили разведчиков именно в день советского национального

праздника? В прокуратуре Токио этому дали свое объяснение. «Был специально выбран день годовщины русской революции, исходя из благожелательства, характерного для кодекса самурайской морали». Какое благожелательство — циничная извращенность. Двух патриотов лишали жизни в один из светлейших для них, по крайней мере для Рихарда, дней. Ни Одзаки, ни Зорге ни намеком не сообщили о дне и времени казни.

В утро казни Зорге, извинившись перед пришедшим исповедовать его священником, вежливо отказался от услуг. Для меня этот жест значит многое. Он ни в чем не предал себя и в последний миг. Был атеистом и умер им.

Попросил за несколько минут до казни не завязывать ему глаза. Так подготовился к уходу, что знал: выдержит, не допустит слабину. Сам, не дав в последние мгновения осквернить себя прикосновением чужих холодных и враждебных рук, нацепил на шею веревку с петлей.

Но вот опять миф. Перед смертью в тысяча сотый день своего заточения, пришедшийся на 27-ю годовщину праздника 7 Ноября, Зорге, одетый в красную рубашку, выкрикнул на японском, что Красная армия все равно победит. Красная рубашка действительно была, как и на других смертниках. А что выкрикнул, так это вряд ли. На японском языке Рихард, в отличие от всего написанного, говорил плоховато. Читал — отлично. Что он выкрикнул, останется неизвестным.

Однако записи из протокола о приведении приговора в исполнение остались. Природа была против его кончины. Прошло 18 минут после того, как открылся люк, в который упало тело, а сердце Зорге все еще билось. Оно остановилось в 10 часов 38 минут.

Приблизительно также высшие силы протестовали против смерти супругов Джулиуса и Этель Розенберг, казненных американцами по обвинению в шпионаже в 1953-м. Несмотря на электрические разрывы, сердце Этель билось и билось. Все закончилось только тогда, когда изумленный палач «врубил» свой смертоносный прибор на полную мощь.

Кто открыл нам Зорге

Это сегодня для нас Зорге великий разведчик. А в 1950 — 1960-е годы, когда мир уже всюду склонял имя гениального Рихарда, в Москве ни о каком Рамзае и не слышали. Или слышать не хотели?

До сих пор витает множество слухов, каким же все-таки образом была пробита брешь в стене тотального молчания или, скорее, умалчивания. В основном, и не без определенных на то оснований, благодарят Никиту Хрущева. Славят Ива Чампи, снявшего прекрасный фильм «Кто вы, доктор Зорге?». И в этом тоже есть значительная доля истины.

Но все началось совсем не с дорогого Никиты Сергеевича и не с французского кинорежиссера, чей фильм в мировом прокате назывался «Кто вы, месье Зорге?». Этот прорыв из небытия подготовил генерал-полковник Николай Захаров, назначенный в 1961-м заместителем председателя КГБ. Для этого Николаю Степановичу пришлось пойти против министра культуры СССР Екатерины Фурцевой.

Ну а если по порядку, то довольно эксцентричный режиссер Ив Чампи выпустил свой фильм «Зорге» с западногерманским актером Томасом Хольцманом в главной роли в 1961 году. И фильм пошел. Везде, кроме СССР, во славу которого он, собственно, и был снят. Иметь такого разведчика — честь для любой страны. И воодушевленный Чампи в дни холодной войны, полного неверия и недоверия к Советскому Союзу пробивается в 1962-м в Москву для показа кинокартины. Вот энтузиаст! Пробился, однако не дальше Министерства культуры. Вдруг выяснилось: и среди советских разведчиков, страшное дело и действительно неожиданное открытие, попадают бабники. Например, Зорге, который на экране не раз и даже не два занимался любовью (закройте глаза, зрители СССР) с разными женщинами. Фурцевой и ее соратникам «Зорге» не показался и был отвергнут. Сотрудников ведомства, на которое трудился Рихард Зорге, на просмотр не пригласили. Ошеломленный неудачей Чампи ретировался восвояси.

И все же не отчаялся. Узнав, что в стране, которую его киногерой считал родиной, создан Комитет по кинематографии, он предложил его главе Алексею Романову посмотреть фильм.

По отзыву моих двух ближайших родственников, Дом кино, тогда еще на улице Воровского, брали штурмом. Те, кто все-таки взял, вернулись домой в восхищении. Длиннющий, ростом в 190 сантиметров, Хольцман

был и загадочен, и хорош собой, и, что удивило многих, западный немец сыграл Рихарда Зорге так, что сомнений в патриотизме советского разведчика не оставалось. Как пишет в своих воспоминаниях, опубликованных в журнале «СБ», Николай Захаров, в Дом кино попал с его разрешения и случайно узнавший о необычном кинопоказе сотрудник внешней разведки Сергей Кондрашов. Захаров попросил полиглота Кондрашова составить аннотацию фильма. Приказ был выполнен. Картина отличная, правда, ну, что возьмешь с режиссера-француза, многовато откровенных сексуальных сцен.

Захаров попросил Романова, не склонного к покупке картины, все же передать ему ленту. И руководителям КГБ фильм понравился. А дальше, как это было и бывает, через начальника охраны Хрущева первому человеку страны передали аннотацию.

Офицеры — синхронные переводчики из органов прибыли в Дом приемов, где должны были бы показать «Кто вы, месье Зорге?». Вдруг выяснилось, что в розданном гостям списке для просмотра значатся десять фильмов. «Зорге» среди них не оказалось. И тут Хрущев вспомнил, что зампред КГБ предлагал посмотреть фильм «о каком-то разведчике».

«Во время сеанса тишина в зале стояла гробовая», — вспоминал Захаров. А когда вспыхнул свет, Никита Сергеевич ошарашил собравшихся вопросом, как им фильм. Ответом было молчание. Разве можно говорить поперед батьки? И тут Никита Сергеевич неожиданно для многих признался: фильм — хороший, ему, например, понравился. Мгновенно прозвучало всеобщее и единодушное восхищенное одобрение и личностью героя, и картиной.

Приказом Хрущева лента был закуплена и в кратчайший срок дублирована.

Рихарда Зорге, то бишь Томаса Хольцмана, озвучивал тончайший мастер дубляжа Николай Александрович. У нас обошлись без всяких месье, переименовав картину в «Кто вы, доктор Зорге?». Фильм бил рекорды посещаемости. До «Мертвого сезона» с отечественным тогда Банионисом в главной роли и с самим полковником Абелем в первых кадрах советскому народу предстояло прожить еще целую пятилетку.

А руководство КГБ быстренько обратилось в ЦК КПСС с ходатайством о награждении разведчика и его группы государственными наградами СССР. Что и было сделано: 5 ноября 1964 года Рихарду Зорге было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно), а его друзьям — живым и, увы, большей частью мертвым — боевые ордена.

6 ноября 1964-го газета «Правда» написала о Зорге: «Только через

двадцать лет сложились условия, позволяющие рассказать правду о Зорге. По достоинству оценены его выдающиеся заслуги перед Родиной, его мужество и геройство. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 5 ноября 1964 года тов. Рихарду Зорге посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Люди доброй воли с великой благодарностью вспоминают коммуниста-интернационалиста, пламенного антифашиста и борца за мир — советского разведчика Рихарда Зорге». Справедливость, благодаря многим слившимся воедино факторам и счастливым обстоятельствам, все же восторжествовала.

А если бы не фильм Чампи? Нет у меня ответа.

Рамзай еще не уходит

Интерес к Зорге и всему с ним связанному сейчас огромный. Приведу некоторые отзывы о деятельности группы «Рамзая» из уже упомянутой книги Анатолия Георгиевича Смирнова. И принадлежат они вовсе не соратникам Зорге по борьбе и не идеологическим единомышленникам.

Первыми постарались изучить опыт советского разведчика американцы, сразу же после войны попытавшиеся провести расследование «дела Зорге» и по горячим следам изучившие попавшие в их руки материалы. Итог анализа деятельности Рихарда — Рамзая подведен в докладной записке, датированной 1946 годом и предоставленной командующему оккупационными войсками США в Японии генералу Макартуру: «С 1933 по 1944 год Зорге обеспечивал Советский Союз всеобъемлющей информацией о намерении Японии в военной, политической и экономической областях. Красная армия постоянно находилась в курсе состояния тех или иных планов Японии. С учетом этого она могла планировать свои действия и принимать решения».

Еще более категоричен Джон Эдгар Гувер. Вот восторженный отзыв о Рамзае директора ФБР: «Пожалуй, наиболее успешной из всех шпионских операций Второй мировой войны стала деятельность в Японии разведывательной группы под руководством немецкого коммуниста, доктора Рихарда Зорге». А директор ЦРУ Ален Даллес вопрошает: «Как удавалось Зорге так долго избегать разоблачения?»

«Группа, руководимая блестящим изобретательным разведчиком Рихардом Зорге, совершала поистине чудеса», — пишет Чарлз Валюби, начальник Тихоокеанских войск США в годы Второй мировой войны.

Придерживаются столь же высокой оценки Зорге и англичане. Так, профессор истории Чарлз Вайтон в свое время утверждал: «Рихард Зорге, бесспорно, был величайшим шпионом Второй мировой войны. Нынешний Советский Союз, да, пожалуй, и вся система мирового коммунизма обязаны своим существованием этому немцу — русскому».

Даже руководитель 4-го отдела СД РСХА Вальтер Шелленберг, возглавлявший разведку Третьего Рейха за границей, вынужден был признать: «Зорге нанес непоправимый урон японцам». Так и хочется спросить: а вам, фашистам, что, не нанес?

В XXI веке интерес ко всему, что только связано с Зорге, еще более возрос. Наверное, поэтому наследие Рамзая до сих пор изучается. И не

только людьми его профессии, но и учеными самых разных стран. Ежегодные международные семинары, где исследователи выступают с докладами, посвященными деятельности Рамзая, проводятся в самых разных странах — от Японии до Австралии.

Хорошо, что россияне тоже вносят свою лепту в эти международные форумы, выступая с подробными докладами. Тут уж, как говорится, кому, как не нам.

В Москве на вечерах, посещаемых и профессионалами разведки, и просто публикой читающей, интересующейся, обсуждается профессиональная работа Зорге. Так, полковник разведки в отставке и писатель Олег Нечипоренко высказал свою гипотезу: Зорге сумел продержаться так долго, потому что никак не попадал под стереотип разведчика. Его поведение, манеры, увлечения никак не соответствовали общепринятым канонам. Это и спасало, оберегало от углубленных проверок.

Еще один сослуживец Нечипоренко поделился информацией неслыханной. Считается, будто попавший в тюрьму Зорге был брошен советской разведкой на произвол судьбы. Но нет. Если верить отцу этого человека, тоже профессионалу разведки, то несколько групп наших военных, проникших на территорию Японии, должны были помочь Рихарду. По разным причинам это не удалось.

Были ли такие группы? Кто в них входил кроме отца человека, поведавшего эту историю сыну?

Но, честно говоря, мне в это верится с трудом. А вот в другое почему-то верю. Некоторые профессиональные разведчики, в том числе и работавшие в Японии, считают, что запущенное Рихардом Зорге колесо разведки крутилось очень долго. Может, полагают они, крутится до сих пор?

Россияне, и не только туристы, часто навещают могилу Зорге. Кладбище далеко от центра Токио, по существу в другом городе. На одной стороне установленного здесь памятника выбито: «Рихард Зорге 1895–1944». На другой стороне можно прочитать: «Здесь покоится герой, который отдал свою жизнь в битве против войны, за мир во всем мире. Родился в Баку в 1895 году. Приехал в Японию в 1933 году. Был арестован в 1941 году. Казнен 7 ноября 1944 года». Могила всегда ухожена. После кончины верной спутницы Рихарда Исии Ханako так было не всегда. Уходили люди, ветшали могилы. Даже памятники стареют. Но теперь дважды в год из Москвы сюда на кладбище приезжает подтянутый лысоватый человек, о котором говорят, что работа в спецслужбе ему далеко

не чужда. Он ухаживает за могилой, сохраняя память о великом разведчике.

Очень медленно раскрываются новые страницы многотомной жизни разведчика Зорге. А если вскоре настанет момент, когда грифы секретности падут? Кто знает...

ВЕРСИЯ
КАК ПОГИБ РАЗВЕДЧИК КУЗНЕЦОВ

Николай Кузнецов

Годы и исследования историков открывают новые обстоятельства гибели Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова.

За 18 месяцев разведчик-нелегал, действовавший под именем оберлейтенанта Зиберта, уничтожил 11 генералов и прочих высших чинов фашистской администрации на оккупированных территориях. Напомню о наиболее важных операциях. В центре Ровно Кузнецов отправил на тот свет имперского советника рейхскомиссариата Украины Геля и его секретаря Винтера. Вскоре смертельно ранил заместителя рейхскомиссара генерала Даргеля. С помощью соратницы Лидии Лисовской похитил и вывез из Ровно генерала фон Ильгена, под командованием которого фашисты проводили все карательные операции. Ильген понес заслуженную кару. Затем Кузнецов совершил акт возмездия над президентом верховного суда на оккупированной Украине Функом. Добравшись до Львова, Николай Иванович убил вице-губернатора Галиции Бауэра и подполковника Петерса.

Нет цены стратегическим разведывательным данным, добытым Кузнецовым. Он узнал точное расположение полевой ставки Гитлера под Винницей. Одним из первых сообщил в Центр о подготовке в Тегеране покушения на «Большую тройку» — Рузвельта, Сталина и Черчилля. Из ровенских лесов ушла его радиограмма о планах противника начать крупную наступательную операцию в районе Курска с использованием танков «Пантера» и «Тигр», броня которых будет еще более крепкой. Это гигантское танковое сражение вошло в историю как битва на Курской дуге.

Тема волнующая или, по крайней мере, интересующая многих. После публикации статей и книг о человеке, совершавшем в Ровно и во Львове акты справедливого возмездия над фашистскими главарями, получаю множество откликов. Среди них и письма читателей, предлагающих продолжить тему. И обращения историков, десятилетиями пытающихся выяснить новые эпизоды жизни и смерти разведчика, восемнадцать с половиной месяцев действовавшего в немецком тылу под именем оберлейтенанта Пауля Зиберта.

Особенно запутанны обстоятельства гибели Кузнецова. Кажется, теперь они проясняются.

Смиренно прошу не обижаться на суховатый слог этой главы, не корить за порой рубленые фразы. Главная задача — донести до читателя те

сложнейшие испытания, которые выпали на долю Николая Кузнецова и его соратников перед последним, по-настоящему смертным часом. Писательство обязано уступить место документально запротоколированной точности. Постоянное цитирование выплывающих из секретного небытия документов, ссылки на высказывания действующих лиц той эпохи, выписки из протоколов авторитетнейших следственных органов и позволяют воссоздать новую, на мой взгляд, достоверную версию гибели Николая Ивановича, основанную на открывшихся свидетельствах.

Письмо как предчувствие жертвы

Да, Николай Иванович Кузнецов знал: он несет беспощадную месть врагам. Как и то, что смерть бродит за ним по пятам. Если откровенно, шансов выжить разведчику-нелегалу-мстителю было почти не дано. Отсюда и прощальные письма, которые он оставлял Медведеву, отправляясь из отряда «Победители» на задания. Каждое и письмо, и задание могли — или должны были? — стать последними.

Смысл одинаков: уйду в неизвестность, не боюсь умереть за Родину, помните и прощайте. Дошло до того, что капитан госбезопасности Дмитрий Николаевич Медведев запретил писать такие послания.

Впрочем, одно письмо-завещание, которое Николай Кузнецов просил вскрыть в случае гибели, командир «Победителей» хранил. А лично удостоверившись в смерти друга, вскрыл и все просьбы Кузнецова выполнил.

Благодаря собственному гению, бесстрашию, полнейшему хладнокровию, невероятной жажде жизни, здоровому авантюризму, невероятной везучести, без которой никакому человеку его редчайшей, штучной профессии не жить, Николай Иванович продержался дольше, чем ему было отпущено в самых смелых планах НКВД. Посылали в немецкий тыл на несколько недель, а он продержался с 25 августа 1942-го по 9 марта 1944 года.

Однако всему приходит конец. Нет, не думаю, что уверовал в звезду, сделался чересчур самоуверенным. Такое губит многих разведчиков — легальных и нелегальных. Но не это привело гения разведки Николая Кузнецова к роковой схватке с бандеровцами, из которой невозможно было выйти живым. Если порой он обыгрывал смерть, то в ночь на 9 марта все было против него. Но об этом чуть позже.

Так сложилось в не совсем удачливой личной жизни Кузнецова, что он развелся еще до войны. Изредка виделся со старшей сестрой Лидией, помнил о другой сестре — Агафье. Кстати, пусть не удивляет необычное имя. Кузнецов родился в семье зажиточных староверов. Так что разговоры о немецком происхождении отца не нашли никакого подтверждения. Он любил своих близких, но о работе никогда с ними разговоров не заводил. К чему? Старшая сестра Лидия и так за него чересчур переживала. Не понимала, чем он занимается, боялась, что общение с иностранцами Нику до добра не доведет.

И поэтому роднее и ближе младшего брата Виктора, которому старший Николай позволял догадываться, только догадываться, о своей многотрудной службе, никого не было. Они переписывались.

Кстати, одно из писем старшенького Виктору дает ответ, если точнее, намек, когда судьба свела будущего Героя с разведкой. Кузнецов, нареченный волей родителей-староверов Никанором, с детства не любил этого имени, как-то не пришлось оно к нему. И в 1931-м, когда закончилось, наконец, дело о хищении леса, к которому чохом причислили и Никанора Кузнецова, дав год условно, у парня завязались неплохие отношения с чекистами, преступление раскрывшими. Увидели они в молодом человеке определенные способности. Привлекли к своей работе. И в ответ на первые удачные шаги помогли избавиться от нелюбимого имени.

Вот отрывочек из письма брату Виктору, отправленного в том же 1931-м: «Витя, поздравь меня. Я получил новый паспорт. Теперь я Николай Иванович». Не настаиваю на стопроцентной достоверности вывода. Но, право же, для предположения о сделанном Кузнецову предложении о секретном сотрудничестве с органами и его согласии есть все основания: расследование хищения, суд, срок, сотрудничество и... новые имя и паспорт.

Помогли Николаю с переездом в Свердловск. Думаю, без содействия новых друзей вряд ли Кузнецову удалось бы перебраться в 1934 году из глухомани в огромный по тем временам город и начать работать в конструкторском отделе Уралмашзавода. А чтобы поставить точку в споре о том, получил ли Кузнецов образование или нет и каким образом совершенствовал свой немецкий, дословно процитирую отрывок из его официальной биографии, составленной уже в наши дни Службой внешней разведки РФ: «Одновременно учился на вечернем отделении индустриального института и на курсах немецкого языка. На заводе он часто общался с немецкими специалистами, и это было для него не только хорошей разговорной практикой, но и возможностью изучить манеры немецких рабочих и инженеров, их психологию, привычки. После окончания (внимание! — *Н. Д.*) института в 1938 году Николай Кузнецов был направлен в Москву, зачислен в аппарат внешней разведки и начал готовиться к работе за границей с нелегальных позиций».

Но до нелегальных позиций не дошло. Кузнецов занимался разработкой немецкой агентуры, и не только в столице. За несколько лет и благодаря его усилиям были выявлены два десятка агентов Абвера и СД.

А Виктор Иванович Кузнецов, воевавший в Великую Отечественную,

внешне очень походил на старшего брата, любил его искренне. И был немногословен. После войны написали они вместе с сестрой о Николае книгу. Ожидавших хоть каких-то откровений постигло разочарование. Повествование получилось несколько казенным, ни единого нового факта. Будто переписывалось с официальной, от кого-то полученной справки. Люди сведущие объясняли недовольным читателям: так надо.

Но можно (и нужно) же было нелегалу Николаю Ивановичу быть до определенной степени хоть с кем-то откровенным, нельзя было держать в себе великую тайну, рвавшуюся наружу. Привожу текст письма, отправленного Кузнецовым брату перед заброской в отряд Медведева, полностью. Никаких поправок. Разведчик знал, на что шел. К самопожертвованию был готов.

«Москва, 27 июня 1942 г.

Дорогой братец Витя!

Получил отправленную тобой открытку о переводе в Козельск. Я все еще в Москве, но в ближайшие дни отправляюсь на фронт. Лечу на самолете.

Витя, ты — мой любимый брат и боевой товарищ, поэтому я хочу быть с тобой откровенным перед отправкой на выполнение боевого задания. Война за освобождение нашей Родины от фашистской нечисти требует жертв. Неизбежно приходится пролить много своей крови, чтобы наша любимая Отчизна цвела и развивалась и чтобы наш народ жил свободно.

Для победы над врагом наш народ не жалеет самого дорогого — своей жизни. Жертвы неизбежны. Я и хочу откровенно сказать тебе, что мало шансов на то, чтобы я вернулся живым. Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. И я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как глубоко сознаю, что отдаю жизнь за святое, правое дело, за настоящее и цветущее будущее нашей Родины. Мы уничтожим фашизм, мы спасем Отечество. Нас вечно будет помнить Россия, счастливые дети будут петь о нас песни, матери с благодарностью будут рассказывать детям о том, как в 1942 году мы отдали жизнь за счастье нашей горячо любимой Отчизны. Нас будут чтить освобожденные народы Европы. Разве может остановить меня, русского человека, большевика, страх перед смертью?

Нет, никогда наша земля не будет под рабской кабалой фашистов. Не перевелись на Руси патриоты, на смерть пойдём, но уничтожим дракона! Храни это письмо на память, если я погибну, и помни, что мстить — это наш лозунг. За пролитые моря крови невинных детей и стариков — месть фашистским людоедам. Беспощадная месть!

Перед самым отлетом я еще тебе черкну.
Будь здоров, братец. Целую крепко».

Кто знал о Грачеве

25 августа 1942 года в партизанском отряде Дмитрия Медведева «Победители» встречали еще одну группу парашютистов, подготовленных из Москвы IV Управлением НКВД СССР. Командир поговорил с каждым из тринадцати. Последним, кого долго расспрашивал Дмитрий Николаевич, был боец Николай Васильевич Грачев. Этого человека Медведев ждал давно. В отряд прибыл опытный разведчик Николай Иванович Кузнецов. С Грачевым капитан госбезопасности (звание, приравненное к полковничьему) раньше знаком не был. Людей, его подготовивших, уважал и ценил.

И опять некая новая версия, подтверждающая, что Грачев прибыл с особым заданием. В одной из пуговиц его гимнастерки было запрятано написанное на тончайшем шелке письмо начальника IV Управления генерала Судоплатова Медведеву. Тот должен был во всем помогать Грачеву — всего лишь красноармейцу. Командир «Победителей» сам спорол пуговицу с гимнастерки удивленного парашютиста. Об этом личном послании для Медведева в Москве Кузнецова не предупреждали.

Сейчас уже можно сказать, по какой линии, как говорят чекисты, предстояло действовать нелегалу с документами на имя оберлейтенанта Пауля Зиберта: это была линия «Т — террор».

Кузнецову ни в коем случае нельзя было регистрироваться в немецких военных комендатурах. По разработанной в Москве легенде получивший тяжелое ранение фронтовик Зиберт считался чрезвычайным уполномоченным хозяйственного командования по использованию материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта — «Викдо». Откомандирован туда до полного выздоровления. В сорокатысячном Ровно, объявленном Гитлером столицей оккупированной Украины, находилось около 250 различных немецких учреждений. И хотя небольшой город насквозь просматривался бесконечными фашистскими службами безопасности, именно здесь и предстояло действовать Зиберту. Считалось, что об истинной роли Кузнецова знала лишь горстка самых доверенных людей отряда. Однако не исключается, что на самом деле все обстояло не совсем так.

В декабре 1943 года Медведеву пришлось принимать нескольких важных гостей. Коренастый, уверенно державшийся человек слез с лошади и представился командиру, назвав свою настоящую фамилию — Бегма.

Бывший первый секретарь Ровенского обкома партии, а теперь руководитель подпольного обкома Василий Андреевич Бегма в звании уже генерал-майора приехал с группой товарищей к «Победителям». Если верить некоторым источникам, то чтобы поздравить бойцов отряда, удостоенных правительственных наград.

Обратите внимание: знакомство Медведева с Бегмой состоялось только в конце 1943 года, что очень важно для понимания дальнейшего развития событий. До этого о Грачеве в Ровно было абсолютно ничего неизвестно.

Деловые разговоры и обед, душевная беседа, а потом высокий гость, в некотором смысле и хозяин, завел речь о партизане, наводящем в Ровно страх на гитлеровцев. Одетый в форму немецкого офицера, тот «убивает крупных немецких заправил среди белого дня прямо на улице, украл немецкого генерала».

Цитирую и дальше из главы «Передышка» популярнейшей книги Героя Советского Союза Дмитрия Медведева «Это было под Ровно». «Рассказывая, Василий Андреевич и не подозревал, что этот партизан сидит с ним рядом за обеденным столом. Лукин (комиссар отряда. — *Н. Д.*) порывался было перебить рассказчика, но я дал знак ему, чтоб молчал, а Николай Иванович Кузнецов внимательно слушал Бегму. ***Здесь же мы ему представили нашего легендарного партизана***» (курсив мой. — *Н. Д.*) Конечно, ни Дмитрий Медведев, ни вьедливый Лукин, да никто из отряда не мог и предположить, откуда такая утечка. Одна лишь мысль о предательстве партийных руководителей или малейший намек на это могли показаться, да еще как бы показались, кощунственными.

Однако, как полагал боевой друг и верный помощник Кузнецова Николай Струтинский, Николая Ивановича выдали немцам свои. Подозрение, подчеркну, всего лишь подозрение, пало на руководителей городского партийного подполья и людей к ним приближенным. Только суд может установить, верна ли эта догадка, точнее версия, на достоверности которой после войны так настаивали Струтинский и группа бывших партизан. В основном усилиями капитана КГБ Струтинского были собраны четыре тома материалов расследования. Особенно интересны документы тома № 620.

Герой подполья или предатель?

В 1965 году к двадцатилетию Победы руководителю ровенского подполья Терентию Федоровичу Новаку присвоили, не без содействия секретаря подпольного обкома партии, после войны крупного партработника и секретаря обкома Василия Бегмы, звание Героя Советского Союза.

История долгая, началась еще осенью 1942-го, когда был образован подпольный штаб ЦК КП(б) Украины. Вошел в него и Василий Бегма, и в войну и после нее всячески поддерживавший Новака. Может, Бегма надеялся, что вслед за Новаком наступит и его очередь получить звездочку? Не дождался. Бегма скончался в том же 1965-м. Новак дожил до 1983 года.

Многие бойцы из отряда Медведева вместе с горсточкой оставшихся в живых подпольщиков подозревали Бегму и особенно Новака в предательстве. И после публикации Указа о награждении Новака Звездой Героя в ЦК КПСС тотчас хлынул поток писем возмущенных партизан. Они не просто предполагали, а настаивали: оба партийных деятеля контактировали с немцами. Больше того, сотрудничали с СД, выполнявшим на временно оккупированной территории СССР функции гестапо, и причастны к гибели Николая Кузнецова. Генеральная прокуратура СССР серьезно восприняла заявления группы партизан во главе с Николаем Струтинским о предательстве партийных чинов. И поручила расследование группе Олега Ракитянского.

Выводы следователя следственного отдела Управления КГБ УССР по Львовской области Олега Ракитянского, десятилетия спустя, в 1989 году, а не во время еще первого расследования обстоятельств гибели Кузнецова во второй половине 1960-х, изучавшего по высочайшему приказу ЦК КПСС все обстоятельства гибели разведчика, еще больше наводят на версию о предательстве. Итоги расследования, четко выписанные в статье Ракитянского, прорвавшейся было на страницы научного журнала (Военно-исторический архив. 2003. № 6), почему-то затерялись, словно канули в Лету. Даже сам журнал исчез, найти его удалось не без труда.

Итак, в Ровно Терентий Новак появился после оккупации в 1941 году. Многие знали Терентия — в предвоенные годы секретаря комсомольской организации небольшого городка Гоца Ровенской области, члена Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ). В тех краях, томившихся под Польшей, к коммунистам относились с ненавистью.

Националисты и польская власть брали на заметку каждого. Вот и подпольная организация КПЗУ в Гоще в 1937-м была разгромлена поляками. Их служба безопасности — дефензива — арестовала почти всех подпольщиков. Кроме одного из руководителей — Новака. Возникли подозрения: не предатель ли? Но вскоре на Западную Украину пришла Красная армия: столько перемен, коренных изменений. Главное, что присоединились к Советскому Союзу. В этом вихре событий о прошлом коммуниста Новака быстро забыли.

Началась война. И Новак — ее участник. На чьей он стороне?

И Ракитянский откровенно высказывает собственное мнение, основанное на результатах долгих расследований. Его точка зрения крайне неблагоприятна для Новака: на оккупированной территории «.. всячески поощрялось доноительство. Любой человек, захотевший открыть свое дело или торговую лавку, автоматически становился осведомителем или агентом СД. И вот в этих условиях в г. Ровно прибывает в 1941 году Т.Ф. Новак... Новак тут же устраивается директором валеночной фабрики... И это стало возможным при том, что СД знало о членстве Новака в КПЗУ... Деятельность подполья только налаживалась, но уже к лету 1942 года стали поступать сигналы о провалах и гибели тех или иных товарищей. Прежде всего, это касалось некоторых “маяков”, через которые Новаком направлялись люди в партизанские отряды... Люди, которые направлялись через них, попадали в СД или уничтожались оуновцами... Вскоре начались массовые провалы в Ровенском подполье. СД и оуновцы ликвидировали основные подпольные группы... Больше того, можно сказать, что к весне 1944 года из всего подполья (не путать с партизанскими отрядами. — *Н. Д.*) на Ровенщине осталась только группа Новака, все остальные были ликвидированы. Что собой представляла “группа” Новака на фабрике? Так вот, почти все рабочие считали Новака провокатором и агентом СД, но боялись об этом кому-либо сообщать.

А вскоре они, почти все, были арестованы и ликвидированы или же отправлены в Германию. Со слов Н.В. Струтинского у начальника разведки отряда («Победители». — *Н. Д.*) был агент на фабрике, который и сообщал информацию о предательской деятельности Новака».

Попробуем отбросить выводы Ракитянского и взглянуть на происходившее с Новаком без всякого к нему предубеждения. В оккупированном Ровно он в открытую возглавлял единственную в городе крупную фабрику, что было абсолютно невозможно без согласия немецких властей. Ведь сажали и вешали при малейшем подозрении в связях с партизанами, с коммунистами, а тут Новак все время на виду — и ничего.

Одна из задач его подпольного горкома — помощь попавшим в окружение бойцам Красной армии. Утверждали, что кого бы ни посылал Новак в партизанские отряды, все попадали в руки гитлеровцев. Искренне пытавшиеся бороться с оккупантами арестовывались. Свидетелей, понятно, осталось мало. Участвовавших в реальных операциях немцы быстро, словно по чьей-то наводке, выслеживали и расстреливали.

После освобождения Ровно Новак и Бегма рапортовали о проделанной ими большой работе. В том же 1944 году Бегма вновь занял пост первого секретаря обкома. А Новак сумел выставить себя опытным подпольщиком. В соседней Польше, куда его перебросили после освобождения советской территории, он занялся организацией подполья и наставлял поляков на своем хорошо освоенном польском. После войны вернулся в Ровно к старому другу Бегме. Настал период, когда по настоянию части партизан деятельностью Новака в годы войны заинтересовались следователи. Допросы велись корректно. Провал 1937 года в Гоще не затрагивался. Новака просили всего лишь отчитаться о результатах подпольной работы в Ровно с 1941 по 1944 год. На первом допросе Терентий Федорович не смог назвать ни одного уничтоженного его людьми гитлеровца. На втором не припомнил ни единого факта подпольной деятельности. Это подтверждается архивными делами № 19080 и № 19101 Ровенского УКГБ УССР. Но шума поднимать не стали. Не решились тронуть ставленника Бегмы? Не захотели связываться с партийными работниками? Обстановка в Ровенской области в то время складывалась сложная. Продолжалась борьба с бандеровцами. Она затянулась на годы. И менять лояльное к Москве и Киеву партийное руководство не хотели.

Новак тихо ушел в тень. Выжидал. И дождался Звезды Героя. Повторяю: вину, окончательную оценку устанавливает только суд, которого не было и, наверно, теперь уже никогда не будет. А работу по расследованию провели огромную.

Еще раз подчеркиваю, если основываться на выводах Ракитянского, то понятно, кто и каким образом помог СД выйти на след красноармейца Грачева — Николая Кузнецова. Общая картина гибели разведчика понятна. И ее сложно, да и ни к чему опровергать. И тогда все недостающие раньше доказательства и понятные сомнения складываются в выстроенную цепочку.

Сегодня эту версию поддерживают многие исследователи. Среди них и кандидат географических наук, сын участника Великой Отечественной войны Лев Моносов. С 2000 года он тщательнейше собирает и анализирует все документы, связанные с этим сложнейшим делом. Питерский

исследователь уверен: Кузнецова выдали предатели из партийного руководства Ровенского подполья. Цитируемые здесь документы во многом предоставлены именно Моносовым, за что его искренне благодарю.

Не будем ставить окончательной точки и претендовать на абсолютную истину. Но, безусловно, версия заслуживает внимания и рассмотрения. Да, это несколько противоречит книгам ныне покойного писателя, историка разведки Теодора Гладкова, с которым мы столько беседовали о судьбе Кузнецова. Однако ранее неизвестные факты, к тому же подкрепленные документами, постепенно открываются. История нуждается в уточнениях.

Сегодня уже точно доказано: в самом конце 1943-го у СД появились установочные данные на Кузнецова. Есть сведения, будто фашисты узнали, что в отряде этого человека называют Грачевым, якобы была у них и его фотография. Немецкие службы безопасности искали в Ровно не какого-то неведомого партизана-мстителя, а немецкого оберлейтенанта Пауля Зиберта. Все его внешние приметы точно совпадали с обликом и манерами Николая Кузнецова.

Николай Иванович и опытный чекист Медведев чувствовали: оберлейтенант Зиберт под угрозой. Потому и «произвели» его в капитаны. Мастер на все руки, врач отряда Альберт Вениаминович Цессарский изготовил печать из резиновой подошвы сапога и на похищенной партизанами машинке с немецким шрифтом впечатал изменения в подлинную офицерскую книжку своего друга. Однажды Зиберт-Кузнецов, уже капитан, после проверки новых документов понял, что ищут именно его, и бесстрашно останавливал авто с фашистскими офицерами, разыскивая «одного лейтенанта вермахта».

Шаги к гибели

Немцы отступали, под Ровно отряду Медведева делать было нечего. А Кузнецову надо уходить и как можно скорее: круг сужался. Или терпеливо дожидаться прихода Красной армии вместе с партизанами?

15 января 1944 года Кузнецова с шофером Иваном Беловым и удачливым поляком Яном Каминским отправили подальше в немецкий тыл. Во Львове Николай Иванович мог бы, по замыслу большого начальства, укрыться на надежной явочной квартире. Почему приняли рискованное решение? Ведь Кузнецова-Зиберта искали, немецкие патрули ждали его на выходе из Ровно, а командовали ими не какие-нибудь нижние чины, а офицеры в звании майора, имеющие все права задерживать и лейтенантов, и капитанов.

Во Львове Кузнецову пришлось сложно. Явки провалены, верные люди арестованы или сбежали. Приказ уничтожить губернатора Галиции выполнить было невозможно: тот заболел, из Львова уехал, и мститель убил вице-губернатора Отто Бауэра и его секретаря доктора Шнайдера. А потом Николай Иванович с двумя друзьями совершил в городе без ведома Медведева и комиссара Лукина еще один акт возмездия. Проник в штаб ВВС и выстрелами в упор прикончил подполковника Петерса и ефрейтора Зейделя. После войны Лукин клялся, что такого приказа никто Кузнецову не отдавал. Петерс скончался не сразу. Успел сообщить фамилию капитана вермахта. Немцам не стоило труда понять, что это все тот же партизан, который действовал в Ровно. Приметы, манера поведения, способ атаки — совпадало всё.

На выезде из города в деревне Куровичи Зиберта уже ждали, и он с двумя бойцами чудом вырвался, убив майора полевой жандармерии Кантора и перестреляв патруль. Но машину немцы подбили, пришлось к линии фронта передвигаться пешком. И откуда было разведчикам знать, что фронт остановился.

Попали в отряд еврейской самообороны, которым командовал Олие Баум. Там Кузнецова снабдили картами, показали газеты, из которых Николай Иванович узнал, кого он убил во Львове.

Но в отряде было не отсидеться: свирепствовал тиф. Да и терпения пассивно ждать уже не оставалось. В отряде Кузнецов написал подробнейшее донесение — где, когда и кого уничтожил, подписался «Пух» (под таким псевдонимом его знали только в Центре люди

Судоплатова). Положил отчет во внутренний карман кителя и с этим пакетом решил перейти линию фронта. Опять повторю: до чего же рискованно.

В направлении фронта группу Кузнецова повели проводники Марек Шпилька и мальчишка по имени Куба. Эмигрировавший в Израиль Куба рассказал об этом в 2006–2007 годах разыскивавшему его исследователю Льву Моносову.

По словам Моносова, этот уже очень пожилой человек вел себя крайне осторожно. Создалось впечатление, будто трудился в израильской спецслужбе. Даже предупредил россиянина, что поведает обо всем, но категорически запретил приводить свою настоящую фамилию, просил называть его только Куба. Сам проводник лишь годы спустя узнал, что по приказу Баума вел к линии фронта Николая Кузнецова. Хотя твердо понимал: русоволосый в немецкой офицерской форме — советский разведчик.

Тот вел себя скромно, вежливо. Когда добрался с двумя спутниками до отряда самообороны, выглядел уставшим, истощенным. Еды никто из троих не просил, но было понятно — они очень изголодались. Кузнецов улегся на двухъярусных нарах наверху, хотя ему предлагали место внизу. Попросил бумагу и карандаш, сидел у стола, писал что-то, мы теперь знаем что, до ночи при свете тускловатой свечи. Говорил о чем-то с двумя партизанами Федором Приступой и Василием Дроздовым из «Победителей», тоже оказавшимися в отряде. Один из них болел тифом, думали, не выживет, но тот выдюжил.

У прошедших всю войну Приступы и Дроздова судьба сложилась трагически. Бандеровцы не давали жить мирной жизнью. Сколько же людей, не желавших иметь ничего общего с ОУН-УПА, было уничтожено. Можно предположить, что от их рук пали и Приступа с Дроздовым. Оба участвовали в выполнении сложнейших заданий, знали много, очень много о том, кто друг, а кто настоящий враг. Вскоре после войны Василий Дроздов бесследно исчез в районе села Боратын. А Федор Приступа погиб при загадочных, так и не выясненных обстоятельствах в автокатастрофе. Кто и как налетел на его мотоцикл, осталось неизвестно.

Но вернемся в год 1944-й. Перед уходом из отряда еврейской самообороны Кузнецов дал Олие Бауму расписку. Мол, в отряде приняли, напоили-накормили, отправляют по его просьбе в дорогу с проводниками. Грачев очень просил Баума передать Медведеву, что во Львове он задание выполнил и вместе с двумя товарищами по отряду во что бы то ни стало попытается перейти линию фронта, попасть к своим. Разведчику дали

карты, по которым можно было как-то ориентироваться.

Был ли командир отряда еврейской самообороны на связи с Центром? Сказать сложно, похоже, отдельные поручения выполнял. Известно, что Медведев помогал таким отрядам самообороны, чем спас немало людей, обреченных фашистами на смерть. Отсюда и доброжелательный прием, Кузнецову со спутниками оказанный.

Они покинули отряд не 13 февраля 1944 года, как считалось раньше, а только 17-го. В тот день поднялась в лесу настоящая буря. И опытнейший разведчик Кузнецов понимал: уходить надо именно в пургу. Следы затеряются, да и кто сунется в лес в такую жуть. Проводники согласились.

И с 17 февраля по 8 марта 1944 года Кузнецов с двумя бойцами бродил по лесам с секретнейшим докладом. Ошибка? С первого взгляда — да. Но партизаны-медведевцы так не считали. Объясняли действия Кузнецова по-своему. У Николая Ивановича оставалось мало шансов выжить. Написал отчет, ибо понимал, что если даже эта бумага попадет в руки немцев, то все равно исход войны ясен и со временем обо всех его деяниях узнают свои. В конце концов так и произошло — Медведев отыскал отчет во Львове в захваченных Красной армией архивах нацистов.

А Бауму Кузнецов сказал, что если проводники выведут их поближе к фронту, то они с ребятами будут пробиваться. Или, может, пойдут в одно из сел, где его должны ожидать несколько партизан из «Победителей» с радисткой. Тогда постараются связаться с Большой землей и вызвать самолет.

Смерть в Боратыне — не только версия

Даже название местечка, куда спешил Кузнецов с двумя друзьями, пишется по-разному — Борятино, Баратино, будем считать, что Боратын. Рвался туда Николай Иванович не случайно. Именно в этом селе находился, как считал Кузнецов, зеленый маяк, там и должна была ждать его радистка Валентина Дроздова, направленная в Боратын из отряда Медведева. И откуда знать Кузнецову, что вспомогательная группа партизан во главе с Борисом Крутиковым (с ними была и радистка) попала в засаду — и нет теперь никакой радиостанции, да и Дроздова погибла. А партизан рассеяли. Выставить в селе маяк не удалось, какой уж тут вызов самолета.

Дмитрий Медведев писал, что с Кузнецовым условились: в случае, если с отрядом «Победители» встретиться не удастся, то все трое должны разыскать группу Крутикова и остаться с ней. Не выйдет — перейти самостоятельно линию фронта. Не получится — уйти в подполье и ждать прихода Красной армии. Николай Струтинский, соратник Кузнецова, считал главным виновным в неудаче Бориса Крутикова. Тот приказа не выполнил. Должен был обеспечить выход Кузнецова из Львова, охранять его в пути. Но ничего не получилось.

Что ж, у каждого есть право на собственное мнение, а уж у Николая Владимировича Струтинского — тем более.

И опять высказывается подозрение: группу и радистку выдал предатель — бандеровец.

Есть две версии смерти разведчика.

Первая: Кузнецов убит 2 марта 1944 года в бою с бандитами из УПА в лесу около села Белогородка Вербского (теперь Дубновского) района Ровенской области и похоронен в селе Мильче поблизости.

Вторая: Николай Иванович и его друзья погибли 9 марта 1944 года в селе Боратын Подкаменского (ныне Бродовского) района Львовской области в хате Степана Голубовича в схватке с бандеровцами. Чтобы не попасть в руки извергов живым, разведчик подорвал себя гранатой. Причем не противотанковой, как почему-то считалось раньше. Нет, подорвался «лимонкой». Николай Иванович постоянно брал эти гранаты на задания, они всегда были при нем и его группе.

И чем глубже вгрызаюсь я в трагическую историю Героя, тем ближе к истине видится мне вторая версия. Кроме телеграммы, отправленной немцами только 2 апреля 1944-го в Берлин о задержании, заметьте,

«задержании трех советско-русских шпионов», никаких следов гибели Кузнецова в селе Белогородка обнаружено не было. Зато в телеграмме приводится обещание представителей УПА о том, что если немецкая «полиция безопасности согласится освободить госпожу Лебедь (жена одного из главарей УПА. — Н. Д.) с ребенком и ее родственниками, то группа ОУН-Бандера будет направлять мне гораздо большее количество осведомительного материала». Телеграмма подписана оберштурмбаннфюрером СС доктором Витиска.

Похоже, что бандеровцы, убившие Кузнецова, попытались затеять с немцами свою игру. В обмен на «задержанных» и найденный при одном из них (Кузнецове. — Н. Д.) отчет они хотели добиться поблажек для семейства Лебеда. Ведь Кузнецов, и бандиты это знали, был убит, а его секретное донесение находилось у них. Отсюда и сознательное временное смещение. Кузнецов нужен был службе безопасности — СД — живым. И, давая немцам надежды, что скоро они сами смогут допросить неуловимого Зиберта, бандеровцы затеяли торг. Вполне в их стиле и в позорном духе.

Именно эту телеграмму отыскал во львовских архивах Дмитрий Николаевич Медведев. Что и дало ему право написать в книге «Это было под Ровно» о гибели Кузнецова и двух его товарищей в селе Белогородка 2 марта 1944-го. Не мог же Медведев, нашедший телеграмму, предположить, что события развивались совсем по-иному. Свидетельства, добытые позже, уже после смерти Дмитрия Николаевича, не буду писать «опровергают», дают нам совершенно другую версию, но всего лишь версию, гибели его боевого друга.

Сила этой версии в документальности, в тщательной выверенности. Война закончилась, советские спецслужбы безопасности взялись за установление истины, имея на руках гораздо больше документов. Ведь как, к примеру, можно было допросить в 1944-м, даже в 1945 году еще не пойманных бандитов из УПА?

Мы же постараемся подробно восстановить трагические события, произошедшие в ночь на 9 марта 1944 года. С документальной точностью описывает их специальная оперативно-следственная группа чекистов из трех соседних районов Львовской области, расследовавшая с 1958 по 1961 год все обстоятельства гибели Кузнецова и его товарищей. Для этого были допрошены все оставшиеся в живых участники событий: и жители села, и к тому времени арестованные бандиты из УПА. Теперь можно огласить результаты расследования.

Николай Иванович Кузнецов в форме немецкого офицера, но с содранными погонами, Ян Станиславович Каминский и Иван Васильевич

Белов добираются до Боратына. Выходят из леса. Подходят к хате на окраине села. Свет не горит, и двое, именно двое, стучат в дверь, затем в окно, и Степан Голубович их впускает. Хозяин запомнил дату точно: «Это было на женский праздник — 8 Марта 1944-го».

Тут, правда, возникает у меня сомнение. Мог ли знать простой крестьянин, живший в регионе, лишь незадолго до войны присоединенном к СССР, о таком празднике? И нет на это ответа. Может, узнал об этом после войны, когда давал показания. Привязка трагических событий к празднику 8 Марта в 1944 году достоверностью не блещет.

Но зато как точно описывает Голубович «гостей». В наблюдательности и памяти ему не откажешь: «Оба были одеты в форму военнослужащих немецкой армии... Один из них был выше среднего роста, в возрасте 30–35 лет, лицо белое, волос русый, можно сказать несколько рыжеватый, бороду бреет, имел узкие усы. Его внешность была типична для немца. (По этому описанию в «немце» угадывается Кузнецов. — *Н. Д.*) Разговор со мной вел в основном он. (Сначала на немецком, изредка даже на пальцах, потом — на русском. Кузнецов оставался в образе Пауля Зиберта. — *Н. Д.*) Вторым был несколько ниже его, несколько худощавого сложения, лицо черноватое, волос черный, усы и бороду бреет». Наверняка это был Каминский.

Голубович справедливо замечает, что как немцы «могли пойти ночью через лес, если они боялись его пройти днем». Вошли, сразу попросили закрыть ставни. В хате — темнота. В доме кроме Степана его жена с сыном и дочкой, старенькая мама.

Неизвестные попросили поесть, сели за стол, тускло, но освещенный керосиновой лампой. Жена Голубовича принесла хлеб, молоко, картошку. Пришельцы, было видно, изголодались, быстро принялись за еду.

Минут через сорок «.. в комнату вошел вооруженный участник группы УПА “Черногоры”, кличка которого, как мне стало известно позднее, “Махно”^[1] — дает показания Голубович. —.. Не приветствуя меня, сразу подошел к столу. Затем подошел ко мне, сел на койку и спросил меня, что за люди. Я ответил, что не знаю. И через каких-то минут пять начали заходить другие участники УПА. Вошло человек 8, а может, и больше...»

Кузнецов по-прежнему сидел за столом. Спокойно поздоровался, вступил в беседу. Сразу спросил: кто вы такие? Бандеровцы отрезали: «Мы из УПА, ваши документы». И разведчик резко ответил, что это не по закону, не имеете права останавливать немецких офицеров, проверять документы.

Кто-то из бандеровцев вышел из хаты. Как стало позднее известно

Голубовичу, запросил подмогу и в ту же ночь в село ворвался отряд УПА. Бандит вернулся. Снова пошел разговор — жестокий, бескомпромиссный. Трижды бандеровцы требовали поднять руки вверх, но неизвестные отказались и рук не поднимали...

Нависла пауза. Тишина была тревожной. Прошло около получаса. Ситуация понятна: Кузнецов и его товарищ попали в положение безвыходное. Николай Иванович вроде бы стал искать зажигалку, потом попросил прикурить, что-то сказал своему спутнику, тут рухнул на пол под койку, и Кузнецов, приподнявшись, ударил по лампе. Бандеровцы бросились врассыпную: увидели в руках «немца» гранату. Попытались выбраться из хаты и не смогли: дверь открывалась вовнутрь. Раздался взрыв гранаты, которую успел привести в действие Кузнецов. Он пошел на смерть, уложил двух (или одного) бандеровцев, ранил еще нескольких, которых потом отвезли в соседнюю деревню.

А раненый спутник офицера, считаем, что это был Каминский, воспользовавшись суматохой, схватил портфель, выбил оконное стекло и выпрыгнул в темень. По нему тотчас открыли огонь. Стрельба, вспоминает Голубович, продолжалась минут пять. Уйти от бандитов не смог. Соседка Степана Голубовича уверяет: бандеровцы отыскивали беглеца, раненного в руку, в стогу сена неподалеку. Провели через село. Больше живым его не видели.

Но вернемся к Кузнецову. Истекая кровью, Николай Иванович прополз несколько метров до двери, а из разорванного живота, как свидетельствуют Голубович и его жена, тянулись, тянулись по полу хаты кишки. Он был ранен в лоб, в грудь и в живот. После взрыва гранаты правая кисть оторвана, но, как говорят Голубович, его жена Текля и сын Дмитрий, 1931 года рождения, бился за жизнь до конца, пытался доползти до порога. Через несколько минут он скончался. Это же подтвердили на допросах соседи Голубовича — Федор Кондратьевич Струха, 1905 года рождения, и Николай Громяк. Их показания во всем сходятся. Пятеро свидетелей подтверждают картину гибели, приводя убедительные доказательства. Никаких оснований ставить картину происшедшего под сомнение нет.

А вот и свидетельские показания с чужой стороны. После войны был пойман активный участник УПА Куманец, известный по кличке «Скиба». Он скрывался под фамилией Зозуля. «Скиба» — один из тех, кто в ту ночь пытался арестовать «гостей» из леса. Его показания исключительно ценны. Если верить бандиту, в хату бандеровцы заглянули случайно. Надо было где-то заночевать, увидели тусклый свет в оконце. Зашли и поняли, что наткнулись на советских шпионов. «Скиба»-Куманец был тяжело ранен

взрывом гранаты.

Верить ли «Скибе», что «заглянули случайно»? Какой был смысл выдавать своих? Потянулась бы ниточка, а за ней новые вопросы. Есть значительная вероятность, что на хату Голубовича бандеровцев навели. Но кто?

Сразу после взрыва гранаты Голубович схватил дочку, побежал к соседям, которые его спрятали. Но бандеровцы уже знали, что в хате у Голубовича скрывались никакие не немцы, а переодетые в их форму партизаны. Степана и его семью должны были казнить за связь с ними. И тут Голубовичу вновь повезло. Его сосед Семенюк, которому нелюди из УПА доверяли, поклялся: Голубович не виновен, он за него ручается. И Степана не тронули.

Утром Голубович увидел человека, убитого в хате. Он лежал на холодной земле лицом вниз. Бандеровцы, в этом не может быть никаких сомнений, обыскали труп, нашли отчет Кузнецова — «Пуха».

Вскоре после гибели разведчика вошли в село немцы. Услышали, что в Боратыне убили офицера вермахта. Не разобравшись, приказали село сжечь, ворвались в одну из хат, схватили кого-то из УПА и тут же расстреляли.

И только тогда начальники из УПА доложили немцам о захваченном ими секретном документе. Фашисты его взяли, обещали выполнить просьбы бандеровцев смягчить режим содержания одного из главарей — Лебеда. И хотя тому и без этого в лагере жилось нормально, Лебедю и его семье немцы помогли. Тот период характерен еще более тесным сближением гитлеровцев с ОУН-УПА. В сентябре 1944-го после беседы Бандеры с рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером украинские националисты получили от немцев оружие для борьбы против общего врага — Красной армии. И даже когда фашисты вовсю драпали от наших из Польши, Бандеру они не бросили. Спасать бандита поручили главному головорезу Рейха Отто Скорцени. Об этом сам диверсант свидетельствовал на Нюрнбергском процессе: «Это был тяжелый маршрут. Я тащил Бандеру по радиомаякам, которые были оставлены в тылу войск вермахта в Чехословакии и Австрии. Гитлер приказал доставить Бандеру, чтобы тот продолжал работу». Насколько же связаны были главари фашистов с Бандерой, как им дорожили.

Но вернемся в Боратын. За село шли кровопролитные бои, оно несколько раз переходило из рук в руки. Кузнецова долго не хоронили. Март выдался снежным. И тело Николая Ивановича засыпали снегом. Так он и лежал, земле не преданный.

Бандеровцы сопротивлялись отчаянно. В этих местах они были сильны. И все равно немцев и УПА из села выбили.

Кузнецова похоронили. По свидетельству очевидцев — с почестями. Но в суматохе большой войны, в весенние месяцы таяния снегов, в сложный период, когда бандеровские недобитки держали в страхе любого, мало-мальски заподозренного даже не в симпатии, а в лояльности к советской власти, провести эксгумацию захороненного героя не смогли. Могилу отыскивали лишь после Победы. На поиски захоронения у лейтенанта госбезопасности Николая Струтинского ушел целый год.

В отряд Медведева вся семья Струтинских пришла в середине сентября 1942-го — отец, мать, трое сыновей с детьми. Командовал этой семейной группой партизан один из сыновей — Николай. Со временем бывший шофер стал надежным соратником, спутником, хранителем Кузнецова. Участвовал в большинстве его операций, совершая вместе акты возмездия.

А Степан Голубович знал, где покоятся останки Кузнецова. Но молчал. Укажи он чекистам могилу, и бандеровцы его бы не пощадили. С бандитами он связан никак не был, и за содействие советской власти его да и всю семью националисты бы растерзали.

Струтинскому пришлось разыграть хитрую комбинацию. К могиле его вывел бандеровец. Потребовал за это такое, на что власти никогда бы не пошли. А Струтинский на свой страх и риск согласился, обещал помочь и слово сдержал.

Мешали Струтинскому и тогдашние партийные секретари Львовского и Ровенского обкомов. Стращали: все равно не докажешь, что это Кузнецов. Даже череп друга Николаю Владимировичу долгое время пришлось хранить дома. Но однажды в квартире Струтинского раздался телефонный звонок. Его предупреждали: люди из ОУН-УПА узнали, что череп хранится у вас в столе, могут похитить.

Но тогда конец всем попыткам доказать, что принадлежал он именно Кузнецову, убитому в Боратыне. И Струтинский, так до конца дней своих и не узнавший имени предупреждавшего, быстренько переправил череп в служебный сейф своего друга, следователя Рубцова. Были ли попытки выкрасть череп из квартиры Струтинского? Неизвестно.

По признанию Струтинского, он ненавидел тех, кто сразу после Победы пытался дать «националистические трактовки войны». Повторял: «Некоторые называют Кузнецова террористом. Но ее Величество История чтит точность. А еще — справедливость. Я ходил с Кузнецовым в разведку, каждый раз — на верную гибель. И пока дышу, буду до конца оставаться

живым свидетелем доброго имени нашего разведчика — сына народа российского, сына народа Украины».

И все же для полноты картины приведу точку зрения Адолия Ливана. Бывший житель Львова, переехавший в Магадан, не согласен с тем, что Кузнецов погиб от рук бандеровцев. Считает, что «случай не представился, — пишет он. — Это я говорю не ради их оправдания, а ради приближения к истине». Ливан ссылается при этом на «Летопись УПА». В ней, изданной еще в 2012 году, 27 томов, в которых приводятся все столкновения бандеровцев с немцами, с польскими и нашими партизанами, подразделениями Красной армии. А вот эпизода гибели Кузнецова там нет.

А по-моему, и в этом прослеживается определенная бандеровская линия. Нет им резона выдавать тех, кого мы считаем замаскировавшимися предателями, а оуновцы — героями.

Истина

17 сентября 1959 года была проведена эксгумация неизвестного в немецкой форме, похороненного на окраине Боратына. Опрошены брат и сестра Кузнецова, его друзья из отряда «Победители». Проведены судебно-медицинские исследования. Все указывало на то, что «неизвестный мог быть Кузнецовым». Подтвердил это и врач «Победителей» Альберт Цессарский, присутствовавший при эксгумации. Кому, как не доктору, почти полтора года прожившему в одной землянке с Кузнецовым, было понять: да, это Николай Иванович.

До этого гипотеза о том, что Кузнецов взорвал гранату, отвергалась. Но провели баллистическую экспертизу и так называемую взрывотехническую экспертизу. Это и помогло установить: кисть руки оторвана в результате взрыва гранаты. Совсем не обязательно, что граната была противотанковой.

И все равно доказательств, по мнению местных властей, не хватало. Однажды Струтинскому так и сказали: ведь у этого, найденного, нет с собой паспорта. И тогда по совету сестры Кузнецова Лидии он обратился в Москве к знаменитому ученому, заведующему лабораторией пластической реконструкции Института этнографии Академии наук СССР Михаилу Михайловичу Герасимову. И через две недели тот выдал официальное заключение: «Представленный на специальную экспертизу череп действительно принадлежит Кузнецову Н.И.».

На этом можно было бы поставить точку. Однако не получилось. Эпопея с новым опознанием тела Николая Ивановича Кузнецова продолжалась. По настоянию по-прежнему сомневавшихся в августе 1988 года была проведена еще одна судебно-медицинская экспертиза. На кладбище в селе Мильче вскрыли могилу с останками трех неизвестных. Тщательное исследование продолжалось больше трех месяцев. Комиссия пришла к заключению, изложенному в документе № 216 от 10 декабря 1988 года: «Представленные на исследование останки скелетов имеют существенные различия с личностями Кузнецова Н.И. и его товарищей».

На этом и завершу эту часть главы: результаты исследования опровергают версию о том, что Кузнецов с друзьями погибли в бою с бандеровцами недалеко от Белгородка и похоронены в могиле в селе Мильче.

Могли расстрелять и свои

Неудавшиеся покушения на рейхскомиссара Украины Эриха Коха — очень сложная страница в судьбе разведчика-мстителя Кузнецова. Хотя моменты простые встречались в его жизни разве что в детстве. Отчасти справедливо считается, что основной задачей «Грачева» — «Пуха» в спецподразделении «Победители» было совершение акта возмездия над Кохом, причастным к уничтожению на Украине четырех (!) миллионов человек. 2,5 миллиона были вывезены на принудительные работы в Германию.

Его бесстыдные лозунги, жесточайшие высказывания, растиражированные доктором Геббельсом, приводились в пример, как образец идеального понимания и осуществления целей нацистской Германии: «Украинцы — это оскотинившиеся русские, которые за идею Украины готовы зарезать даже собственную жену. Они — идеальные борцы против Красной армии, но после подлежат тотальной санкции, как самые страшные варвары». Или еще одна цитата: «Мне нужно, чтобы поляк при встрече с украинцем убивал украинца и, наоборот, чтобы украинец убивал поляка. Нам не нужны ни русские, ни украинцы, ни поляки. Нам нужны плодородные земли... Кто верит, что может добиться у славян благодарности за мягкое обращение, тот формировал свои взгляды не в Н.Д.П, а в каких-то интеллигентских клубах». Даже министр восточных оккупированных территорий Альфред Розенберг испугался таких откровенных высказываний и попробовал через личную канцелярию фюрера пожаловаться на Коха: «Если украинцы повернутся против немцев, это будет результатом политической деятельности рейхскомиссара Коха». Гитлер эту жалобу проигнорировал.

Ясно, что Адольф ценил неистового нациста Коха. Еще в 1933 году по приказу пришедшего к власти Гитлера в его личное распоряжение передали членские билеты нацистской партии с номерами от 1-го до 100-го. Билет № 90 вручили Эриху Коху. В голове у фюрера крутилась зловещая идея. После падения Москвы Кох назначался рейхскомиссаром всей России. Режим на этой территории, населенной недочеловеками, должен был быть еще более безжалостным, чем на других завоеванных землях.

Не сбылось. А Кох вдобавок ко всему оказался трусом. Биться с Красной армией — это не убивать беззащитных. И когда в марте 1945-го палач со своим штабом оказался в осажденном Кенигсберге, он бежал

оттуда с группой своих нацистских сатрапов. На самолете поместилось и награбленное на Украине. Потом Кох на ледоколе «Восточная Пруссия» доплыл до немецкого городка Засница, из него — до Копенгагена и, наконец, оттуда прибыл в Фленсбург. Мало кто помнит, что в этом северном германском городе в самые последние дни Второй мировой войны обосновалось последнее нацистское правительство, просуществовавшее девять дней. Обнаглевший Кох потребовал от его главы Карла Деница предоставить подводную лодку, которая доставила бы его в Южную Америку. Но гросс-адмирал Дениц никакой лодки Коху не дал.

Тем не менее одному из самых безжалостных руководителей Третьего Рейха повезло. Кох под чужой фамилией и с фальшивыми документами обосновался в зоне союзной оккупации и, возможно, так бы и не был пойман, если бы не его всегдашняя, переходящая всякие границы наглость. В 1948 году выступил на сборище фашистских недобитков с хамской речью, был опознан и арестован англичанами. Некоторое время спустя те передали его советским союзникам.

И тут начинается странное: Советский Союз отдал палача полякам за преступления, совершенные Кохом на их территории. В Польше лет десять тянули с судом, только в 1959 году убийцу приговорили к смертной казни. И вдруг сами же мерзавца и помиловали «из-за слабого здоровья». С этим «слабым здоровьем» нацистский преступник Эрих Кох дожил до 90 лет, умерев в старинной польской тюрьме в 1986 году. Пол камеры был устлан коврами, палач часами смотрел телевизор, его выпускали на прогулки. Он грубил охране. До последних дней своих оставался подлым наглецом, не отступившим от изуверских взглядов.

Мне был непонятен наш жест: почему палача Коха отдали Варшаве? Недавно получил неофициальное разъяснение. В те годы мы с Польшей не только вроде как дружили, но и заигрывали. Передача Коха, уничтожившего десятки тысяч поляков, должна была быть воспринята союзниками по соцлагерю как жест доброй воли. Судите преступника, убивавшего ваших соотечественников. Поляки судили, но по-своему. По существу простили убийцу миллионов невинных людей.

Вот на этого ублюдка и охотился Николай Кузнецов. Первая попытка уничтожить рейхскомиссара на параде в честь дня рождения Гитлера не могла увенчаться успехом. Кузнецов должен был стрелять в Коха прямо из толпы, но тот на парад не явился. Затем оберлейтенант Зиберт добился личной аудиенции у Коха. 31 мая 1943 года Николай Иванович готовился пожертвовать собственной жизнью, но охрана была столь бдительна, продуманна, что даже достать пистолет из кобуры, не то что выстрелить,

физически не представлялось возможным.

После неудачи с покушением на Коха Кузнецов вернулся в отряд. За невыполнение задания его арестовали. По некоторым данным, хотели даже расстрелять. Объяснения Николая Ивановича, что совершить акт возмездия было нереально, не убедили командиров. Медведев был настроен серьезно. К этому вынуждали особые обстоятельства. Жалость и мягкотелость в некоторых случаях могли погубить весь отряд.

В период одной из редких передышек Медведев с Лукиным почувствовали, что дисциплина в отряде, особенно среди бойцов, присоединившихся к «Победителям» уже под Ровно, стала падать. Люди маются без дела, ищут ненужных приключений, изредка, но вступают в конфликт с местными жителями. Пошел слухок — даже мародерствуют. Проверили двух парней и обнаружили у них золотое кольцо с бриллиантом. Откуда? В объяснениях оба путались, получалось вроде как «это я мстю». Двух мародеров поставили перед строем и расстреляли. Больше случаев мародерства в отряде не было. Не зря бойцы отряда не только уважали, но и побаивались Медведева, называя его «железным полковником».

Арестовав Кузнецова, Медведев запросил шифровкой Центр, что делать дальше. Помимо непосредственного начальника Зиберта генерала Судоплатова, с радиограммой ознакомился первый заместитель наркома безопасности Богдан Кобулов, стоявший по служебной лестнице повыше. Видимо, были у него какие-то собственные источники информации. Резолюция Кобулова — расстрельная: ваш Кузнецов пьет водку, развлекается с девками и вообще давно снюхался с немцами.

И кто знает, как бы поступили с Зибертом, не вступишь за него Павел Анатольевич Судоплатов. Его трудно заподозрить в излишнем добродушии. Бывший нелегал, лично «уложивший», как говорят на профессиональном жаргоне, создателя и руководителя ОУН полковника Евгена Коновальца, знал по собственному опыту, что такое ликвидация круглосуточно охраняемого объекта. К тому же Кузнецов был очень нужен Судоплатову не только для уничтожения Коха. Именно Николаю Кузнецову предстояло определить, где находится ставка Гитлера, что он и сделал, сообщив: она в Виннице. К тому же в 15-минутном разговоре с Зибертом Кох проговорился, назвав главное направление немецкого удара летом 1943 года: под Курском будет большая битва, которая перевернет ход войны и сломает хребет «Ивану». Есть и еще одна не до конца изученная страница в деятельности разведчика-нелегала. С помощью Лидии Лисовской он пытался собирать сведения о секретных испытаниях немецкого сверхоружия. Думается, речь не об атомной бомбе, а о созданных Вернером

фон Брауном снарядах ФАУ-2. Данные об успешной работе над ними тоже пришли в Центр из ровенских лесов.

И по планам Судоплатова сделать Зиберту предстояло еще немало. Рассматривался вариант физического устранения фюрера. Один из наиболее реальных исполнителей акта возмездия — тот же Кузнецов. Правда, Сталин долго не решался отдать команду на уничтожение фюрера. В конце концов, эту акцию Иосиф Виссарионович запретил. Не без основания опасался, что убьют Адольфа и его окружение бросится договариваться с англичанами и американцами о сепаратном мире. Кроме того, Сталин уже тогда планировал организовать международный суд над главарями Третьего Рейха, на котором Гитлер должен был стать главным обвиняемым.

После неудачи с покушением на Коха Кузнецов не ожидал ареста. Он был удручен, глубоко обижен, но не сломлен. Да и когда в Москве проанализировали сведения, полученные Зибертом в разговоре с Кохом, расстрельные настроения спали. Пусть и косвенно, но фашист дал понять офицеру вермахта: ваше место не в тылу, а на фронте, где в районе Курска назревают серьезнейшие события. Информация Николая Ивановича была подтверждена сообщениями других разведчиков — наших и иностранных. О событиях, вошедших в историю под названием величайшего и победного сражения Второй мировой войны — на Курской дуге, помнят и сегодня.

Кузнецов спас от немцев, Медведев — от ГУЛАГа

Олег Ильич (Арон Эльевич) Чеповский (1915–1986) — еще один подопечный разведчика Кузнецова. Окончив военное училище, Чеповский начал войну в 1941 году в звании лейтенанта. В сентябре командир артиллерийской батареи был ранен в бою близ Невеля и попал в плен. Через неделю немцы его расстреляли. Яму, куда сбросили тела, лишь прикопали землей: назавтра гитлеровцам предстояло продолжить свое черное дело. И тут чудо — Чеповский пришел в себя, выполз из расстрельной ямы. Его, израненного, с перебитой кистью, прятали добрые люди. Долгое время скитался. В 1942 году добрался до Луцка.

Тут ему снова повезло. Каким-то образом он встретился с Пашей (Прасковьей) Савельевой — уникальной девушкой, после института распределенной в Луцк и так города не бросившей. Она не хотела отсиживаться, выжидать. Организовала подпольную группу вместе с другими патриотами — братьями Вячеславом и Виктором Измайловыми. А когда Виктор Измайлов погиб, стала ее командиром. Сумела связаться с отрядом Медведева, чьи поручения всегда выполняла.

Паша Савельева и ее люди лечили раненого Чеповского. Прятали от немцев и украинских националистов у надежных друзей. Изготовили для Чеповского документы — он стал украинцем Алексеем Харченко. Но долго оставаться на явочной квартире стало небезопасно. Пришла пора перевести лейтенанта в другое место. Вечером и ночью — никак нельзя: действовал комендантский час. Путь предстоял долгий. Решили, что днем безопаснее, сопровождала его Паша Савельева.

Но Чеповского, как только он вышел на улицу, выдали две девки — немецкие подстилки. Начали орать, и как назло быстро подоспели полицаи. Ситуация накалялась, Чеповского окружили. Собравшаяся толпа готова была растерзать пленника — еврея. Полицаи схватили Чеповского. За арестами подобного рода следовал расстрел. А тут начался самосуд. «Добровольцы»-националисты избивали Чеповского смертным боем.

Но в рубашке родившегося Чеповского спас немецкий офицер. От этого наглого истукана веяло таким холодом. Он смотрел на полицейских с презрением истого арийца. Процидил сквозь зубы дерзко, зло: «Болваны... Его знают все наши. Отпустить» — и пальцем брезгливо показал на Чеповского, уже мысленно попрощавшегося с белым светом. Окаменевшие полицаи подчинились безропотно. Этот фриц мог и пристрелить. Коротко

процедил, обращаясь к пленнику: «Пошел за мной». И увел от смерти.

Каким образом оказался рядом с Чеповским Пауль Зиберт? Да, это был он, самоуверенный, жесткий, решительный офицер вермахта. Возможно, страховал людей Савельевой, присматривал. И проявил себя в нужный момент? Или Чеповскому просто повезло? Скорее второе. Никаких свидетельств того, что заранее предупрежденный Кузнецов прикрывал Савельеву и ее подопечного, нет.

Вот как описывает боевой эпизод по рассказам самого Чеповского его сын Валерий: «В этот самый момент к полицаям подошел немецкий офицер, который на ломаном украинском языке в жесткой форме потребовал от полицейских немедленно освободить моего отца, а толпу разойтись. Офицер заявил полицаям, что мой отец ему знаком, т. к. работает у него в качестве слуги, он его знает, и он украинец по национальности.

Полицаи и толпа не могли ослушаться приказа немецкого офицера, и мой отец таким образом был спасен от смерти... Он благополучно добрался до места, где продолжал укрываться и лечиться. Как стало впоследствии отцу известно от подпольщиков г. Луцка, спасшим его немецким офицером был советский разведчик Николай Иванович Кузнецов».

Потом Чеповский был у Николая Ивановича на связи. В Луцке добывал бланки гитлеровских документов, образцы печатей, топографические карты.

Не раз участвовал в Луцке и Ровно в рискованных операциях вместе с Кузнецовым и Струтинским. Однажды Савельева и Чеповский получили через спасителя Кузнецова задание от Медведева. На станцию Узловая, между Луцком и Ровно, привезли из Рейха химическое оружие. Один, хотя бы один снаряд надо доставить в распоряжение отряда.

Чудом, опять каким-то чудом, задание выполнили: «Скрытно подошли к тому месту, где по нашим расчетам должен был находиться часовой. Вышли на него точно, — по-военному коротко, без прикрас — таков уж его стиль, описывает сложнейшую операцию Чеповский. — Стремительный бросок — и бездыханное тело фашиста с глухим стуком падает на землю... Вся операция заняла несколько секунд». Снаряд похитили, и Чеповский добрался с ним до медведевцев. А дальше по приказу командира перешел со снарядом через линию фронта, отдал нашим, потом снова вернулся в отряд. За проведение успешной операции награжден. Но разведчик особенно гордился другим: «За это командир отряда Д.Н. Медведев вручил мне часы».

А когда в Луцке оставаться стало опасно, Медведев взял его в свой отряд. Вот что пишет в характеристике Чеповского бывший командир «Победителей»: «Находясь в отряде, Чеповский участвовал в боевых операциях против гитлеровцев и банд предателей, а также вновь посылался командованием отряда в гор. Луцк — на связь с подпольем, когда эта связь почему-либо прерывалась. Награжден орденом Красной Звезды, медалью «Партизан Великой Отечественной войны» 2-й степени».

Кузнецов сам подбирал бойцов, которые должны были прикрывать его при похищении генерала Ильгена. В числе наиболее надежных выбрал и Чеповского. А помимо прочего, Николай Иванович ценил в подчиненных знание языков. Чеповский говорил на украинском, польском, немецком. Описание Чеповским акта возмездия, совершенного над генералом, поражает простотой, за которой скрывается продуманная жестокость. С палачами не церемонились: «Подъехал генерал. Отпустив машину, вошел в дом. Его сбили с ног, скрутили и затолкали в нашу машину. Но до отряда довести не сумели. СД перекрыла все выезды из города. Фашистского палача мы расстреляли после допроса с пристрастием (честное признание. — Н. Д.) на одной из конспиративных квартир. Тело сумели спрятать и ночью закопать на одном из пустырей города».

Чеповский не без оснований называет машину, на которой разъезжал Кузнецов, «нашей». Угнал ее именно он.

Когда Ровно освободили, большинство некадровых бойцов отряда влилось в состав Красной армии. Чеповский еще повоевал, а затем вдруг его вызвали в особый отдел. А после — трибунал. Ему не поверили. Какой партизанский отряд? Какая Савельева? Был в плену, болтался несколько лет неизвестно где. Кавалера боевого ордена Чеповского ждал лагерь.

Необыкновенно после войны популярная книга Медведева «Это было под Ровно» добралась даже до ГУЛАГа и попала на глаза Чеповскому. Загадка, однако, как его письмо по адресу «Москва, партизанскому командиру и писателю товарищу Дмитрию Николаевичу Медведеву» нашло адресата. Все-таки где-то и в чем-то Чеповский был везуч. Завязалась переписка. И Дмитрию Николаевичу удалось вытянуть своего бойца на свободу. После он был полностью реабилитирован. В его доме в Уфе хранилась книга «Сильные духом» с дарственной надписью «Бывшему бойцу и разведчику отряда — Олегу Чеповскому от б. к-ра и автора. Дмитрий Медведев. 12.IX. 51 года. Г. Москва».

С Пашей, по-настоящему Прасковьей, Савельевой было гораздо хуже. Немцы ее арестовали. Она молчала и под пытками. Нацарапала чем-то на стене кельи, превращенной в камеру, последние слова: «Приближается

черная, страшная минута! Все тело изувечено — ни рук, ни ног. Но умираю молча. Как хотелось жить!» Никого не выдала, навсегда уходя, верила в победу. 12 января 1944 года немцы и украинские националисты сожгли ее заживо во дворе тюрьмы. До освобождения Луцка Красной армией оставалось три недели.

А Чеповский, спасенный Пашей и Кузнецовым, остался жить.

Верить — не верить?

3 июня 2017 года на книжной ярмарке на Красной площади я рассказывал читателям о героях своих книг. Несмотря на ненастную погоду, разбитый прямо на брусчатке шатер был полон народа. В этой густой толпе я заметил очень немолодого человека лет эдак под девяносто. Аккуратнейше, не без некой нарочитой старомодности одетый, он внимательно слушал и сопереживал.

А когда пришла пора задавать вопросы, потянулся за микрофоном. Сказал, что у них в деревне под Винницей останавливался Николай Кузнецов, которого он хорошо запомнил. И я попросил читателя ни в коем случае не уходить, остаться. После выступления мы разговорились. «Доктор Медвецкий Анатолий Иванович, — представился он. — Долгие годы работал в Кремлевской больнице, оперировал. Потом ухудшилось зрение, и занялся проблемой долголетия. Помогаю людям жить подольше». Подарил свою книгу «Советы доктора Медвецкого», напомнил, что раньше вел передачу о здоровье в программе «Добрый вечер», но сейчас ему 90, и, понятно, об этой передаче мало кто помнит.

Зато Анатолий Иванович помнил Николая Кузнецова. Я постараюсь привести его рассказ полностью, а выводы сделать чуть позже. Итак, слово доктору Медвецкому:

— Вторая половина 1942 года, мне было тогда 13. По Украине всюду расхаживали немцы. Чувствовали себя уверенно. Это потом, уже к 1943 году, когда партизаны набрались силенок, они боялись и нос сунуть в деревни и хутора поблизости от леса. И мы, жившие в небольшой деревеньке в Винницкой области, не удивились, когда как-то вечером к нам нагрянули фрицы с полицаями. Приехали на нескольких телегах. Солдаты расположились в палатках поблизости, а офицер с двумя парнями в немецких гимнастерках вежливо попросились на постой в нашу хату. Это меня и удивило — нежданная их вежливость.

Жили мы даже не бедно, а впроголодь. Питались остатками урожая, нами с мамой на полях собранными. Были все тощими, голодными, может, и несколько одичалыми. И тут немцы снова удивили. Принесли в дом рюкзак с консервами, поели сами, а потом оставили несколько консервных коробок нам. И сегодня я помню вкус тех консервов — рыбных, сочных, во рту тающих. С тех пор до сегодняшнего дня люблю открыть баночку с рыбкой да закусить ею под картошечку. Что может быть лучше, если не

перебарщивать, если не каждый день. Это я уже говорю вам, как доктор. Тогда же вдруг закралось: «Чтой-то немцы такие добрые? Прямо какие-то ненастоящие». Мы-то в своем хуторе уже имели дело с такими наезжающими. Вычищали все наши запасы до корки, забирали живность, валили плетни. Всю неделю приходилось приводить хозяйство в порядок.

А эти немцы переночевали, утром попросили воды, чтоб помыться. Мама сливала воду на спину светловолосого оберлейтенанта. И, улыбаясь, честила его, как только могла, на русском вперемежку с украинским. «Чтоб ты подох, подлюга!» — было еще одним из самых мягких. Эта смесь двух языков насмешила нас, мальчишек. Обер ничего не понимал, лишь улыбался под струями воды, повторял нечто вроде «Гут, фрау, гут». Мама совсем разошлась, весело проклинала уже всю родню лейтенанта по его женской линии.

Тут и произошло необычное. Офицер, ну типичная немчура, весь из себя ариец, жестом попросил мать отойти вглубь двора. И сказал ей пару слов. Мама, это я увидел пусть и издалека, прямо осела. Кивнула немцу, а он уселся в подкатившую телегу, махнул на прощание рукой и больше мы никогда его не видели.

Оказалось, офицер хорошо говорил на русском, польском, украинском. И предупредил маму: ваши чувства понимаю, но будьте сдержанны, ругаться с немцами — нельзя, вдруг они, как и я, говорят и понимают. Да вас бы за такое обязательно расстреляли. Берегитесь, вам детей растить, а вы, как девчонка, поступаете неосторожно. Ради чего?

Мама, а вместе с ней и мы были поражены. И когда к нам, на глухой хутор, впоследствии наезжали немцы, вели себя с ними по-другому. Хотя таких немцев, как эти, больше никогда не видели.

Прояснилось все после войны. Заглянул к нам как-то на хутор один из тех, кто был тогда с офицером. Рассказал, что группа партизан во главе с оберлейтенантом, на всю жизнь нам с мамой запомнившимся, искала тогда ставку Гитлера. И действительно, нашли ее под Винницей, недалеко от места, где мы в годы оккупации жили. Мы тоже кое-что об этой ставке, называвшейся «Вервольф», потом слышали. Рассказывали, что 12 тысяч советских военнопленных, ее строивших и тянувших провода связи, были фашистами расстреляны. Назвал тот партизан и фамилию разведчика, носившего форму немецкого оберлейтенанта: Николай Кузнецов, Герой Советского Союза.

Я видел фотографии Кузнецова в немецкой форме. Это, конечно, был он, тот самый «немец», оставивший нам, оголодавшим, рыбные консервы и нагнавший на нас столько страха, зато предупредивший об опасности,

может, и беду отогнавший.

... Дорогие мои читатели, я всегда отношусь к вам с глубоким уважением. Купить книгу, а они теперь дешевыми не бывают, прийти на презентацию — это для меня и выражение признательности к теме разведки, к автору. С некоторыми из вас, превратившимися в моих постоянных спутников, годами переписываюсь, пусть порой отвечая на послания с некоторым опозданием. Иногда вы присылаете редкие документы, имеющие прямое отношение к моим героям, вырезки из журналов, ваши воспоминания, с содержанием моих книг связанные. За все это — глубочайшая моя благодарность. Все читаю, кое-что использую.

Но как относиться к рассказанному старым доктором? Верить? Однажды мне представилась пожилая дама, назвавшаяся внебрачной дочерью великого советского разведчика. Кое-что поведала о папе. Проверил и огорчился — выдумка, полная ерунда. Однако Анатолию Ивановичу Медвецкому я все же верю. Хочу верить. И вот почему. Не зря у нас многие русские былинные герои обретают реальные черты. Персонажи народных сказаний превращаются в людей истинных и вполне реальных. Возможно, так происходит и с Николаем Ивановичем Кузнецовым — Героем Великой Отечественной войны, а сегодня и важным действующим лицом воспоминаний тех, кому есть о чем в жизни вспомнить. Если даже и миф, то достойный, вызывающий добрые чувства, отвечающий нашим представлениям о том, каким был и остался в народной памяти герой-разведчик. Так что спасибо, доктор Медвецкий.

А сейчас обращусь к воспоминаниям тяжелым. Да и какими им быть, если речь пойдет об уничтожении верных помощниц Николая Ивановича Кузнецова.

За смертью на грузовике

Глубоко переживала гибель Кузнецова его помощница Лидия Лисовская. До чего сложный персонаж. Тут не пройдут никакие эпитеты. Надо вчитываться, анализировать, размышлять, не торопиться и с осторожными выводами.

Девичья фамилия Лисовской — Демчинская. Настоящее имя красавицы-польки, 1910 года рождения, не Лидия, а Леокардия. А сколько оперативных псевдонимов — «Лик», «Веселовская», «пани Лёля», «Фарфоровая куколка», она же «Порцелянова ляля»... В 1930 году победила в национальном конкурсе красоты «Мисс Полония».

Вокруг — толпы поклонников. Среди них, по рассказам, и отец Владимира Жириновского — Вольф. Что ж, возможно, молва не обманывает.

Демчинская прекрасно танцевала, пела, хорошо готовила, уверенно держалась в седле, стреляла без промаха и умело кружила головы мужчинам, терпеливо дожидаясь, когда ее жених Ежи Лисовский дослужится до капитана и получит разрешение на женитьбу. Дождалась, но началась Вторая мировая война, Ежи попал на фронт и осенью 1939 года пропал без вести. Как убеждал Лидию вошедший в ее родные места офицер Красной армии, Лисовского убили фашисты. Лисовская не знала, что это не так, и уж совсем не дано было предположить, что муж переживет ее на четыре с половиной десятилетия. Есть основания полагать, что дружественно настроенный к Советам Ежи Лисовский занимался в Армии Крайовой вопросами разведки. Один из его родственников после войны дослужился до важного поста в Министерстве обороны Польши.

Но, конечно, Ежи Лисовский не мог и предположить, что его жена волею судьбы превратится в агента четырех разведок.

В 1938 году не прошла мимо Лидии английская Сикрет интеллидженс сервис. Но Лидия Лисовская к англичанам отнеслась относительно холодно. Любила Польшу и мужа. Немцев ненавидела.

В 1940-м (по другим сведениям в 1939 году) ее, плачущую, увидел на почтамте города Ровно советский офицер. Пожалел, приободрил. Потом, познакомившись поближе, сотрудник Ровенского отдела контрразведки НКВД «разузнал» о погибшем муже и как бы между прочим завербовал, поведав о смерти Ежи от рук фашистов. Офицер Красной армии, он же опытный чекист, установил с Лисовской добрые отношения, а потом с

разрешения начальства привлечь к оперативной работе. Дело агента подразделения контрразведки Ровенского отдела НКВД направили в Москву. Так что уже до войны Лисовская добросовестно оказывала советским органам госбезопасности серьезные услуги.

Немцы напали на СССР, но даже в полной сумятице лихорадочного отступления люди из НКВД успели предупредить Лидию, что на нее вскоре обязательно выйдут «свои»: надо будет отозваться на пароль «Вам привет от Попова».

Но «свои» что-то долго не приходили, а немцам блондинка с длинной косой очень приглянулась: вот они ее и завербовали.

В истории разведки немало двойных агентов, встречались и тройные. Четверных известно немного.

В 1942 году она уже помогала диверсионно-разведывательному отряду НКВД Медведева. «Свои» долго проверяли Лисовскую — официантку ресторана для немцев «Дойчегофф». Опытнейший Медведев справедливо предполагал, что такую лакомую яркую даму могут использовать охочие до блондинок фашисты.

В 1942 году Лисовская была передана на связь Николаю Кузнецову в Ровно. Даже снимавший у нее комнату оберлейтенант Зиберт поначалу использовал Лидию втемную. Вешал лапшу на уши, восхваляя вермахт, клял русских и партизан. Лисовская полагала, будто Зиберт — каратель. И, не выдержав, обратилась к партизанскому связному Гнидюку: достаньте яд, и я отравлю мерзавца Пауля.

Тут этот самый Пауль и передал Лисовской «привет от Попова». И все, что ненавистный Зиберт вытягивал из красоты, действуя «под чужим флагом», пошло теперь к нему напрямую.

Нисколько не умаляя заслуг Николая Ивановича, скажу, что тот огромный объем разведывательной информации, который передавал в Ц, ентр Кузнецов, получить без Лисовской было бы невозможно. У нее образовался широчайший круг знакомств среди немецких офицеров и чиновников. Это она познакомила Зиберта с эсэсовцем фон Ортелем, до войны работавшим в СССР и хорошо говорившим по-русски. Сначала он неосмотрительно пообещал Паулю отдать свой долг персидскими коврами, а потом и пригласил его поучаствовать в устранении некоторых важных лиц, собиравшихся приехать осенью 1943 года в Тегеран. Так была получена информация о готовившемся немцами покушении на Сталина, Рузвельта и Черчилля на Тегеранской конференции.

Это с помощью Лисовской Кузнецов выкрал командующего восточными карательными войсками «Остентруппен» генерала Макса

Ильгена.

Лидия, к тому времени работавшая у генерала экономкой, расписала распорядок дня фашиста и его привычки во всех деталях. Особенно подвела генерала немецкая пунктуальность. Ильген всегда возвращался со службы домой обедать в одно и то же время. И операция прошла успешно.

Возникает деликатный вопрос, который сегодня очень волнует блюстителей высокой морали. А как добывала такие сведения Лисовская? Как сходилась с немцами? Чем брала? Неужели всё тем же, чем берут женщины и сегодня? Есть основания полагать, что иногда и этим. Во время войны было не до нравственности. Старые, еще советские разведчики признавались, что в годы смертельного противостояния в ход пускались все средства. Было дозволено все, что могло развязать язык, скомпрометировать, заставить работать на себя. И Лисовская не какое-то исключение. Все разведки мира действовали в войну без соблюдения этических норм и без жалости, оставив потомкам завоеванное право наслаждаться в мирной жизни истинно высокими нравственными устоями.

Так, в свое время врач отряда «Победители» Альберт Вениаминович Цессарский рассказывал московскому исследователю Борису Александровичу Александрову (Бориса Александровича, кстати, внучатого племянника Дмитрия Медведева, я еще раз благодарю за помощь в сборе документальных свидетельств для этой книги), что у него в партизанской землянке хранились захваченные у немцев шоколад, спиртное в невиданных тогда бутылках и дамские чулки. По мере надобности все это передавалось Николаю Кузнецову. Ведь в Ровно — и не только — оберлейтенант Зиберт часто ночевал у незнакомых женщин. Избегал гостиниц, в которых, в отличие от ресторанов и частных домов, требовали документы. А лишний раз светиться, показывать их разведчик не хотел. И что? Будем обвинять Кузнецова в безнравственности?

По пути Лисовской пошла и ее совсем молоденькая двоюродная сестра Мария Макаровна Микота, 1924 года рождения. Майя, как называли ее друзья, работала на партизан, однако дала себя завербовать фашистам, числилась агентом СД под псевдонимом «17» и общалась с кавалерами из Рейха, много чего болтавшими, от ласк и шнапса млевшими. Именно она подтвердила, что эсэсовец фон Ортель собирается в «страну ковров», откуда обещает привезти ей подарок. Это совпадение — по ковру Кузнецову и красоте Микоте — сразу навело Медведева на мысль о Тегеране. Тревожные данные были подтверждены еще одним источником. Радиограмма всполошила в Москве многих. Так началась операция советской разведки по предотвращению покушения.

Микота, как и Лидия, была очень аккуратна с Ортелем, чувствовала в нем матерого разведчика, не предполагавшего, что в небольшом Ровно его, аса, обложат со всех сторон советские агенты. Однажды Ортель исчез. Есть документальные данные, что до Тегерана он добрался, по понятным причинам не сумев совершить там никакого покушения.

Но приведу эпизод, когда искреннее чувство любви к крошечному, неизвестному ребенку заставило Лидию Лисовскую забыть об осторожности, пренебречь конспирацией. Через Ровно вели на расстрел колонну из гетто. Немцы и полицаи не щадили никого. Заметив, что молодая женщина попыталась спасти дочку, протянув ребенка в чьи-то в толпе зевак мелькнувшие смелые руки, они застрелили мать ребенка и бросившегося им на помощь отца. Девочка, почти грудничок, лежала на земле, политой кровью родителей.

Подпольщица Вера Григорьевна Грибанова это увидела, быстро показала на девчушку Лисовской. И та подхватила ребенка, постаралась унести подальше. Полицаи заметили. Лисовскую еще не задержали, но все шло к этому. За такое расстреливали на месте. Лидия понимала, на что идет. Наверно, в подобные минуты не думаешь о партизанском долге, о том, к чему может привести твой провал. К счастью, Пауль Зиберт снова оказался поблизости. Он взял ребенка на руки и вместе со спутницей направился в польский костел. Полицаи подходить к оберлейтенанту не решились. Свидетелями этого спасения стали ровенские подпольщицы — уже упоминавшаяся Грибанова и Лобачева, документально подтвердившие и точно описавшие этот подвиг.

Есть и другая версия спасения. Как раз на том месте, где застрелили мать девочки, дорога делала небольшой изгиб. Подпольщики предполагали, что колонна может растянуться, часть ее скроется за поворотом и на несколько мгновений окажется вне контроля охраны. В этот момент обреченные на смерть люди смогут попытаться совершить побег. Именно поэтому в том самом месте находились подпольщицы. Лисовская да и Кузнецов тоже были наготове.

Девочку оставили на ночь в костеле. Утром ее забрали в дом Лисовской. Там спасенная, нареченная Кузнецовым Анитой, и жила. После убийства бандеровцами Лисовской все заботы по воспитанию Аниты легли на плечи пани Демчинской, матери Лидии. Аните, да и никому другому, о погибшей маме, о том, что она еврейка, долго не рассказывали. И настоящее свое имя — Анна Адамовна Зинкевич — она узнала позднее. Да, пришла советская власть, но бандеровцы в тех местах свирепствовали еще долго. Могли и...

За этот поступок через много лет Анна Демчинская и Лидия Лисовская были признаны в Израиле «Праведниками Мира». А Николая Кузнецова, несмотря на представление, высокого звания не удостоили. Его дело № 12 586, начатое еще в 2001 году, рассматривали в Израиле долго. Объявили коммунистом и советским офицером, хотя в коммунистической партии Николай Иванович никогда не состоял, да и офицером, во что действительно сложно поверить, не был. Сочли, что Кузнецову, удостоенному звания Героя Советского Союза, достаточно и этого. Не поняли или не захотели понять, что звездочка присвоена за уничтожение нацистских преступников, а звание праведника присваивается за спасение человеческой жизни. Все усилия исследователя Льва Моносова и посла России в Израиле Петра Стегния успехом не увенчались.

А Лидия Лисовская выжила. Вернулась в Ровно. Еще 26 декабря 1943 года указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение специальных боевых заданий в тылу немецко-фашистских захватчиков и проявленные при этом мужество и отвагу награждена орденом Отечественной войны 1-й степени.

Львов освободили 27 июля 1944 года. Лисовская эмоций не скрывала. После прихода своих разведчица забыла об осторожности. Часто и в присутствии людей самых разных повторяла, что знает очень многое о деятельности действовавшего в Ровно подполья, которым руководил Новак. Лисовская прожила в Ровно три года в период оккупации. Общалась с немцами из СД и с партизанами. Безусловно, как никто, представляла, что происходило в городе. Понимала, какая ситуация сложилась в «ровенском подполье». Как свидетельствовала родная сестра Лисовской, после освобождения Ровно Красной армией Лидия была принята в обкоме партии первым секретарем Бегмой. В откровенном разговоре заявила, что знает многое о деятельности подпольной организации в Ровно. Но пока идет война, и поэтому многого сказать не может. Однако ей известны такие данные, что из-за них могут полететь большие начальственные головы. Ясно, что, имея в виду Новака, Лисовская никак не связывала его деятельность с Бегмой. В этом и была страшная ошибка. Опытнейший аппаратчик Василий Бегма все понял. Развитие дальнейших событий это подтверждает.

Группу партизан из Ровно пригласили в Москву для вручения правительственных наград. Предполагалось, что все поедут поездом. Но Лисовской и Микоте пришлось сдать билеты. На перроне Львовского вокзала Струтинский спрашивал Лисовскую, почему она не едет вместе со всеми. Та и сама была удивлена, но, привыкшая к железной дисциплине,

молчала. Позже Струтинский говорил, будто сердцем чувствовал: Лисовская что-то недоговаривала, да и вела себя несколько нервно.

26 октября 1944 года Лисовскую и Микоту отправили на грузовике «студебеккер». Почему выбрали этот рискованный путь по плохо охраняемой дороге? Ведь бандеровцы нападали не только на отдельные машины, иногда даже на военные автоколонны.

Больше никто из друзей и родственников живыми двух женщин не видел. В тот же день около села Каменка на трассе Острог — Шумок их убили. Но кто сообщил бандитам о том, что две женщины будут именно в этом грузовике? Откуда узнали дату отъезда, маршрут? Мелькает здесь нечто уже виденное, полужнакомое. Убийц тогда не нашли. Хотя под подозрение попали многие, наказан никто не был.

И опять через десятилетия выплывают подробности. Уже не версии. Жители села Каменка показали, что в тот день они работали в поле. Мимо проехала грузовая машина в сторону Киева. Меньше чем через полчаса она проследовала в обратном направлении. На выезде из Каменки грузовик остановился. И люди услышали крик женщины: «Не убивайте!» Тут же из кабины выскочила другая женщина и побежала к полю. Раздались выстрелы, женщина сразу упала, а машина рванула дальше. Через несколько мгновений снова послышалась стрельба. Жители села побежали к лежавшей на земле. Она была мертва. А чуть дальше, в селе Мозярки прямо на обочине обнаружили тело второй убитой женщины. Рядом селяне нашли типично дамскую сумочку. В ней документы Лисовской и Микоты, которые были сразу же доставлены в сельсовет.

По словам военных, участвовавших в расследовании, грузовик обнаружили в Кременце. Его якобы преследовали. И машина врезалась в дом. Двое предполагаемых убийц погибли. Третий остался жив. Четвертый исчез.

Но кем были эти люди, точнее — нелюди? Поймали ли сбежавшего? Что показал оставшийся в живых? На эти вопросы ответов нет до сих пор.

Охота на мертвого Героя

А Николая Ивановича Кузнецова похоронили на Холме Славы во Львове. Казалось, волна бандеровской ненависти ушла, разбиты вместе с союзниками-фашистами и оуновцы. Затихло. На территории Украины поставили памятники бесстрашному Кузнецову. Они превратились в места паломничества, сделались святыми для выживших в Великой Отечественной войне и их потомков.

Но с распадом страны в 1991 году шаг за шагом разгоралась травля Кузнецова. Его, совершавшего акты возмездия над палачами, пытались в краях, где он бился, объявить преступником. Не помогали протесты простых людей, понимавших, что вершится самосуд. Уже в 1992 году демонтировали памятники разведчику во Львове, в Ровно, закрыли музеи. Николай Струтинский и его товарищи-партизаны успели спасти львовский монумент, перевезли его в село, теперь город Талица, в котором учился Ника Кузнецов.

И вот в августе 2017-го пришло известие очень горькое. Неизвестные осквернили могилу Кузнецова во Львове. С памятной плиты на надгробии похищены металлические части — буквы и цифры дат жизни и гибели Николая Ивановича. Еще одна тупая попытка запугать, стереть память. Гестаповцы были бы довольны наглостью нынешней киевской власти. Да, пишу именно «гестаповцы», потому что каждому воздается по содеянному.

Велось следствие, но кого тут поймать, да и не собирались за это браться львовские власти, если Николай Кузнецов решением майданной клики еще в 2015 году попал под «декоммунизацию», дающую позорное право крушить и рушить.

Он был бойцом, патриотом, разведчиком. Страх перед которым до сих пор гложет мерзавцев.

Нет, не разведчик

Об этом спорили многие. Порой тема живо обсуждалась среди работников спецслужб и историков. Смысл сводился к следующему. Одному человеку стольких подвигов не совершить. На самом деле было два разведчика Николая Кузнецова, и оба удостоены звания Героя.

С помощью Бориса Александровича Александрова, надеюсь, удалось установить истину. За что бескорыстному Борису Александровичу, внуку сестры Медведева Клавдии Николаевны, моя искренняя благодарность. Десятки его письменных запросов в архивы, телефонных звонков, бесед не остались без ответов. Полагаю, они и помогут поставить точку в спорах.

Персонажей — однофамильцев и полных тезок было действительно двое. И оба заслужили звания Героя. В принципе ничего удивительного. Фамилия Кузнецов, по-английски Смит, а по-немецки Шмидт, в мире еще популярнее Иванова.

О делах и гибели разведчика Николая Ивановича Кузнецова подробно рассказано в этой главе.

Но был и другой Николай Иванович Кузнецов — звание Героя Советского Союза старшему сержанту артиллерийского расчета было присвоено 19 апреля 1945 года, и, слава богу, прожил он жизнь долгую, достойную, скончавшись в 2008 году в возрасте 86 лет. А еще уроженец деревни Пытручей Вытергорского района Волгоградской области вошел в историю (именно так) Великой Отечественной. Лишь четверо Героев Советского Союза, включая старшего сержанта, были кавалерами всех трех орденов Славы 1, 2 и 3-й степени.

Поразительно и другое: старшего сержанта Кузнецова, человека, бесспорно, заслуженного, тоже зачислили, притом не без его участия, в разведчики. И пошла гулять история о двух Кузнецовых, столько подвигов совершивших.

Считаю своим долгом развенчать этот миф, оставляя за артиллеристом Кузнецовым весь его солдатский героизм, проявленный в годы Великой Отечественной войны, но не на поприще разведки.

Наводчик, а затем командир орудия 369-го отдельного истребительнопротивотанкового дивизиона 263-й стрелковой дивизии получил первую медаль «За отвагу» на Ленинградском фронте, а вторую за уничтожение трех немецких танков и 11 огневых точек противника уже на фронте Юго-Западном.

Героический солдатский путь был продолжен в боях на Сиваше, за что Н.И. Кузнецов удостоился солдатского ордена Славы 3-й степени. В мае 1944 года он освобождал Севастополь, где водрузил красный флаг над железнодорожным вокзалом. Имя Кузнецова выбито на граните мемориала важнейшего военно-морского порта России, чьим почетным гражданином стал его освободитель. А в кровопролитных боях за Прибалтику расчет старшего сержанта Кузнецова бился за Шяуляй, не зная жалости к врагу, уничтожая его солдат и боевую технику. В декабре 1944 года наградой за это стал орден Славы 2-й степени.

Сколько испытаний выпало солдату. Добивал врага в Восточной Пруссии, подбив семь танков и втоптал в землю роту фашистов. За это командира дивизиона представили к ордену Славы. Но в суматохе боев представление затерялось, и заслуженную награду бывшему артиллеристу вручили незадолго до 35-летия Великой Победы, в марте 1980-го.

Даже не очень разбирающиеся в истории Великой Отечественной знают о боях не на жизнь, а на смерть, развернувшихся в апреле 1945-го за Кенигсберг. И здесь при штурме города Николай Иванович Кузнецов вновь проявил воинское умение. Его артиллеристы подбили семь «Тигров». Но немцы перешли в контратаку, и тут старший сержант понял, что остался у своего орудия один, все бойцы убиты. Тяжело раненый, он в одиночку подбил еще два танка. И 19 апреля 1945 года выжившему Кузнецову присвоили звание Героя. Он участвовал в двух Парадах Победы — в 1945 и 1985 годах.

Вот что точно установлено и подтверждено всеми документами.

А дальше начинается иная история. Приведу ее коротко. Якобы до 1943 года Кузнецов был разведчиком. Притом нелегальным, работая на территории фашистской Германии в группе «Север» в глубоком тылу врага. Главная цель — добыча данных по атомному проекту, Кузнецов называл его «Урановым», разработка которого осуществлялась в Берлине.

Но как паренек из глухой деревни туда попал? Был заброшен в столицу Рейха в возрасте 17 лет и служил в Абвере в звании капитана? Попал в Берлин, по словам Николая Ивановича, «где-то в первой половине 1940 года». Но в 1939–1941 годах будущий кавалер трех вполне реальных орденов Славы еще учился в фабрично-заводском училище, где как следует обучали трудовым навыкам. Но немецкий язык не преподавали. А если бы и преподавали, то как в совершенстве выучить немецкий в ФЗУ?

А Коля, вернее присмотревшиеся к нему советские чекисты выдали парня за брата крупного немецкого банкира: один из братьев жил в колонии немцев Поволжья, другой сделал фантастическую карьеру в Берлине. И

юный Николай был как две капли воды похож на сына того самого поволжского советского немца. Даже группа крови почему-то совпадала. И Кузнецова забросили в Венгрию — союзницу Германии, под чужим именем. Сначала венгры Колю, или не знаю уж, какой оперативный псевдоним ему присвоили, посадили, били и пытали. Но потом приехал дядя-банкир, и «племянника», которого дядюшка в последний раз видел в двухлетнем возрасте, освободили.

Дядюшка решил сделать из него банкира, но тут вмешалась СД, которую Николай Иванович называет «специальной разведкой немцев». И после мучительных допросов дяде и племяннику поверили. Только что прибывший в Рейх немец из советского Поволжья тотчас закончил школу Абвера. Быстро присвоили звание офицера, которому сначала поручали сугубо курьерскую работу. Но и на ней «разведчик» подсматривал и добывал информацию. Как это удавалось — непонятно. Люди, позже встречавшиеся с рассказчиком, говорили, что немецкого он не знал. Забыл или не выучил.

«Там, в тылу у фашистов, работало 12 наших разведчиков. Связь с ними я установил» — эта прямая речь Кузнецова приводится в одной из книг, вышедшей на родине Героя. Изучая четверть века историю нашей разведки, я, да и все, к кому добросовестно обращался за консультацией, о таком количестве советских нелегалов никогда не слышали.

А еще хороший сын Николай Иванович пишет: «Когда я был у немцев и служил курьером в звании капитана, то получал жалованье в долларах и, переводя их на рубли, посылал их родителям». Но это же немыслимо!

Все было бы хорошо, если бы при проведении рискованнейшей операции не был Николай тяжело ранен. Каким-то образом его вырвали из лап фашистов свои, переправили домой, но и в нашем госпитале он долго не показывал, что пришел в сознание: боялся — немцы разыгрывают спектакль, чтобы его разоблачить. После продолжительного лечения Кузнецов вернулся в строй. И выходит, что и в разведку, и как-то одновременно в действующую армию артиллеристом.

И не очень понятно как, но воюя на Волховском и Ленинградском фронтах, пускал под откос эшелоны и брал в плен немецких генералов.

Дальше больше. Оказывается, Николай Иванович знал многих руководителей партизанского движения: «Сабуров, Медведев, значит, вот эти два отряда. Я их вел». Старший сержант «вел» отряды двух крупнейших чекистских соединений? Немыслимо. «И разведчика Кузнецова (цитирую все из той же книги. — *Н. Д.*) вот этого сибиряка, тоже знал — мы встречались... Вот однажды мы у Медведева в его отряде

столкнулись случайно. К адъютанту Медведева я пришел, принес сведения. И тут Кузнецов влетел. Я потом сказал Медведеву: “Вы нас хоть сведите, а то мы можем случайно где-нибудь друг друга перебить”».

А еще летчик, дважды Герой Советского Союза Савицкий два раза доставлял из немецкого тыла Кузнецова через линию фронта на встречи со Сталиным. Тот старшего сержанта принимал, долго наставлял. А Николай, увидев случайно на секретной карте главнокомандующего в Кремле ошибочное расположение войск вермахта, указал на вопиющую неточность Иосифу Виссарионовичу. И маршал Жуков потом попросил Кузнецова (сам маршал!) не выдавать его Сталину. Плюс ко всему «именной пистолет Рокоссовский мне подарил... Сталин подарил мне золотые часы, золотой портсигар я получил от Калинина...». Где же все эти дары? Оказывается, Кузнецов передал все это в музей с маршалом Михалкиным. Не знаю, кто это такой. «Мы заходили в музей... Говорят — потеряли». Вот такие дела.

Почему об этих разведческих подвигах никто не знал? Потому что на них на полвека, объяснял Николай Иванович, был наложен гриф секретности, но когда эти годы истекли и Николай Иванович попытался их обнародовать, его попросили и дальше держать все в секрете.

Понимаете, это очень типичное объяснение. Как только что-то явно не сходится, противоречит истине, в ход пускается обычная присказка о вечном грифе секретности. Встречался с этим множество раз. И столько же раз убеждался, что проблема совсем не в пресловутом грифе.

Очень хотелось, чтобы хотя бы что-то из рассказанного Николаем Ивановичем было подтверждено, сбылось. Сын фронтовика, я глубоко уважаю людей, добывших Победу. А тем более таких Героев, как Николай Иванович. Мой добровольный помощник Борис Александрович Александров добросовестно отправлял запрос за запросом, получая вежливые ответы. Смысл их сводился к одному и тому же: не подтверждается ни единым намеком, ни одним документом. Увы, Николай Иванович, стараюсь подобрать выражение не столь обидное, грезил. Что ж, бывает... Жаль только, что эти грезы порой подхватывались коллегами-журналистами и писателями. Может, это и вдохновляло на новые фантастические эпизоды. Хотя и совершенного в артиллерии с лихвой хватало для того, чтобы обессмертить свое славное имя.

После армии поступил в Ленинграде в электромеханический техникум. Герой работал на стройках, вкалывал на Крайнем Севере. Пришло время, и обосновался в городе — городке Пестово Новгородской области с населением в пятнадцать с половиной тысяч человек. В этом же городе родились и многолетний председатель Союза писателей России

Валерий Николаевич Ганичев, пара известных актеров. А Николай Иванович работал на местном лесокомбинате.

Прославленного фронтовика дважды избирали депутатом Верховного Совета СССР. Его ценили, уважали.

Правда, выплыла одна горькая подробность из биографии. Осенью 2007 года Николая Ивановича Кузнецова безжалостно ограбили охотники за военными наградами. Выдав себя за музейных работников, готовящих выставку о героях Великой Отечественной войны, они приехали к Кузнецову. И поднялась у подлецов рука: выманили ордена, скрылись. Герой Советского Союза переживал. К счастью, кровью заслуженные награды следственные органы отыскали и в декабре этого же года Кузнецову вернули. Но, возможно, эта кража и сократила жизнь. Николай Иванович Кузнецов скончался 11 сентября 2008 года в возрасте 86 лет.

Он был славным бойцом, настоящим Героем Советского Союза, кавалером трех орденов Славы и ордена Ленина, ордена Красной Звезды, двух медалей «За отвагу» и «За победу над Германией». Забудем его истории о разведке. Они вымышлены, неумело придуманы. И все же тщательно проверены и начисто опровергнуты.

Что касается другого Героя — советского разведчика Николая Кузнецова, то в его биографии действительно есть и недосказанное. Остается ждать. А если не дождемся, будем верить: новому поколению историков разведки выпадет счастье как следует поработать над полной биографией Николая Ивановича. И неважно через сколько лет.

В этой главе я попытался рассказать о том новом, что появилось в деле Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова. Да, есть определенное понимание того, как и от чьих рук погиб великий советский разведчик. Но сколько еще непростых вопросов ждут своего ответа. Дело разведчика Николая Кузнецова будто бы засекречено до 2025 года, уж не знаю, откуда взялась такая цифра. Однако есть еще один стимул для того, чтобы дожить, разобраться, понять.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛКОВНИКА АБЕЛЯ

Вильям Фишер

Казалось, что о Вильяме Генриховиче Фишере, больше известном, как Рудольф Иванович Абель, все известно, рассказано — рассекречено, да и архивы, как говорят, давным-давно уничтожены. Но вот появились эти материалы, прошу извинить за стародавнее выражение, из бабушкиного сундучка.

Не хочу, чтобы у читателя, интересующегося темой спецслужб, возникли ассоциации с книгой моего давнего коллеги Александра Хинштейна, опубликовавшего «Записки из чемодана. Тайные записки первого председателя КГБ (Ивана Серова), найденные через 25 лет после его смерти». Иван Серов, возглавлявший Комитет госбезопасности с 1954 по 1958 год, записывал для истории свои воспоминания.

В семье Фишер все было гораздо проще. О матери-истории никто не думал. Просто некоторые семейные реликвии, хранившиеся у дочери Фишера Эвелины Вильямовны, перешли после ее кончины к кузине — Лидии Борисовне. А та, приемная дочь Фишера, в свою очередь чтит любимых дядю Вилли (Фишера) и его жену — свою родную тетушку Елену Степановну (Элю) и не выбрасывала ни единой бумажки, связанной с памятью Абеля — Фишера.

Так что у каждого — свой чемодан или сундучок. Этот был здоровенный, с откидывающейся крышкой. Мы сначала выдвигали его из-под стола, потом совместными усилиями ставили на два стула. Вот вам и бабушкин сундук.

Впрочем, даже в ее за 90 лет приемную дочь разведчика Лидию Борисовну Боярскую не тянуло называть бабушкой. Сухая, подвижная, очень живая, моментально на слова собеседника реагирующая, она, поверьте, заряжала энергией. И было в ней столько оптимизма, доброжелательности, веры в себя и в нас тоже, что общение всегда доставляло радость. Квартиру содержала в идеальном порядке. Очень следила за собой. Бывало, меняла прическу. Гордилась тем, что ее фото — фронтовички, увешанной боевыми наградами, висело на Аллее Почета.

Мы с женой по возможности наезжали к ней в квартиру на Измайловской и редко на действительно старенькую-престаренькую дачу дяди Вилли в Челюскинской. И возвращались всегда в настроении хорошем, приподнятом. Ведь если Лидия Борисовна смогла за долгую, трудную, а в войну опаснейшую фронтовую жизнь так сохраниться,

остаться пусть не в добром здравии, однако в полном душевном равновесии, может, удастся и нам, грешным.

Готовясь к встрече, она стряпала, ставила на стол блюдо за блюдом, успевала иногда и пропустить рюмашку (совсем не сухого красного) и поддержать разговор. На десятом десятке призналась, что открыла для себя хороший напиток — «Мартини». На вопрос, что привезти, всегда следовало неизменное — ничего, ну, если хотите, чего-нибудь сладенького и побольше кроссвордов. Эту страсть унаследовала от приемного отца-разведчика и его дочери Эвелины. Они решали все кроссворды мгновенно — и не важно, на каком языке — русском, английском, немецком.

Лидия Борисовна ушла на 93-м году жизни. И ее смерть была для меня очень болезненной. Горько, что уже никогда не раздастся часов в десять вечера ее звонок. Не расскажет Лидия Борисовна о чем-то новом: открыла в Мытищинском музее выставку, посвященную дяде Вилли. Или передала его картины и вещи в музей поблизости. Всегда сама над собой подсмеивалась: надо успеть, времени мало, скоро пробьет двенадцать, «а я еще не все раздала в надежные руки».

К таковым были отнесены и мои. В день моего 65-летия Лидия Борисовна преподнесла ценнейший во всех смыслах подарок: запонки Вильяма Генриховича и его советские часы «Победа» с гравировкой на обратной стороне маленького круглого корпуса «Вильяму Генриховичу Фишеру в честь 20-летия Победы в Великой Отечественной войне. 1965 год. КГБ СССР». Ни запонок, ни часов не ношу. Они хранятся в коробочке среди самых любимых и дорогих душе реликвий. Я отнекивался, пытался оставить щедрый дар на белоснежной скатерти, но Лидия Борисовна была на сей раз строга: «Не обижайте, Николай Михайлович, это — от сердца». И, почувствовав, что готов возразить, добавила: «Больного. Так что не расстраивайте. Мне так спокойнее».

В моей квартире висят и картины Абеля. Какие они разные. На одной, стоя спиной к мольберту, он, не ведомый никому художник, рисует яркими красками летний подмосковный лес. На другой те же деревья с желтыми увядшими листьями готовятся к приходу зимы. Лидия Борисовна уверяла, что написаны полотна перед отъездом в США в 1947–1948 годах.

И какой контраст с этими милыми пейзажами его американские зарисовки. Могучие негры лихо торгуют сочными фруктами на городском базаре. В них и сила с нахрапистостью, и какое-то смирение: до всеобщего равенства в нью-йоркские времена полковника Абеля было ой как далеко. А черного президента в Белом доме и представить невозможно. Совсем в ином стиле представлена тюремная живопись. Нарочито темные цвета.

Выписана каждая деталь. Видно, что в тюрьме страшная к нарам приковывающая скука.

А потом, после возвращения, снова симпатичные березки у заснеженного дома с надписью на обороте картинок размером с открытку: «С Новым годом! Р. Абель» или «Рудольф Абель». Иногда подпись на английском «R. Abel».

Оценивая творчество Вильяма Генриховича, я бы все же отдал предпочтение его американскому периоду. Там он более раскрепощен. Менее традиционен. Точнее в деталях. Ярче в красках. И хотя в Штатах художник Эмиль Гольдфус, как называл себя полковник, нещадно клеймил абстракционизм в спорах с нью-йоркскими коллегами, его творчество «там» видится мне пиком карьеры художника Фишера. Раскрылся, помимо собственной воли, по-новому. После приезда из США точнее выписал автопортрет, висевший в квартирке Лидии Борисовны. Усталый, полностью облысевший, очень и очень немолодой человек с глазами, в которых сплошная грусть. Где сейчас эта картина — одна из его лучших?

Некоторые знатоки спорят о его месте в современной живописи. Другие рассылают по электронной почте фотоснимки рисунков Фишера — в основном леса, ели, березки, дома в снежном плену... И предлагают приобрести их за баснословные деньги. Ясно одно: как художник Вильям Генрихович состоялся. И, будучи живописцем совсем необычным, даже в искусстве прожил две разные жизни.

Бывали дни, когда Лидия Борисовна просила меня помочь разбирать архивы. И выволакивался совместными усилиями сундук с письмами, фотографиями, документами, книгами и статьями на разных языках, описью вещей. И многое там было о нем, о ее дяде Вилли полковнике Абеле — Фишере.

Я как раз закончил книгу о Вильяме Генриховиче в молодогвардейской «ЖЗЛ», и мы вместе рассортировали всё или почти всё в сундуке хранившееся. Кое-что из него вызвало у меня огромный интерес. В книгу «Абель — Фишер», переизданную с 2010 года четыре раза, попало не всё. И Лидия Борисовна, предвидя неминуемый свой уход, взяла с меня слово: «Используйте, как считаете нужным. Только, пожалуйста, — после моей смерти».

С разрешения хранительницы мы сняли копии с личных писем, документов, списков. Все они хранятся в моей красной папке. За точность любого документа отвечаю, что вряд ли потребуются, головой. Короче, могу предъявить как любопытным, так и Фоме неверующему. Еще раз, не собираюсь сравнивать наши с Лидией Борисовной открытия с огромной

рукописью генерала Серова. Жаль, Фишер похожих воспоминаний не оставил.

Но некоторые находки все же удивляют. Изредка противоречат тому, что написано и в моей книге. Однако дополняют образ славного разведчика-нелегала.

Ну что ж, начнем.

Откуда вещички? Из Штатов, вестимо

Работая над книгой, полагал, что почти все вещи «полковника Абеля» пропали, остались в США. Удивляло только, что на стенах двухкомнатной квартиры дочери Эвелины Вильямовны висели полотна отца, относящиеся явно к американскому периоду его жизни. Тема «а как они попали в Москву?» была Эвелиной категорически запрещена.

Все долларовые сбережения нелегала сгинули где-то в американских банках. Но картины, расписанные яркими цветами, вернулись домой. Вот та самая, о которой рассказывал. Огромный негр (простите, афроамериканец) торгует арбузами-дынями на базаре. Или еще один его соплеменник надраивает чьи-то ботинки. О небольших рисунках, точно бытописующих нудную тюремную жизнь «полковника Абеля», и не говорю — их много.

А ответ на «как попали в Москву?» хранился все в том же сундуке. Нам с Лидией Борисовной на глаза попала аккуратнейше составленная, трехстраничная, на пишущей машинке напечатанная

«ОПИСЬ

Вещей, прибывших из Берлина 18 мая 1960 года

на имя товарища Ш-ва (фамилию не указываю. — *Н. Д.*) И.А.».

В описи 79 пунктов. Среди них под номером 12 «Ящик металлический с принадлежностями для рисования (кисти и др.)». И, что гораздо интереснее и во всех смыслах слова ценнее, пункт № 13 «Этюды и картины разные. На холсте и бумаге». 68 штук.

Секрет картин раскрыт.

А что еще приехало из Берлина и зафиксировано подписями товарищей Д. и П., как полученное в Москве 20 мая 1960 года, когда Абель сидел в тюрьме в Атланте? Много всего: «чемодан большой черный (внутри изрезан), чемодан из искусств, кожи, саквояж кожаный (внутри изрезаны), демисезонное пальто серое в елочку с цветной подкладкой изрезанное».

Значит, американцы согласились-таки вернуть вещи Абеля, тщательно проверили их перед отправкой. Но отправили.

Как и фотоаппараты «Экзакта» и «Лейка-М». Не та ли эта «Лейка», которую Фишер ввез в Штаты еще в 1948-м? В сундучке отыскался конверт, в котором, думаю на память, разведчик сохранил маленький картонный, зато вполне официальный, на плотном картоне напечатанный

документ. Таможенная служба США свидетельствовала, что в 1948 году разрешила ввезти в страну «Лейку» № такой-то, присвоив ей специальный сертификат. На работу в особых условиях нелегал отправлялся из Москвы в Штаты «со своим самоваром».

В «Описи» много личных вещей, напротив каждой из которых надпись «б/у» — бывшее в употреблении. В том числе, внимание, «21,5 пар носков разных».

Что же все-таки это значило? Бесспорно, то, что в Штатах решили обойтись без конфискации имущества. Деньги разведчика, да — в казну. Личные принадлежности — на родину «шпиона».

Быть может, это означало и иное. К 1960 году в ФБР и ЦРУ уяснили, что перевербовать русского полковника практически невозможно. Свободы Абелю, находящемуся в далеко не молодом 56-летнем возрасте, не видать, приговор — 30 лет тюрьмы — фактически пожизненный, и ничего из вещей ему уже не понадобится. До воли не дожить.

Но все же огромная «посылка» оставляла и определенную хрупкую надежду. Если договорились о возврате личных вещей, значит, есть малюсенький шанс каким-то образом продолжить переговоры. Может, пересмотрят суровый приговор? Или, чем черт не шутит, и освободят полковника?

Обратим внимание на дату «Описи вещей, прибывших из Берлина». Это 18 мая 1960 года. Самолет-шпион Пауэрса уже сбит. Пора идти на обмен? Хотя вряд ли в то время тягучих, неспешных, только начинавшихся переговоров с Советами американцы так быстро среагировали на открывавшуюся возможность вернуть Пауэрса. Серьезные шаги еще не обсуждались, а только зрели.

В тюрьму — полковнику Абелю

Третьей стороной переговоров стал Красный Крест. Об этом мне стало известно из писем Елены Степановны (Эли) Фишер мужу.

Наверняка конверт с первым письмом из тюрьмы доставили семье Фишер сослуживцы полковника. А кто еще?

Послание датировано 13 июля 1958 года. Написано разборчивым строгим почерком на очень простом английском. «Полковник Абель» сообщал, что содержится в тюрьме. Никаких истерик и всхлипов. Ни тени, да, именно так, личного. Не трагедия. Не конец света. Это как полуофициальное извещение о случившемся.

Вот перевод с английского:

От Рудольфа И. Абеля Посольство СССР,

Кому Эллен Абель Вашингтон

Дорогая Эллен!

Впервые у меня появилась возможность написать тебе и нашей дочери Лидии. Я искренне верю, что это письмо дойдет до вас, и вы сможете на него ответить.

Вероятно, человек, который доставит вам послание, расскажет вам об обстоятельствах, в которых я нахожусь в настоящее время. Однако будет лучше, если вы получите эту информацию от меня отсюда. Я в тюрьме, где отбываю 30-летний срок за шпионаж в пенитенциарном учреждении Атланты, в Джорджии.

Я чувствую себя хорошо, и в свободное время занимаюсь математикой и искусством. Пока нет возможности заниматься музыкой, но, возможно, она появится позднее.

Пожалуйста, не переживайте слишком сильно по поводу случившегося. В конце концов, молоко уже пролилось. Лучше берегите себя и надейтесь на скорое воссоединение.

Вопрос о вашем здоровье важен. Пожалуйста, сообщите мне, как обстоят в этом отношении твои с Лидией дела.

Из того, что я слышал раньше (больше трех лет назад?), знаю, что твое состояние было не слишком хорошим. Пожалуйста, попытайся сделать все, чтобы его улучшить. Понимаю, это не легко, но ты должна попытаться.

Напишите и сообщите мне, как дела у Лидии и ее мужа. Стал ли я дедушкой?

Мое письмо может показаться коротким и не очень информационным

— отчасти это результат сложившихся обстоятельств. Но я постараюсь писать вам насколько это возможно часто, и, надеюсь, вы в свою очередь будете делать то же самое.

Передавайте мои наилучшие пожелания всем нашим друзьям и, еще раз, пожалуйста, берегите себя.

Со всей моей любовью,

Ваш муж и отец

Рудольф.

Потом тон тюремных посланий изменится, обретет более теплые, семейные тона. Вероятно, Вильяма Генриховича не покидало профессионально врожденное чувство осторожности. Не был уверен, куда и кому попадет его первое письмо. Ждал подтверждений. Должен был убедиться, что письмо напишет знакомым ему почерком жена Эля.

А на самом деле ответ на английском подготовит дочь Эвелина. Объем ее вполне приличных знаний ему знаком. Эля была не так сильна в английском. А вместе они должны были бы привести какие-то подтверждающие детали, подробности того, что они поняли игру: муж и отец взял фамилию лучшего друга семьи — Рудольфа Ивановича, дяди Руди Абеля.

И, понятно, с разрешения и благословения Службы 18 декабря 1958 года Эвелина Фишер пишет ответ от имени матери, Елены Степановны.

А вообще, вспоминает Эвелина, письма составлялись так: «Сначала мама писала их на русском. Я переводила на английский, и мама переписывала письмо своим почерком. Затем, случалось, в письма добавлялись и некоторые другие строки».

Первое послание из Москвы семья обозначает «№ 1». Приведу наиболее интересные выдержки, переведенные мной с английского.

«Самый дорогой!

Никакими словами не описать радость от получения твоего письма. Еще и еще раз благодарю тебя. Мы получили письмо через Красный Крест и, как понимаешь, им потребовалось довольно много времени, чтобы разыскать нас».

Здесь семья сразу принимает предложенную разведкой легенду. Розыски — фикция. Фишеры в Москве и находятся под опекой Первого Главного управления КГБ СССР — внешней разведки. Какой розыск?!

И обратный адрес указан соответствующий. Елене Степановне присваивается имя «Ellen Abel», и Вильям Фишер понимает, что его игру в Москве принимают.

А вот и адрес постоянного проживания семьи, на который ему

надлежит отправлять письма: Фрау Е. Форотер (для фрау Эллен Абель), Лейпциг № 22, улица такая-то, дом 24, Германия. И короткое разъяснение для мужа или для американских спецслужб — «Фрау Форотер — моя хорошая подруга». И для Фишера ясно, что советская внешняя разведка начала поиск путей его освобождения, «прописав» семью в Лейпциге в ГДР.

Американцы сумели эту версию проверить. Люди из ЦРУ добрались до Лейпцига и даже до подъезда дома 24. Только в квартиру заглянуть не решились. Проверили по списку жильцов, аккуратно вывешенному на стене. Удостоверились, что фрау действительно значится, и больше по этому поводу не беспокоились.

Вернемся к письму: «Приближается Рождество. (Этот праздник в семье Фишера, родившегося в Англии, всегда отмечали, даже когда семья жила в СССР, — еще одна маленькая подсказка для Вилли. — *Н. Д.*) Поэтому желаем тебе веселого Рождества и счастливого Нового Года. Мы очень надеемся, что грядущий год принесет нам счастье, и мы все снова будем вместе».

А вот и довольно важная новость для главы семейства:

«Твоя информация о ситуации, в которой ты сейчас оказался, не стала для нас новостью. Мы узнали об этом из газет. Но не поверили и не хотели верить в это. (Демонстрация того, что «переименование» в Рудольфа Абея принято. — *Н. Д.*) Только прочитав твое письмо, мы поняли, насколько глубоко свалившееся горе и как серьезна твоя ситуация».

Часто некоторые знатоки разведки упрекают Абея: как мог он хранить письма от родных. Действительно, категорически запрещено. И послания арестованного полковника, которые он спрятал в крошечный контейнер, действительно попали в руки ФБР. Но именно они в чем-то даже помогли во время суда, особенно когда дело рассматривали присяжные. Адвокат Донован решил использовать их, чтобы показать подзащитного верным семьянином, преданным отцом и мужем. Это в определенной степени удалось. Присяжным пришлось по душе откровения дочери и жены. Вот что писала Эвелина: «Дорогой папа! Вот уже три месяца, как ты не с нами. Я собираюсь замуж. Мы с мамой получаем двухкомнатную квартиру. Все друзья желают тебе здоровья и счастливого быстрого возвращения домой». Увы, «счастливого и быстрого» не получилось. Жена тосковала: «Дорогой мой! После твоего отъезда я болела. Иногда я смотрю на твою гитару и хочу услышать, как ты играешь. Мне становится так грустно. У нас с дочерью есть все — кроме тебя. Выйдя замуж, она всегда повторяет, что не существует таких мужчин, как ее папа. И поэтому, по-моему, она не очень

любит своего мужа. Как ты живешь? Как твой желудок? Будь внимателен в своему здоровью. Я хочу быть вместе с тобою».

Когда эти письма, неизвестно какими путями переданные полковнику советской разведкой, зачитывались на суде, подсудимый явно испытывал неловкость. Он был не из тех, кто любил и мог играть на жалости. Но вместе с адвокатом понимал: письма дошли до него, дойдут и до тех, у кого в душе еще оставалось хоть немного сострадания.

А переписка, которая шла после ареста, была несколько иной. И домашние, и Абель сознавали: письма прочтет множество людей, потому старались держаться в определенных рамках.

Жена сообщает и о семейных переменах: «Наша дочь оставила своего мужа, и сейчас у тебя практически не осталось шансов стать дедушкой, по крайней мере в ближайшем будущем. Она не собирается выходить замуж. Наша племянница должна родить в марте. Делает это, не обращая внимания на туберкулез».

И, следуя легенде, придуманной семьей ли, Службой ли, в письме от 30 апреля 1959 года вдруг пишет: «Если наша дочь родит, мы назовем первенца Рудольфом-младшим». Да, родственники играют по строгим, не ими придуманным правилам.

Здесь требуются объяснения. Елена Степановна и Эвелина не называют никаких имен. Боялись, что редкое для нас «Эвелина» привлечет внимание американцев. Сколько Эвелин в Москве? Если и несколько, то чужая разведка сможет отыскать единственную, им нужную. А «установив» ее, выйти и на семейство Фишер. И тогда в Штатах поймут, что у них в руках не абстрактный «полковник Абель», а птичка высокого полета — разведчик-нелегал с еще довоенным стажем Фишер. Поэтому уже в следующих письмах Елена Степановна именуется дочь «Лидией». И кое-что с племянницей, Лидией Борисовной Боярской происходящее описывает, как случившееся с их дочерью Эвелиной.

Переписка относительно хаотична. Письма, написанные Абелем в тюрьме, иногда пропадают. И обе стороны принимают решение нумеровать послания. И с той, и с другой стороны прорывается недовольство. Почта идет долго, порой не доходят и письма «из Лейпцига». Возможно, американцы действительно изымают некоторые, кажущиеся им подозрительными.

Потом в США будут укорять свою контрразведку: та якобы (или не якобы?) не заметила, что письма Абеля из тюрьмы написаны неким кодом. Относительно кода — не знаю. Но могу предположить, что в некоторых посланиях Вильяма Генриховича Фишера и содержалась какая-то

нежелательная для американцев информация. Нет, он, конечно, не передавал из тюрьмы секретных донесений, как утверждали иные исследователи в США. Не пользовался шифром. Однако, кто знает, не употреблял ли некие «ключевые» слова, которые давали понять не родственникам, а московским коллегам истинную ситуацию. Пока, наверное, рано публиковать все письма разведчика.

А о весточках из Москвы даже суровая Эвелина говорила, что они писались так же, как и все письма подобного рода: «Думаете, американцы не просматривали писем, которые семья сбитого летчика Пауэрса направляла Никите Хрущеву с просьбой обменять его? Тут у всех одна дорожка». Доставлялись все письма от Абея прямо на дом семье его московскими коллегами.

Они же, коллеги, привозили Елене Степановне и Эвелине «посылки» от мужа и отца. Обычно это происходило накануне дня рождения женщин или под Новый год. Но, как мне объяснили, гостинцы шли не от нелегала. Их покупали за границей товарищи Вильяма Генриховича, работавшие «под крышей», и переправляли в Москву. А уж Центр регулярно оказывал знаки внимания родственникам. И семья Фишера — не исключение. Точно так же заботились и о близких других нелегальных разведчиков.

Ключевые фразы

Я внимательно прочитал всю переписку. Постараюсь выделить неизвестное, новое.

Фишеры, они же Абели, поддерживали почтовую связь с адвокатом полковника Джеймсом Донованом. «Беру на себя смелость обратиться к вам, узнав из газет о вашем исключительно гуманном отношении к моему мужу Рудольфу Абелю, — так начинается письмо Эллен от 19 января 1959 года. — Я очень благодарна вам за старания облегчить судьбу нашего дорогого мужа и отца. Недавно получила через Красный Крест письмо, где он сообщает, что содержится в тюрьме города Атланты. Я ответила, но вот уже месяц, как не получаю его писем. Веря в вашу доброту, я сочла, что вы — человек, к которому могу обратиться. И прошу вас, дорогой мистер Донован, информировать меня о здоровье Рудольфа Абеля». Однако, невзирая на комплименты и непривычное для Северной Америки обращение «дорогой», юрист не проявит желания вступить в более активную переписку. Долго приходится дожидаться его ответов. Они формальны, сухи, ни слова от души. Понятно, что Донован не считает Эллен и ее дочь настоящими родственниками подзащитного, воспринимая их скорее как почтовый ящик.

Понимают это и домашние Фишера. Но выхода нет. Донован — та единственная ниточка, которая связывает их с отцом и мужем. И 18 августа 1959 года ему отправлено полуофициальное семейное послание. Эллен сообщает, что не сильна в финансовых вопросах и все денежные проблемы отданы на откуп их берлинскому адвокату Вольфгангу Фогелю.

Фигура необычная. Именно Фогель брался за сложнейшие дела тех, кто вступал в конфликт с властями ГДР. Почему-то только ему была разрешена защита диссидентов, мелких и крупных шпионов, в молодом социалистическом государстве задержанных. Даже властями обиженные полагались на его порядочность и честность, платя адвокату соразмерно им проделанному. И связка семья Эллен Абель — юрист из ГДР Вольфганг Фогель — американский адвокат Джеймс Донован действовала пусть довольно медленно, однако успешно.

И только после падения Берлинской стены и исчезновения ГДР выяснилось, что Фогель был сотрудником внешней разведки Восточной Германии. У СССР, России нет к нему никаких претензий, лишь благодарность за помощь в сложных обменах Абеля и других. А вот в ФРГ

Фогеля чуть не растоптали, приписав ему множество грехов. Обвинили и в присвоении чужих денег, и в стукачестве. Безупречная деловая репутация адвоката была полностью опорочена.

Но именно с помощью Фогеля семья Фишер, а фактически советская сторона договорилась о гонораре Донована. Тот попросил разделить 10 тысяч долларов на равные части и переслать их в качестве благотворительного пожертвования в три университета, в которых он учился. Сначала, как пишет американцу Эллен, она «перевела 25 июля 1958 года часть из этой очень крупной для семьи суммы — 3500 долларов. Обещаю дослать все остальное в ближайшем будущем. Если вам потребуется какая-либо информация по этому поводу, прошу обращаться к мистеру Фогелю. Соблаговолите, прошу вас, сообщать все, что мне было бы нужно знать о моем несчастном муже».

Донован был скуп на ответы. Но работу свою выполнял и как мог помогал. А оставшийся гонорар был отправлен ему еще до 30 марта 1959 года. Можно ли представить, что у совсем небогатой семьи Фишер были огромные по тем, да и этим, временам средства? И в СССР, да и в ГДР иметь, хранить иностранную валюту запрещалось — могли завести уголовное дело, арестовать и надолго засадить. Да если бы доллары и были, то перевести их на счета какого-то американского гражданина или учебного заведения, пусть и через адвоката из социалистической ГДР, было абсолютно невозможно. Ясно, что этим занималась организация, в которой служил Фишер.

Не собираюсь никого подкалывать, ставить в неловкое положение: но разве неясно это было и американцам, неплохо знакомым, как тогда говорилось и писалось, «с советской действительностью»? Игры спецслужб! Но, противоречу самому себе, завершившиеся в конце концов успешным обменом.

Думаю, с разрешения московского начальства Эллен Абель официально обращается в Департамент юстиции США и, внимание, к президенту Соединенных Штатов Джону Кеннеди. И получает совершенно бюрократическую отписку от сотрудника прокуратуры Рида Когарта. Даже читать противно. Тот извиняется за задержку с ответом. Да, петиция Эллен Абель передана президенту, который ее внимательно изучил. Но пересмотр вынесенного приговора возможен лишь при появлении неизвестных ранее обстоятельств. «Но в случае с вашим мужем таких обстоятельств нет».

Летчик Пауэрс еще только готовится к своему разведывательному полету, его самолет не сбит, он еще не заговорил в советском суде. Так что семейству Фишер пока приходится надеяться и принимать несколько

скептическую точку зрения Абея: «Да, сейчас международное положение складывается для нас неблагоприятно. Нам придется ждать и надеяться, что мы будем вместе (перевод с английского. — Н. Д)». И еще писать рациональному и реалистичному мужу, верящему в приход свободы, но не сейчас, а позже, позже: «Я с тобой не согласна. Тут кому как. А я так очень люблю мечтать. Твоя Эллен».

Пока же Эллен — Елена радуется Фишера: у племянницы родился мальчик. Я этого «мальчика», Андрея Боярского, внучатого племянника и единственного оставшегося сегодня родственника Фишера по мужской линии, хорошо знаю. Тогда в письмах его называли «Энди».

Но в переписке не только тема быта. Эллен рассказывает о произведениях английского писателя Пристли, ей не понравившихся. О пластинке с музыкой Грига. О книге по истории французской живописи, и очень сокрушается, что ее муж, заметьте, Руди (Рудольф), не может сейчас разрешить ее споры с теми, кто считает, как и профессор Лионелло Вентури, будто лишь одни художники-французы достойны подражания: «Ты бы все объяснил им про твоих любимых голландцев».

В ответ на новости из тюрьмы Атланты сокрушается, что муж не может играть на гитаре: «Твои две гитары стоят в углу, как и мы, ждут — не дождутся твоего возвращения. Поскорее бы. А я испеку твои любимые пирожные».

Прошел год, и содержание писем делается более грустным. Столько надежд было на апелляцию, поданную адвокатом Донованом. И узник, и его семья почему-то верили, что дело «Абель против Соединенных Штатов Америки» все же пересмотрят, сократят срок. Честно говоря, глядя на те события из XXI века, этот оптимизм совершенно не понятен. Больше того, «Абелю» грозил даже более жестокий — смертный — приговор, о чем предупреждал Донован перед подачей петиции. Все доводы защиты высшие судебные инстанции США отвергли. Семья испытала нечто вроде шока, что невольно отразилось и в письмах. Эллен убеждает супруга смириться, набраться терпения, вновь надеяться на лучшее.

Старается отвлечь мужа радостными семейными событиями. Рассказывает о шалостях внука, которого родила племянница. Подробно описывает, как много, порой до полуночи, работает дочь, беря работу даже ня дом.

Эвелина, которая пишет письма за маму, присваивая разным российским родственникам имена типа Клодины, описывает свои и мамины поездки к ним в гости. А Эллен, которую переводит Эвелина, пишет о знакомой мужу своей бывшей студентке, ставшей солисткой

музыкального театра. И постоянные напоминания о любимых лакомствах мужа: «Ты вернешься, и мы встретим тебя пирогом с черной смородиной и кремом». Вселяя надежду на скорую встречу, замечает: «Забочусь о твоей одежде. Как ее привести в порядок? Но как-нибудь справимся и с этой задачей. Хочу, чтобы к твоему, любимый, возвращению домой все было готово». Оптимистично!

Много пишется о животных. Появляющимся в доме и на даче собакам дают клички, которые раньше нравились мужу, например Спот. Вспоминают о прирученных птичках, особо выделяя вороненка Карла или Карлушу. Соседи советуют уничтожить ворона, а семейство успокаивает мужа: «Он даже питается, как прирученная домашняя птичка. И ждет тебя».

В июле 1961-го люди с Лубянки предупреждают Эвелину и Елену Степановну о близком обмене. И семья, уезжающая отдыхать на Волгу, просит соседей и сослуживцев отца сразу сообщить им, если что-то произойдет и понадобится их присутствие. Сидят в маленьком волжском городке как на иголках, возвращаются в Москву раньше времени. Эвелина, которая не любит обращаться к «начальству», все же решается спросить, есть ли новости. Ее успокаивают, обещают, если что, тотчас сообщить. Но нет, полное молчание.

Расстроенная Елена Степановна уведомляет Вильяма Генриховича о готовящемся смелом шаге: «Я все еще жду ответа от мистера Донована, но если он промедлит, то, возможно, напишу прямо миссис Пауэрс (жене летчика). Дорогой, если бы ты знал, как нам тяжело без тебя».

Фишеры не питают к Доновану симпатии. Они пишут отцу: «Донован по-прежнему не отвечает. Мы постараемся узнать адрес отца Пауэрса и обратиться прямо к нему». Это скептическое отношение к адвокату сохранится у Эвелины и в дни берлинского обмена. Она вспоминала о Доноване, как о трусоватом человеке.

Теперь о предчувствиях. В канун Нового, 1962 года, когда, как знаем мы, но не могут догадываться Елена Степановна и Эвелина, их отца и мужа ждет освобождение, они пишут в тюрьму Атланты исключительно оптимистичное письмо. Желают сидельцу веселого Рождества. И дают совет: «Если сможешь, попробуй прослушать пластинку с фортепьянным концертом Чайковского № 1 в исполнении знаменитого американского пианиста Вана Клиберна. Это музыка так соответствует нашему настроению». Неужели грело предчувствие скорого освобождения?

И еще домашние всю хвалят Руди за нарисованные им и присланные в Москву новогодние поздравительные открытки. А вот репродукции

автопортретов москвичам не особенно по душе. Елена Степановна признается, что один из автопортретов не похож на оригинал. «Или ты так изменился за эти годы?» — тревожится она. Вскоре ей придется убедиться, что дело не в качестве автопортрета. Муж сдал, состарился.

Этот автопортрет, повторюсь, висел в московской квартирке Лидии Борисовны Боярской. Как он мне нравился. Человек с выражением покорности на лице. Но краски яркие. И они придают небольшому полотну иной смысл: художник надеется, верит. Грусть в окружении весенних красок можно пережить, перебороть.

Но вот наступает январь 1962-го. Чувствуется, что обмен близко. Элен пишет мужу: «Получила твое письмо от 1-го января. Новый год прошел, и, как и другие праздники, мы встретили этот без тебя. И елка к Рождеству, наряженная не тобою, была не так красива. Понимаю, что в тюрьме ты работаешь. Благодаря этому время проходит быстрее». Посмотрите, как оптимистично: «И мы все ближе к тому, что наше дело разрешится, и ты будешь с нами».

Сердце-вещун не подвело Елену Степановну. 10 февраля 1962 года на берлинском мосту Глинике состоялся обмен полковника Вильяма Генриховича Фишера, взявшего при аресте имя друга Рудольфа Ивановича Абея, на летчика — шпиона Пауэрса.

И, заканчивая тему писем, все же приведу и еще один новый для меня факт. Я читал и даже приводил в книгах до-и послевоенную переписку Вильяма Генриховича Фишера с женой, дочерьми — родной и приемной. Но никогда не подозревал, что после возвращения из США он переписывался с дочкой Эвелиной на английском. Так, он пишет на английском о своей повести, застрявшей в одной из редакций. «Моя повесть прочно застряла и никак не могу ее сдвинуть, — сердится полковник в письме от 5 августа 1965-го. — Попытаюсь как-то надавить, но не знаю, что из этого получится. Как мне это надоело». Или пассаж о погоде: «Предсказатели обещают, что все будет так же, как и всегда нас ждет дождь. Относительно дождя их прогнозы всегда сбываются на 100 процентов».

Эвелина об отце

О полковнике Абеле написано немало. Упорно собирали материалы о нем и зарубежные авторы. Те, кто хотел создать образ правдивый, близкий к реальному, обращались за помощью к дочери разведчика — Эвелине Вильямовне. И она тщательно отсеивала шелуху и вымыслы от действительности.

Некоторые поправки Эвелины Вильямовны, написанные ее разборчивым почерком на английском языке, перекочевали в мой архив. Простая ученическая тетрадь в клетку — прямо пособие для интересующихся биографией легенды нашей разведки.

Постараюсь привести ее наиболее интересные замечания с собственными пояснениями.

— Многолетнего руководителя советских нелегалов генерал-майора Юрия Ивановича Дроздова, занимавшего свой пост с 1979 по 1991 год, сейчас почему-то называют начальником Абеля. Да, он участвовал в операции по обмену полковника под именем кузена Дривса. Но Эвелина права, когда пишет: «Юрий Дроздов боссом отца никогда не был. Не был он в то время, когда помогал отцу, и генералом. По-моему, носил звание майора и работал у Наливайко, одного из руководителей обмена с советской стороны».

От себя добавлю, что, не считая собраний и прочих официальных мероприятий, встречались Фишер с Дроздовым лишь один раз в столовой Службы разведки. Вильям Генрихович, случайно оказавшись во время обеда за одним столом с Дроздовым, поблагодарил его за помощь. Договорились как-нибудь встретиться, и не удалось. Юрий Иванович на несколько лет уехал в командировку. А Фишер скончался в 1971 году.

— Считается, будто Вильям Фишер плохо читал по-русски и писал с ошибками. Эвелина это опровергает: «Отец часто называл себя безграмотным с присущим ему юмором. Он и читал, и писал по-русски без ошибок. Но иногда в минуты волнений прорывался акцент, похожий не на литовский или прибалтийский, как считают некоторые, а на типично английский. В то же время он никак не мог примириться с некоторыми правилами правописания, казавшимися ему нелогичными. Порой переспрашивал, почему слово “рожь” надо писать с мягким знаком, а “нож” без оного».

— Армейский товарищ отца Кренкель, с которым он продолжил

дружбу после возвращения, никогда не был ни географом, ни геологом. Он — радист-полярник. Умер меньше месяца спустя после смерти своего друга — моего отца.

— Отец никогда не преподавал маме, игравшей на арфе, уроки гармонии. Лишь тщательнейше следил, чтобы она репетировала все положенное ей время и не отвлекалась.

— В отличие от того, что говорится и пишется, моя бабушка любила отца. Но вот о чем она никогда не думала, так о том, что членство в партии может помочь ему сделать карьеру. Для нее это не имело никакого значения.

Отец не обращал никакого особого внимания на свои отношения с матерью. Он об этом просто не думал.

— К сожалению, у отца не было официального университетского или какого-нибудь другого образования. Все, что знал, обязан книгам.

— Наша семья — родители, бабушка Капитолина с моей кузиной Лидией и я перебрались в двухкомнатную квартиру в кооперативе в начале 1929 года. Адрес: 2-й Троицкий переулок, Самотека, Москва, где мы и жили до 1957-го. Когда отец был там, нам дали новую квартиру. Мать отца Любовь жила одна на улице Мархлевского. Моя мама перевезла ее к себе буквально накануне смерти весной 1944-го. Что касается моих отношений с Лидией, то мы вовсе не были «неразлучными». Моя кузина старше меня почти на шесть лет. Мы как раз вернулись из Норвегии, и разница в возрасте казалась огромной. К тому же я часто болела, лежала в больницах. Так что мое наиболее яркое воспоминание с момента возвращения — это Боткинская больница.

— Когда после увольнения из органов отец работал переводчиком, он всегда переводил с русского на английский и никогда наоборот.

— Мы никогда не прерывали отношений с дядей Рудольфом (настоящим Рудольфом Ивановичем Абелем. — *Н. Д.*). Виделись регулярно и часто до самой его смерти в декабре 1955-го.

— Говоря о моих дядях с материнской стороны, я уточняю, что арестован был дядя Иван, а не дядя Борис. Иван жил и работал в Ленинграде. Насколько я знаю, он был партийным работником, занимал относительно важные посты. После его освобождения из ссылки он с юмором рассказывал о лагерной жизни.

— Насколько я знаю, отец не мог быть на параде 7 ноября 1941 года на Красной площади. Он в это время находился или в Куйбышеве, или где-то на Урале, приобретая оборудование, необходимое для выполнения заданий.

А в Москве Рудольф жил в квартире отца, потому что в его

собственной жить было невозможно: все стекла в домах поблизости были разбиты после немецких бомбежек.

— Командировки в Румынию и на Украину.

Если правильно помню, отец поехал не в Винницу, а в Черновцы.

А в Румынии он простудился, два дня лежал, не вставая, а когда выздоровел, выяснилось, что советские деньги здесь больше не принимают, берут только местные. Но сразу после приезда он купил на рубли мыло. И не один кусок, а, к его удивлению, целую коробку.

А потом, уже встав на ноги, попытался купить радиодетали для будущих приемников. Не продавали их на рубли, и отец попытался обменять наши деньги на румынские. Не получилось. И он смог лишь купить сладких самодельных конфет у какого-то мальчишки.

— Часто спрашивают, действительно ли они с Беном (Кононом Молодым. — *Н. Д.*) пересекались во время войны. Уверенно предполагаю, что это выдумки (Бена. — *Н. ДД* предназначенные для прессы и затем ею же и подхваченные.

Не было никаких совместных военных эпизодов. Никогда ни о чем подобном ни один из них не упоминал у нас дома... И никогда у Бена не было дачи поблизости от нашей.

— Большинство отцовских наград были заработаны им не за выслугу лет и долгую службу. Как он говорил — «не за протертые штаны».

— Мартенс (старый чекист, знавший Вилли Фишера с первых лет его службы в ЧК. — *Н. Д.*) никак не мог помочь отцу в понимании и освоении Америки перед его командировкой. В то время, когда отец готовился к командировке, Мартенс служил в Советской армии на Дальнем Востоке. Да они друг друга долго не видели — вплоть до 1955-го (Фишер тогда приехал в «нелегальный отпуск» в Москву. — *Н. Д.*). Но отец появился и уехал.

— Работа моей мамы в московском Детском театре завершилась в 1939 году, когда театр почил в огне. В 1939–1941 годах и до самых первых дней войны она играла в Госоркестре. В эвакуации в Куйбышеве трудилась в местном музыкальном театре. После возвращения в Москву до 1951 года работала в оркестре Московского государственного цирка.

— Когда мы жили за границей, отец любил курить трубку. И только вернувшись домой, он взялся за сигареты. Курить трубку в России было как-то не принято. Я помню, как уже несколько позже в Москве он перешел на «Золотое руно».

— Отец вернулся (в отпуск. — *Н. Д.*), а мама вот уже четыре года была без работы. Уехать из Москвы и устроиться в какой-нибудь провинциальный театр она не могла из-за работы отца и потому что не

хотела оставлять меня одну без своей заботы и внимания. В 1955-м они с дядей Рудольфом вместе не музицировали. Последний раз играли где-то во второй половине 1940-х.

Мы во время его отпуска много фотографировали, рисовали. Ходили по музеям и побывали в Ленинграде и в Осташкове.

— Отец увлекался математикой, а больше всего любил теорию чисел. Его занимало решение сложных задач. Он находил новые пути решения математических законов... и пользовался для этого любой возможностью. Книга «Цифра — язык науки» была его любимой. К сожалению, я не интересовалась этой областью науки и не могла принимать участия в подобных развлечениях.

— Все, что пишется в книге Митрохина (сотрудника архива ПГУ, десятилетиями переписывавшего секретные материалы и сбежавшего с ними за границу. — *Н. Д.*) все написано очень обще. Кем бы ни был этот Митрохин, он не рассказывает правды или просто ее не знает.

— Отца положили в Онкологический центр академика Н. Блохина 20 октября 1971 года. Он умер в центре 15 ноября. В его палате не устанавливали никакой прослушки. Но люди из Службы дежурили рядом с ним круглосуточно до последнего дня его жизни. Мама и я менялись, чтобы ни на минуту не оставлять отца одного.

— Похороны отца не превратились в секретную операцию. Зря говорят о каких-то специальных пропусках. Их не требовалось. Попрощаться пришли соседи по даче, по Троицкому переулку и по другим квартирам.

Еще остались те, кто знали

На столетии Героя России разведчика Алексея Николаевича Ботяна познакомился с двумя далеко не молодыми людьми. Они читали мою книгу «Абель — Фишер», сами подошли, и мы познакомились. Кое-что рассказали о Вильяме Генриховиче.

Только, по словам Ростислава Михайловича Душака, представляли приехавшего в ГДР в командировку полковника Рудольфом Абелем. Я пытался спорить, убеждал, что Вильям Фишер этого терпеть не мог. Но Душак лишь усмехнулся:

— Какой Фишер. Мы о таком и не слышали. Только Абель. Рудольф Иванович дарил нам свои открытки с домиками и березками и на обороте тоже подпись «Абель». Может, и не нравилось. Но был он человеком дисциплинированным. И немцы к нему тоже обращались только так.

Он приехал, конечно, уже после освобождения из тюрьмы, по приглашению разведки ГДР. Его выступления коллеги из ГДР слушали очень внимательно. Задавали вопросы. Абель отвечал спокойно и подробно.

До чего скромный был человек. Чемоданчик легонький. Костюм еще ничего, а ворот отглаженной рубашки давал представление о ее возрасте. Мы гостю: «Рудольф Иванович, давайте сходим в наш магазин. Закупитесь, приоденетесь». А он не понимает: «Зачем? Я из Москвы еще одну рубашку захватил». Но мы настояли, привели, и уезжал наш гость домой из Восточного Берлина уже с чемоданом потяжелее.

А разведчик М.К. припомнил еще одну берлинскую историю. Начальник разведки ГДР генерал Маркус Вольф, в СССР возвращенный и отлично говоривший по-русски, чувствуя, что Абель не из тех, кто гоняется за подарками, обратился к его российским сопровождающим с предложением. Хотел, чтобы уважаемый визитер привез в Москву не какие-то ненужные подарки, а вещи ему полезные, которые и в хозяйстве пригодятся. Об этом сообщили Абелю. Он сначала отнекивался, а потом вытащил из чемодана четыре пакетика с луковичками садовых цветов со своей дачи. Домашние попросили привезти семена, и он хотел предложить в обмен вот эти домашние пакетики. И еще потребовалась ему какая-то вещица для домашней мастерской. Вольф, в 1962 году тоже занимавшийся обменом Абеля на Пауэрса, «цветочный обмен» сразу же отверг. Его подчиненные подарили семян и какую-то штуквинку для мастерской

советского умельца.

А еще, признается полковник М.К., ему запомнилось абсолютное безразличие Рудольфа Ивановича к магазинам и прочей шелухе. Не волновало его это, не трогало. Немцы быстро разобрались в том, что приехал к ним высочайшего класса профессионал, и встречали Абеля совсем не по исключительно скромной одежке. Его выступления слушали внимательнейше. И делали соответствующие выводы. Было чему поучиться у этого немолодого, выглядевшего несколько усталым нелегала.

Третий собеседник меня расстроил. Неплохо знал Абеля — Фишера, бывал у него в гостях на даче и потому осведомился, провели ли к ней газ. Сейчас на даче зимой и летом живет внучатый племянник Вильяма Генриховича Андрей. И пусть его мама Лидия Борисовна — Лидушка ушла, с Андреем мы время от времени общаемся. Он, как и дедушка, — человек неприветливый, но признался, что на даче холодно. Зимы они с супругой переживают тяжело, в комнатах — градусов 14–15, старенькая печка не греет. Осталось, по мнению Андрея, домику недолго.

А мой знакомец — коллега Фишера вздохнул: «Надо же, когда проводили газ, до домишки оставалось метров 15, ну, 20. И вдруг строители остановились, ушли. А Вильям Генрихович, как всегда, просить стеснялся. Обидно».

Раздосадованный собеседник в сердцах выдал мне еще одну неприятную историю. Еще лет двадцать назад дочь Фишера Эвелина рассказывала, что отец нелегко воспринял отставку. Вызвали его в отдел кадров и сообщили, что обязательного в ПГУ медицинского обследования проходить не нужно. Фишер не понял, и тогда безвестный кадровик огорошил: «А вы увольняетесь по возрасту». И хотя и лет Вильяму Генриховичу было немало, и здоровье после американской тюрьмы было подорвано, расставание со Службой он переживал тяжело. Могли бы вызвать, поблагодарить. Но вышло все сухо, а если по-честному, безжалостно. Фишер с непривычной для дочери откровенностью даже сравнил: прямо как 31 декабря 1938 года, когда выкинули из органов.

Но к расставанию, видимо, шло. Все тот же собеседник поведал еще один эпизод. Приблизительно так же холодно проводили с оперативной работы и другого нелегала — Конона Молодого. И Фишер, и Молодой чувствовали: назревает. Незаметно получилось, что и Конон, и Вильям Генрихович остались без постоянных рабочих мест. Переживавшие за них товарищи по Службе пытались это как-то сгладить, замаскировать. Зная, что Абель-Фишер придет на работу, скажем, завтра, освобождали чей-то стол, усаживали за него легенду разведки, и знаменитый нелегал занимал

вроде бы и свое место. Догадывался ли полковник Абель об этой маскировке? Мой откровенный собеседник, несмотря на годы сохранивший живейший ум и феноменальную память, выдохнул: «Догадываться не хотел».

Это не сплетни, не слухи. Увы, настоящая жизнь. Порой должно пройти время, прежде чем до нас начинает доходить, кто был рядом.

Но чтобы не завершать этот отрывочек о встрече со знавшими Фишера на грустной ноте, приведу свидетельство еще одного очевидца. После вынужденной разлуки с разведкой 31 декабря 1938 года Вильям Генрихович был возвращен на Службу в сентябре 1941 года. Шла война, немцы рвались к Москве, и лучший радист разведки был очень нужен. О том, что он готовил к заброске в немецкий тыл наших диверсантов, хорошо известно. Но что принимал участие в знаменитом военном параде 7 ноября 1941 года на Красной площади, один из ветеранов СВР рассказал мне впервые. Прямо из Кремля поступил приказ: обеспечить безопасность мероприятия, которое будет проведено около мавзолея. Фишер, конечно, не вышагивал по кремлевской брусчатке. Отвечал за связь. Можно представить себе, как доверяли разведчику, еще несколько лет назад уволенному из органов с волчьим билетом. И получи Вильям Генрихович тревожные радиосведения о прорыве немцев или нечто подобном, он знал, кому подать сигнал, возможно, даже о быстром свертывании парада. К счастью, обошлось. В чем свою, пусть и незаметную роль, о которой мы узнаем три четверти века спустя, сыграл и Вильям Фишер.

Правда, в своих письменных воспоминаниях дочь Эвелина Вильямовна этот эпизод опровергает. Не сходится по числам. Но как хотелось, чтобы он был. Пусть все-таки будет.

Кеннеди вошел в историю разведки

Президент США Джон Фицджералд Кеннеди сделал доброе дело. Его предшественник генерал Дуайт Эйзенхауэр послал Пауэрса в шпионский полет, а Кеннеди вытянул его из Владимирского централа, согласившись обменять на русского полковника Абеля. Видится мне, что молодой американский президент спасал не только Пауэрса. Отношение к сбитому летчику, публично признавшему на открытом судебном процессе в Москве свои прегрешения и рассказавшему о планах ЦРУ, было в США исключительно прохладным. Но Кеннеди смотрел дальше. Ему хотелось попытаться несколько ослабить напряженность в отношениях между его страной и Советским Союзом. Распоряжение об обмене подписано президентом Джоном Кеннеди и его братом Робертом.

Вот текст с сокращениями:

«Рудольф Иванович Абель был осужден в США районным судом Восточного района Нью-Йорка по обвинению № 45094 в передаче информации иностранной державе и действиях в качестве иностранного агента, не ставя об этом в известность Государственный департамент, за что был приговорен 11 ноября 1957 года к тридцати (30) годам тюремного заключения и штрафу в три тысячи (3.000,00) долларов.

Сейчас, как Президент США, ставлю в известность, что данный тюремный приговор истечет в день, когда Фрэнсис Гари Пауэрс, гражданин США, находящийся в заключении по решению правительства Советского Союза, будет освобожден решением упомянутого правительства и доставлен из заключения агентом или представителем правительства Соединенных Штатов, назначенным для этой цели Президентом. При выполнении этих условий вышеупомянутый Рудольф Иванович Абель будет депортирован из США и должен оставаться вне пределов Соединенных Штатов, их территорий и владений. Если упомянутый Рудольф Иванович Абель будет обнаружен на названных территориях до истечения тридцатилетнего тюремного срока, определенного ему приговором, Рудольф Иванович Абель должен будет отбыть вынесенный ему тридцати летний приговор».

Витиевато, однако понятно. Только вряд ли даже предусмотрительнопугливые американцы ждали возвращения Абеля в Штаты. Так, бюрократическая формальность.

Но закрепленная и подписью генерального прокурора США Роберта

Кеннеди.

«Я пишу свое имя и ставлю печать Департамента юстиции.

Совершено в городе Вашингтоне 31 дня января года одна тысяча девятьсот шестьдесят второго и сто восемьдесят второго года со Дня Независимости США».

Подписи:

Президент Джон Кеннеди.

Генеральный прокурор Роберт Кеннеди.

Шпионский мост

Нет, как мне кажется, смысла еще раз рассказывать об обмене. Но о другом событии, которое вновь пробудило интерес к Фишеру — Абелю, вспомнить можно. Знаменитый американский режиссер Стивен Спилберг снял фильм «Шпионский мост» о деле Абеля.

Я торопился поскорее увидеть картину. Сначала пиратская копия, потом — оригинал.

Говорят, биографы великих помимо собственной воли перевоплощаются в своих героев. Смотрят на события из жизни «личных подопечных» чуть ли не их глазами, порой берут на себя смелость давать оценку аналогичным произведениям других авторов, может, и не так в суть посвященных. Стараюсь этого во что бы то ни стало избегать. Но все равно каждый раз подмечаю множество неточных деталей, приукрашиваний, порой явных подтасовок. Во втором десятилетии XXI века появилась тенденция чуть не полностью пересматривать точно зафиксированные исторические факты, что порой находит отклик у жаждущей сенсаций публики. Это, конечно, раздражает.

В свое время делился этими личными наблюдениями с полковником Борисом Лабусовым, долгие годы возглавлявшим Пресс-бюро Службы внешней разведки. Борис Николаевич поначалу слушал меня внимательно. Кивал головой. Вроде соглашался. Но однажды решился:

— Знаешь, насчет полного пересмотра — согласен. Если о деталях, то почти наверняка твои замечания и верны. Если об Абеле, то кроме тебя эти неточности мог заметить лишь один человек — его дочь Эвелина (ко времени нашего разговора уже ушедшая. — *Н. Д.*). Да, люди хотят не только смотреть и читать про Абеля, но и писать о нем. У некоторых есть собственное представление, какие-то материалы, найденные документы. Не надо заикливаться на личном, пусть и подтвержденном десятилетиями исследований. Абель превратился в легенду. А легенду нельзя удержать в рамке, в клетке. Смотри на это спокойно.

Вот с этим спокойствием я не смотрел, а изучал фильм Спилберга. В нем много правды, однако есть и абсолютная неправда. Не именую ее ложью, ибо это художественное и идеологическое видение событий холодной войны второй половины прошлого века талантливым мастером из нового столетия.

«Шпионский мост» Стивена Спилберга был номинирован на премию

«Оскар». Америке фильм нравится. Сюжет понятен даже для привычно не обремененного знаниями американского зрителя. Советского «шпиона» полковника Абеля ловят, судят, меняют на своего пилота Пауэрса, а в придачу выторговывают и легкомысленного студента, вздумавшего влюбиться в девушку из ГДР и засаженного коварными восточными немцами в каталажку.

Главных героев трое: полковник Абель, которого сыграл британец Марк Райлэнс, адвокат Донован (в его роли американец Том Хэнкс, признанный в США любимым актером) и ставший легендарным мост Глинике, где происходил обмен.

Мне, скромному биографу полковника Абеля-Фишера, детали этой истории известны до мельчайших подробностей. Но прежде чем оценивать творчество знаменитого Спилберга, предоставлю слово двум самым близким людям двух героев. Мост же пусть пока помолчит.

Что сказали дочери

Лидия Борисовна Боярская посмотрела картину мгновенно:

— У меня двойное впечатление. Сами понимаете, больше всего меня интересовал полковник Абель. Понравился актер, игравший дядю Вилли. Искренен и даже похож. Дядя Вилли в его исполнении мужественный, немногословный, достойный. Это для меня главное. И Донован тоже настоящий.

Смущает другое: очень уж благородными показаны американцы. Но какие методы воздействия они на дядю Вилли оказывали. Держали немолодого уже человека в раскаленной камере при температуре 50 градусов. Сутками не давали спать. Все хотели перевербовать, предлагали деньги, звания. Где об этом? Он вернулся домой после их тюрьмы усталым, больным. Столько человек вынес. Но все равно они его не сломали.

А уж как ГДР показали, так это пусть останется на их совести.

Всё же, если подводить итог, то фильм хороший. Две страны договорились, и обмен состоялся. В этом и смысл.

Через американских друзей удалось узнать и мнение Джейн Донован, дочери адвоката Джеймса Донована:

— Папа отдыхал в Лейк-Плэсиде, когда позвонили и предложили защищать русского полковника. Другие адвокаты отказывались, боялись, а он согласился.

Отец никогда не считал Абеля предателем, они уважали друг друга. Но сколько же критики пришлось папе вынести.

Марк Райлэнс сыграл Абеля просто фантастически. Уверена, его номинируют на «Оскар». А Том Хэнкс — прямо мой отец.

Мы ездили на премьеру, познакомились со Спилбергом. Какой правдивый фильм он снял.

А если по правде

Согласен, Спилберг снял хороший фильм, к сожалению, не забыв потоптать уже канувшую в былое Германскую Демократическую Республику. Абель действительно показан патриотом, нечего бояться этого слова. В фильме, отвечая на вопросы Донована, он постоянно произносит фразу, ставшую коронной. Ее можно перевести и как «А что это даст?». На самом деле полковник, вообще отказавшийся давать показания, говорил несколько иное: «А это имеет значение?»

Донован изображен в тех же патриотических тонах. И это тоже святая истина. Профессиональный разведчик, в годы войны старший офицер Управления стратегических служб, а затем помощник американского прокурора на Нюрнбергском процессе, он увидел в полковнике не врага, а достойного защиты соперника, выполнявшего свой долг. Два разведчика поняли друг друга. До дружбы — далеко, зато взаимоприятие — полное.

Адвокат с восхищением следил за Абелем, встретившим суровый приговор с внешним безразличием. Да, Донован спас полковника от электрического стула. Но получить в 54 года «тридцатку» равносильно пожизненному. В тюрьме до 84 лет было никак не дотянуть. Прощение о помиловании Верховный суд США отклонил. И Донован взял Абеля под опеку, ему единственному из всех жителей Америки разрешалось посещать пленника в тюрьме и вести с ним переписку.

И тут о самом главном. Банальщина, но бывших разведчиков не бывает. Спасая, вытягивая русского, Джеймс Донован не оставлял безуспешных попыток его завербовать. Если совсем по-простому, все годы склонял к сотрудничеству — каждый раз безуспешно. Судя по всему, устроил встречу полковника с главой ЦРУ Даллесом, который тоже не добился результата в неблагодарном деле вербовки. Человек, назвавшийся Абелем, держался непоколебимо твердо.

Но даже в самый последний момент, когда организованный им же, честным адвокатом Донованом, обмен должен был вот-вот состояться и полковника привезли в Берлин, разведчик-адвокат не преминул предпринять последнюю попытку. Перед тем как вступить на «шпионский мост» Глинике, заядлый курильщик Абель, затянувшись американской сигаретой, чуть расслабился, признался Доновану: «Вот этого мне будет дома не хватать». И тут же получил в ответ от спасителя-переговорщика Донована букет традиционных предложений: к чему возвращаться в

Россию, где карьера все равно закончена и все может завершиться Сибирью. Абель, готовившийся через несколько минут превратиться в Вильяма Генриховича Фишера, только ухмыльнулся. Знаю об этом от дочери Эвелины и одного из участников обмена, стоявшего по ту сторону моста.

Собиратель книжных раритетов Донован получил в благодарность от Абеля ценнейший старинный фолиант, а ЦРУ наградило адвоката медалью. Обе награды Джеймс Донован заслужил честно.

Острая на язык дочка Абеля-Фишера Эвелина Вильямовна рассказывала мне, что Донован показался ей «человеком с лицом цвета свеклы»: наверняка беспокоило высокое давление. На переговорах с советскими здорово волновался, ерзал. Явно боялся пересекать границу между Западным и Восточным Берлином: опасался, что в ГДР арестуют.

Я же обязан заметить, что реалист Спилберг со сценаристами явно сгустили краски, показывая Восточный Берлин. Да, до западноберлинского изобилия было далеко. Но чтобы на улицах стреляли, а в городе свирепствовали скопища типично по нью-йоркской моде подстриженных и одетых молодых бандитов. Или разбитые улицы Берлина, которые в фильме похожи на декорации из мая 1945-го, когда наша армия добивала фашистов в их логове. А все чиновники ГДР показаны такими дураками. Мы тоже сразу после войны выводили в кино немцев сплошными идиотами. Но то — после войны, а Спилберг сейчас — в картине, снятой в 2015-м, когда страсти от разрушения Берлинской стены должны были бы улечься, а тут — никакого осмысления. Или ограбление Донована, бредущего по улице без пальто. Верхнюю одежду отобрали все те же Спилбергом выдуманые и так ему полюбившиеся молодые бандиты. Полный нонсенс. Можно же было не подставлять режиссера, могли бы консультанты, а не сценаристы братья Коэны подсказать ему, что одна из лучших в то время спецслужб мира — гэдээровская «Штази» наверняка «прицепила» к суперважному посланцу США такую мощную наружку, что не то что ограбить, близко подойти к американцу было сложно.

Один Абель стоил трех

Почему-то везде — и у нас, и в Штатах — забывают об одном — на скольких же шпионов поменяли Абеля? Донован знал, но помалкивал. Забыли или не знали об этом и знаменитые сценаристы «Шпионского моста».

ЦРУ отвергло предложенный КГБ вариант обмена «один на один». Сначала предложило добавить к летчику-неудачнику Пауэрсу еще и студента-американца из Йельского университета Фредерика Прайора. Его арестовали за шпионаж в Восточном Берлине в августе 1961-го и приговорили к восьми годам заключения. Немцы из ГДР легко согласились. Спилберг сделал из Донована чуть не героя, сражавшегося за парня со злым «Штази». А тот гэдээровцам был совсем не нужен.

И вновь обращаюсь к своим беседам с Эвелиной Фишер. Во время переговоров, когда Абеля уже доставили в Западный Берлин, а поправившегося на несколько кэгэ во время отсидки во Владимирском центре Пауэрса в Берлин Восточный, дочка разведчика поняла: американцы хотят менять ее отца на троих. Наши сначала этого не заметили, как-то пропустили, к предупреждению Эвелины не прислушались. Но Донован настаивал на освобождении какого-то студента, попавшего на шпионаже в Киеве и там же срок отбывавшего. Начали срочно проверять. Да, действительно, еще один американский студент из университета Пенсильвании Марвин Макинен получил тоже восемь лет за шпионаж. Но ведь раньше о его обмене речи не шло.

— Ну, тут и началась суета. — Эвелина и спустя десятки лет заволновалась. — А перерешать — нужно звонить Хрущеву, а Хрущев отдыхает, и все боятся к нему обращаться, когда он на отдыхе. В конце концов позвонили Хрущеву, он дал добро. И все обошлось.

— Но все-таки кто-то позвонил Хрущеву, решился. Не знаете — кто?

— Кто-то решился. Подробности не знаю. Думаю, их не узнает сегодня никто.

Ранним утром 10 февраля 1962 года на мосту Глинике Абель еще издали узнал старого товарища, стоявшего на той стороне. Исчезли последние сомнения. А тут прямо на глазах полковника начальник тюрьмы Уилкинсон вынул из портфеля какую-то бумагу, подписал ее в полутьме и отдал в руки Абеля. Тот взял ее, быстро прочитал — это было уже приводившееся мною свидетельство об освобождении, подписанное

Джоном и Робертом Кеннеди.

Донован пожал руку Абелю, произнес доброе напутствие. Последним, с кем пообщался Вильям Генрихович на чужой стороне, был Уилкинсон.

Зима, а полковник шел по мосту Глинике в сползающей с головы кепочке и легком тюремном балахоне. Навстречу ему неторопливо двигался, таща тяжелый чемодан, сбитый летчик в русской пыжиковой шапке и теплом пальто. Абелю Пауэрс запомнился упитанным и высоким.

В чемодане Пауэрса были, помимо всего прочего, традиционные русские сувениры, матрешки и даже черная икра. Проходя мимо друг друга, оба — Абель и Пауэрс — даже не подняли глаз. Не до того им было. Хотя долгое киношное заглядывание Баниониса и Норейки в глаза друг другу в фильме «Мертвый сезон» публике понравилось.

На середине моста полковник увидел белую черту. Переступил ее. «Так закончилась четырнадцатилетняя командировка», — вспоминал Вильям Генрихович.

Лидия Борисовна припоминала еще одну деталь обмена. Уже в Берлине дяде Вилли сказали, что оставшиеся в тюрьме Атланты самые необходимые вещи ему все-таки собрали и сложили в сумку. Отдать их американцы обещали прямо в утро обмена. Но в суматохе, в волнениях, а не по злой, думаю, воле отдать сумку просто забыли. И Вильям Генрихович переходил мост Глинике с каким-то замерзшим и превратившимся в ледышку пластиковым пакетом, в котором были лишь бритва, кусок мыла и зубная щетка, предусмотрительно захваченные из тюрьмы. Донован пообещал переслать сумку при первой же возможности в Восточный Берлин. Слово сдержал. Сумка нашла Абеля в Москве где-то в середине марта 1962-го.

Абель — Фишер скончался в 1971 году от рака легких. Он почти на год пережил Джеймса Донована, умершего в 1970-м от сердечного приступа.

Но сегодня «дело Абеля» напоминает не только о его стоическом героизме. Еще и о верности долгу, о возможности сотрудничества с такими, как американский адвокат Джеймс Донован. Обмен, пусть и на «шпионском мосту», доказывает: в любой ситуации договариваться нужно и можно. И тогда обмены — любые, во всех областях, будут продолжаться.

И в некролог воткнули дезу

Даже после кончины Вильям Генрихович Фишер не обрел собственного имени. В некрологе, опубликованном в «Комсомольской правде» 19 ноября 1971 года, содержится сплошная дезинформация. И нет здесь никакой вины газеты. Опубликовали то, что дали из соответствующего ведомства: отрывок из «документального рассказа о себе», появившегося в свое время в сборнике «Чекисты».

«Родился я в Петербурге. Мой отец рабочий. Он и его друзья были связаны с революционно настроенными студентами. Они сгруппировались в кружок, получивший название “Союз борьбы за освобождение рабочего класса”. Этим кружком, как известно, руководил Владимир Ильич Ленин.

Когда царское правительство арестовало членов кружка, отец был сослан в Архангельскую губернию, а после ссылки переведен в Саратовскую губернию под гласный надзор полиции. Там он встретился с моей матерью. Постоянное преследование полиции и жандармерии вынуждало отца часто менять место жительства. Вместе с ним пришлось кочевать и нам».

Какой Петербург, если родился названный в честь великого Шекспира Вильям, по-семейному Вилли, в Великобритании? Да, отца с матерью выслали в Архангельск и под Саратов. Но в итоге «докочевали» до английского Ньюкасла-на-Тайне, где и появился на свет будущий нелегал. Но раскрывать эту страшную тайну в начале 1970-х годов почему-то не решились.

Далее идет пассаж о верности большевистским идеям. «Целиком и полностью я был на стороне отца и его друзей и при каждом удобном случае помогал им распространять большевистскую литературу». Возможно, помогал отцу-большевику. Но никаких документальных подтверждений этому пока не найдено. Что ж, тут, полагаю, Вильям Генрихович не лукавит.

А вот далее приводится факт, частично объясняющий появление молодого Вилли в разведке: «В первые годы Советской власти мне довелось работать среди молодых политэмигрантов, вернувшихся на родину. Это не только помогло мне в изучении иностранных языков, но и явилось впоследствии важным обстоятельством при определении жизненного пути». Почему-то кажется, что работа среди сверстников-политэмигрантов была первым шагом на пути в ЧК. Наверняка отдел ИНО

интересовали настроения среди молодежи, вернувшейся, обычно с родителями-коммунистами, из вынужденной ссылки. Они, как и Вилли Фишер, хорошо знакомые «с зарубежной действительностью», говорили на нескольких языках. Было из кого черпать уже относительно подготовленные для работы вдали от родины кадры. И юный Фишер наверняка помогал подбирать чекистам самых, по его мнению, надежных.

Заодно это и давало пусть и ложный, но ответ на вопрос, откуда парень, сын рабочего из Петербурга, так здорово знал английский. Да и не только английский.

Далее Вильям Генрихович сообщает: «Службу в армии я проходил в радиочастях РККА. В нашей роте было свыше ста москвичей, имевших среднее и высшее образование. Сам я по образованию инженер по радиотехнике». Увы, это не соответствует действительности. В насыщенной событиями жизни уроженца английского Ньюкасла-на-Тайне не хватило времени на учебу. Фишер был талантливый радистом-самоучкой, но без диплома. Признать это в 1971-м, когда молодежь нацеливали на упорную учебу, было бы не в русле партийной линии, и разведчика сделали заодно и инженером.

Но вот, наконец, и чистая правда, вероятно, изложенная и сформулированная самим Фишером-Абелем: «Со 2 мая 1927 года я стал чекистом. Ну, а дальше, как и в любой другой области человеческой деятельности, вначале упорная, настойчивая учеба, за ней робкие, неуверенные самостоятельные шаги, первые успехи... На работу в разведку с большой охотой и с полным сознанием ее важности и значения идут лучшие представители нашей молодежи. Известно, что разведчику приходится действовать во вражеском окружении, постоянно подвергая свою жизнь опасности. Он должен иметь хорошую общеобразовательную подготовку, широкий кругозор, знать иностранные языки».

Последний пассаж звучит совсем по-сегодняшнему: «Разведка — это не приключенчество, не какое-либо трюкачество, не увеселительные поездки за границу, а прежде всего кропотливый и тяжелый труд, требующий больших усилий, напряжения, упорства, выдержки, воли, серьезных знаний и большого мастерства». Р.И. АБЕЛЬ.

«Абелю» вручили «Оскар»

А фильм «Шпионский мост» был номинирован на «Оскар» в шести категориях, в том числе как лучшая картина года. Но «Оскар» достался лишь один. Обе дочери — адвоката Донована и советского полковника оказались правы в выборе лучшего актера и своих предсказаниях. Марк Райлэнс, сыгравший полковника Абеля, получил «Оскар» за роль второго плана.

Англичанин и внешне напоминает полковника-нелегала Вильяма Фишера. Ранее в своих интервью Марк Райлэнс говорил, что читал книги о полковнике и постарался сыграть его как можно правдивее.

Это блестяще удалось. Вообще-то англичанин у себя в Великобритании больше известен как исполнитель главных ролей в пьесах великого Шекспира. Знал ли типично шекспировский актер Райлэнс, что он по сути своей актерской привязанности близок к герою? Ведь отец и мать Фишера, будущего полковника Абеля, назвали родившегося в английском городе Ньюкасл-на-Тайне сына в честь Вильяма Шекспира.

Вот в таком же академическом, шекспировском, очень достойном стиле Марк Райлэнс, особенно удачно игравший короля Лира, воплотил образ немолодого уже нелегала, хладнокровно встречающего даже явно несправедливый приговор. Впервые в истории американского кино советский разведчик показан не пьяницей и подлецом, а по-настоящему мужественным, преданным родине.

Что ж, приятно, что две дочери главных героев этого фильма не ошиблись. Это делает честь и выборщикам. Отношения наших стран переживали в годы правления президента Обамы худший период в новейшей истории, а они взяли и проголосовали «за русского полковника» и одновременно английского драматического актера.

Обмены во все времена

Разведчиков меняли еще до войны — Второй мировой — и холодной.

Бытует мнение, которое сегодня уверенно озвучивают даже многоопытные профессионалы из спецслужб, что «первый обмен произошел в 1962-м на мосту Глиннике, когда полковника Абеля, он же полковник Фишер, обменяли на летчика-шпиона Пауэрса».

Позвольте развеять этот разгулявшийся миф, ссылаясь при этом на конкретных людей и беседы с участниками тех необычных событий.

Первые обмены проходили еще в начале 1930-х. Тогда в разные годы выручали советских разведчиков, действовавших в Китае. Наиболее известный случай — обмен Якова Бронина. Резидент военной разведки был арестован в Шанхае. Узнав об этом, в Москве взяли под арест Цзяин Цзин Го. Фамилия вроде бы ничего не говорит, но Цзин Го был сыном самого вождя Чан Кай Ши и, как считалось, собирал секретные сведения о Красной армии.

Прошло немного времени, и Бронин был доставлен на родину. А обмененный на него Цзин Го вскоре встретился с родным отцом.

Меняли и некоторых разведчиков-иностранцев, работавших на СССР по линии Коминтерна. Не все имена до сих пор рассекречены, но в принципе такие случаи были не единичны. Об этом рассказывал мне, показывая свои записи, а иногда и документы старейший чекист России Борис Гудзь.

Об обмене в апреле 1964 года нашего нелегала Конона Молодого, он же Гордон Лонсдейл, он же Бен, на англичанина Гревилла Винна — связника казненного в СССР в 1963 году предателя Олега Пеньковского, любопытнейшие детали припомнил полковник Иван Дедюля. Рассказал мне, что выйти на Пеньковского помог ему в Вене бывший солдат вермахта, попавший раненым в плен и вылеченный в партизанском отряде Дедюли. В знак благодарности он довольно точно описал Пеньковского Дедюле — нашему резиденту в Австрии, а заодно и навел на Винна, подсказав, как осуществляется между ними связь. Пеньковский и Винн были арестованы. Англичанин получил восемь лет, из которых отсидел одиннадцать месяцев. И Лонсдейл — Молодой был обменен 22 апреля 1964-го на Винна на том же мосту Глиннике, который прозвали «мостом Свободы».

Интересно, что радистов Бена — супругов Крогер, они же будущие

Герои России Моррис и Леонтина Коэн, отбывавших в тюрьмах Ее Величества в Великобритании двадцати летний срок, тоже обменяли. Тут история еще более тонкая. Обмен проходил с использованием «польского флага».

В 1982 году состоялся один из самых необычных обменов в истории разведок. Два года промучился в камере смертников в ЮАР полковник и будущий Герой России Алексей Козлов. Его меняли с помощью разведки ГДР не на мосту Глинике, а около КПП «Херлесхаузен». Сначала привезли тех, на кого его должны были менять. Одиннадцать человек! Десять немцев и один офицер армии ЮАР, захваченный в плен в Анголе во время рейда туда южноафриканской армии. Все одиннадцать с чемоданами. Подогнали целый автобус.

И добавлю сюда же короткий рассказ одного человека, служившего в военной разведке. И он, и особенно его руководитель, советский советник в Анголе, были крайне удивлены полученным из Центра приказом. Во что бы то ни стало постараться захватить в плен военнослужащего из армии ЮАР, воюющего в Анголе. Приказ был не без труда выполнен: дисциплинированные кубинские добровольцы, воевавшие в ЮАР, повязали здорового юаровца. Офицер из ЮАР был абсолютно ошарашен. Никак не мог понять, зачем его доставили на самолете в Западный Берлин. И только когда очутился на мосту Глинике, ему объяснили: отдаем тебя как довесок в придачу к десятку западногерманских шпионов за нашего парня, просидевшего два года в Претории. Офицер был счастлив. От радости взвалил на себя парочку чемоданов, принадлежащих кому-то из немцев. Сам-то он был налегке.

Когда через несколько лет Козлов вернулся на место обмена, то не узнал его. Спрашивал, откуда взялись все эти сооружения. Ему объяснили, что построены они давно. Видно, волнение при обмене было такое, что Козлов их даже не заметил.

В декабре 1976 года советского диссидента Владимира Буковского обменяли в Цюрихе на генсека компартии Чили Луиса Корвалана. Переводчик книг Корвалана, известный журналист Валерий Кучеров, убеждал меня, что Корвалан, сидевший в пиночетовской тюрьме, был уверен: его везут в самолете на смерть. Тогда, как рассказывал сам генсек, некоторых его соратников сажали вот так же в самолет и сбрасывали в море. О том, что борт приземлился в Швейцарии, он не догадывался. А когда понял, что находится в посольстве СССР в Берне, был поражен.

Буковский, с которым я встречался в Париже и в Москве в конце 1980-х — начале 1990-х, об обмене не говорил — запретная тема. Может, его

коробила вошедшая в поговорку прибаутка: «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана...» В меткой шутке была и доля правды.

27 апреля 1979 года произошел еще один, я бы сказал, совсем уж не афишировавшийся обмен приблизительно из той же серии. В Нью-Йорке группу из пятерых диссидентов, в которой был и журналист Александр Гинзбург, обменяли на двух сотрудников внешней разведки — Рудольфа Черняева и Вальдтса Энгера. Оба работали под крышей ООН и потому содержались мягко — под домашним арестом. Но сколько могло продолжаться это нью-йоркское сидение? И прямо в нью-йоркском аэропорту Кеннеди состоялся обмен.

Встречался я с Александром — Аликом — Гинзбургом, работавшим затем во Франции в газете «Русская мысль». Об обмене он вспоминал, кляня советскую власть, при которой был посажен. Алик, долгие годы живя в Париже, так и не выучил французский, общался с международной прессой на хилом английском. А на вопрос почему — хитро отвечал, что в советских застенках изучал японский или китайский, чтобы скрасить существование. Скончался Гинзбург во Франции.

В году 1985-м тоже не обошлось без обмена. Двадцать три арестованных в странах социализма сотрудника западных разведок строем прошли по Глинике в сторону Западного Берлина. А ГДР приняла четырех выпущенных из тюрем офицеров советских спецслужб.

Один из наиболее известных советских диссидентов Натан Щаранский был использован в интересах интернационализма. В июле 1978 года его осудили за шпионаж — дали 13 лет. На его, не наше, счастье в конце 1984 года ЦРУ обнаружило в своих рядах двух кротов: чешских нелегалов — супругов Карла и Ханну Кехнер. Советская разведка решила помочь товарищам из братской Чехословакии. 11 февраля 1986 года диссидента обменяли на мосту Глинике на профессиональных разведчиков из ЧССР.

Наступила перестройка. Вроде бы в мире потеплело. И в знак определенного сближения накануне встречи в Рейкьявике Михаила Горбачева и президента США Рональда Рейгана в октябре 1986-го состоялся еще один обмен. Правозащитник Юрий Орлов, получивший в сумме 12 лет колонии и ссылки, отправился на Запад. А не обладавший дипломатическим иммунитетом сотрудник ООН Михаил Захаров, обвиненный в шпионаже, вернулся в Москву.

Самый громкий — пока — обмен XXI века произошел летом 2010 года. Тогда в результате предательства сотрудника нелегального управления СВР полковника Потеева в США были арестованы десять россиян-нелегалов. Это Ричард и Синтия Мерфи, Хуан Лазаро, Майкл Зотолли,

Патрисия Миллз, Михаил Семенко, Анна Чапман, Викки Пелаез, Доналд Ховард Хитфилд и Трейси Ли Энн Фоли. Не буду раскрывать и напоминать подробности. Среди этих десяти генерал-майор СВР, Герой Советского Союза (звание присвоено еще в 1990-м) Михаил Анатольевич Васенков, 1942 года рождения, легализовавшийся сначала в Перу, а затем в Штатах под именем Хуана Лазаро. Васенков — Лазаро превратился в известного фотографа. Михаил Анатольевич рассказывал мне об этом. Но побережем рассказ «на потом».

До 2010 года ни в одной тюрьме мира не содержалось кадровых российских разведчиков. Просьба не путать с завербованными еще во времена СССР или уже в наше время агентами-иностранцами. Своих, обвиненных в нелегальной деятельности в пользу России, надо было вырывать. И к чести двух стран Россия и США договорились об обмене «десятки» на четверых, осужденных в Москве за шпионаж. Это бывшие заведующий сектором Института США и Канады Игорь Сутягин, крот из спецслужб Геннадий Василенко и два экс-старших офицера СВР и ГРУ Александр Запорожский и Сергей Скрипаль. Мост Глинике в связи с исчезновением ГДР больше не пригодился. Обе стороны воспользовались самолетами.

И, на данный момент, последний обмен произведен 26 сентября 2015-го на пограничном КПП в Псковской области. Сотрудник эстонской полиции безопасности Эстон Кохвер был осужден в России на 15 лет за шпионаж. Экс-офицер департамента полиции безопасности МВД Эстонии Алексей Дрессен сидел в тюрьме за передачу секретных сведений ФСБ России. Видно, у спецслужб вошло в привычку менять разведчиков на мостах. И россияне с эстонцами произвели обмен на мосту через реку Пиуза, она же Пимжа.

Он был даже литовцем

До сих пор не всем понятно, как Вильям Фишер натурализовался в США. Дочь Эвелина вспоминает, что перед долгой командировкой в Штаты он где-то с 1947-го постоянно наведывался в Прибалтику. В семье полагали, будто боролся с националистами, «лесными братьями» и прочими бандитами.

Ошибались. В одной из больниц Вильнюса скончался непонятно каким образом в тогда советскую Литву попавший американский гражданин Эндрю Кайотис. Его документы и «одолжили» для внедрения советского нелегала. А для этого Фишеру пришлось потрудиться. Вильям Генрихович вживался в новый образ. Изучал особенности прибалтийской жизни. Многие, Фишера знавшие, даже дочь Эвелина, вспоминают о его акценте. В Москве Вильяма Генриховича принимали за прибалта. Но вот говорил ли он по-литовски? Не думаю. А что если бы кому-то в США, где немало выходцев из трех маленьких стран Прибалтики хватает, взбрело в голову поговорить с Кайотисом на его родном языке? Да, определенный риск просматривался, но именно с частично подлинными документами на имя их почившего обладателя Фишер и въехал в Штаты. На его, Фишера, фотографии еще полно волос. По документам он белый (вот уж что соответствовало действительности), глаза серые, волосы темные, рост 5 футов 11 дюймов, не женат. Родился в Литве, гражданином которой являлся. А постоянно проживает в штате Мичиган. Сертификат, выданный гражданину США Эндрю Кайотису, вполне подлинный, за исключением фотографии.

В Соединенных Штатах полковник Абель, оперативный псевдоним Марк, действовал и под другими именами. А начинал — с Эндрю Кайотиса. Единственное, в чем признался человек, назвавшийся Абелем, так это в том, что, найдя после войны в СССР большую сумму денег и купив паспорт, он переехал в США, однако не зарегистрировался как иностранец. Абель признавал это своим единственным нарушением американского закона об эмиграции и гражданстве.

Относительно недавно в Интернет была вброшена новая версия о допросах Абеля в США, во время которых американцы проверяли его на полиграфе. Вот здесь-то незнакомый с этим техническим новшеством нелегал выдал себя. Ложь! Никаких проверок на полиграфе полковник не проходил ни в Штатах, ни в Советском Союзе. В 1962-м детектор лжи в

СССР еще не применялся. А в Америке его допрашивали иными способами. Кстати, еще предстоит точно и окончательно установить, использовались ли при этом специальные методы, проще — пытки. Впрочем, можно считать, что использовались. Еще раз упомяну, что пожилого и, это было понятно, не совсем здорового человека держали под раскаленным солнцем в железной клетке-камере. Температура в ней поднималась до 50 градусов. Но полковник молчал.

После возвращения домой любой разведчик, даже самый удачливый, попадает под карантин. Меня удивляло, что этой участи не избежали даже будущие Герои Советского Союза и России. А их — совсем нет. Таковы законы профессии. На тихой даче за высоким забором пишутся подробнейшие отчеты о работе в особых условиях. Даются развернутые ответы на вопросы руководства. За ними ухаживают хозяева временного пристанища, они совершают прогулки. Но находятся под присмотром или надзором. Изредка пребывание затягивается. А бывает и непродолжительным. Все зависит от обстоятельств.

Проходил рутинную проверку и Вильям Генрихович.

Мой Абель

Он высокий или уж точно выше среднего. Худой, чуть сгорбленный. Глаза серые, глубоко посаженные. Почти лысый, с оставшейся на висках благородной сединой. Лицо продолговатое. Большой нос, уши торчат, заметный кадык. Сосредоточенный взгляд выдает человека умного, много повидавшего и перенесшего.

Таким я вижу Рудольфа Ивановича Абеля, он же полковник Вильям Генрихович Фишер. На протяжении всей своей жизни был поджар. В американской тюрьме даже тощ. Перед кончиной, на склоне лет это была уже скорее болезненная потеря веса.

Совсем не спортсмен и очень далек от какого-либо атлетически сложенного типажа. Но двигался легко. В жестах никакой скованности. Абсолютно не выделяется из толпы. Он сливается с ней. Я бы назвал его человеком толпы.

На кого же он похож? Нет, явно не русский. Конечно, типаж европейский. Немец? Возможно. Еврей? Ну, не совсем, однако что-то есть. Англичанин? Скорее нет, чем да. Голый череп в 55. Еще в молодости намечающаяся лысина. Широкий лоб намекает на интеллект, и, как мы знаем, это не просто намек. Пусть, ради бога, не обманывает образ, увиденный нами в прологе фильма «Мертвый сезон» о его друге — разведчике-нелегале Кононе Молодом. Там Вильям Генрихович загримирован. Внешность изменена не в целях конспирации, как полагают супербдительные, а по банальной причине, о которой рассказывал моему отцу сценарист Владимир Вайншток, он же Владимиров: «По нашим киношным канонам нельзя было показывать героя, не только разведчика, лысым. Уговорили Вильяма Генриховича сделать нашлепку. С третьей попытки нашли лучший вариант. Придали благородства». Внешнего, совершенно не нужного. Потому что благородство было не в этом, а во всем подвижническом образе жизни.

И огромная внутренняя энергия. Она не бьет ключом, но чувствуется, покоряет собеседника, действует на него, одновременно усыпляя и очаровывая.

Разведчик Абель, как сосуд с переливающейся жидкостью. В зависимости от необходимости, от цели принимает понятную, приемлемую для контактирующего с ним человека форму. Он трансформируется, меняется, обретая в нужный момент необходимый окрас. Бесспорно,

обаятелен. У него умение ладить и наводить мосты с людьми. И знаете почему? Потому что он талантливый нелегал.

Никаких особых примет. Разве что очки, которые он с младых лет не снимает. Никто и никогда не видел, чтобы он их протирал, чистил. Они — неизменный атрибут его образа, с которым он естественным образом сросся.

Очки, это все, что скажут о нем мельком его видевшие. «Я видел человека в очках. Это передал мне человек в очках. Эту отметку мелом сделал человек в очках». Ну и что? И больше ничего.

Хотя Эвелина, с которой я часами беседовал, рассказывала, что, когда отец нервничал, в его голосе вдруг прорывалось грассирование. Буква «р» произносилась не так. В молодости, после приезда из Англии в Россию, слегка картавил. Иногда принимали за прибалта. Над ним скорее не смеялись, а дружески подсмеивались. Это «здесь» он мог очень редко, но выглядеть иностранцем. Однако главные свои подвиги он совершал «там».

Много курит. Иногда это так называемое «чейн смоукинг», то есть прикуривание одной сигареты от другой. Кого-то опытного тоже могло зацепить, привлечь. Впрочем, сколько в мире таких курильщиков.

С ним хорошо вступать в разговор. Он так внимателен к собеседнику, что тому кажется, будто у них с Фишером-Абелем идет разговор равных. Ничего подобного. На самом деле собеседник незаметно, иногда даже против своей воли выложил Вильяму Генриховичу почти все, что тому было интересно услышать. Он же не сказал ничего или почти ничего, но произвел впечатление добродушного, внимательно слушающего человека, ведущего приятную беседу. А на самом деле — это великое умение внимать, необходимое в его профессии.

Одежда под стать незапоминающемуся образу. В США он в мягкой фетровой шляпе. В Москве — всегда в темноватом, неброском берете. В молодости носил и остроконечную красноармейку, и красноармейскую фуражку. Гардероб ни дома, ни во время нелегальной командировки не отличался разнообразием. Хорошо сидящий серый, темноватый костюм. Недорогой, но подобранный именно под себя, под свою фигуру. Рукава рубашки иногда протерты. Он не из тех, кто тратит много денег на одежду. И скупость тут ни при чем. Не испытывал потребности, не обращал внимания. Его непосредственный начальник полковник Тарасов рассказывал мне, как по просьбе жены Елены Степановны Фишер он решил уговорить Вилли купить новый костюм: «Вилли ответил мне искренне: зачем, у меня же один уже есть». В этом весь Фишер.

Или как вам такой штрих. Они с Кононом Молодым как самые

принципиальные были выбраны в своем управлении для распределения немногочисленных благ, во времена брежневщины для сносного существования необходимых. В тот раз распределяли продуктовые заказы под праздник, допустим, 7 Ноября. Они с Кононом внесли в список всех, а потом от младших по званию и должности коллег узнали, что начальство довольно резонно решило по-своему: всем не хватит. И тогда они оба отказались от праздничных заказов. В организации, где Фишер и Молодой трудились, это в определенной степени форма протеста, которая одобрения у вышестоящих не вызвала. Но оба сделали это совершенно не для того, чтобы набрать популярности среди сослуживцев рангом пониже. Просто они были такими.

Он стоял в очереди на квартиру. Две комнатки на проспекте Мира — одна спальня и гостиная на него с женой и дочкой. Узкая кухня. Эту квартиру они получили еще тогда, когда ее хозяин сидел «там». И, к радости семейства, полковник дождался. Но тут же отказался. А когда домашние бросились уговаривать, обошелся с ними крайне резко. Твердо сказал, что есть нуждающиеся в улучшении жилплощади гораздо больше. И разговор закончен.

Ходил в театр, в консерваторию. Во время короткого отпуска в 1955 году съездил с женой и дочерью в Ленинград и обошел музеи. Несколько часов на Эрмитаж. Ему нравилась старая живопись, работы голландских мастеров. Темные тона полотен.

И несмотря на суровую профессию — наивность, неумение приспособиться к неустроенному быту. После войны в конце «карточного» периода у них украли карточки. Тогда они поехали продавать яблоки из своего сада на рынок. Положили такую же цену, как все остальные. Многие подходили, пробовали, но не решались покупать — дороговато. И он снизил цену до минимума. С рынка вернулись почти ни с чем. Больше семья отца на рынок не брала.

Да, он мог и по сути профессии должен был обманывать. Но только ради одного — родины. Служил не Сталину и не Хрущеву с Брежневым. Он нес свои невидимые миру обязанности и муки ради отчизны. Если кто-то скажет, что такого не бывает, то вся жизнь Фишера тому опровержение. И здесь Фишер вовсе не последний из могикан — вся плеяда великих разведчиков того поколения билась за светлую идею. В чем-то они были даже фанатиками. Осуждать их за фанатизм? Или за прозрение, приходившее после возвращения домой к концу уже почти прожитой жизни, когда их мучило не отпускавшее до последнего вздоха сравнение между «там» и «здесь»?

Кого же все-таки напоминает Абель — Фишер? Для меня после всего увиденного и от десятков людей услышанного: внешне это типичный знаменитый актер Евгений Евстигнеев — профессор Плейшнер из «Семнадцати мгновений весны». Интеллектуал, не смахивающий на интеллектуала, а настоящий интеллигент. Мои многочисленные встречи с последователями Фишера заставляют думать, что такие индивиды почему-то, каким-то образом выжили и еще не выродились. В них виден ум, чувствуется энергия. Теперь все чаще среди разведчиков-нелегалов и благородные славянские — женские и не только — типажи. Пусть лица обычно исхудалы, но зато тонки черты. Ближе к уходу выглядят порой изможденно. И никак не похожие на симпатично-привычных красавцев-героев.

В обычной жизни был непрактичен. Но вот там, где требовался профессионализм разведчика, ему не было равных. Вспоминаю эпизод: отлученный непонятно за что из органов госбезопасности Фишер едет в Москву из своей Челюскинской на поезде в конце июня 1941-го. Уже лютует война. Он выходит покурить в тамбур и слышит тихий разговор. Двое русопятых пареньков спорят, когда лучше сойти — сейчас или попозже. И один, в кепочке, ну прямо Ваня Ванечкой, предлагает: давай сойдем сейчас. Ведь поезд проскочит Москву, а дальше — кто его знает? И тут же Фишер вызывает патруль. Двух пареньков, милых и улыбчивых, задерживают и выясняют: это немецкие диверсанты. Как Фишер догадался, как смог понять, что перед ним не просто парочка провинциалов, а шпионы? В Германии поезда обычно проскакивают через Берлинский центральный вокзал и идут дальше. Но в Москве-то это не так. И Фишер сразу понял, с кем имеет дело. Чутье не подвело. Двое оказались отличниками из немецкой спецшколы Абвера. А на русском дети эмигрантов говорили получше, чем на немецком. Только вот вопрос: откуда Абель знал такие тонкости о движении поездов в Берлине? В официальной его биографии следов пребывания нелегала в Германии не значится.

Он проявлял, хорошо, пусть не талант, но точно большие способности во всем, за что бы ни брался. Прекрасно фотографировал. Оборудовал после освобождения из американской тюрьмы фотолабораторию на даче.

Профессионально рисовал. Он, собственно, и начинал в органах не только в качестве переводчика, как это принято считать. Соратник и друг полковник Павел Георгиевич Громушкин вспоминал, что в 1938 году они работали с Вилли вместе в отделе, изготавливающем документы для нелегалов. И такие, что паспорта, искусно сделанные, не тянет называть фальшивыми.

Он рисовал всегда. Первый известный рисунок, деревенский шалаш, датирован 1925 годом. А сколько картин, и самых разнообразных по стилю, создано: портреты, пейзажи, карандашные наброски... Можно ли предположить, что он рисовал во время суда? Конечно! Об этом говорили. Но, естественно, этих карандашных, как вспоминают, набросков, нет. Их легко представить — простой карандаш превращается в средство самовыражения, отвлечения и, в случае с предателем Виком Хейханеном, обличения. Его рисунки, возвращающие в прошлое, — надежда на будущее. Радостное или горькое воспоминание.

Существует легенда: нарисовал в тюрьме портрет Кеннеди, который его благосклонно помиловал. И полковник подарил полотно самому президенту. Так это или нет? Сегодня этого уже не знает никто. Мое мнение — очень вряд ли. Не в его стиле. Всегда настороженно относился к начальству — и советскому, а уж к чужому — тем более.

Он очень просто относился к вопросам, которые ему задавали по поводу типажей и места написания его работ после возвращения:

— Ой, это кто?

— Это негр.

— Скажите, а где вы видели такую картинку? (Типично американская улочка.)

— В одной стране далеко отсюда.

В американской тюрьме занялся шелкографией. Дарил заключенным необычные открытки на праздники. Эти же навыки прививал и дочке дома — развлечение прижилось. Меня спрашивают: откуда так много рисунков, дисциплинированно, как требовали начальники, подписанных им после возвращения не своей фамилией Абель или «Abel»? Ответ простой: они с Эвелиной их печатали, а выходило будто карандашом нарисованные.

На втором этаже старой двухэтажной дачи сохранилась его мастерская. Неверно назвать ее фотолабораторией. Там и тисочки, в которые он зажимал детальку и что-то подтачивал. И приспособления для распиловки мелких штучек-дрючек. И фотокинопринадлежности. Неким образом своеобразная лаборатория умельца.

Он был радистом от Бога. Собственно в первых командировках и трудился радистом. Как рассказывает дочка, любил ездить по базарам — покупал старые радиодетали, мог смастерить радиопередатчик из кучи старья. Золотые руки и голова.

Очень помогало во всех странах, где Фишер жил жизнью нелегала. Тщательно готовил тайники. Вытачивал детали, в которых хранил и передавал сведения с мастерством необычайнейшим. Был на все руки

мастером.

Напугал начальника тюрьмы Атланты, когда предложил тому проект переустройства этого учреждения.

В тюрьме проходил, как и все заключенные, тесты на ай-кью. И опять поразил тюремное начальство: выяснилось, что у русского полковника интеллект гения. В камере находилось человек по шесть-семь. Для начала его пытались перевоспитать с помощью уголовников. Натравливали их на русского шпиона. Он не стремился обращать бандитов в коммунистическую веру, но смог внушить уважение, снизить накал ненависти. Все же однажды, в начале отсидки совсем уж отпетые, в основном черные, то бишь негры, по-теперешнему — афроамериканцы, его избивали.

Русский держался по-мужски. Не заискивал, а сумел занять свое — и достойное — место в сложной тюремной иерархии. Его уважительно звали только «полковником». Он помогал заключенным. Составлял для них прошения о помиловании. Писал за неграмотных письма родственникам. Одного матерого уголовника, который пытался в начале знакомства вести разговор с ним с помощью кулаков, превратил в ученика: преподавал ему язык Вольтера. Внушал тому: ты — способный. И бандит заговорил на французском.

Когда забрезжило освобождение, многие заключенные подбадривали его: «Полковник, вас обменяют, обязательно обменяют». Это тюремный телеграф донес до него весть о сбитом летчике Пауэрсе.

А он, чтобы дать пищу мозгу, занимался в тюрьме решением сложнейших задач по математической логике. Решал в уме уравнения, постоянно усложняя эти задачи и напрягая ум, совершенствовал и тренировал память.

Один осужденный — врач-дантист из ФРГ, арестованный в США за не слишком крупное преступление, проникся к Абелю симпатией и здорово ему помог. У полковника на пятом году тюрьмы стало совсем худо с зубами: чуть не полное выпадение нижней челюсти. И немец, тоже умелец, изготовил Абелю нечто вроде протеза, который уверенно держался на креплении из проволоки.

Еще эпизод из той же серии о человеческой привязанности. Этот немец отсидел свое и приехал в СССР, в Москву. Так хотел повидаться с полковником. Не разрешили: Фишеру встречу запретили.

Как и встречу с Донованом, который тоже добрался до Москвы. Дочь Фишера рассказывала, что в случае с помогшим ему адвокатом отец изменил себе. На какое-то мгновение его покинула всегдашняя выдержка.

Он ругался — до мата не доходило, но чертей поминал.

Ни в коем случае нельзя представлять Фишера аскетом. Вот уж нет. До войны и до увольнения из органов у них дома собирались вечером в субботу немногочисленные, однако довольно шумные компании — в основном сослуживцы. Пели песни. Фишер аккомпанировал на мандолине. Впрочем, он играл и на гитаре. Дочь вспоминает, что иногда компания приходила в нетерпение — Вилли чересчур долго настраивал инструмент. Он любил все доводить до совершенства. Играл на фортепьяно, но не очень.

Пили в основном сухие вина. Бутылки вина за столом считались атрибутом таких застолий. Бывало, что веселье переходило в весьма шумное. После шли провожать гостей. Случалось, что расставаться не хотелось, этим людям было о чем поговорить, и они возвращались обратно. У меня в записях есть один из маршрутов таких прогулок. Теперь на месте прежнего жилья Фишеров — Олимпийский проспект.

Однажды подгулявшую, слегка навеселе компанию остановила милиция. Эвелина вспоминает, что разошлись мирно, поговорив и показав документы. Он умел договариваться, не вступать в конфликты, не доводить до обострения.

В семье был бесспорным главой, неоспоримым лидером. Иногда, уже после приезда из США, давал выход своему раздражению. Абсолютно спокойный и невозмутимый на работе, срывался на дочку, на жену. Бросал едкие остроумные реплики.

В 1955 году в отпуске перед арестом вдруг стал говорить. Хлопотал, чтобы отозвали крепко заболевшего товарища. И обязательно еще одного — запившего. К этому пьянице не питал никаких чувств, кроме презрения. Заболевшего заменили, а пьяницу Хейханена — не успели.

Опять-таки в конце жизни начал о чем-то из своей деятельности рассказывать. Проскальзывали имена начальников, эпизоды работы. Иногда высказывал глухое недовольство тем или иным решением вышестоящих. Мог, кстати, и их деликатно, но поставить на место. Так, однажды, когда к нему приехал генерал на машине и остался ужинать, Фишер быстро сбежал вниз и пригласил за стол шофера. Легкое недовольство начальника его не смутило.

И давайте, закончу совсем иным. Вот идет со станции Челюскинская усталый высокий человек. И как только он сходит с электрички, сразу же из дома, где проживает Абель-Фишер, вихрем вылетает из окошка вылеченный им вороненок Карлуша. Вильям Генрихович подобрал его где-то в поле, со сломанным крылом. Ухитрился вылечить, снова дал

возможность летать, вставив вместо крыла искусственную палочку, большой он был умелец, и Карлуша привязался к своему хозяину так, что чувствовал его приближение за километры.

Не леплю ли я некую иконописную картиночку: вот он, человек, отсидевший пять с половиной лет в американской тюрьме, не выдавший ни единого своего товарища, не сказавший за все годы мучений ни слова? Может быть, и иконопись. Но заслуженная.

Годы, проведенные в американских застенках, сказались на здоровье полковника. Умирал он очень тяжело. Лидия Борисовна рассказывает, что вместе с Эвелиной и постоянно менявшимися и ни на минуту не оставлявшими своего полковника сотрудниками Первого главного управления они видели агонию отца. Он заранее, еще до того, как страдания сделались невыносимы, просил не колоть его морфием. Быть может, и с Лидией Борисовной мы это обсуждали, у Вильяма Генриховича морфий пробуждал какие-то ассоциации, воспоминания об американской тюрьме. Наверняка его там мучили. И когда смерть была уже у изголовья, неистовая боль пораженного раком Фишера превратилась в ужасную пытку. За день до кончины, корчась в судорогах, он даже упал с кровати. Две женщины и здоровый мужчина не смогли удержать его.

Абеля-Фишера знают и помнят не только во внешней разведке. К 110-летию со дня рождения секретариат Союза художников России вручил родственникам Вильяма Генриховича Фишера золотую медаль «За большие достижения в области изобразительного искусства». В Мытищах, рядом с которыми в тени густых деревьев прячется от наступающего города дача Вильяма Генриховича, появилась по инициативе равнодушных энтузиастов улица разведчика Фишера. Сейчас на ней выросли первые дома. Город наступает, выживет ли маленькая дачка под этим неистово-естественным натиском, не сметет ли ее новострой?

Вильям Фишер стал символом разведки и негибаемой твердости. А еще — душевной теплоты.

Еще не эпилог

Вот так, уже больше четверти века мы не расстаемся с полковником. Кажется, все сказано и перепето. Но нет. Абель открывается. Иногда неожиданно, совсем по-новому. Выпадет ли еще один шанс рассказать о легенде советской разведки? Придет ли сюрпризом информационный повод?

За десятилетия работы над сложнейшей темой я превратился в оптимиста. Сколько раз и какие важные люди уверяли, будто всё, что можно, уже раскрыто. И это — их чистая, сугубо профессиональная правда. Но только кто установил границы этого самого «можно»? Они, как и границы моей родной Москвы, медленно, а порой и решительно расширяются. Помню, в 1994-м американец и наш друг, будущий Герой России Моррис Коэн, клялся мне, что кроме него в разведке осталось лишь два человека, знающих имя человека, передавшего во время войны прямо из атомной лаборатории Лос-Аламоса советской разведке секрет бомбы. «Он так и останется в истории под оперативным псевдонимом Млад», — уверял старина Моррис. Но пролетел десяток лет, и мне (а также американским историкам) удалось узнать имя благородного американского физика Теодора Холла, работавшего на СССР и мировой атомный паритет.

Между прочим, после того как СССР испытал в 1949 году свою первую атомную бомбу, Млад — Холл попросил своих советских друзей считать совместное сотрудничество законченным. И тогда на встречу с ним был послан один из лучших «уговорщиков» нашей разведки — некий Марк. Он же полковник Абель и одновременно Вильям Фишер. И Марк уговорил Млада поработать на нас еще немного. Бомбу-то мы изготовили, а вот о средствах доставки оружия массового поражения знали тогда, в 1949–1950 годах маловато. И Млад согласился. Или, вернее, Абель его уговорил? Так что вопросы остаются. Надо бы их раскрыть.

Нашей России сегодня как никогда нужны самоотверженные, интеллигентные герои, с которых только и брать пример. Это значит, что поиск продолжается.

СЛУЖИЛИ ДВА ТОВАРИЩА

Рудольф Абель

Сегодня — это азбука разведки, а ведь еще совсем недавно эпизод хранился под грифом «секретно». Лишь единицы посвященных знали, что при аресте в 1957 году наш резидент в Нью-Йорке полковник Фишер назвал именем своего друга и тоже разведчика Рудольфа Абеля. Правда, Рудольф Иванович Абель еще в 1946-м был отправлен в запас в звании подполковника. А Фишера в Штатах могли посадить на электрический стул, и он в своем письме в консульство СССР от имени тоже бывшего нелегала и радиста Абеля давал понять: арестован он, Фишер, ждет суда и молчит.

Сигнал приняли не сразу. Как мне объясняли, письмо «попало не к тому консулу», который резво, ни с кем не посоветовавшись, ответил американцам, что никакого Абеля среди советских граждан не числится. Я интересовался: не влетело ли этому торопыге, когда копия его ответа попала в Москву? Ведь свяжись он с людьми сведущими, рядом работающими, и вопроса: «Куда делся резидент нелегальной разведки Марк?» — не возникло бы. А так его искали, наводили справки, пока не увидели фотографий арестованного Марка, псевдоним Фишера, в американских газетах. Но мне объяснили, что хотя консул действовал формально, однако точно по инструкции. Общей картины его промах не изменил, разве что трагическая история ареста могла бы всплыть пораньше.

И все же не совсем понятна с первого взгляда тема: почему же арестованный в США Вильям Генрихович Фишер назвал именно Абелем? Еще и потому, что для американцев фамилия не воспринималась чем-то отпугивающе иностранным, тем более произносят ее в Штатах «Эй-бел» с ударением на первом слоге.

Волею всегда непредсказуемой судьбы несколько лет назад в руки мне попали архивы писателя — дальневосточника Николая Филипповича Сунгоркина. Пожалуй, именно его можно назвать одним из первооткрывателей долго скрывавшейся истины. Еще в начале 1980-х он, детальнейше исследуя жизнь настоящего Рудольфа Ивановича Абеля, служившего в 1920-х годах на Дальнем Востоке, понял, что к чему. В аккуратной пухлой папке с тесемочками — копии документов настоящего

Абеля и его старшего брата Вольдемара, переписка писателя с его сыном (племянником Рудольфа Ивановича) Авангардом Вольдемаровичем Абелем. Есть и некоторые статьи Николая Филипповича, попадавшие мне уже в середине 1990-х годов, когда вынужденная мистификация во многом и благодаря Николаю Сунгоркину была близка к официальному раскрытию.

Ведь Служба внешней разведки во избежание неприятностей оставила полковнику Фишеру взятый им псевдоним. И уже при встрече берлинского поезда на Белорусском вокзале после обмена Фишер строго попенял начальнику, в шутку обратившемуся к нему: «Ну, как дела, Рудольф Иванович?» В несвойственной себе манере отрезал: «Хватит. Я Фишер, а не Абель». И написал рапорт высшему руководству с просьбой вернуть имя собственное. Но запретили, и безукоризненно послушный Вильям Фишер представлялся всем, кроме горстки сослуживцев, Рудольфом Ивановичем Абелем.

Родная дочь Вильяма Генриховича Фишера Эвелина и приемная Лидия Борисовна Боярская в разные годы с болью рассказывали мне одну и ту же историю. Отец до конца дней своих сокрушался: знал бы, что Рудольфа в 1957-м уже не было в живых, никогда бы не взял при аресте его фамилию. Он тяжело переживал, что чужое имя прилипло буквально намертво.

Но как отбывающий срок в американской тюрьме «полковник Абель» мог догадаться, что вскоре после его отъезда из отпуска в проклятые Штаты лучший друг Рудольф скончался под новый, 1956 год в возрасте 55 лет? Поднялся пешком по лестнице к другу, осужденному по 58-й контрреволюционной сталинской статье и вернувшемуся из заключения. Позвонил, вошел, почувствовал плохо — обширный инфаркт. На сердце никогда не жаловался. И как у многих, жизнь подобным образом терявших, смерть была одновременно тяжелой и легкой — мгновенной. В Америку дочь и жена Фишера об этом решили не писать.

А когда в начале 2000-х годов разведка бросилась разыскивать останки настоящего Рудольфа Ивановича Абеля, то на Немецкое кладбище в Москве ходок привела Лидия Борисовна — Лидушка Боярская — приемная дочь полковника Фишера.

Я вгрызался в судьбу Абеля-Фишера. И появились со временем на моем столе аккуратно отпечатанные странички из личного дела «Рудольф Иванович Абель» с пометкой:

«Все предоставленные в приложении документы являются выписками из дела № 308797 без изменения оригинальных текстов.

Личное дело хранится в Управлении.....в... области.

Дело № 31460, том 1 и том 5 хранятся в... в... области.

Начальник подразделения кадров... Подпись...»

Не изменил «тексты» и я. В них всё, как есть.

Самая пора поведать о нем — одном из десятков тысяч, если верить номеру досье, бойцов не совсем видимого довоенного и военного фронтов. Итак, начнем.

Автобиография, датированная 18 февраля 1943 года, написана собственноручно:

«Родился я в 1900 г. 23/IX в гор. Риге. Отец — трубочист, мать — домашняя хозяйка. До 14 лет жил у родителей. Окончил 4 кл. элементарного училища. В 1914 году работал мальчиком-рассыльным в Риге. В 1915 году переехал в Петроград. Вечерами учился на общеобразовательных курсах и сдал экзамен за 4 кл. реального училища».

У Рудольфа были два брата, все трое — коренные рижане. Готфрид Абель никогда и ни в какую политику не лез, потому, наверно, мирно пережил в родной Риге и Гражданскую, и присоединение Латвии к СССР, и немецкую оккупацию. Окончил университет, работал на мебельной фабрике. Умер в своей постели от старости, радуясь счастью одной из своих дочерей Маруты, вышедшей замуж за знаменитого латвийского спортсмена, обладателя серебряной олимпийской медали по велоспорту Иманта Бодниекса.

Другой брат — Вольдемар с 14 лет плавал юнгой на судне «Петербург», затем слесарил на заводе в Риге. Потом перебрался в Петроград, где занимался революционной деятельностью.

И тут началось — революция, Рудольф Абель становится большевиком уже в 1918-м. Сказалось и влияние любимого брата Вольдемара: тот, красногвардеец, опередил его со вступлением в партию на несколько месяцев — он член РКП (естественно «б») с 4 декабря 1917 года. Вольдемар — железный большевик-ленинец, пользовавшийся огромным доверием у тех, кто пришел к власти. Латышский стрелок охранял Смольный, бился на Пулковских высотах с наступавшими на Питер частями генерала Корнилова. Схлынула первая смертельная опасность для революции, и Вольдемар Абель стал плавать мотористом на линкоре «Гангут».

Рудольф не отстает. Северный флот, доброволец на военно-морских кораблях красных. Идет год 1918-й.

«В должности рядового-кочегара отбыл на фронт на эскадренном миноносце “Ретивый”».

«Ретивый», относившийся поначалу к Балтийскому флоту, был затем

переведен по Мариинской системе из Петрограда на Волгу, где действовал в составе Волжской флотилии «в боях за Казань, по очистке рек Волги и Камы от белых, ходил на операцию в тыл белых. В этой операции отбили у белых баржу смерти с заключенными».

И понеслось: бои под Царицыном, где флотилия обороняла город, бои в низовьях Волги, затем Каспийское море.

В январе 1920-го Рудольф Абель значился в числе курсантов класса морских радиотелеграфистов учебно-минного отряда Балтийского флота в Кронштадте. Девять месяцев учебы, и он, сдав экзамен, был назначен на плавучий маяк — гидрографическое судно Балтийского флота. Чу, вот и первая зацепка для будущей профессии.

Потом в 1921 году в составе команды балтийских моряков выехал на формирование морских сил Дальневосточной республики. В мае — радиотелеграфист службы связи народно-революционной флотилии. Затем следует перевод в Амурскую флотилию, где согласно приказу занимает должность заведующего станцией башенной лодки «Вьюга».

А с апреля — он старший радиотелеграфист башенной лодки «Ленин». 1 ноября 1922 года следует перевод на точно такую же должность на лодке «Троцкий». Здесь служба уж совсем скоротечна. Всего 12 деньков, и Абеля в числе сорока военных моряков откомандировывают в Сибирскую флотилию во Владивосток. И сразу последовало новое назначение военноморского специалиста Рудольфа Абеля на крейсер «Главком Уборевич». В декабре 1922 года именно он доставил из Владика на Камчатку отряд красногвардейцев. Гражданская война позади, а на полуострове хозяйничают белогвардейцы. Расправились и с ними. И последовала хоть какая, но передышка. Хотя можно ли назвать ею работу на радиотелеграфной станции острова Беринг в 1923–1924 годах, где Абель выступал уже руководителем службы. Отдыхать и расслабляться советская власть своим верным оруженосцам не давала.

А брат Вольдемар — где-то относительно рядом, на ролях более заметных: он назначается комиссаром службы связи морских сил Дальневосточной республики.

В 1925-м красавец Рудольф Иванович женится на Александре Анатольевне Стокалич. В июле 1926 года, по другим сведениям в 1925-м, Рудольфа Абеля по линии Народного комиссариата иностранных дел назначают комендантом советского консульства в Шанхае. Здесь дороги настоящего Абеля и ОГПУ окончательно пересеклись:

«Был направлен в Пекин, где работал комендантом, затем радистом в советском посольстве до разрыва дипломатических отношений с Китаем в

1929 году. С 1927 года работаю в органах ОГПУ в Иностранном отделе».

От себя добавлю: быть может, и трудился поначалу комендантом.

А может, и сразу радистом, шифровальщиком. Мощностей у радиопередатчиков тогда не хватало. Приходилось передавать сообщения по длинной цепочке. Из Кантона в Пекин, а уже оттуда на советский Дальний Восток и, наконец, в Москву.

Авангард Абель, племянник Рудольфа Ивановича и сын его старшего брата Вольдемара, был абсолютно уверен, что в Китае впервые и встретились его дядя Рудольф и Вильям Генрихович Фишер. Веское доказательство — и присланная мне фотография «двух Абелей» на фоне типично китайского пейзажа с фанзами.

Если же отвлечься от гипотез, то в наличии остаются такие доказанные факты. Мятеж ныне забытого, а ранее такого печально известного Чан Кайши, карикатурами на которого были заполнены все советские газеты. Но Чан Кайши — персонаж вовсе не карикатурный. На его счету и внезапное нападение на советское консульство в Кантоне в ночь с 10 на 11 декабря 1927 года.

В истории дипломатии подобное происходит редко, однако бывает. Вспомните посла Грибоедова, убитого в посольстве России в Тегеране. Вот так же и в Китае. Консульство полностью разгромлено, убиты советский консул (по некоторым документам, вице-консул) Грасис, четверо сотрудников и шесть работавших в консульстве китайцев. Кстати, у радиста Абеля наладились хорошие отношения с прямым начальником: Грасис — тоже латыш по национальности.

И здесь Рудольф Иванович Абель совершает, не надо бояться громких слов, настоящий геройский поступок. На мощном мотоцикле он прорывается сквозь кордон захвативших консульство и, сбивая на ходу всех и вся, выбирается из обложенного здания. Добирается до Пекина. В посольстве СССР знакомится с молодым радистом, почти ровесником. Так, возможно, и пересеклись судьбы с сослуживцем и товарищем по профессии, радистом Вильямом Фишером.

Но дальше у Рудольфа Абеля семи лет как не бывало. Потеря для биографов, но не для госбезопасности:

«В 1929 году был направлен на нелегальную работу за кордон. На этой работе я находился по осень 1936 года».

Нет, не долгий провал в памяти и личном деле. Записей не будет. Так в какой все-таки стране трудился сын трубочиста, свободно владевший немецким, английским, французским? В справке по архивному личному делу № 308797 — уклончивый ответ:

«В октябре 1930 г. назначен на должность уполномоченного ИНО ОПТУ и находится в долгосрочной командировке в разных странах».

В одном из источников я наткнулся на любопытную запись: «С 1930 по 1936 годы, по некоторым данным, работал под видом эмигранта в Маньчжурии». Вполне допустимо, ибо, как мы увидим из личного дела Рудольфа Абеля, именно там находились родственники его жены — сестра Нина и ее муж Георгий.

Есть и другие предположения — был нелегалом в Турции и во Франции. И в этих двух странах их с Фишером пути-дорожки тоже могли пересечься.

До этого Рудольф Абель успел поработать в Особой группе ОГПУ, так называемой «группе Яши», которой командовал начальник Фишера по Первому отделу Яков Серебрянский. В истории разведки об этой группе упоминается не слишком часто. Ей позволялось без приказов Центра действовать на собственный страх и риск в зарубежье. Яша отвоевал право на самостоятельность. В зону действий входили Япония и некоторые страны Европы, считавшиеся потенциальными противниками в возможной войне. Яков Серебрянский с боевиками готовил в этих государствах агентуру, разрабатывал диверсионные операции. Агенты должны были стараться внедряться на стратегические военные объекты, чтобы в нужный момент их уничтожить.

Через десять лет нелегалу Вильяму Фишеру в США была поставлена среди прочих такая же задача. Учитывая, что связка Фишер — Абель немало потрудились, готовя во время Великой Отечественной диверсантов для заброски в немецкий тыл, их совместная с другом Рудольфом работа до войны видится как полная реальность.

Как бы то ни было, если даже отвергнуть «китайскую версию», еще во второй половине 1930-х годов Рудольф Абель и Вилли Фишер не только отработали в группе Серебрянского, но уже и сдружились. В столовую и то ходили вместе. На Лубянке шутили: «Вон Абели пришли».

В военные годы оба жили в маленькой квартирке в центре Москвы. Жены, дети были отправлены в эвакуацию, а трое вечерами собирались на кухне: и близко от работы, и, главное, вместе. Их даже окрестили, что было по тем временам оригинально и смело, «трое мушкетерами». Кто же был третий? Когда несколько десятилетий спустя после войны разрешили выезжать за границу и навсегда, третий, радиожурналист Кирилл Хенкин, на чекиста учившийся, но так им и не ставший, собрался и уехал. К удивлению, отпущен был мирно, без скандалов, пообещав хранить молчание.

Молчание, возможно, и хранил, однако книгу «Охотник вверх ногами» о Вильяме Фишере и его последних мгновениях написал. Ну, да бог с ним, с Кириллом, скончавшимся в возрасте под девяносто, в Германии. Некоторые эпизоды из его книги любопытны. Выехавший из СССР Хенкин вынужден был соблюдать законы эмигрантского жанра, иначе кто бы издал книгу.

Но вот момент, сомнений не вызывающий. Начались чистки, и кабинет, в котором сидели Рудольф Иванович Абель и еще четверо сослуживцев, с каждым днем пустел. Один за другим коллеги куда-то вызывались, уходили и не возвращались. На столах, затем ночью опечатававшихся, оставались личные вещи, стаканы с чаем. А на стуле долго висела чекистская фуражка. Ее почему-то не убрали, и она служила грозным напоминанием о судьбе ее владельца.

Я рискну высказать маленькую догадку о настоящих героях этого повествования. Было в судьбах двух разведчиков — Абеля и Фишера — нечто общее, что, как мне кажется, сближало невольно. Оба не походили на баловней фортуны. Судьба их была жестоко: душевные раны от ударов своих же заживают трудно. И заживают ли? Ведь всенародно прославленного (в далеком будущем) Вильяма Фишера в довоенные годы чисток и расстрелов увольняли из НКВД. А жизненные обстоятельства Рудольфа Ивановича Абеля складывались еще сложнее. В биографии он пишет:

«Женат с 1925 года. Жена Александра Антоновна, урожденная Стокалич. Детей не имею». Друзья и родственники называли Анну Антоновну только Асей.

В справке к архивному делу Абеля супруге уделяется внимание особое:

«Жена — урожденная Стокалич, происходит из дворян, отец ее до 1917 г. имел помещичью усадьбу в фольварке Осипавка (так и значится. — *Н. Д.*) Витебского пригородного района, в прошлом был чиновником казенной палаты... Брат жены Стокалич Григорий и сестра жены Стокалич Нина в 1919 г. выехали в Китай в гор. Тяньзин». Я уже намекал, что, возможно, они помогли родственнику нелегалу осесть в этом китайском городе.

С братом же Вольдемаром было совсем худо:

«Родной брат Абель Вольдемар, бывший начальник политотдела морского пароходства, являлся участником латв. к/р националистического заговора и за шпионско-диверсионную деятельность в пользу Германии и Латвии в 1937 г. осужден к в/мн».

В МН расшифровывается трагически просто: высшая мера наказания. Расстреляли. Был Вольдемар Иванович комиссаром Всероссийской чрезвычайной комиссии Кронштадтской крепости, крупным партработником в Ленинграде и даже делегатом XVII съезда партии. Она, партия, и кинула его в 1934 году в начальники отдела Балтийского государственного морского пароходства. В октябре 1937-го Вольдемара Абеля исключают из партии с формулировкой «за политическую близорукость и притупление бдительности», 10 ноября 1937 года арестовывают и постановлением «двойки» (Ежов, Вышинский) от 11 января 1938 года приговаривают к смерти. В верхнем углу списка приговоренных синим карандашом подпись: «КВМН» и «И. Сталин». И через семь дней, 18 января 1938 года Вольдемара Абеля и еще 216 человек, членов «контрреволюционной латвийской националистической организации», не стало. Тела сбросили в котлован Левашовского кладбища в Ленинграде.

Такова судьба брата. И как же понятна строка, собственноручно выведенная Рудольфом Ивановичем в автобиографии:

«В 1938 году в марте м-це уволен из органов НКВД в связи с арестом моего брата Вольдемара».

Чуть позже уволили и приговорили к расстрелу и непосредственного начальника Рудольфа Абеля — Якова Серебрянского. Он «оказался врагом народа и шпионом сразу двух стран Франции и Англии». Приговорен к в.м.н. Однако приводить приговор в исполнение почему-то не торопились. Серебрянского содержали в тюрьме на Лубянке. И в перерыве между допросами к нему обращались за консультациями: лучшего специалиста, чем «шпион» дядя Яша, в органах не было.

А Рудольфу Абелю пришлось немало поскитаться: в 1938 году в 38 лет он — стрелок военизированной охраны. Поработал — и увольнение. Дали устроиться цензором. В отличие от практически всех уволенных ему даже положили крошечную пенсию. А дальше, как и у Вильяма Фишера, предложение вернуться в НКВД. 15 декабря 1941 года, когда немца от Москвы немного отогнали, Абель вновь встал в строй — и опять в невидимый.

Думаю, это произошло раньше — в конце сентября. Вернули, а приказ, не до того было, не подготовили. Без опытных работников Службе разведки приходилось сложно. Оправданный Яков Серебрянский пытался вернуть многих: не получилось, потому что уже расстреляли.

Хорошо, что вспомнил хладнокровного латыша Рудольфа. В обязанности дяди Яши, которого самого вернули на должность начальника

3-го отдела Четвертого судоплатовского управления прямо из лубянской тюрьмы, помимо прочего входили диверсии, вербовка агентуры, подготовка агентов для глубокого оседания, заметьте, не только в Германии, но и в государствах Западной Европы, а также... Соединенных Штатов. Смотрели далеко. Своим замом по 3-му отделу Серебрянский и взял майора Абеля. Всем не уничтоженным и таким нужным предстояла огромная рискованная работа. И они вкалывали.

Существует подробно выписанная сказочка о школе диверсантов, созданной Вильямом Фишером в районе Куйбышева. Повесили даже талантливо выполненную мемориальную доску. Ничего подобного. Историки запутались в именах. Школу, где молодых людей учили на диверсантов и радистов, создал Рудольф Иванович Абель, а приписали ее создание Фишеру. А Вильям Генрихович действовал в то время под Москвой. Его подопечными стали в основном антифашисты, коммунисты-иностранцы, бежавшие из оккупированной Гитлером Европы. Надо признать, что немногим из заброшенных в Германию или Австрию удалось дожить до Победы. Гестапо было безжалостно.

Далее опять много неясного, чему никогда не сделаться слишком понятным. Хотя «Аттестация от 16.04.45» заполнена вроде бы понятными, однако недосказанными фразами:

«Обладает одной из специальных отраслей агентурной оперативной работы. Тов. Абель на практической работе успешно выполнял порученные ему ответственные задания».

Видимо, Абелю доверяли. Впрочем, и тут «подвели» родственники. О них Рудольф Иванович пишет начальству:

«В отдел кадров НКВД СССР.

Рапорт.

Довожу до сведения, что на временно оккупированной немцами территории Латвийской ССР в г. Риге остались проживавшие там мои родители и младший брат.

О судьбе моих родных мне ничего не известно.

Зам. нач. 3 отделения 4 управления НКГБ СССР, майор Госбезопасности Р. Абель».

К счастью для майора, он был крайне нужен:

«...С августа 1942 г. по январь 1943 г. находился на Кавказском фронте в составе опергруппы по обороне Главного Кавказского хребта. В период Отеч. войны неоднократно выезжал на выполнение специальных заданий».

И ключевая фраза, дающая ответ на вопрос, чем же он хотя бы приблизительно занимался:

«Выполнял спецзадания по подготовке и заброске нашей агентуры в тыл противника».

Здесь можно предположить, лишь предположить, что в немецком тылу действовал сам Абель и — еще одна гипотеза — вместе с Фишером. По некоторым неофициальным и документально не подтвержденным сведениям, Вильям Генрихович Фишер еще в период войны время от времени работал под фамилией Рудольфа Ивановича Абеля.

Судьбу отца — Вольдемара Абеля и родного дяди Рудольфа — изучал сын и племянник Авангард Вольдемарович. В дни ареста ему, пареньку 1925 года рождения, шел лишь тринадцатый год. И выжить помог родной дядя Рудольф — человек не из робких.

В воспоминаниях Авангарда Вольдемаровича Абеля приводится и такой эпизод. В феврале 1938 года его вместе с матерью выслали в Туркмению как ЧСИР — членов семей изменников родины. «Оттуда, из города Ташауза, — пишет Авангард Вольдемарович, — в 1941 г. меня вызволил дядя Рудольф». По пути в Туркмению, при пересадке в Москве мать Авангарда, Эльза Юрьевна Абель, ухитрилась каким-то образом дозвониться до Рудольфа. По счастливой случайности тот был в городе. И Рудольф Иванович успел предупредить жену брата: «В Ташаузе ни в коем случае никому не отдавать свидетельство о рождении Авангарда. Иначе конец, не помочь — никак». И рижанка Эльза Юрьевна Абель, урожденная Рохи, в 1918 году медсестра латышской Красной армии, за сыновью метрику держалась, не отдавала никому. Спустя несколько месяцев благодаря стараниям Рудольфа Ивановича племянник через город Чарджоу оказался в Москве. Увы, судьба Эльзы Юрьевны сложилась трагично. Сосланная в Ташаузский округ Туркменской ССР, она провела в ссылке долгие десять лет. Скончалась в неволе в возрасте 48 лет в 1948-м. Да и вся семья латышских большевиков, основателей Рижского добровольческого полка Рохи, была истреблена. Ее брата Вильяма расстреляли в 1938-м, а его супругу Марию репрессировали. Эльза и родственники были реабилитированы только в 1957 году.

И, конечно, Рудольф Иванович Абель рисковал, вытягивая племянника из туркменской ссылки. Дядя поселил его в своей коммуналке, где жили еще 16 (!) семей. Запросто могли «стукануть», сообщить «куда надо». Дабы и идти-то было недалеко: жили на углу улиц Мархлевского и Кирова — в двух шагах от Лубянки. Но пронесло. Или уважали Рудольфа Ивановича, не хотели портить жизнь уволенному из органов и висящему буквально на волоске бывшему чекисту?

В квартиру на Мархлевского, по воспоминаниям Авангарда

Вольдемаровича, заходил и друг дяди Рудольфа — Вилли Фишер. Иногда они отпраплялись на дачу в Челюскинскую. Там же недалеко отвели в свое время участок земли и Рудольфу Абелю, но ничего путного построить ему как-то не удалось. Так что жили с семьей у друга Вилли. Дочь Фишера Эвелина называла Авангарда «Авкой».

В 1943 году подросткового Авангарда призвали в армию. Окончил военное пехотное училище в Подольске. Воевал в составе 43-й латышской гвардейской дивизии, освобождал Ригу от фашистов. После войны лейтенант Авангард Абель служил помощником военного коменданта в родном отцу городе. В 1956-м перебрался в Волгоград, где работал фотографом в «Волгоградоблфото». Был заместителем председателя правления Волгоградского областного отделения Всесоюзной ассоциации жертв незаконных репрессий. Ездил в 1990-м в Ленинград, где несколько дней изучал дело незаконно репрессированного и расстрелянного отца, реабилитированного в 1957-м. Примечательна и дата реабилитации — 9 мая.

Авангард Вольдемарович помимо русского знает латышский, немецкий. Возникла идея переехать в Ригу, на родину, это точно установлено и никто не спорил, предков. И хотя все формальности при подаче заявления были совершенно точно соблюдены, получил из Латвии отказ.

Рудольф Иванович Абель наезжал после войны в Ригу, встречался с братом. После освобождения из американской тюрьмы побывал в Латвии и Вильям Генрихович Фишер. Отдыхал в Юрмале, встречался со знакомыми. Человек совсем не публичный, он отказывался от шумных встреч, бесед и интервью.

Я искренне поблагодарил племянника за присланные материалы и особенно за уникальные фотографии дяди. Я уж не чаял их отыскать. Лицо у Рудольфа Ивановича Абеля симпатичное, он русоволос, плечист. Внешность, я бы сказал, весьма приятная, типично арийская. Так что догадок по поводу того, как же использовала его наша разведка, возникает немало.

Благодарю и коллег из владимирской газеты «Всполье». После моей газетной публикации о настоящем Рудольфе Ивановиче Абеде заместитель главного редактора Елена Смирнова прислала мне статью из своей газеты. Полковник Шевченко, участник обмена на мосту Глиннике, который тогда сопровождал Пауэрса, передал во «Всполье» фотографию, на которой сняты два Абеля — истинный, Рудольф Иванович, и Вильям Генрихович Фишер-Абель. Фотографию Шевченко подарил сам Фишер в знак

признательности.

А если возвратиться к настоящему Абелью, то замечу, что боевые награды вручали Рудольфу Ивановичу уже в конце войны: орден Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, медали «За оборону Кавказа» и «Партизану Великой Отечественной войны» 1-й степени от Украинского штаба партизанского движения. А еще он почетный работник НКВД.

Потому совсем неожиданно выглядит приказ МГБ СССР № 1867 от 27 сентября 1946 года:

«Уволен из органов безопасности по возрасту».

Хорош подарок «заслуженному работнику НКВД», которому накануне исполнилось всего 46 лет.

В отставку он ушел в звании подполковника. Говорят, что устал, болел... Или все же припомнили кадровики брата — «врага народа» и жену-дворянку? Да и замолвить словечко за Рудольфа было уже некому. Генерал-лейтенанта Судоплатова перевели в другое Управление, а Якова Серебрянского еще в мае 1946-го отправили в отставку. Потом снова арестовали, и дядя Яша скончался в камере.

Поучительная история произошла с наградами подполковника Рудольфа Абеля. После нежданной смерти мужа в декабре 1955-го его жена Александра Антоновна — Ася — отправила медали и ордена Рудольфа Ивановича в Ригу, в Музей революции Латвийской ССР. Но данных, за что награждали, почти никаких. И в ожидании лучших времен все регалии передали в Президиум Верховного Совета Латвийской ССР. Но СССР распался, и ордена с медалями благополучно сгинули. Детей у четы Абель не было, единственным законным наследником оставался все тот же племянник Авангард Вольдемарович. И, несмотря на всю свою настойчивость, на постоянные обращения к новой латвийской власти, законных наград своего родного дяди вернуть он так и не смог.

Дружба же Рудольфа Ивановича Абеля с семейством Фишер оставалась неизменной. Не думаю, чтобы Рудольф Иванович, пусть и отошедший от чекистских забот, не ведал, в какие края нелегально отправляется его друг Вилли. Встречался с Фишером, когда тот вырвался из Штатов в отпуск. Но окончательного возвращения товарища из нелегальной командировки в 1962 году не дождался. Скончавшись скоропостижно, как я уже писал, в декабре 1955 года, Рудольф Иванович так и не узнал, что арестованный Вилли Фишер взял его имя и что под этой фамилией и проходил процесс «Соединенные Штаты против Рудольфа Ивановича Абеля». И что, даже уйдя из жизни, он помогает и Вилли, и тому делу, которому служил.

Он покинул этот мир, не дожив и до шестидесяти, безвестным и честным. Наверняка никак не предполагал, что его имя «Рудольф Абель» войдет в учебники разведки всех стран как еще один псевдоним нелегала Вильяма Фишера. Пусть появится хоть эта глава, крошечный комочек памяти, сотканный из секретных архивных бумаг и коротких воспоминаний: был такой разведчик, Рудольф Абель. Настоящий Абель.

Это — официальная версия, частично подтвержденная документами, любезно выданными выписками из архивов.

А мне по душе и сердечный рассказ дочери Эвелины. К Рудольфу Ивановичу Абелю, дяде Рудольфу, она относилась с теплотой для нее, человека суховатого, даже не свойственной. Прислушайтесь к Эвелине...

— Точно судить не берусь, но встретились они с Рудольфом Абелем, вероятно, году в 1937-м, когда оба служили в органах. И появился он у нас, на Втором Троицком, после нашего возвращения из Англии, приблизительно в декабре. И вскоре стал приходить часто.

Папа был выше дяди Рудольфа. Он — тощий, темный, плешь у него приличная. А дядя Рудольф — блондин, коренастый, улыбающийся, с густой шевелюрой. Третий друг появился гораздо позже — Кирилл Хенкин. В военные годы он у них учился в школе радистов, и отец с дядей Рудольфом с ним в ту пору сошлись. Так, Хенкин рассказывал, что их там никто не различал. Были совершенно не похожи, но тем не менее их путали. И потому, что очень много свободного времени проводили вместе. Они были Абель с Фишером или Фишер с Абелем и ходили в основном парой. Видимо, делали одно и то же дело.

Но какое — не знаю, мне судить трудно, и не касается это меня ни в коей мере. Их работа — это их работа. А дружили они очень.

Сначала, до войны, они дружили еще с Вилли Мартенсом — звали его Вилли Маленьким. Он был моложе дяди Рудольфа, поэтому назывался Маленьким. У меня даже есть подозрение, хотя какое тут подозрение: дядя Вилли одно время тоже работал в Комитете. Потом всю жизнь, и во время войны, в военной разведке. Отец дяди Вилли и мой дедушка, оба старые большевики, друг друга хорошо знали. У Мартенсов дача тоже была в Челюскинской. Я и с Мартенсом — старшим — Людвигом Карловичем — была неплохо знакома: типичная немецкая личность с хорошим таким брюшком.

Вот они втроем до войны и дружили.

Собирались у нас и до войны папины друзья. Всегда регулярно накануне выходного. Как назывался тот день — не имею ни малейшего представления. Не думаю, чтобы субботой, потому что тогда воскресений

не было: шестидневки и выходные. Но можно сказать, если хотите, что по субботам. Приносилась бутылка белого «Напареули» — их любимого вина. И приходили тетя Валя, жена дяди Вилли, и тетя Ася — жена дяди Рудольфа. Начиналось застолье.

Потом к ним присоединился четвертый — Женя Андреев, тоже сотрудник госбезопасности. Вот он, это я знаю, был в Китае. А папа — никогда, несмотря на то, что вы дважды уже подсовывали мне эту фотографию с азиатскими видами. Дядя Рудольф действительно много про Китай рассказывал. Где именно там работал — ничего не говорилось.

Опять же в Китае вместе с Рудольфом Абелем был Яриков — дядя Миша Яриков, тоже сотрудник. Так что, быть может, найдутся в архивах по фамилиям Яриков, Абель и Андреев какие-то материалы о Китае. Хотя очень сомневаюсь. Вряд ли что сохранилось.

Дядя Миша Яриков принимал граммов по 150 — и ничего. Дядя Рудольф тоже любил и умел выпить. И не дай бог было папу посадить за столом рядом с дядей Мишей. Яриков его обязательно напаявал. То ли незаметно папе подливал, то ли не знаю, что он там делал, но, во всяком случае, доставить потом отца домой было очень трудно.

Однажды году в 1943-1944-м мы шли от Яриковых пешком с их Третьей Мещанской, транспорта не было, к нам домой на Второй Троицкий, ближе к Самотеке. Папу там напоили, и он всю дорогу рассуждал, что когда идешь пешком, то кратчайшее расстояние между двумя точками лежит не по прямой, а по линии наименьшего сопротивления. И идти надо, как идется, можно от тротуара к тротуару. И когда мама предупредила: осторожно, патруль, отец среагировал: какой патруль? Пусть подойдет. Я сам себе патруль. Редкий, единственный даже случай. Никогда больше такого не позволял.

До дома мы все-таки добрались благополучно, но мама всегда очень внимательно следила, куда и с кем папу сажают за столом. Чтобы дядя Миша Яриков был на всякий случай подальше.

А дядю Рудольфа в довоенные годы я больше запомнила по даче. Был он человеком очень веселым. С нами, с детьми, с удовольствием играл во всякие игры, выполнял наши просьбы. Мне, например, сделал прекрасный деревянный меч, ну до чего хороший! И лук со стрелами нам смастерил.

И мне это в том возрасте было очень важно. Умел он с детьми ладить, общаться с ними, разговаривать, чего у папы не получалось: он к детям относился, как к взрослым, и предъявлял к ним такие же требования. Поэтому с ним сложно приходилось. С папой такого понимания, как с дядей Рудольфом, не было. С папой отношения близкие начались

значительно позже, когда появились общие интересы. А пока я была маленькая, общих интересов не было, только общие конфликты. У нас с папой похожие характеры, и поэтому мы с ним часто конфликтовали.

В общем, Рудольф Абель был душой нашей детской компании вплоть до самой кончины. Отношение у меня к нему было теплое.

Я хорошо и ярко помню его уже в военное время, когда мы вернулись из эвакуации. Отец был в армии, а дядя Рудольф и Кирилл Хенкин приходили. Я была постарше, считала себя взрослой. И поэтому принимала участие в их сборищах. Соответственно и впечатлений у меня больше.

Детей у дяди Рудольфа с тетей Асей не было. Был племянник — Авка, Авангард Вольдемарович Абель. Перед самой войной дядя Рудольф получил участок у нас в поселке Челюскинская. Но там ничего не построили, и жить было невозможно. И Авка оставался на даче у нас в 1941-м уже во время войны — месяца полтора или около месяца. Он тушил в Москве немецкие зажигалки на крышах, кусок у зажигалки отломился и прямо ему на ногу: получился сильный ожог. С больной ногой его к нам на дачу и прислали. Сильно сомневаюсь, что дядя Рудольф сделал это из чисто альтруистических соображений. Скорее всего, хотел, чтобы племянник находился под присмотром, да и опасно было оставлять его, сына «врага народа», одного в Москве. Вдруг проверка какая или документы не в порядке, немцы опять же близко, а парню-то было лет 15–16. Не тот возраст, чтобы можно оставлять на волю-вольную в Москве, да еще с обожженной ногой. Делом-то никаким заниматься Авка не мог. Вот и жил у нас. Я до этого и после с ним никогда не встречалась. Только письма от него получала, переписка была, но редко.

А перед войной дядя Рудольф с папой купили гитару и еще хотели мандолину. Но мандолины у них не получилось, и купили домру. С папой играли дуэтом и менялись инструментами. Сегодня папа мог на гитаре, дядя Рудольф на домре, а завтра — наоборот. По слуху исполняли какие-то вальсы, польки, песенки. Одним словом, развлекались.

Рудольф здорово танцевал и нас тоже учил. Хотя главным учителем танцев оставалась мама, но и дядя Рудольф принимал участие.

— А был еще и третий их товарищ — тот, что учился на разведчика, но так и не выучился — Кирилл Хенкин. Вы к нему хорошо относились?

— К Кириллу — да.

— А книга его о вашем отце «Охотник вверх ногами» не вызывает никаких эмоций?

— Нет. Местами она меня раздражает, но как буквоеда.

— А Хенкин жив?

— Две недели назад был жив.

(От автора.

Встречались мы в тот раз с Эвелиной Вильямовной 1 марта 2005-го. Хенкин вскоре умер, ушла и Эвелина.

Надо спешить, торопиться и мне. Столько Бог дал счастья встреч с людьми разведки. Надо обязательно успеть написать, ведь бывало, что договаривались с собеседником продолжить беседу, а вместо этого брался за некролог. Но хватит о грустном. За работу!)

— Где он сейчас обосновался?

— В Германии, в Мюнхене.

— И что он теперь делает? Или уже ничего не делает?

— Сейчас — уже ничего. Пытается писать какие-то мемуары, но говорит, что пишется плохо. А я в свое время очень дружила и с ним, и, несмотря на огромную разницу в возрасте, с матерью Кирилла Елизаветой Алексеевной — умная, толковая, очень хорошая женщина. Кирилл часто бывал у нас в доме. Во время войны, когда мы с мамой обитали в эвакуации в Куйбышеве, дядя Рудольф и Кирилл Хенкин жили втроем в нашей квартире. Потому что у дяди Рудольфа окна в его доме, по-моему, № 3 по улице Мархлевского, были выбиты: напротив упала бомба, вставить стекла невозможно, и он перебрался к папе на Троицкий. А Кириллу, который учился у них в разведшколе, вообще негде было жить. И он тоже приходил к папе на квартиру. Спал вот на этих двух стульях — им лет по 300, вероятно, середина XVIII века. Кирилл связывал их веревочками и спал. Но почему спал на креслах, я не понимаю, кроватей там было достаточно. Может, матрасов не хватало, а кресла — более или менее мягкие. Во всяком случае, эти трое мужчин жили, как умели, вели хозяйство. Завесили окна, так они у них завешанные и оставались, чтобы не возиться. Папа рассказывал, что когда они стали нас ждать и затемнение сняли, то пришли в ужас от того, какого цвета стены. Тогда была как раз клеевая краска, обоев не были, и стены они помыли, дядя Рудольф помогал. А он к тому времени, марту 1943-го, уже вернулся к себе, на Мархлевского. Там и после его смерти тетя Ася жила, до тех пор, пока на склоне лет, уже когда сама себя никак не могла обслуживать, не переехала в пансионат.

Кирилл тоже уехал: в Москву вернулись его родители, и он поселился с ними. Квартиру в Старо-Пименовском им устроил его дядя, знаменитый народный артист Владимир Хенкин. Спустя какое-то время перебрались на Котельническую набережную, где получила квартиру мать Кирилла Елизавета Алексеевна. Но во время войны я помню в основном их

музицирование — и музицировали они регулярно. Очень любили и слушать музыку, включали радиолу. И я так подозреваю, что дядя Рудольф к тому времени уже успевал слегка выпить. Человек он был серьезный, хотя большой любитель пошутить.

А дядя Вилли Мартенс — ну, это предмет поклонения девчонок нашей квартиры. Моя сестра Лида и две соседки ее возраста — все они были влюблены в дядю Вилли. Драли друг друга за косы, потому что одна другой доказывала, что именно ей дядя Вилли улыбнулся. Вот так выясняли отношения. А он улыбался, видя, как девицы возраста 13–14 лет устраивали засаду в переулке, в ожидании, когда он пойдет к нам в гости с женой. И потом с гиканьем бегали из одной подворотни в другую. Не заметить их было трудно. И улыбался он не кому-то из них, а потому что было ему смешно.

Я и еще одна соседка и мамина ученица были влюблены в Кирилла Хенкина. Он и подозревать об этом не мог. Но когда Кирилл приходил к нам в гости, мы сидели в соседней от взрослых комнате и устраивали такой шум. Дверь к нам была закрыта. Но у нас падали стулья: надо же было обратить на себя внимание. Заканчивалось это тем, что папа открывал к нам в комнату дверь и упрекал: «Господи, мы даже мыслей своих не слышим. Уймись». А позже мы с Кириллом тоже были большими друзьями, с ним было всегда интересно: человек он остроумный, очень неглупый. Но как многие журналисты, верит только в свои собственные идеи. Бежит впереди паровоза или впереди лошади, и кажется ему, что все происходит именно так, как он предсказывает.

Но все-таки давайте о дяде Рудольфе. Во время войны они с папой, когда «совпадали», оба оказывались в Москве, тоже играли на домре и на гитаре. Может, по очереди бывали в командировках по партизанским всяким делам, а иногда, вероятнее, и вместе. Но в войну мы с дядей Рудольфом часто общались.

Жили мы тогда во Втором Троицком переулке, это около Самотеки. Наш дом сейчас хорошо виден с Олимпийского проспекта. Если въезжаете на проспект с Садового кольца, то по правой руке на горке стоит церквушка, а сзади — дом, где мы жили. Второй балкон слева, сверху на 4-м этаже — наш. Квартира 48. Иногда, сыграв что-то, папа и дядя Рудольф брали бинокль и смотрели, оборачивались ли люди на той стороне Самотечного бульвара, слышат ли они, насколько хорошо играет музыка. Да, бывали у них такие моменты.

А после встреч у них или у нас дома они все время ходили друг друга провожать: между нами и домом дяди Рудольфа никакого прямого

транспорта не было. По Сретенке тогда троллейбусы не ходили, их пустили позже. Можно ехать на трамвае с пересадками, но в этом, с пересадками, не было никакого смысла. Они были молоды, и было им проще по Сретенке пройтись пешочком. Да и к бабушке в гости мы ходили пешком, а жила бабушка на углу улицы Мархлевского и Бобрового переулка.

Подозреваю, что по дороге у папы и дяди Рудольфа бывали какие-то разговоры, которых мы слышать были не должны. Они доходили до дома Абея, и выяснялось: чего-то недоговорили. И тогда дядя Рудольф шел провожать папу. И так они могли провожать друг друга довольно долго.

Да, это была настоящая большая дружба. И, видимо, именно поэтому папа при аресте и назвался именем дяди Рудольфа. Знаете, как тогда в СССР это было поставлено? Никаких людей у нас за границей нет, и на самом деле все это провокация. Ну а дядя Рудольф, узнав об аресте, мог подтвердить: никто кроме папы его именем назваться не мог. Понимаете?

Никто всего этого не знал, но говорят, у них была между собой договоренность. Не думаю, потому что не считаю, будто папа заранее строил какие-то планы на случай ареста. Мне кажется, человек не может ехать на работу, рассчитывая, что у него будет провал. Он тогда не сможет работать.

Во всяком случае, уже после, дома, отец сетовал: если бы знал, что дядя Рудольф умер, никогда бы его именем не назвался. А умер Рудольф Абель в 1955-м, и мы боялись написать, что дяди Рудольфа больше нет.

А когда папа уехал, дядя Рудольф бывал у нас все время. Понимаете, постоянно. Ну, очень большую моральную поддержку нам оказывал. И темы для разговора всегда находились.

Он даже модой интересовался. Мог дать совет, какой мне выбрать фасон платья. Папу же эти дела абсолютно не трогали. Мог, правда, глядя на кого-то, сказать красиво — не красиво, не больше.

Дядя Рудольф — он был более земной, что ли. Они друг друга дополняли и прекрасно понимали.

— Почему так рано в 1948-м ушел на пенсию?

— Спросите его начальников. Я не думаю, что сейчас кто-нибудь вам на этот вопрос смог бы ответить. Даже если бы еще были живы люди, которые знали причину, они бы вам все равно ничего не сказали.

— Может, мешало, что жена его была дворянского происхождения? А на Лубянке заботились о чистоте рядов.

— Он не был никаким дворянином. А что жена... Ну, была.

Я полагаю, дядя Рудольф, как и папа, тоже был не очень удобным человеком. А был он очень порядочным, принципиальным, совершенно не

любил лизоблюдов. Например, могу вам сказать, что когда в 1948 году началась вся эта эпопея борьбы с «безродными космополитами», то это его, настоящего интернационалиста, интеллигента, страшно возмутило. Помню, как одна женщина пришла к нам и заявила с порога: бей жидов, спасай Россию... Ой, что было, что было. Дядя Рудольф ей так врезал. Он ее буквально... Очень популярно объяснил все, что он по этому поводу думает. Позже она при появлении светловолосого латыша вставала и уходила. Да и после того случая о космополитизме в присутствии Рудольфа не говорили. Абель не боялся общаться с властью обиженными, из заключения вернувшимися. Такой был человек — настоящей закалки.

Мама тогда работала в цирке, в оркестре, ее уволили в 1951-м. А я помню совершенно нелепый эпизод. В стенной газете цирка было написано о популярных тогда артистках — воздушных гимнастках сестрах Кох. Какое безобразие! Надо лишить их звания заслуженных, потому что выступают они в костюмах из страусовых перьев, а ведь всем известно, что в России страусы не водятся. И напечатали на полном серьезе.

Или еще. Вход в оркестр был через помещение, где на втором этаже размещалось Управление цирками. Музыканты вечером приходят на работу, а стулья всегда поломанные. Пора играть, а сидеть не на чем. Они бежали в Управление Госцирка и тащили оттуда в оркестр стулья от письменных столов. Утром эти стулья утаскивали у них обратно. Ну, в конце концов, купили для оркестра венские стулья. Я в шутку: братцы, написать бы статейку о том, что вот, поощряют космополитов. Закупили венские стулья, хотя всем известно, что в России никакой Вены нет — это австрийский город. И что — написали об этом в стенгазете. Потом уже было и «дело врачей».

— Маразм был крепкий.

— Маразм совершенно жуткий.

— Вашему отцу с этим маразмом примириться было сложно.

— Он в это время уже был в Америке, но, наверное, до него какие-то отголоски доходили. Не знаю: я вам говорила, мы эти темы никогда не затрагивали, они были под запретом. Кроме взрыва негодования со стороны отца разговоры на эту тему ничего не вызывали.

— А Рудольф давал гневную отповедь?

— Давал. Но философствовать вместе с тем мы тоже не философствовали. Если вы с дядей Рудольфом вели откровенные беседы, то понимали — человек он очень теплый.

— Правда, что у него были родственники в Польше? Или у жены? Целый помещичий род, оставшийся за границей.

— У него не в Польше, в Латвии жили отец и родственники. Мать жены — в Москве. Пребывала в полном маразме — в совершеннейшем, в клиническом. Обычно люди со старческим маразмом быстро погибают, а она — на редкость живучая. И надо сказать, что у тети Аси, жены дяди Рудольфа, наследственность, видимо, была не особенно. Тяжелый человек. Мы поражались...

— Но это была нормальная супружеская пара?

— Вы знаете что — да. Хотя дядя Рудольф к нам приходил довольно часто один. Не могли они иногда вдвоем выйти из дома: там мать устраивала скандалы, нельзя ее было одну оставить. Но, честно говоря, без тети Аси наши не скучали. С ней сложно было общаться.

Об ушедших либо хорошо, либо ничего, так что Бог ей судья. Но жили они вместе и прожили, как ни странно, всю жизнь. Пусть часть ее оставалась где-то за завесой. До чего она была говорлива! И не очень умна. У нее прозвище — «бараний бочок». И прозвали ее так потому, что однажды в какую-то из суббот, когда они собирались, целый вечер рассказывала о том, какой вкусный бараний бочок с кашей. Бесчисленное количество вариантов слов «бараний бочок» и «каша».

Когда вскоре после войны дядя Рудольф поехал в Латвию повидаться со своими, то тетя Ася не дала ему там как следует побывать, напугала, будто у нее начался рак пищевода и глотать она ничего не может. Заставляла, чтобы папа вызвал дядю Рудольфа из отпуска. Отец был категорически против.

Сына трубочиста и дочь дворянина связывало нечто, может быть и называющееся любовью. Не случайно в некоторых воспоминаниях пишется, что Ася вполне профессионально помогала мужу и во время жителя-бытия за границей, а это уж точно сближает. Он терпел ее фортели, да и она его всегда прощала. Он был таким, каким он был.

А так я знаю, что Абель иногда ездил в Латвию по делам. Но нам об этом — никогда. И мы соответственно не спрашивали.

— А конец лета — осень 1955-го — ваш отец в отпуске — они с Рудольфом общались?

— Да.

— И активно?

— Конечно.

— Ваш отец наверняка же рассказывал другу о работе — там?

— Не знаю.

— Но они вели какие-то разговоры?

— Они вели свои разговоры, и это совершенно естественно. Но не с

нами. Это не та работа, о которой можно рассказывать. И потом даже смешно представить, чтобы отец со мной и с мамой обсуждал какие-то свои рабочие проблемы. Ну как можно! И что мы могли ему сказать? Ничего не могли.

— Рудольф Абель и Вильям Фишер долгое время работали в одном управлении и в одном отделе. Верно?

— В одном, в Четвертом управлении. А потом, когда дядя Рудольф ушел в отставку в 1948-м, и папа уехал — я уж не знаю. Не в курсе, что с Рудольфом было перед отъездом и когда отец был там. Поскольку дядя Рудольф все равно к нам в гости приходил, они общались. На одной ли они работе, на разных, нас это абсолютно не интересовало. На их отношениях это не отражалось, на отношении с нами — тоже, а все остальное нас совершенно не касалось. Их дружба оставалась неизменной.

— А что еще вы бы могли рассказать об Абеле? У вас и самой несколько раз проскальзывало: на этот вопрос вам теперь никто не ответит, этого уже никто не скажет. Так что, Эвелина Вильямовна, приходится все собирать по чайной ложечке.

— Запомнилось мне, как уже совсем взрослым начал дядя Рудольф учиться играть на аккордеоне. После войны привез себе откуда-то из поездок аккордеон — купил небольшой, трехчетвертной, называют такой неполным. И поскольку моя мама — профессиональный музыкант, а он с нотами, как бы это сказать, не шибко, чего-то там знал, чего-то — нет, приходил к маме. Я в это не вникала: всяких самоучителей терпеть не могла. Они с мамой его учебу обсуждали, дядя Рудольф демонстрировал, что он выучил, и она ему советовала. Он этим очень дотошно, серьезно занимался. С немецкой такой обстоятельностью, со стороны казавшейся даже немножко забавной. Латыши какими-то корнями — славяне, но долго жили под немцами и переняли у тех немало.

Он по документам «Рудольф Иоганнович», но отчество себе, так сказать, сфальсифицировал на русский лад. «Иоганнович» произносить трудно, «Иванович» гораздо легче. А то бы моего отца звали бы еще и Иоганновичем.

СВЯЗНИК ПОЛКОВНИКА АБЕЛЯ

Юрий Соколов

Полковник Службы внешней разведки Юрий Сергеевич Соколов был связным легендарного Абеля. Кажется, когда мы встретились в середине 1990-х, он оставался последним из тех, кто работал с символом нашей разведки не в московских кабинетах Лубянки, а рисковал на поле тогдашнего ГП — главного противника — в Соединенных Штатах. Его фамилия известна лишь в узком кругу коллег.

Соколов словно исчез, растворился в зоне повышенной секретности, где людей знают лишь по оперативным псевдонимам. Я чувствую определенную вину перед Юрием Сергеевичем. Мало о нем рассказано. И потому в этой новой книге снова возвращаюсь к тому, что было частично опубликовано. Понимаете? Нет возможности поведать обо всем. Трудно это, никак нельзя. И пусть моя главка возродит хоть какой-то интерес к полковнику Соколову, пусть о нем еще раз вспомнят.

Во времена Абеля он звался Клодом. Родился полковник в 1921 году. С 1947 года работал в США под дипломатическим прикрытием. Занимался научно-технической разведкой. Затем последовали командировки в Швейцарию, Австрию, другие страны. Юрий Сергеевич Соколов, всегда оставаясь разведчиком, работал в крупных международных организациях. Долгие годы преподавал и даже после выхода в отставку занимался с молодыми разведчиками. Он — автор стихов, песен, даже басен, посвященных внешней разведке.

Каюсь, но и я, долгие годы пытавшийся разобраться в немыслимых хитросплетениях советской атомной разведки, внес свою постыдную лепту в эту покрытую мраком историю. В одной из статей еще до его ухода из жизни публично «похоронил» Соколова-Клода.

Юрий Сергеевич сам позвонил, представился, принял мои запоздалые извинения, и мы познакомились. Знаете, что поражает в людях той, к сожалению, уходящей, а если откровенно, то уже полностью ушедшей когорты? Они, будто на подбор, скромны, интеллигентны. Не совсем уверены, что уже можно рассказывать, а чего никогда нельзя. И еще весьма небогаты. Офицерская пенсия плюс крошечные блага, никаких сбережений. Но при этом гордость за свою профессию — не выставляемая напоказ, однако весьма заметная.

К Соколову и его супруге я ездил на самый край Москвы в Теплый Стан. Он шутил: «Увидите у конечной остановки автобуса самый последний дом в конце улицы — мой». Из окна видны были подмосковные леса. Иногда выходили на балкон. Он любил вдохнуть полной грудью. Тяжело заболел, но сумел победить даже инсульт. Вернулся на работу. А трудился, готовя юную поросль последователей — своих и Абея. Потому не рискну назвать конкретное место его работы, которое именовалось весьма специфически.

Юрий Сергеевич всегда принимал радушно. Иногда, попросив выключить магнитофон, вспоминал эпизоды заведомо запретные, припоминал друзей, своих коллег, которые навсегда так и останутся безымянными. А жалко: они заслужили известность и почет. Но Соколов обязательно предупреждал, что «это ни в коем случае не для печати».

Натура тонкая, отличный рассказчик, из которого не нужно выцарапывать детали клещами, Соколов немало писал. Показывал мне свои стихи, всегда посвященные коллегам. Редактор этой книги полковник Игорь Прелин добавил в рассказ о Юрии Сергеевиче еще одну, как он сказал, «фишечку». На праздничных, но все равно сугубо закрытых вечерах чекистов звучали со сцены стихи Соколова. Их великолепно читал атомный разведчик, будущий Герой России Анатолий Яцков. С ним, оперативный псевдоним Джонни, Соколов работал в зарубежье. Оба были связаны с Моррисом и Лоной Коэн.

Где-то в архивах Службы внешней разведки есть и его, не решаюсь назвать написанное книгами, откровенные воспоминания. К сожалению, полковник сознавал: все это для сугубо служебного пользования, никогда и ничего из написанного рассекречено не будет.

Иногда позванивал мне домой. С ним было интересно говорить на любую тему. Таких величают интеллектуалами. Он прожил долгую жизнь, не выходя из тени. Но есть же на свете светлые люди! С ними легко всем. Обидно, конечно, что недополучил полковник славы, но так сложилось.

Святой был человек... Уж сколько лет, как ушел, а вспоминаю его почему-то все чаще и чаще.

Может, и не удалось мне рассказать о Юрии Сергеевиче всего, что знаю и чего бы так хотелось. Ловлю себя на том, что его интонации были более искренни и задушевные, нежели то, что получилось на бумаге. Но чего никак нельзя, то нельзя. И мне, рассказчику, приходится мириться с тем, на чем настаивал связник полковника Абея.

Что ж, Марку — Абею — Фишеру было с таким связником спокойно.
— Юрий Сергеевич, сколько же лет вы проработали в США?

— С 1947-го по 1952-й. У меня был дипломатический ранг — третий секретарь. Сначала консульство, потом перевели в представительство СССР при ООН. Столько годков — и без всяких отпусков.

— *Напряг наверняка огромный. Теперь, по-моему, так не бывает: дают передохнуть.*

— Да, сегодня это кажется невероятным. Но тогда было так. Оглядываясь назад, анализируя прошлое, чувствую удовлетворение. И, не считите за нескромность, полное. Начало было захватывающим. Пусть огромное напряжение, риск, но положительные результаты давали радость, уверенность. Если что-то удавалось сделать, значит, все усилия не зря.

— *У вас были ценные источники информации?*

— Серьезнейшие. Достаточно много интересных людей, от которых я получал материалы по тому же атому. А когда и в СССР наши взорвали свою бомбу, интерес все равно не угас: дело совершенствовалось, ученые двигались уже к бомбе водородной, возникал трудный вопрос о средствах доставки оружия массового поражения.

— *И откуда вы брали агентов? Вербовали? Кем были эти люди? Где находятся сейчас?*

— Они мне достались от предшественников. А кем они были и есть сегодня, говорить не буду. Меньше всего наши помощники нуждаются в газетной славе.

— *Ну, Юрий Сергеевич, ведь столько лет прошло...*

— Хорошо. Например, в Штатах я работал с Моррисом и Лоной Коэн. Имена в нашем мире известные.

— *Да, это одна из самых прославленных семейных шпионских пар.*

— Слово «шпион» здесь грубо и неуместно.

— *Простите. Моррис и Лона добыли для СССР чертежи атомной бомбы.*

— В США меня как раз и отправили, чтобы восстановить связь с ними. Встретились, познакомились, подружились. Оставались друзьями до конца. С ними работал Абель. И я тоже. Я с Коэнами встречался один-два раза в месяц. Но обстановка сложилась такая сложная, что рисковать «Волонтерами», передававшими ценнейшую секретную информацию, мы не могли. И тогда подключилась группа нелегалов во главе с Абелем.

— *А как получалось, что вам пришлось стать связником и Абеля? Ведь вы трудились «под дипломатической крышей». Но он-то был нелегал. Рассказывают, что контакты между разведчиками, действующими под какой-то официальной крышей, и нелегалами запрещены.*

— Вы правильно осведомлены. Я в США, да и после, всегда был в

«легальной» резидентуре. Но поручили поработать с нелегалами: надо было срочно налаживать связь с Абелем. Требовали, чтобы информация передавалась быстро. И вот отыскались,годились мои молодые крепкие плечи. Все же определенный опыт имелся. Был удачный и счастливый шанс испытать себя и в некоторых смежных областях.

Вспоминаю начало 1945 года, Ялтинскую конференцию. Послали туда меня, юного оперативного работника, под прикрытием Министерства иностранных дел. Сначала в Пресс-службу, а затем быстренько перебросили в Протокольный отдел. Решалась на Крымской конференции в определенной степени судьба мира, и мы это в полной мере понимали, ощущали. Считали себя сопричастными. Не буду вас мистифицировать: на Конференции, проходившей в Ялте, не довелось мне побывать ни разу. Работал я, как мы говорим, на объекте Воронцовский замок. В нем — резиденция премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. И там имел я возможность встречаться с самыми различными людьми, наблюдать их. Понятно, больше и чаще всего общался с англичанами. Хотя и с американцами — тоже.

— *Ис самим Черчиллем?*

— Да, с самим. Такая была работа в Протоколе, что встречался с ним каждый день. Он ежедневно проходил мимо меня. Точнее, моего стола, стоявшего при входе во Дворец, которого ему было никак не миновать. Иногда обращался с просьбами — формулировал их точно, коротко, исключительно сжато. Занят — страшно, весь в делах, но никогда не забывал обратиться с приветствием: «Как, молодой человек, себя чувствуете? Как дела?»

— *Ей-богу, не вяжется с образом грозного премьера, да вскоре произнесшего речь в Фултоне, которая, как у нас считают, и положила начало холодной войне.*

— Но из Алупки, из Воронцовского дворца, до Фултона было еще далеко. Однажды Черчилль вдруг завел какой-то общий разговор — о Конференции, о погоде, о молодых людях типа меня, знающих английский. Остановился около нас, куря сигару. Слышать, признаюсь, было лестно, особенно о молодых, на английском говорящих. Знаете, тогда я по одному его виду мог судить, как проходит Конференция и доволен ли ею премьер. Бывало, возвращался с заседаний хмурый, походка быстрая, кивок — холодный. Для нас даже непривычно.

Проходил, как-то сторбившись, к себе в апартаменты. Но чаще — в хорошем настроении, чувствовал, значит, Черчилль, и заодно я тоже: на Конференции все нормально.

— *Правда, что постоянно курил сигару?*

— Да, точно. Не все время, но частенько. А когда приезжал в хорошем настроении, то изо рта ее не вынимал. И во Дворец входил с сигарой, как правило, только начатой, до конца недокуренной. Один раз оставил сигару у меня в пепельнице. Наверно, привык это делать. По-моему, это ценилось окружающими — такой сувенир расхватывался мгновенно.

— *Хранится в вашей коллекции?*

— Должен признаться, что сигару я взял, долгие годы хранилась она у меня дома. Но потом столько поездок, переездов. Жаль, но не дожидаясь наших дней.

— *А окружение Черчилля — они догадывались, что вы не совсем из Протокола?*

— Что вы, нет, конечно. Мы старались — я, к примеру, даже очень. Был примерным работником Протокола.

— *Без формы?*

— Какая форма, господь с вами. Никогда в жизни. Хотя нет, всего несколько раз при съемке на удостоверения в связи с повышениями в звании. На Конференции мне приходилось встречать и провожать некоторых высокопоставленных людей из английской делегации. Однажды встретил и привез во Дворец дочь Черчилля Сару. В другой раз дочь Гарримана — был такой посол США в России, потом достиг в Штатах высоких постов, был очень близок к Рузвельту, стал его ушами и глазами. Так вез я Сару из Ялты в Алупку, и она, любознательная, всем интересовалась, спрашивала. Были мы неплохо подкованы, отвечали на все вопросы, и я удостоился комплимента от дочки премьера. Она мне запомнилась моложавой миловидной дамой, приятной в общении. И фанаберии — никакой. А когда ехал встречать, немножко волновался. Но знаете, мы были готовы тут же всем гостям помочь, быстренько все устроить. Оперативной работы, как таковой, настоящей, практически никакой — у меня уж точно. Но плотное общение, контакт, обеспечение безопасности — стопроцентное. Ялта — это вам не Тегеран 1943-го, когда на тех же руководителей трех держав-союзниц немцы во главе с бандитом Скорцени пытались устроить покушение. Но вдруг и в Крыму что-то случится — диверсанты какие, недобитки, оставленные немцами, или просто неосторожность, разгильдяйство. И мы были начеку.

— *Юрий Сергеевич, а какие-то ЧП все-таки происходили?*

— Бог миловал — ни разу ничего похожего. Время от времени подходили ко мне члены английской делегации, были среди них и военные в высоких чинах. Просили: а нельзя ли посмотреть Алупку, местечко

живописное. И мы обязательно устраивали экскурсию. Я как-то даже возил британского генерала, который потом меня долго благодарил. Но разговоры шли только о местных красотах. Все так наедались Конференцией, решавшей послевоенную судьбу Европы и определившей зоны оккупации Германии союзными войсками, что о делах старались хотя бы на короткое время забыть, отвлечься. Ну, и просьбы поступали соответствующие, проходили протокольные мероприятия... Я о той работе вспоминаю с удовольствием. Вот он — опыт живого общения, он мне здорово пригодился.

Был и еще один своеобразный ознакомительный эксперимент. В конце 1945-го, уже после войны, ездил в Лондон в составе белорусской делегации на Всемирную конференцию демократической молодежи. Ну а в мае 1947 года я отправился в США, но через Париж.

— *Мы с вами далеко отъехали от Абея. Но сейчас, чувствую, снова к нему приближаемся.*

— Конечно, ибо Париж — лишь точка и короткая остановка на пути в Штаты, куда меня послали в первую долгосрочную командировку.

В Париже предстояло встретиться с двумя разведчиками, моими предшественниками, до того работавшими в США. Мне повезло — то были Семенов Семен Маркович и Яцков Анатолий Антонович. Оба работали с Кознами. Сначала встреча с Яцковым в посольстве СССР, потом с Семеновым. Такое везение — оба прекрасные люди, выдающиеся разведчики. Столько совершили — я перед долгой командировкой читал их донесения в Центр, всегда думал: как же только можно так много успеть. Личные дела — увесистые, переписка — внушительная. Поэтому о их методах, привычках я знал многое.

— *Вы хорошо готовились.*

— Да, меня готовили серьезно. И счастье — долгие беседы с ними в Париже. Они старательно и исключительно добросовестно стремились как можно глубже посвятить меня в смысл будущей работы. Ничего не таили. Так что о Лоне и Моррисе я узнал из уст их ближайших друзей.

— *Вы называете Яцкова и Семенова не связниками, а друзьями?*

— Сознательно. Так и есть.

— *Встречу вашу с этими двумя асами запланировали еще в Москве?*

— Меня предупреждали в Центре, подготовили к ней, чтобы не тратить драгоценного времени на ненужные вопросы. Только наиболее важное, сплошная конкретика. Понимаете, избежать, обойтись без этих бесед в Париже было невозможно. Все шло естественно, тщательно. И два аса, по существу, благословили меня на деятельность в нью-йоркской

резидентуре. Это было первое и наиболее важное мое благословение.

— *И вы по заданию резидента в Нью-Йорке встретились с Абелем.*

— Да, помощь Абелю нужно было ускорить, он в ней нуждался.

— *Какую помощь?*

— Всевозможную. Дождаться связников-нелегалов? Потеря времени. И решили, что без связи через посольство тоже не обойтись. Я как-то в резидентуре услышал разговор двух своих начальников. И один из них, Владимир Барковский, который работал по линии научно-технической разведки, рекомендовал нашему резиденту использовать в этом сложном деле Глебова.

— *При чем здесь Глебов?*

— Глебов, как и Клод, это тоже я. Эти имена не я изобрел. Со мной не согласовывали, сказали только: ты будешь называться так.

— *Сколько же вам тогда было?*

— Двадцать семь лет. Мне только лейтенанта дали. Так вот, слышу разговор, а потом мне объясняют: установить связь с нелегалом, помогать ему в решении оперативных вопросов, и срочно, срочно...

— *А вы знали, чем занимается Абель?*

— В общих чертах сведения о нем я получил. Но сразу же пришлось преодолеть один серьезный момент. С ним связались по радио из Центра...

— *...Из Москвы?*

— Да, и назначил встречу Центр, а не резидентура в Нью-Йорке, как это обычно принято. И оказалось, что это в трех кварталах от моего дома. Значит, дополнительный риск. Предстояло несколько раз провериться, нет ли наружки. И задачу мне поставили такую: мгновенно установить контакт, только сообщить ему о месте нашей ближайшей встречи уже в каком-нибудь другом районе — и сразу разойтись. Проверялся я долго. Несколько раз менял автобусы, кружил — нет, чисто. Подъезжаю к кинотеатру, где должен стоять Марк, выхожу резво из автобуса, естественно, первым. За мной — никого, и чуть не бегом, а бегал я быстро, — к тому месту, и так мне было легко. Вижу: он, узнаю его еще на подходе.

— *Вам показали фотографию?*

— Никаких фото. Это был человек с острыми чертами лица. Иду, прыгаю себе, а проходя мимо него, что-то как бы уронил, нагнулся, шнурок поправляю, подбираю на землю упавшее и попутно говорю ему по-русски: «Товарищ Марк, через пять минут в кинотеатре, внизу, в туалете».

— *А как нелегал понял, что вы — свой?*

— Для него это было совершенно ясно. Во-первых, говорю по-русски, во-вторых, обратился «товарищ Марк», в-третьих, назвал его оперативным

псевдонимом. Ну, я смотрю, он спокойно идет к кинотеатру, а я на всякий случай еще разок проверился. Забежал в том же темпе в маленькую лавчонку и быстро-быстро купил себе фруктов, конфет. Все нормально, и я мигом в кинотеатр, спустился в туалет.

Там — никого, кино началось, и Марк увидел меня, подошел, обнял. А я немножко откинулся и говорю: давайте сначала обменяемся паролем. Марк мне: да-да, назвал пароль, я — отзыв, и теперь уже полная гарантия: мы как раз те самые, что и должны встретиться. Он мне теплые слова, я ему тоже, что рад видеть. Я ведь знал, что он выдающийся нелегал. Показываю на записочке: встречаемся тогда-то и там-то.

Он кивает, мол, знаю, знаю. Я ему никаких бумажек, записочку уничтожаю и передаю только письма от родных и говорю гудбай. Собираюсь уходить, но Марк на прощание попросил: «Целый год своих не видел. У меня совершенно нет денег. Заложил все, что только мог. Нет ли у вас?» У меня с собой около ста долларов, отдал. До новой встречи оставалось два дня, и я потом принес ему уже нормальную сумму. Так что Марку как раз крайне надо было, просто необходимо встретиться. Связника у него не было. И легальная резидентура могла и оказала товарищу Марку необходимую помощь.

— *И никакого роскошества?*

— Что вы, какие там роскошества.

— *И вы пошли на встречу как атташе?*

— Для других — атташе. А так — я был оперативный работник. Для Марка — разведчик.

— *Вы с ним сразу на «ты» или все-таки на «вы»?*

— Только на «вы». А на «ты» уже потом, когда хорошенько поработали.

— *Долго ли еще пришлось выступать в роли связника?*

— С Вильямом Генриховичем довелось работать около двух лет. Были личные встречи, безличные, тайниковые операции. Личные встречи были не частыми, скорее редкими, но запоминающимися.

— *Юрий Сергеевич, поясните, пожалуйста, эти ваши термины — личные, безличные, тайниковые...*

— Личная — это, понятно, когда я вижу, с кем встречаюсь. Но злоупотреблять ими нельзя, потому что каждая требует сложнейшей подготовки, огромного внимания, напряжения, в том числе и нервного. Главное тут — обеспечение безопасности нелегала. Я же прекрасно понимал, что значил бы его провал. Любая моя оплошность может обозначать бегство Абея или даже что похуже.

— *Что?*

— Страхнейшее — арест. И потом я понимал, что это такое — подготовить человека к нелегальной работе. Поэтому вопросам безопасности уделялось первостепенное значение. Личные встречи были редки, ну, раз в квартал, и я их все помню.

— *Может, расскажете о самых запоминающихся?*

— Расскажу, но сначала отвечу на другой ваш вопрос — о встречах безличных. Встречи безличные, безличная связь, это, к примеру, когда я закладываю контейнер в какое-то условное место. Называется — тайник. Ставлю определенный сигнал, обозначающий, что я заложил информацию, материал в каком-нибудь контейнере. Нелегал или другой мой коллега принимает этот сигнал. Идет к тайнику и изымает из него материалы. Это и есть тайниковая операция. Но можно также действовать и с помощью сигналов различного типа, условных меток, знаков, которые ставятся, а затем считываются в условленных местах и служат для нелегала определенной информацией.

— *Допустим, крестики-нолики.*

— Это — дело изобретательности. Каких-то стандартов здесь не бывает. Много зависит от оперативного работника, от страны, в которой трудишься, от ее обычаев. Поставленный сигнал должен не бросаться в глаза окружающим необычностью или чем-то еще. Чтобы какой-то случайный человек или совсем неслучайный — из контрразведки — не обратил внимания на этот сигнал и не поставил около него своего наблюдателя. Вы говорите «крестики-нолики»? Хорошо, допустим, кнопка, воткнутая в определенное место. Или фигурка, кружочек, тоже обозначенные мелом в заранее договоренном местечке. А может быть изменение положения какого-то предмета.

— *А какие варианты были у вас?*

— Различные, их — бесчисленное множество, и одного какого-нибудь я не придерживался. У каждого оперативного работника — свое. У меня была метка мелом, очень удачно получалось с гвоздем. Например, шляпка вверх — все нормально. Вниз — значит, подожди, не делай.

— *Юрий Сергеевич, а где были тайники? Как их готовили? Что закладывали?*

— Тайники устраивали в местах разных — в лесу, в парке, где деревьев побольше, только не в Нью-Йорке и не на открытой местности. А с Марком у меня однажды случилась история своеобразная. Это было на краю Нью-Йорка, в парке, на горе. Природа красивая — внизу играют в футбол, бейсбол. И я должен был заложить ему там зашифрованные

материалы — текст на тончайшей бумаге. В тайниковых операциях Марк проявлял невероятную изобретательность. Контейнеры изготовлял — прямо штучное производство: и болтики, и гайки, и чего только не вытачивал. Он их внутри просверливал и вкладывал материалы. И я попробовал отреагировать, чтобы показать: я тоже умею. Решил изобрести нечто оригинальное. Тем более что как раз накануне операции подходит ко мне мой коллега с куриной косточкой. Она не маленькая и не броская, я ее поскоблил, почистил, просверлил, и действительно получилось внутри этакое хранилище толщиной в палец. Помочил в керосине, чтобы была гарантия: собака или кошка случайно не утащат. И всунул туда тонюсенькие листочки, заделал аккуратненько отверстие пластилином, получилось нормально. Эту самую косточку я и бросил в тайник. Через день — тревога. Подхожу и смотрю: Абель выставил наш условный сигнал, что контейнера не нашел.

— *Какой сигнал?*

— Наш, условный. У нас же все на сигналах. Опасность! Если кто засек, то им надо бы и меня накрыть. Хочу пойти, проверить, может, где-то моя косточка рядом валяется и над нами с Абелем смеется. Но не могу, права не имею. Я обо всем резиденту. Он тоже предположил, что Абель контейнер просто не узнал. Запросили Центр.

— *Неужели даже по такому незначительному поводу — и сразу в Москву?*

— У нас все на нюансах, на тончайших деталях, и повод как раз серьезнейший. Немедленно был получен ответ. Другого сотрудника Центр вводить не стал, разрешил проверить тайник мне. И, не доходя до него, нашел я эту свою злосчастную косточку: лежит себе в высокой траве около каменной гряды и в глаза никому не бросается. Тут же проверил: контейнер никем не вскрывался.

— *Почему вы в этом были настолько уверены?*

— Мы обычно меточку оставляем. Но перенервничал я страшно. Ошибку допустил явную.

— *Так чья ошибка? Разве не Абеля? Мог бы догадаться, что послание в косточке.*

— Я не предупредил его о новой форме контейнера. Потом он мне рассказывал: «Я действительно взял косточку, подержал в руках. На контейнер не похожа. И отбросил ее в кусты». Абель был человек исключительно тактичный, представляю, чего только не натерпелся, а мне, молодому, только и заметил: «Ну, ты меня и перехитрил». Пунктуальности и огромной выдержки у него всегда хватало. Я лишь раз видел его не

таким.

— *Когда же?*

— Однажды мы встречались с Абелем в другом городе, не в Нью-Йорке. Я хорошо проверился, мы поговорили на общие темы, и я передал ему письма от жены и от дочери Эвелины. Марк замялся, хотел раскрыть, но что-то засомневался. Я успокоил, все в порядке, обстановка вокруг нормальная. Он читает, убрал его, и смотрю — лицо у Марка краснеет, задумался глубоко, по щеке капельки слез. Видно, чем-то расстроился. Больше никогда не видел, чтобы он давал волю нервам, ни до этого, ни после. Слезинка у нелегала — небывало. И тут я проявил бестактность, осведомился, не случилось ли чего печального. А он мне: «Что ты! Совсем наоборот. Но я очень скучаю. Расчувствовался. Мне снятся мои, родина. Знаешь, я все время один, совсем один. Очень тоскую по дому». И тут Абель попросил меня узнать, нельзя ли устроить так, чтобы встретиться с женой. Я спросил, а как ему это видится. Он подсказал, что его жену могут принять на работу, допустим, в наше представительство в ООН, посмотрю на нее хоть издали, как она идет. Я понимал, что дело это очень сложное, вряд ли кто способен устоять, увидеть жену и не подойти. И надо ли вообще предпринимать попытки для таких вот личных встреч. Я задумался: сначала он, бедняга, посмотрит на жену, потом мы устроим ему встречу с выездом на конспиративную квартиру, и где-нибудь нас тут могут и прихватить — вдруг неприятности? Видимо, об этом же подумал и Абель. И сказал тихо: «Как бы мне на нее посмотреть хотя бы издали... Остальное — несбыточно, приходят, лезут в голову иногда такие мысли. Не обижайся, желание вполне понятное». Подобные случаи, предложения, просьбы, я узнал позже, много позже, бывали и у других нелегалов, надолго от родины, от семей отлученных. Так что в принципе удивительного здесь ничего не было. А Марк попросил купить жене, арфистке, музыкальный инструмент. Вот так...

— *Такая была любовь?*

— И любовь, и тоска — все вместе. Не уверен, но когда Юлиан Семенов описывал в своем сценарии «Семнадцати мгновений весны» встречу Штирлица с женой в маленьком ресторанчике, он, наверное, все же намекал и на то несостоявшееся свидание, о котором упоминал я. Может, слышал и об этом случае с Абелем.

— *Говорят, эту сцену придумала режиссер Татьяна Лиознова прямо во время съемок фильма. В книге и в сценарии ее нет. А где вы об этом писали? В какой-нибудь книге? В воспоминаниях?*

— В своих отчетах в Центр. Возможно. Но Семенов был допущен к

архивам. Похоже, читал, может, рассказал режиссеру. Получилось очень правдоподобно. А я романов не сочиняю, а стихи... Некоторые посвятил Абелью, Моррису и Лоне Коэн.

— *Не прочтете?*

— Мы как-то встретились на одиноком пустынном берегу океана. Обсудили всевозможные наши вопросы, и я смотрю, Марк словно окаменел, взобрался на камень и стоял, словно памятник, как статуя, всматривался в океан. Молчал долго. Я не решался заговорить с ним, он задумался, ушел в свои мысли. Подождал, и Марк спустился со скалы, подошел, вздохнул: «Знаешь, а там, за океаном, мой дом». И снова мы долго молчали. Чувства глубокие, говорить сложно. Подобное испытывает каждый разведчик — тоска по семье, по родине. И со мной тоже случалось. Я к тому времени уже несколько лет работал в Нью-Йорке. Как я все это понимал. Эти мои стихи я посвятил Абелью, той нашей встрече. Преподнес ему в 1963 году к нашему празднику, 20 декабря, когда он уже вернулся из тюрьмы. Вот отрывочек:

Я стою на краю синевы океана
И люблюсь его необъятной красотой...
Отпусти же меня,
Ты,
Земля, окаянная,
Дай забыться, глаза напоить бирюзой.

Ощутить, как меняются блики и краски, Шум и буханье волн и спокойствия миг, И побыть одному хоть минутку без маски, Неизбежной, не нашей, к которой привык... Я здесь нужен. Работе обучен, натаскан, И об этом мечтал еще дома юнцом...

И я снова надел ненавистную маску,
Как хоккейный вратарь,
Защищая лицо.

Мне очень не хотелось бы, чтобы наши чувства показались вам наигранной банальностью. Нервы, напряжение, отрыв от родного. Любой разведчик постоянно рискует. Нелегал рискует вдвойне. Все это изматывает, иссушает. И у многих, как у Абелья, долгое одиночество.

— Юрий Сергеевич, а как вообще складывается личная жизнь нелегала? Ведь одному же действительно тоска смертная. Не возникает ли мысли обзавестись связями, может, и семьей? Мне как-то звонила читательница — наша россиянка, выехавшая в 1980-е в Германию. Уверяла, что у Абея за время его странствий родилась за границей дочь. Даже имя приводила — Патриция с какой-то немецкой фамилией типа Пюклинг. Я эту тему развивать дальше не стал.

— И правильно. Чушь и выдумки. Мне сейчас об этом трудно говорить. Но представьте себе, что мне, как связнику, приблизительно такой вопрос был задан руководством из Центра, попросили, чтобы я выяснил у самого Марка, нет ли у него кого-то рядом. И я, испытывая колоссальную неловкость, был вынужден спросить его. Марк мое смущение заметил. Сказал, не смущайся, вопрос этот вполне понятный. Но я могу твердо ответить, что верю — вскоре встречу с семьей и никаких других наклонностей или желаний у меня не было и нет. А потом, когда уже садились в машину, взявшись за ручку двери, вдруг обратился ко мне с вопросом: «А что, у нас в Центре начальство опять сменилось?» Я подтвердил, да, совсем недавно, но как догадались? Марк улыбнулся: «Да когда они меняются, то ко мне обязательно с этим вопросом. Не красней, я уже привык».

— Да, тема деликатнейшая. А вот еще одна. Юрий Сергеевич, вы считаете, что Абея арестовали только из-за предательства его помощника Хейханена, тоже нелегала?

— Да. Ведь он так ждал другого!

— По имени Роберт.

— Тот должен был приехать, и я, десятки раз проезжая по наземной линии метро, чуть ли не сверлил глазами телефонную будку на одной из станций. Именно на ней Роберт должен был поставить условный сигнал — прибыл.

— Что это за сигнал?

— То ли треугольник, то ли черта, сейчас уж не помню. Или более сложный сигнал: встречаемся в такой-то день и час. Я ездил по этой линии месяц — бесполезно. А потом исчезла и сама будка. Ее снесли. Мы нервничали, переживали. Неужели Роберт пропал, провалился? Через какое-то время из Центра сообщают, что он погиб в Балтийском море: его корабль затонул. Словом, роковые обстоятельства.

— А вы знали этого человека?

— Я — нет. Абель знал и очень горевал, очень.

— Если бы Роберт добрался до Штатов, быть может, не было бы и

тех проклятых лет, которые Вильям Генрихович Фишер-Абель просидел в американской тюрьме?

— У него были большие возможности и самые разнообразные связи. У этого общительного человека сложился широкий круг знакомств.

— *Какую все-таки информацию он получал? Только ли по атомной бомбе? И какова ее ценность? На сей счет существуют мнения несхожие, иногда даже диаметрально противоположные.*

— Я судить не берусь. У нас свой этикет. В чужие дела лезть не принято. Не собираюсь и не могу вдаваться в подробности. Основной круг агентов, с которыми Абелю довелось сотрудничать, навсегда останется безымянным. Но считается, многие данные сэкономили нашей стране по два-три года работы в закрытых лабораториях и по 18–20 миллионов рублей в еще тогдашнем денежном исчислении.

— *А потом, в Москве, вы встречались с Абелем, дружили?*

— Да, у нас были хорошие отношения, он меня всегда был рад видеть. Но дружить, ходить друг к другу семьями... Такого не было. Он и постарше все-таки. И понимаете, то спецуправление, где Абель работал, держалось несколько обособленно: многое, дозволенное у нас, в научно-технической разведке, у них не поощрялось.

— *Юрий Сергеевич, ваша командировка в США была, как понимаю, далеко не последней?*

— На научно-техническую разведку за рубежом я работал 25 лет. После Штатов были Англия, Австрия, Женева...

— *Вы извините за этот мой вопрос. Но не задать его тоже нельзя. Знаете, такое ощущение, что награды вас как-то обошли.*

— Как вам объяснить? У меня, полковника, есть 50 лет выслуги и несколько орденов. Еще на рубеже 1948–1949 годов в Нью-Йорк, где я служил, приехала представительная делегация — писатель Фадеев, кинорежиссеры Герасимов и Чиаурели, академик Опарин... Мне, как молоденькому сотруднику представительства Советского Союза при ООН, куда меня тогда уже перевели, поручили всю эту знаменитую компанию сопровождать. И однажды Сергей Герасимов, он взял на себя роль главного, попросил показать им китайскую часть Нью-Йорка. Столько о ней слышали. Вечером сели, дружно потеснившись, в мою машину, приехали, побродили по Чайна-тауну. И попросил Герасимов зайти в китайский ресторан. Я предупредил, что блюда могут оказаться дорогими. Тогда была у нас такая бедность — командировочные у всех крошечные, их и на столовую-то посольскую не всегда хватало, и иногда у членов даже высокопоставленных делегаций вообще не было денег, случались даже

конфузы, не могли иногда расплатиться. Но тут вступил в разговор Александр Фадеев и сказал, что «будем тратиться в соответствии с имеющейся наличностью». Зашли в маленький ресторанчик, и Фадеев, которому я перевел меню, все быстро понял. Заказали чай, а потом — бисквиты. Разговор был оживленный, люди эти столько знали... Неожиданно Фадеев мне говорит: «Смотрите, товарищ Соколов...»

— *Юрий Сергеевич, неужели так официально друг к другу обращались?*

— Так было принято. «Товарищ» — слово хорошее. И Фадеев — мне: «Разрезал я этот их бисквит, а там какая-то ленточка. Что там на ней написано?» Перевожу: «Вас ждет успех». Герасимов сразу: «А у меня?» Тоже нечто похожее. И тогда все обращаются ко мне: «Что в вашем бисквите?» На моей ленточке значится: «Never be afraid!» — «Никогда не бойся!», да еще с восклицательным знаком. Прямо дали мне американцы второе после Яцкова с Семеновым благословение. Очень оно было кстати. Я им воспользовался.

— *И вы всегда верили в приметы, спокойно шли на операции?*

— У нас с вами разговор получился честным. И скажу вам, что я в приметы не верю, никаких зарубок для себя я не делал. Но приятные воспоминания облегчают жизнь. Разведчик не должен быть самоуверенным, а вот оптимистом — обязан. Меня будущие профессионалы спрашивали о волнении. Правда ли, что его можно подавить, избежать? Я волновался всегда, когда готовил операцию, волновался перед тем, как провериться — есть ли наружное наблюдение, обеспечена ли безопасность перед встречей. Волновался, но только до порога. Как только выходил из нашего прикрытия, из резидентуры, из представительства или посольства, то сказать, что я чего-то боялся или так уж волновался, — нельзя. Я весь уже в другой работе, я полностью ей посвящен. Остального на данный момент для меня не существует. Концентрировался на определенной задаче, сосредотачивался на конкретных шагах, которые были запланированы. Все мое внимание — лишь туда, есть план, который необходимо выполнить. Иначе в разведке нельзя.

— *Вы женаты полвека. А жена знала с первых шагов, кто вы и чем занимаетесь?*

— Знала и переживала. Иногда очень глубоко. Старался ее беречь. Если предполагал быть дома к 12 ночи, то заранее предупреждал: буду в два часа, спи. Но нервов тратилось немало, супруга успокаивалась, только когда я поворачивал ключ в двери. Могла и притвориться, что спит.

Однажды американец — комендант нашего дома убил своего соотечественника — жильца из соседней с нами квартиры. Убийцу нашли, подъехала полиция, мигалки, прожектора. Я в тот момент — на встрече, и супруга подумала, что ждут как раз меня. Подъезжаю к дому, вижу всю эту картину, но остаюсь спокойным. Ничего у них на меня нет, со мной — никаких улик, документов. Да, в конце концов, и дипломатический иммунитет. Вхожу в подъезд, никто не обращает внимания, поднимаюсь... И тут жена бросается в объятия. Но беспокоиться, сами понимаете, у нее основания были. Тем более у нас дети — три дочери.

— *А хоть что-то успевали видеть кроме разведки?*

— Удивительно, но успевал. В кино мы ходили, в театрах — бывали, иногда самых тогда модных. Слушал Кросби — вот это голос. Бенни Гудман все поднимался и поднимался, и вдруг на наших глазах его джаз начал сходить. Меня успокаивали Фрэнк Синатра и Дорис Дэй. А встреч сколько. Особенно с людьми культуры — с Полем Робсоном часто. Когда он пел нам в посольстве о катящей свои воды Миссисипи, брало за душу. С писателем Джоном Стейнбеком виделся. Но знаете, когда мы там, то с интересом смотрели наше, русское, то, что здесь, в Москве. Приезжал Дмитрий Дмитриевич Шостакович, был скуп на эмоции и язык, но скромность и эрудиция привлекали. Я снимал кинофильмы, понятно, любительские. На 16-миллиметровой пленке Фадеев перепрыгивает через скамейку, а Шостакович задумчиво подходит к скамеечке и сидит на ней, погруженный в себя, в мысли, может, в музыку.

Я доволен своей жизнью, судьба распорядилась мною справедливо. Понимаете, те, кто у нас работает, делают это не из-за званий и денег. Все эти блага, вероятно, лучше искать где-то в ином месте. Мы же сделали то, что были должны сделать. В этом и радость. Только в последние годы стали рассказывать о разведчике Марке Семенове. Он был уволен со службы, когда боролись с космополитами. Ерунда! Потом трудился переводчиком и редактором в издательстве. Но его дела — они-то остались. Вот кого подзабыли, однако заслуг у Семенова от этого забытья никак не поубавилось. Я все эти десятилетия по существу трудился по линии научно-технической разведки. А после оперативной работы судьба забросила меня в наш институт, теперь это Краснознаменная академия внешней разведки имени Юрия Владимировича Андропова. Преподавал двадцать лет, вел практические занятия с будущими разведчиками тоже по линии НТР. И у многих есть желание работать, есть верность Отечеству. Был после распада Союза период неверия, слабые бежали. Время такое? Может быть. Но бегство, предательство — это слабость. А был и пик: в

Отечественную люди старались помочь Советскому Союзу в борьбе против нацизма. Но теперь идейной основы нет. Что правда, то правда. С коммунистами нам работать было запрещено, чтобы не ставить под удар коммунистические партии. Работали с сочувствующими. Сейчас (эта наша беседа с Юрием Сергеевичем имела место быть в мае 1997-го у него дома. — *Н. Д.*) завершается сложный период перехода от одного строя к другому. От оценок я воздержусь. Иностранцы, потенциальные агенты, всегда хотят видеть у тех, кому предлагают услуги, стабильность. Уже сейчас появились доброжелатели, их немало, так мы называем тех, с кем, в принципе, можно работать. Есть лица, готовые нам помочь. Их надо искать. Но это вопрос к молодым, к тем, кто у нас учился. А я по-прежнему передаю свой опыт. Вот так и пролетело полвека...

— *А кого из тех, с кем довелось работать, выделяете особо?*

— *Абеля.* Он многое сделал. Человек высочайшей культуры. А уж добросовестность — такого редко встретишь. И его геройство не только в молчании после ареста, как стали говорить люди незнающие, от разведки далекие и к ее секретам не допущенные. Лучшее доказательство тому — обилие наград, Абелю врученных. Вам уже наверняка говорили: в ту пору к разведчикам в смысле наград были не слишком щедры. У Абеля столько орденов и орден Ленина.

— *Но Героя так и не присвоили.*

— Присвоить никогда не поздно. И другие мои друзья — Лона и Моррис Коэн — звания Героев России удостоены посмертно. Что, разве от этого их подвиг не столь важен? Вот их я тоже, как и Абеля, считаю выдающимися нашими разведчиками. Вы же знаете, что Абель работал и с ними. Да и я — тоже. Но именно Абель — первый, кто конкретно взялся за профессиональное воспитание Лоны и Морриса.

— *Расскажите: как это вы заменили Абеля?*

— *Обстановка в момент нашего знакомства была очень тяжелая.*

В 1948 году поднялась волна маккартизма. Отношения между США и СССР ухудшились. Работать стало еще труднее, и неудивительно, что Центр решил передать Коэнов на связь нелегалу, конкретно — Абелю. Так, конечно, было безопаснее для Морриса и Лоны. И к концу 1949 года они перешли «под его покровительство». И работали вместе до 1950 года, где-то около шести месяцев. Но вскоре Абелю было дано указание связь с Коэнами прекратить. Заменить его предстояло мне.

— *Я слышал, вы работали с «Волонтерами» порой методами нетрадиционными, нарушая определенные каноны.*

— Ну, вот, и сразу обвинения в служебном несоответствии. Но в

нормальной обстановке некоторых действий я бы, естественно, не совершил. Просто рисковать таким нелегалом, как Марк — Абель, и двумя нашими верными помощниками было никак нельзя. И у меня все пошло не по традиционным нашим канонам. Первая встреча — в нью-йоркском Бронксе. Тщательно проверившись, приближаюсь к универмагу «Александрере». Предстоит установить личный контакт с «Волонтерами», который был прерван, законсервирован два года назад. И вот наступила пора встретиться с Лоной Коэн.

В Центре я вел ее дело, видел фотографии. И здесь узнал сразу. Приятная молодая женщина спокойно приближалась к условленному месту. Правда, почему-то без опознавательного знака. Но сомнений все равно не было. И, подойдя, я произнес пароль. Лона моментально поняла, что я был именно тем, с кем и была назначена встреча. Но отзыва не последовало. Вместо этого Лона вдруг призналась, что все забыла. Но все-таки запомнила ключевое слово. Вот с таким небольшим приключением и восстановили связь. Мы вновь запустили заброшенный было механизм, и контакты с важными источниками научно-технической информации стали возобновляться. Были и успехи, и потери. А помощь в этом Морриса и Лоны оказалась просто неоценимой. Для меня Моррис — близкий, дорогой человек. Он был и старшим братом, и добрым советчиком. На первых порах ситуация для меня оказалась непривычной. И без дружеской поддержки Коэнов пришлось бы сложно.

— *Юрий Сергеевич, простите, что вмешиваюсь в ваш монолог. Но почему пришлось срочно вывозить Коэнов из Штатов? Что все-таки произошло? Знаю, существует немало версий.*

— Да, версий много. К этому времени в Англии был арестован наш источник — немецкий физик Клаус Фукс. Задержали агента Гари Голда. А Лона встречалась с другим нашим помощником — Персеем. И, естественно, возникла угроза, что рано или поздно ФБР может выйти на Морриса и Лону. А коль так, то и на других связных, в том числе и на Абеля. Это был бы большой провал. Сами представляете, что значит подготовить нелегалов, сколько это стоит и времени, и денег, даже представить трудно.

Безопасность Коэнов была под вопросом. Под горячую руку могли не только арестовать, но и сделать с ними, что угодно. Ведь посадили же после отъезда Коэнов на электрический стул супругов Розенберг. Продолжать связь с Моррисом и Лоной — авантюра. Поэтому и приняли решение: Коэнов вывозить.

— *Моррис рассказывал мне, что вы сами пришли к нему домой. Но это*

же риск! Может, поведаете, как все это было?

— Было рискованно. Но ввиду срочности приход мой был неизбежен. Надо было принимать меры, спасать их, вывозить из страны. Значит, надо навестить «Волонтеров» и договориться о сложной процедуре выезда. И это уже могла сделать только легальная резидентура. Если я провалюсь, то меня отзовут. Что ж, перетерпел бы. А вот для американцев арест мог обернуться трагедией. Жара в том июле 1950 года стояла страшная. Караулить около дома? Но когда они выйдут, да и выйдут ли в такое пекло? Маячить около дома — привлекать к себе внимание. Потому решили действовать смело. Зайти к ним без предупреждений, сообщить о необходимости отъезда. Так и получилось. Вошел к ним в дом, они — в полупляжном виде, были немного удивлены, но не потрясены. Я в костюме, только пиджак и сбросил. Почувствовали опасность, поняли, что уж если я пришел, значит, стряслось что-то важное. Разговор предстоял исключительно деликатный.

Садимся за стол. Начинаем говорить и одновременно переписываться с Моррисом на бумаге. Я ему пишу: нужно встретиться в городе, чтобы подробно все обсудить. Болтаем о ерунде и пишем, пишем. А Лона приходит, забирает каждый листочек, несет в ванну и там сжигает. Я написал Моррису довольно понятно, что надо уезжать. Он возражает, что это неразумно, особенно теперь, когда появилось столько знакомых. Можно купить любые документы, сменить фамилию, место жительства, продолжать работать подпольно. Моррис — это настоящий боец, Лона — тем более. Я снова им свое, лучше вам выехать, и уже после этого в спокойной обстановке и в другой стране будет решаться все остальное. Моррис мне опять о собственных предложениях, о переходе на нелегальное положение. Я стою на своем. И тут он выводит на бумаге: это воспринимать как приказ? Я подтверждаю, что да, пожалуй, как приказ. И он отвечает мне: тогда о чем же разговор? Если приказ, то он будет выполнен. Вот они — высочайшая дисциплинированность и чувство долга «Волонтеров»! Пошли совсем другие обсуждения. Мы договорились, когда и где встретимся в городе. Поднимаюсь, Лона выходит из ванны, а оттуда такой дымище! Я говорю: кто же так сжигает? Думал, ты знаешь, как сжигать материалы.

— *А как?*

— Вот и она — а как? Надо согнуть листочек буквой «п», поджигать сверху, он загорается и догорает без всякого дыма, только белый пепел остается. Лона сразу попробовала, и листочек мигом исчез. Поблагодарила, упрекнула: «Что ж ты мне раньше не подсказал?» И вот какой оптимизм,

пообещала, что в дальнейшей работе ей может пригодиться. И я понял, что нью-йоркская история заканчивается, а впереди — другие. Они оба были настроены на работу. Операция завершалась. Мы несколько раз встречались в городе. Тяжелая наступала пора, очень серьезная. Были сложности, о которых не могу говорить. Но сам я паспортов им не передавал. Это сделал другой человек. Кто, говорить не могу. Я же должен был не отдать паспорта, а забрать их у Коэнов. Там нужно было кое-что подправить соответствующим образом. И когда я пришел на встречу с ними, то смотрю, появилась Лона и говорит: «Ай-яй-яй». — «Почему — ай-яй-яй?» — спрашиваю. «Потому что мы с Моррисом забыли, какая встреча основная, какая запасная. Я подумала, что у меня запасная, и на основную отправился Моррис с паспортами, а я к тебе сюда». И пришлось нам назначать встречу в третьем месте. Было уже поздно, часов одиннадцать вечера. Мы встретились в ту же ночь, вернее, за полночь, Моррис принес мне паспорта, я их взял. Но как же поздно! Возвращаться обратно в Представительство при ООН, где я тогда работал? Человек приехал глубокой ночью — подозрительно. И я решил рвануть на дачу, где жили наши. На одной из улиц на повороте вслед за мной зеленый свет погас и зажегся красный. Получился спорный момент. Поехал, а на углу — полицейская машина. Смотрю — она за мной. Я уже набрал скорость, тормозить нельзя, вышло бы, что я признал: нарушаю. Ну, полицейский меня догоняет, приказывает, чтобы остановился: проехал на красный свет. Я с ним шучу, анекдоты рассказываю, а паспорта Коэнов в моем автомобиле спрятаны. Номер у меня не дипломатический. Наоборот, я его специально поменял. Вот вам тяжелый момент. Но тут в машине у полицейского звонок. Он говорит мне: пойдём со мной. Болтает по телефону, а у меня мысли: это обо мне, и этот парень уже знает, кто я, что я и откуда. Вдруг он по телефону: ладно, позвоню. И тут у меня отлегло. Отпустил он меня...

А дальше — две недели встреч, тщательной отработки маршрута, преодоление разных формальностей. В конце месяца я получил условный сигнал от Морриса: подготовка к отъезду завершена, они с Лоной покидают Нью-Йорк. Я волновался мучительно. Месяц, даже больше от них и о них — ничего. Почему молчат? Успокоился только тогда, когда из Центра телеграммой сообщили, что Моррис и Лона благополучно добрались до Москвы.

Вернулся я домой осенью 1952 года. Хотелось повидаться с моими друзьями. Но трудно это было. Они находились на спецподготовке, уже по линии нелегальной разведки. Вы знаете, что работали они потом в Лондоне

вместе с Беном-Молодым под фамилией Крогеров. Но перед отъездом мы с ними все же встретились. Они настаивали, и я тоже. Подъехала автомашина, я подошел, они сидят, и Моррис меня втащил к себе, начали целоваться, обниматься. Поговорить так и не удалось. Только повидались. Они уже уезжали. И уверены были, что я туда тоже поеду и буду там с ними работать. Но я с ними там не встречался.

Мы 15 лет не виделись. У них — шесть лет работы с Беном, девять лет тюрьмы. И только потом, когда Коэнов обменяли и они вернулись в Москву, мы стали встречаться. И вот однажды Лона мне говорит: «А я тебя в Лондоне видела. И так и сяк внимание привлекала, а ты ничего не замечаешь. Но, когда ты шел по лестнице, я подобралась к тебе сзади и ущипнула. А ты опять не среагировал. Вот какая у тебя выдержка!» Но ничего такого со мною не было. То был, конечно, не я.

А в день своего 75-летия Моррис подарил мне фотографию — он, Лона и я. Подписал на обороте: «Помню, как десятилетия назад ты переживал всем своим большим сердцем, и как оно билось от волнения. Но мы добрались до Красной площади». А Лона, совсем не любительница писать письма, в своем обычном стиле добавила: «Со всем, что написал Моррис, я согласна». Мы с ними в Москве дружили, очень часто встречались. И жена моя, и три мои дочери. Эх, хорошее было время. Но все проходит.

— *Так говорят французы.*

— И не только. Лона умерла 23 декабря 1992 года, Моррис скончался летом 1995-го — за девять дней до своего 85-летия. Хорошие они были люди. Светлые, бескорыстные и героические. Моррис назвал меня незадолго до своей кончины «последним из могикан» советской разведки, работавшим с ним и Лоной за кордоном. Да, ушли все, кто работал с ними до меня и после. Думаю, что сделанное Моррисом и его женой для нашей страны только предстоит оценить будущим поколениям. Еще не всё из ими свершенного известно.

— *Юрий Сергеевич, ну так расскажите! Кому, как не вам.*

...И кое-что было рассказано. О разных годах и странах. И о новых подвигах.

КАКАЯ МАРЬЯ БЕЗ ИВАНА

Елена Модржинская

Разведчица Елена Модржинская сообщила из Варшавы: война начнется 22 июня.

Эта фамилия всплыла для меня неожиданно. Однажды в одном из специализированных музеев увидел стенд с фамилиями разведчиков, предупреждавших Центр о нападении Гитлера на Советский Союз. И среди имен прославленных чекистов и их агентов вдруг мелькнула некая неизвестная «Марья», успевшая сообщить абсолютно точную дату — 22 июня 1941 года.

Удивила другая подробность. Эту информацию передала вместе с супругом «разведчица, выпускница МГУ, ставшая после войны известным советским философом». Из разведчиков — в философы?

Принялся за поиски. И вскоре выяснилось, что зовут неведомую «Марью» Еленой, а фамилия ее Модржинская. Елена Дмитриевна известна еще и тем, что в годы войны стала фактически первым аналитиком в Службе внешней разведки. И если другой выдающийся разведчик — нелегал Иосиф Ромуальдович Григулевич дослужился до члена-корреспондента Академии наук СССР, то Елена Дмитриевна Модржинская защитила докторскую диссертацию по философии. Доктор наук, профессор, она больше двух десятилетий проработала в Институте философии Академии наук СССР.

Чекистка дворянского происхождения

Наша героиня — дама биографии необычайнейшей. Фамилия Модржинская досталась ей не случайно: Елена Дмитриевна — польских кровей. Близкие предки — потомственные дворяне. Таких, как Елена, в органы брали не слишком часто, хотя можно вспомнить и еще об одном дворянине из Польши — Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. Правда, во второй половине XIX века дед Елены был отправлен на пожизненное поселение за революционные взгляды и лишен дворянского титула. Наверное, в глазах кадровиков, официально пригласивших ее в НКВД в 1937 году, это было хоть слабым, но оправданием дурного наследства.

А до разведки, еще в школе, словно предчувствуя, что ждет в будущем, старательно изучала английский. Потом учеба на международном отделении факультета права I-го МГУ, который Елена Модржинская, 1910 года рождения, окончила в 1930-м. Был момент, когда студентка задумалась о журналистской карьере. Но стажировка в необычайно тогда популярной газете «Комсомольская правда» убедила: нет, это совсем не ее. В 1936-м получен диплом Академии внешней торговли. Тут она окончила спецкурс факультета особого назначения. Что это за факультет и что такое «особое назначение»? Работоспособности Елене было не занимать. Одновременно вкалывала гидом-переводчиком в ВОКСе — Всесоюзном обществе культурных связей с заграницей. Несомненно, в этой организации у чекистов было немало своих людей.

Наверняка тогда, а может, еще и раньше Елена, освоившая французский, английский, немецкий языки, попала в поле зрения разведки, выполняла отдельные поручения. А вот польским она владела, как ни странно, не очень. После ВОКСа Елена Дмитриевна сделала быструю карьеру в Наркомате внешней торговли. Тоже точка, всегда интересовавшая НКВД. В уважаемом Наркомате Елена Модржинская быстренько не прошла, а пролетела путь от экономиста, референта, консультанта до руководителя группы.

В 1937 году занялась главным делом своей жизни. Как и многих будущих знаменитых разведчиков, в НКВД ее направили по рекомендации Центрального комитета комсомола.

Служба оперуполномоченной в центральном аппарате Главного управления госбезопасности НКВД СССР, затем заместителем начальника отделения Главного транспортного управления. Доверие начальства

завоевано. Нескончаемая череда оперативных успехов окрыляла.

В личной жизни ничего такого не было. После десяти годков замужества в 1939 году последовал развод, на который в органах всегда (даже теперь) смотрят косо. Но не на развод лейтенанта госбезопасности Елены Модржинской.

Иван дождался Марью

В 1939 году Польша после яростного, однако не долгого сопротивления была захвачена Гитлером. Сейчас пущен миф, будто польские войска сумели надолго задержать победоносное продвижение фюрера по Европе. Это — неправда. Вторая мировая началась 1 сентября 1939 года, а уже 6 сентября передовые дивизии вермахта приблизились к польской столице. Да, поляки оборонялись отчаянно, но уже 14 сентября Варшава пала. Польша превратилась в губернаторство с центром в провинциальном Кракове.

Опровергну еще один миф: вместе с Гитлером Польшу оккупировала Красная армия. Вранье! В первой половине сентября 1939-го Кремль получил шесть официальных депеш из Берлина с предложением вступить в войну против недружественной Польши. Москва хранила молчание. И лишь после взятия Варшавы, когда правительство Польши сбежало в Лондон и ее, как независимой страны, больше не существовало, Красная армия начала 17 сентября 1939 года свой освободительный поход. Войска вышли на старую западную границу. Ее, называвшуюся «линией Керзона», определили еще в 1919 году по условиям Версальского мирного договора. Так была пусть на время, но отодвинута от наших границ фашистская угроза. И даже совсем не благоволивший к нам будущий премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль подтвердил, что СССР имел на это полное право.

Обидно иное. К сожалению, советская разведка не сумела точно определить сроки нападения фюрера на наших западных соседей. В Центр сообщались разные даты из источников, которые трудно было считать достоверными. В этой разноголосице можно было и запутаться.

Но ведь несколькими годами раньше нарком Ежов умело разгромил собственные, порой отлично работавшие резидентуры в странах самых разных, не забыв и приграничную Польшу. Нескольких чудом уцелевших разведчиков зачистили уже при новом наркome товарище Берии. После этого даже тончайший ручеек разведсообщений из оккупированного соседнего государства практически иссяк. Советских разведчиков в Польше, по существу, не осталось.

Так происходило не только с Польшей. В 1938 году из зарубежных резидентур за 128 дней не поступило ни одной информации. Мир кипел и бурлил. А разведка молчала и не по своей вине.

Агентурную сеть в Европе, да и не только, надо было срочно восстанавливать. За это решительно взялся новый начальник внешней разведки, тогда 5-го разведывательного отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР, 33-летний Павел Фитин. Свой пост он занял в мае 1939-го, и вскоре 40 резидентур в Европе, Америке, Азии возобновили прерванную деятельность. К началу Великой Отечественной войны на советскую разведку работало уже около шести сотен агентов. В московском Центре и в зарубежье насчитывалось более 400 сотрудников внешней разведки.

И, конечно, очень беспокоила Польша. Что творится на наших с нею границах, какая обстановка в Варшаве, чего ждать теперь от немцев да и от тех же поляков в Москве, не знал никто. Было понятно, что в случае подготовки нападения на СССР основные силы вермахта должны стягиваться в Польшу.

Потому Москву так встревожило сообщение от Кима Филби из Лондона. Тот, ссылаясь на надежные источники, сообщал, что Германия сосредоточила 127 дивизий вдоль советской границы. 58 дивизий находятся на территории Польши. Всего же в вермахте 223 полностью укомплектованные дивизии, готовые по первому приказу вступить в бой. Эти сведения от Филби срочно нуждались в подтверждении.

И тогда в Центре решили отправить в Варшаву советского разведчика, 38-летнего Петра Гудимовича. Сын портного из Черниговской губернии окончил шесть классов средней школы, а после революции рабфак и Институт инженеров коммунистического строительства.

В 1933-м предложили смышленому украинскому парню пойти в госбезопасность. Недолго проучившегося в Центральной московской школе ОГПУ Гудимовича отправили под Саратов. А после снова учеба — на этот раз в Школе особого назначения НКВД.

Внешняя разведка нуждалась — и еще как — в кадрах. И заместителя начальника отделения одного из отделов Гудимовича решили срочно использовать в Варшаве. Да, знаний — маловато. Но работник толковый, опыта наберется на ходу, да и отправлять за границу молодых и необстрелянных стало в предвоенные годы делом и вынужденным, и привычным. Надо заметить, что получившая профессиональное образование уже при советской власти чекистская смена, как правило, не подводила.

Дипломатический парадокс: хотя посольство СССР в Варшаве и было закрыто, должность управляющего советским имуществом в нем сохранилась. Гудимовичу придумали нехитрый оперативный псевдоним

«Иван». Как и было принято в те годы, паспорт оформили на другую фамилию — Петра Васильева. Оформление происходило быстро. В конце октября 1940-го Фитин подписал шифровку на имя берлинского резидента «Захара» — Амаяка Кобулова, младшего брата любимца Берии и его заместителя Богдана. «Захару» предписывалось обсудить с оперативным работником «Иваном», следующим «к месту назначения в Варшаву на должность управляющего имуществом в бывшую Польшу, все вопросы, касающиеся его работы по линии прикрытия, а также условия поддержания связи». «Захар» должен был также помочь новичку получить в немецком МИДе официальные документы для постоянных поездок из Варшавы в Берлин и обратно. А еще резиденту в Берлине приказывалось: «Из Ваших средств выделите “Ивану” автомашину, пишущую машинку и тому подобное. Договоритесь, каким путем будете поддерживать связь между собой: с помощью личных поездок, через курьеров, вызова к себе в Берлин, письменно. Подумайте, каким образом переслать продукты в Варшаву для “Ивана”. Выдайте ему из имеющихся у вас средств 880 польских злотых и 1200 немецких марок на оперативные расходы».

Амаяк — «Захар», по мнению многих своих коллег, мало что смысливший в разведке и допустивший в Берлине множество ошибок, тем не менее этот приказ выполнил. И в начале ноября 1939 года Гудимович в ранге советского консула прибыл в Варшаву. Как пишет эксперт разведки, писатель Владимир Антонов, «Иван» осматривал здание советской миссии с бывшим киномехаником посольства Трепманом. В отсутствие наших дипломатов тот присматривал за домом, а заодно, это выяснилось уже позже, служил осведомителем гестапо. Трепмана «вычислили». Да, с таким помощником много не разведаете.

Кое-что удавалось выуживать у австрийца Данека — тот представлял в бывшей польской столице МИД Третьего Рейха и отвечал, точнее надзирал за дипломатами и гражданами стран, не порвавших отношений с Германией, оставшимися в Варшаве. Но экс-профессор и специалист в области славистики был явным наци. С ним надо было держать ухо востро. И где было взять преданных и надежных?

Тут сработал биографический минус, на который в Центре до поры до времени смотрели из-за сложности политической, фактически полувоенной обстановки сквозь пальцы. Черноволосый красавец Петр Ильич Гудимович так и не успел обзавестись супругой. В Варшаве ему не хватало не только заботливых рук, но и второй пары внимательных глаз. А новую должность помощника советского управляющего немцы вводить наотрез отказались.

Генерал Павел Судоплатов, руководивший операцией, еще в Москве

предупредил Гудимовича: готовься, подыщем тебе жену с Лубянки, которая будет знать и язык, и методы вербовки. Тот воспринял известие без энтузиазма, но спорить со всемогущим Павлом Анатольевичем Судоплатовым, уже в ту пору непреклонным авторитетом внешней разведки, было абсолютно не принято. Признаться, кандидаток в жены было немного. Польский, да и то далеко не в совершенстве, если верить кадровикам, знала лишь лейтенант Модржинская. Зато хорошо говорила еще на четырех языках. Судоплатов заинтересовался: наверное, эта подойдет. Польские корни, дворянское происхождение. Где найдешь лучшую жену для Гудимовича? И весной 1940 года Судоплатов утвердил в супруги управляющему делами в Варшаве лейтенанта Елену Модржинскую, успевшую проявить себя на оперативной работе. Конечно, Судоплатов знал — Елена разведена. Может, это и к лучшему? Не придется просить потенциального мужа вникать в щекотливую ситуацию, убеждать, что так нужно в интересах родины. А так, не исключено, стерпится — слюбится. Подобные «служебные» браки, особенно в нелегальной разведке, случались, этот — не первый и далеко не последний. Иногда соединенные таким образом пары расставались после окончания командировки. Если состояли в законном браке, то чаще возвращались в свои не до конца разрушенные семьи. Но чаще всего общее дело да и невольно общая постель спланивали. А если еще и рождались дети...

Кстати, иметь детей нелегалам внешней разведки не запрещалось. Хотя в то же время и не поощрялось. Тут уж как решат супруги. Дети служили отличным прикрытием, особенно когда рождались на территории страны нелегального пребывания. Малыши получали официальные и уж точно подлинные документы от местных властей, помогавшие порой сменить свои сапоги (так назывались паспорта и прочие удостоверения личности), искусно изготовленные в Москве, на настоящие, никаких подозрений не вызывающие «корочки». В некоторых по-настоящему «цивилизованных» странах к семейным парам с детьми относятся уважительно. Ребенок — еще одно веское доказательство благонадежности. Для смелых родителей малое дитя, как это ни покажется циничным, может послужить и надежным прикрытием. Трудно представить, что работник иностранной спецслужбы вдруг остановит женщину (или мужчину) с коляской и начнет интересоваться, что там завернуто в пеленках. Кстати, а что, разве и в них что-то прячут? Кто скажет...

Все же некоторые нелегалы предпочитают не рисковать. Их судьба непредсказуема, и каждый, кто готовится к жизни в «особых условиях», это понимает. И ставить на кон судьбу детей решаются не все. Переезды,

критические ситуации, непредвиденная смена обстановки или попросту вынужденное бегство могут травмировать детскую психику.

Никогда не слышал, чтобы работающие под чужими именами рассказывали детям, по крайней мере до окончательного возвращения на родину, кто они на самом деле. Поэтому в узких кругах довольно известен рассказ о том, как с великим трудом спасаясь от ареста и благополучно вернувшаяся в Москву пара нелегалов была поражена недовольным возгласом одного из детей, в другом мире родившегося: «Теперь мы знаем, кто вы! Вы оба — русские шпионы!» Конечно, подобную нелюбовь к русским шпионам удалось выбить, но...

Потому бывает, что откладывают «на потом», «на после возвращения домой». Но это «потом» порой затягивается, и наследниками, любимцами таких пар становятся племянники или другие родственники.

Да, здесь я несколько отступил от рассказа об Иване да Марье, но все это логически с их ситуацией связано. Единственное, чего всерьез боялись нелегальные разведчицы, это выдать себя криком на родном языке при родах. Некоторые к этому всерьез готовились. Так, Анна Филоненко-Камаева, которая родила в «особых условиях» двух детей, волновалась. Ведь при первых очень тяжелых родах дома, на родине, очень громко звала маму по-русски. Ее муж Михаил Филоненко тоже переживал. Сначала решили, что на седьмом месяце беременности Анна начнет отрабатывать крики на испанском, как того и требовала обстановка в Латинской Америке. Но этого показалось мало. И тогда Анна, набравшись суровых жаргонных выражений у местных простолоудинок, выработала для себя некий запас слов, обычно непроизносимых в приличном обществе. Освоила, заучила их досконально. И при родах этот невольно засевший в ней набор фраз как раз и вырвался наружу, даже слегка удивив врачей. Такая приятная дама, а что выдавала...

Но не все бывает столь сложно. Однажды в клубе, где собираются немолодые люди, много в этой жизни здесь и «там» повидавшие, я увидел пожилую даму, лицо которой показалось знакомым. Она внимательно слушала с воспоминаниями выступавших, потом сидела за общим столом, а после вечера помогала убирать посуду. Неужели это бывший нелегал М., чья судьба сложилась исключительно необычно? Работала с мужем в далекой Аргентине, родила там двух детей. Стала жертвой предательства, вместе с мужем и детьми была арестована, выдана главному противнику — насильно вывезена в США. И бежала оттуда с двумя малышами, один из которых находился еще в коляске. Добралась до посольства СССР в Вашингтоне. Всю семью вывезли в СССР, но дома нелегалов встретили

хмуро. Было не до распростертых: непонятно, почему арестовали, не совсем верили в сказочный побег. После длительных разбирательств М-х уволили из разведки. Отправили все семейство в провинциальный город, где муж вынужден был работать преподавателем иностранного языка. И только когда предатель Олег Гордиевский сбежал в Англию, все встало на свои места. Именно этот иуда менял документы супругов М., знал их в лицо. Они вернулись в Москву, им возвратили все награды, восстановили в правах.

Жизнь в чужом обличье заставляет разведчиков приспосабливаться к обстановке. В какой-то период или на какой-то год проживания вдали от дома невольно начинаешь не то что говорить, но и мыслить на ином, ставшем повседневным и естественным для тебя языке. Так что совершенно адаптировавшись к чужой обстановке, у М., дважды отправлявшейся в роддом, даже мысли о том, что выдаст себя своим родным языком во время родов, не было. Уверенность в себе не подвела. М. кричала на языке страны, где работала в «особых условиях». В данном случае на испанском.

Вообще женщина — нелегал — это объект для особого исследования и рассказа. Да, жена — лучший помощник для мужа, который всегда, будь хоть в супружеской паре два полковника, старший. Помимо семейных они выполняют много самых разнообразных обязанностей. Как правило, из женщин получают прекрасные радистки. Они берут столько... Чего? Не будем вдаваться в подробности. Занимаются шифровкой и расшифровкой. Идя по улице вдали от мужа, выявляют «наружку». Они осуществляют контрнадзор при проведении операций по связям с агентами. Иногда вообще на встречу с важным источником лучше послать женщину: обычно дамы вызывают меньше подозрений. Безличная связь — выемка из тайника или закладка контейнера тоже неплохо удается женщинам. Выяснить отношение окружающих к мужу, конечно, легче его супруге. А если женщина обаятельна, то сильный пол, чтобы завоевать ее симпатию, готов на многое и порой, невольно стараясь подчеркнуть собственную значимость, болтает лишнее. Если даже женщина не поймет, о чем речь, то обязательно в малейших деталях поведаст обо всем мужу. Пусть старший в паре анализирует и разбирается.

Женщина хороша и для заведения новых знакомств. С ней идут на контакт чужие жены, а за ними и их мужья. Это не значит, будто все знакомства заводятся лишь в разведывательных целях. Есть друзья, никак не связанные с основной целью пребывания в стране, но остающиеся просто «связями прикрытия» основной деятельности.

Вот какие мысли пробудила во мне история Елены Модржинской.

С выбором генерала Павла Судоплатова согласился и лично Лаврентий Павлович Берия, всегда к Елене благоволивший. Дело оставалось за малым: поскорее подготовить документы на жену Ивана Васильева и отправить ее на точку.

И вот здесь Модржинская показала характер. Всегда решительная, она посмела возразить никак не ожидавшему неповиновения Судоплатову. Павел Анатольевич возражений и аргументов не принял. В ответ строптивый лейтенант Елена, только выйдя из кабинета начальника, моментально обратилась с рапортом к еще более высокому руководству.

Вот какое письмо отыскал я на одном из украинских сайтов (на Украине Петра Ильича Гудимовича тоже считают своим. — *Н. Д.*):

«Заместителю наркома внутренних дел
Тов. Меркулову В.Н.
(только лично)

Сегодня я получила от Судоплатова П.А. предложение перейти на закордонную работу. Убедительно прошу оставить на той, на которой нахожусь в настоящее время. Помимо того, что я люблю свою работу, прошу не посылать за кордон, так как это разобьет мою личную жизнь. Из-за неудачного замужества десять лет никакой личной жизни. В прошлом году я разошлась с мужем, и моя личная жизнь фактически только начинается. Очень прошу учесть эту мою большую просьбу».

Письмо Елена Дмитриевна передала, как и положено, по инстанции, зарегистрировав в канцелярии. Была она и в молодые годы большим педантом. Возражала начальству не впервые, могла не согласиться и с решением старших по званию, причем всегда возражала в лицо, открыто.

Послание лейтенанта Е.Д. Модржинской дошло до адресата.

Ее вызывали, уговаривали — бесполезно. Дошло до наркома Берии. И на его предложение отправиться за кордон защищать родину только в марте 1940 года вступившая в коммунистическую партию Модржинская ответить отказом не решилась. Лаврентий поставил вопрос по-своему: ехать за кордон, неважно женой или не женой пусть действительно малознакомого ей человека, от коммунистки требуют и партия, и они с Судоплатовым. Похвалив Елену за принципиальность, Берия добился согласия.

Пришел черед Фитина наставлять разведчицу. Его пожелания Елена запомнила легко. Создать у немцев впечатление о трогательной и счастливой супружеской паре. Никак не выдавать своих чувств, общаясь с нацистами. С дружелюбием, по крайней мере внешним, относиться к полякам. И чаще, обязательно чаще, чем это делает сейчас одинокий Иван, бывать на приемах, дипломатических вечеринках, сходиться со всеми, кто

обладает или может обладать нужной Центру информацией. А еще паре предстояло восстановить связи с замолчавшими агентами. Отсеять тех, кто не представляет ценности и во чтобы то ни стало найти новых, обязательно обладающих информацией о намерениях Гитлера. Елена поняла, что скрывать от Фитина ничего не придется. Как только узнает, что фашисты готовятся к нападению на СССР, передавать информацию о военных приготовлениях прямо на него. И если все удастся, то ее через несколько месяцев работы в особых условиях поощрят коротким отпуском в Москву — предлог найдется.

Код к Варшавскому замку

И в конце 1940 года, на глазах сотрудников немецкой контрразведки на перроне вокзала в Варшаве произошла трогательная встреча супругов. Еще стоя у окна поезда Москва — Берлин, Елена — «Марья» зорким своим взглядом выхватила из толпы встречающих своего «Ивана». Симпатичный, хорошо одетый человек пришел с огромным букетом цветов. И неожиданно с первого же взгляда он ей понравился. Улыбка широкая, лицо доброе. Они, как и требовалось настоящим супругам, расцеловались. И сразу понравились друг другу. А совместная работа на грани риска быстро сблизилась. Беззаветная храбрость Ивана и доброе отношение к ней строгой Елене понравились. Да так, что в оккупированной Польше образовалась вполне счастливая советская семейная пара. К всеобщему облегчению, Иван да Марья вскоре обратились в Центр с просьбой об официальной регистрации отношений.

Хотя было не до любви. Центр требовал, взывал: нужна срочная информация. И Гудимович — Модржинская удовлетворяли этот интерес. Как же было трудно! Недавно завербованные в СССР агенты, большей частью бывшие польские офицеры, давшие еще на территории Советского Союза согласие работать на советскую разведку в обмен на возможность вернуться на родину, к россиянам по понятным причинам у себя дома относились скептически. Мало ли что и кому они там, в Советах, наобещали. К тому же никакими ценными данными эти люди не обладали.

Обстановка в стране была тревожной. Люди выглядели подавленными, запуганными. Гестапо поляков не щадило. Заподозрят в контакте с коммунистами, с чужаками-иностранцами — и в тюрьму. Если агенты что-то и сообщали, то маловажное. Так, по мелочи, чтобы русские особо не докучали. Страх перед гестапо и недоверие к России пересиливали желание помочь в борьбе с фашистами, уже захватившими их страну.

Справки на агентов, подготовленные Центром, оказались почти бесполезными. Прежняя агентура была или разгромлена, или, это выяснилось при общении с уцелевшими, отстранена гитлеровцами как неблагонадежная от любой секретной информации. Все же Ивану с Марьей удавалось что-то выуживать.

Но по-настоящему серьезные данные пошли в Центр от новых, завербованных уже в начале 1941 года польских источников.

Марья была хороша собой. На приемах в разных посольствах, куда по

протоколу звали эту супружескую пару, лейтенант вступала в разговоры на всех известных ей языках, легко заводила знакомства — полиглот, да еще и общительная. Некоторые дипломаты из стран к Германии близких, стремились блеснуть перед русской полной осведомленностью относительно немецких планов. Это было уже то, что нужно.

Среди просто собеседников, никакими завербованными агентами не являвшихся, появлялись и поляки. От солидного профессора Варшавского университета Л., в отличие от многих симпатизирующего Советскому Союзу, и влиятельного адвоката С. до варшавских рабочих. А большая удача, как иногда бывает, явилась, откуда не ждали. Неожиданно полезным оказался простой лесник Р., разъезжавший по всей Польше. Его лаконичные, точно изложенные наблюдения были исключительно ценны. Но как же настораживали: немцы стягивают к границе с СССР все больше дивизий. Поляков из этих зон выселяют. Об этом же постоянно твердили белоэмигранты, с которыми сошлись Иван и Марья.

А в Варшаве немцев, как убедилась пара, было немного. Кроме гарнизона сюда наезжали в короткие отпуска офицеры, развлекающиеся в ночных заведениях и в разговоры с незнакомцами, словно выполняя кем-то отданный приказ, не вступающие.

Главная задача разведпаре ставилась Москвой так: получение информационных данных об отношении Германии к СССР. И тут по всему выходило, что военные приготовления к нападению на Советский Союз идут полным ходом.

К сожалению, прямой связи с Москвой у разведчиков не было. Сообщения передавались через советскую резидентуру в Берлине. Довольно часто Марья, убедившая приставленных к ней польских сексотов в трогательной любви к родителям, наезжала под этим предлогом в Москву с тревожными сведениями. Польские шоссе и дороги, иногда напомиравшие наши, российские, срочно ремонтируются. Промышленность переходит на выполнение чисто военных немецких заказов. В дипломатических кругах говорят о нападении Гитлера на СССР и в ближайшее время — летом 1941 года. В ответ — недоверие в глазах начальства, приказы тщательнее фильтровать полученные сведения, подтверждать их документами.

Но документов, честно говоря, было немного, оставалось полагаться на честность польских друзей и достоверность сведений из различных дипломатических источников. И даже когда Иван и Марья чудом вышли на руководителя гестапо в Варшаве, полученную через него информацию о грядущей войне в Москве восприняли саркастически. Гудимович — Иван

сам вырвался в Центр, добился встречи с Меркуловым, но убедить заместителя наркома, что война на пороге, не смог. Меркулов предположил, что Гудимович с женой «чересчур преувеличивают германскую угрозу. Это необходимо перепроверить». И это при том, что паре, подобранной Судоплатовым и одобренной лично Берией, полностью доверяли. Сталин, до сведения которого Меркулов все же регулярно доводил разведдонесения из Варшавы и других городов — близких и дальних, однажды осадил докладчика. Ему казалось подозрительным, что о начале войны с СССР на той стороне знают чуть не рядовые солдаты. А если так, то похоже на дезинформацию.

Но ради справедливости отмечу: меры по предотвращению угрозы принимались, информация из Варшавы доходила до Берии, Молотова, министра обороны Тимошенко. В мае 1941 года по итогам донесений Ивана и Марьи руководство направило специальное сообщение в ЦК партии и правительство. Есть в нем и такие строки: «Военные приготовления в Варшаве и на территории генерал-губернаторства проводятся открыто. О предстоящей войне между Германией и СССР немецкие офицеры и солдаты говорят совершенно откровенно, как о вопросе решенном».

Да, донесения внешней разведки, в том числе от Ивана и Марьи, не были бесполезными. Только времени на подготовку к войне катастрофически не хватало. И не хватило.

21 июня 1941 года Елене с мужем удалось узнать через надежный источник точную дату нападения Гитлера на СССР, чему есть документальное подтверждение.

22 июня, когда в Москве по радио звучало обращение Молотова к советскому народу, Гудимович и Модржинская были арестованы в Варшаве. У гестапо появились серьезные подозрения по поводу этой милой, общительной пары, заводившей знакомства чуть не со всем дипкорпусом. Иван и Марья знали, на что шли. Рисковали сознательно. На все вопросы попеременно допрашивавших их шести гестаповцев отвечали в унисон: следили за сохранностью имущества советского посольства, никаких сведений ни от кого не получали, обвинения в неправомерной деятельности отрицали.

И через шесть дней супругов доставили в советское посольство в Берлине, где еще продолжался процесс интернирования советского постпредства. Они тотчас передали послу Деканозову ценную для Москвы информацию: варшавские госпитали переполнены, раненых солдат вермахта свозят в Варшаву и соседние города целыми эшелонами.

Гитлеровские сводки о незначительных потерях — вранье. Но вот с налетами советской авиации на немецкие промышленные объекты, находящиеся в Польше, получилась настоящая промашка. Значительного урона предприятиям они не нанесли.

Тут видна манера Модржинской. Никогда не подстраивалась под начальство. Всегда рубила правду-матку. В Центре ей поверили, хотя и удивились: неужели рапорты о прямых попаданиях сталинских соколов туфта? Но сделали выводы.

Иван и Марья недолго пребывали в столице Третьего Рейха. В Москве были интернированы работники посольства Германии. Немцы отлично представляли, какая судьба их ждет, если в Берлине что-то случится с дипломатами советскими. И в начале июля 1941 года всех дипломатов и прочих совграждан, оказавшихся на территории Рейха, погрузили в поезд: везли на обмен и каким сложным, кружным путем. В болгарском Свиленграде пересекли турецкую границу. Оттуда — в Стамбул, поскольку Турция хранила нейтралитет. И на теплоходе «Сванетия» наши добрались до родного — тогда — Батуми. Затем поездом до Ростова, Сталинграда, Куйбышева. Утомительное путешествие закончилось только к середине июля 1941 года в Москве.

А в конце июля на Лубянке назначили нового начальника германского отделения разведки. Награжденная орденом Красной Звезды за работу в оккупированной Польше Елена Дмитриевна Модржинская руководила из Центра разведывательными операциями советской внешней разведки против Германии, проводившимися с территории различных государств Европы. Ее муж Петр Гудимович получил орден Красного Знамени.

Аналитик предсказала точно

Аналитической службы на Лубянке в конце 1930-х годов не существовало. Вся важнейшая информация напрямую докладывалась молодому начальнику разведки Павлу Фитину. А уж ему приходилось фильтровать ее, донося самое главное до Сталина. Случались в такой работе и просчеты.

Чтобы избежать их, в мае 1943 года создали аналитическую информационную службу — Информотдел Первого управления НКГБ. До декабря аналитическое подразделение 3-го отдела Управления политической разведки возглавляла Елена Дмитриевна. А потом до 1946-го Модржинская оставалась в этом отделе заместителем опытного разведчика Михаила Аллахвердова.

Елена Дмитриевна всегда была строга, дотошлива, скрупулезна. Для нее не существовало никаких авторитетов. Всегда имела свою позицию по любому вопросу. Как правило, верную, до которой она доходила благодаря опыту и профессиональному чутью.

В 1944 году по заданию Государственного Комитета Обороны Модржинская проанализировала ситуацию, которая должна была сложиться сначала при пересечении Красной армией границ Германии и потом, после взятия Берлина. Вывод сделала уверенный: партизанской войны не будет, жители Рейха на нее неспособны. А вот отдельных вылазок — не избежать. Их следует ожидать не от прошедших вместе с армией полмира недобитых эсэсовцев, те постараются покинуть Германию, а от слабо или совсем неподготовленных молодых диверсантов, специально оставляемых в крупных городах. Однако они не представляют большой опасности в том случае, если советские гарнизоны — боеспособные и мобильные — останутся в больших населенных пунктах. Аналитический прогноз оказался абсолютно точен. Партизанской войны, как и предполагала Модржинская, у фашистов не получилось. Красная армия быстро продвигалась вперед, все ближе к Берлину, не слишком опасаясь диверсий в своих тылах.

В 1947-м Елена Дмитриевна заняла высокий пост — возглавила разведывательную школу. Через пару лет Модржинская вновь занялась оперативной работой.

Разведка довела до философии

А в 1953 году 43-летнего майора госбезопасности Модржинскую уволили из органов. Сослались на то, что в госбезопасности остается ее муж, полковник Гудимович. А Центральный комитет Коммунистической партии во главе с Никитой Сергеевичем Хрущевым против семейственности в органах. Майор возмутилась, припомнив, что в оккупированной Варшаве семейные узы совсем не мешали ей заниматься разведкой. Но возражения во внимание не приняли. Пришлось уйти.

Жизнь начиналась сначала. И пригодились Елене Дмитриевне навыки разведчика — аналитика. В 1953 году в Институте философии Академии наук СССР появилась новая сотрудница. Прошлого своего не афишировала. Но о нем все знали.

Член партии с 1940 года была энергична. Ее интересовали политическая философия и история политических учений. В 1964 году Модржинская добралась до научной вершины, считавшейся тогда труднодостижимой, — защитила докторскую диссертацию.

До самого ухода из жизни 4 ноября 1982 года она работала в ставшем родном — ей — институте. Заведовала сектором «Критики антикоммунизма». Сослуживцы и соискатели привыкли к резким, всегда взвешенным и обоснованным высказываниям профессора, члена Высшей аттестационной комиссии, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора философских наук (вон сколько всего!) Елены Модржинской, написавшей около двухсот и отредактировавшей сотни и сотни статей, в том числе и в популярнейших советских энциклопедиях. Она была среди основателей отечественной школы социологии.

С годами ее взгляды не менялись. Достойным продолжением этого направления явилась 392-страничная книга «Ленинизм и современная идеологическая борьба», увидевшая свет в 1972 году.

Популярный ныне политолог, философ и общественный деятель Александр Ципко пишет, что скончавшаяся в 1982 году Елена Дмитриевна Модржинская боролась против отходивших от марксизма-ленинизма и его незыблемых трактовок. Обойти ее, обладавшую несгибаемой силой воли и твердостью, было крайне сложно.

А семейная жизнь текла спокойно. Выбор в 1940 году в Варшаве был сделан верно. Брак с Петром Гудимовичем из тех, о которых говорят: и жили они долго и счастливо. Муж работал следователем, всегда был рядом.

Он скончался в 1993 году, пережив супругу на 11 лет.

«ГОМЕР» РАСКРЫЛ СЕКРЕТЫ БОМБЫ

Дональд Маклейн

Сразу договоримся, как правильно писать настоящую фамилию «Гомера» — члена так называемой «Кембриджской пятерки». Она произносится и у нас, в России, и у него на родине, в Великобритании, по-разному — Дональд Маклин или Маклейн. Казалось, что шотландское происхождение обязывает называть перебежавшего к нам 27 мая 1951 года разведчика именно Маклином. Но меня убеждали, что ошибаюсь. И тогда я спросил об этом Руфину Ивановну Пухову-Филби. Жена руководителя «пятерки» ответила без колебаний: «Ким называл его Маклейном». Да будет так.

С оперативными псевдонимами, не раз менявшимися за 17 лет его плодотворного сотрудничества с советской разведкой, гораздо проще. Он был известен маленькой группе кураторов как «Стюарт», «Вайз» (в переводе с английского «мудрый». — *Н. Д.*) «Лирик» и, наконец, «Гомер». Последние два псевдонима отвечали его духовному образу. Маклейн — «Гомер» был «Лириком» разведки. Но, несмотря на обаяние, он оставался суровым и не слишком разговорчивым, когда дело касалось его бурного и такого полезного для СССР прошлого.

О Доне, точнее о Дональде Дюарте Маклейне, родившемся 25 мая 1913 года в Лондоне и умершем в Москве 7 марта 1983-го на семидесятом году жизни, немало написано. И все же в основном известны его подвиги, совершенные в Британии. За них Дональд Маклейн награжден в 1955 году орденом Красного Знамени. В веке XX разведчиков держали в скромности, высокими наградами отмечали только самых выдающихся. А Маклейн и был одним из ценнейших агентов за всю столетнюю историю нашей разведки.

В этой главе я постараюсь напомнить и о его достижениях в разведке, чтобы читатели представили масштаб этой великой фигуры, и рассказать о почти тридцати двух годах жизни Дональда в Советском Союзе.

В этот период Маклейн на первый взгляд не совершал особых героических поступков. Но это — только на взгляд первый. Вживание и вгрызание в советскую действительность давались ему, как и всякому аристократу-иностранцу, мучительно. Дональд Дональдович, как с его же подачи называли Маклейна в Союзе, выдюжил. В отличие от некоторых

других своих коллег, вынужденных в силу различных обстоятельств искать спасения в стране, ради которой они почти всегда теряли всё. Кроме собственных убеждений. О том, как это было трудно, говорит хотя бы нередко повторявшаяся доктором исторических наук Маклейном фраза: «Я мог бы превратиться в алкоголика, а стал трудоголиком».

И за свои труды в СССР Маклейн получил еще один орден Красного Знамени — на этот раз Трудового. В наградном листе его представляют ведущим исследователем, доктором исторических наук, историком-международником. Как же трудно было такую честь заслужить иностранцу, еще в 1951-м не знавшему ни слова по-русски.

Казалось, ему предначертана другая стезя. Сын британского парламентария и министра образования, скончавшегося в 1932 году, сделал блестящую карьеру в Министерстве иностранных дел Соединенного Королевства.

Он и не собирался в дипломаты, веря, что принесет пользу как ученый и преподаватель. Но, закончив знаменитый, в том числе и благодаря его выпускникам из «Кембриджской пятерки» Тринити-колледж, где специализировался в политической истории и филологии, дал слово подчиниться интересам родины. Однако не Британии, а ставшей ему родной Страны Советов, агентом разведки которой Маклейн к тому времени уже являлся. Для СССР было важно иметь собственный источник в Форин Оффисе, и Маклейн подчинился пусть не приказу, а твердо высказанному его советским куратором пожеланию.

С нашей разведкой Дон сотрудничал еще с 1934 года.

Нет и не будет единого мнения по поводу того, кто же завербовал сына министра. Некоторые главным вербовщиком называют Кима Филби. Другие отдают предпочтение советскому разведчику-нелегалу Арнольду Дейчу. Третьи считают, будто друга Дона привел в советскую разведку его товарищ по «Кембриджской пятерке» Гай Берджесс, который в студенческие годы даже имел с Доном близкие интимные отношения. Или, что тоже возможно, за коммунистом Маклейном долго наблюдал со стороны еще один человек — школьный друг и соученик по Тринити-колледжу Джеймс Клугман. Ему, работавшему в Англии по другой разведывательной линии, в Москве доверяли, и когда британец дал рекомендацию Дональду — члену компартии Великобритании, в Центре Клугмана услышали.

Из всех этих версий самой слабой выглядит вербовка в исполнении Дейча. Он познакомился с Маклейном в конце 1934 года, когда тот уже работал на СССР, и для начала составил список представителей

истеблишмента, которых несомненно стоило бы попытаться обратить в свою веру. Список был настолько точен, что сомнений в оперативных способностях новичка не осталось.

Что касается трех остальных версий, то, по-моему, тут все слилось воедино: дружба с Кимом и Гаем, характеристика, данная Дону Клугманом, и, главное, политические взгляды кандидата на вербовку. Не только коммунистические, но и антифашистские. Маклейн сам шел в объятия Советов. И его желание помочь встретили с искренней благодарностью. Порекомендовав, как и требовалось в разведке, порвать с компартией, что Дон тут же и сделал.

На собеседовании в Форин Оффисе он признал увлечение левыми идеями модным поветрием, вывод из которого он уже сделал. Даже здесь Дональд не лгал. Выводы были действительно верны.

Тестовые экзамены при поступлении в МИД сдал блестяще, и вскоре третий секретарь Маклейн уже трудился в отделе, занимавшемся вопросами Бельгии, Голландии, Испании, Франции... За два года он показал себя блестящим сотрудником, получил новый дипломатический ранг и уехал в Париж. Общаясь с французами и установив такие нужные для Форин Оффиса связи с американцами, Дон передавал в Москву полезнейшую информацию.

Когда немцы напали на Францию, Дон понимал, что сопротивление французов будет недолгим. Но даже он не ожидал, что Франция потерпит столь быстрое поражение.

Во время эвакуации из Парижа, когда его соотечественники-дипломаты больше думали, как потуже набить чемоданы французскими духами и тряпками, Дон буквально накануне бесславной сдачи столицы жег и уничтожал секретные бумаги британского посольства. Потом вместе с женой-американкой Мелиндой они, загрузив багажник самыми важными документами, рванули в порт и на катере добрались до Лондона. Катер был самым последним, отчалившим из Франции, и... торпедным.

Для семьи Маклейн все это завершилось семейной трагедией. Беременная Мелинда отправилась рожать из воюющей Европы домой в Штаты. Но сказались тяжкие испытания: ребенок родился мертвым.

А проявленный молодым сотрудником Маклейном героизм в его министерстве заметили. Облеченный доверием, он работал теперь в центральном лондонском офисе МИДа, передавая в Москву мобилизационные планы Германии и Италии, попавшие в его руки сведения о возможных действиях немецкого вермахта против Красной армии, о неизбежности войны СССР с Третьим Рейхом, копии секретных

документов, которые только попадали в его руки или он сам прибирал их к рукам.

Где бы Маклейн ни был и что бы ни делал, он успевал через связника посылать в московский Центр горы информации. Она измерялась, и это не шутка, в коробках — целых 40 (сорок) штук, то бишь около 12 тысяч страниц. Маклейн научился фотографировать, а пленки в Лондоне и Париже передавал своей связной Китти Харрис.

Между ними завязались отношения, которые вскоре переросли рамки деловых. Центр смотрел на это сквозь пальцы: уж лучше своя Китти, чем кто-нибудь еще. Да и любовная связь объяснит то, почему симпатичный холостой дипломат иногда остается ночевать у дамы. Не рассказывать же любопытным, что иногда парочке ночи напролет приходилось заниматься не любовью, а проявкой пленок, которые Харрис переправляла в Центр. Связь с Харрис прекратилась — и любовная, и деловая. 10 мая 1941 года Маклейн оформил законный брак с богатой и потому независимой американкой Мелиндой.

Замечу, что если лидером по набору и важности переданных «Кембриджской пятеркой» секретов все время оставался Ким Филби, то до войны на условное второе место можно было бы твердо вывести Дональда Маклейна, а во время Второй мировой — разделить вторую ступень пьедестала между ним же и тихим, невзрачным «пятым» номером Джоном Кернкроссом, единственным из пяти простолюдином в «пятерке». С 1941 по 1945 год Центр получил от Дональда Маклейна 4593 документа. Трудно выделить наиболее ценный.

Сообщения Дона, особенно в послевоенные годы, отличались от информации его друзей. Тот же Филби, конечно, был невероятно важен, как стопроцентный разведчик, сообщавший Москве о планах чуть не всех секретных служб мира. Поэтому его бесконечно ценили в НКВД, НКГБ, МГБ и КГБ. Маклейн же был, скорее, стратегом. Его информация касалась глобальных проблем. Он передавал в Москву зашифрованную переписку Форин Оффиса с английскими посольствами, протоколы заседаний Кабинета министров, связанных с международными вопросами. Предсказанные им события разворачивались годами, если не десятилетиями. Знание глубинных стратегических планов помогало не только разведке, но и военным, советским дипломатам, экономистам, ученым.

Патриарх нашей научно-технической внешней разведки, атомный разведчик Герой России Владимир Борисович Барковский не раз говорил мне, что Маклейн с Кернкроссом первыми сообщили в СССР о планах

создании сокрушительного нового оружия.

По словам Владимира Борисовича, в начале осени 1941 года руководство внешней разведки срочно потребовало от всех своих зарубежных резидентур ставить в известность Центр о планах врага и союзников по изготовлению не совсем понятного для Москвы атомного оружия. И первыми на этот приказ откликнулись, правильно, Дональд Маклейн и Джон Кернкросс. Маклейн уже в сентябре 1941-го сообщил: центр по реализации атомного проекта перемещается в США. Англия остается в числе главных разработчиков, но основные события будут развиваться в Соединенных Штатах, куда отправятся ученые-физики со всего мира. Это позволило Москве оценить обстановку и сосредоточить усилия по добыче атомных секретов из американского города Лос-Аламоса.

Кернкросс тоже не подвел. Не мудрствуя лукаво передал без всяких комментариев секретный доклад своего шефа лорда Хэнки о возможности создания в ближайшие несколько лет атомной бомбы.

Но не только это в сообщениях Маклейна привлекло внимание товарища Сталина. Его заинтересовал похищенный и переснятый англичанином отчет Форин Оффиса об отношении лично к нему главы польского правительства в изгнании Владислава Сикорского и министров его кабинета. Москва поначалу поддерживала отношения с осевшим в Лондоне генералом. А тот нелестно, грубо отзывался о дядюшке Джо, позволил себе усомниться в высказанном Советами заверении об убийстве польских офицеров в Катыни немцами. И Сталин тут же порвал с Сикорским. Возможно, именно секретный документ от Маклейна навел Иосифа Виссарионовича на мысли о двуличии главы польского правительства, заставил задуматься, с кем будет Польша в послевоенном мировом устройстве.

Есть все основания полагать, что именно после разведсообщения Маклейна всякое доверие к генералу Сикорскому и его подкармливаемому англичанами окружению у Сталина пропало.

Руководитель советской внешней разведки Павел Фитин постоянно переправлял важнейшие документы, передававшиеся «Кембриджской пятеркой», трем адресатам: Сталину, Молотову, Берии.

Эти донесения ценили, несмотря на то, что порой московские аналитики разведки высказывали недоверие «пятерке». Уж слишком ценной, суперсекретной, по их мнению, была поставляемая информация. Не двойные ли агенты гонят ее в Центр?

И все же еще во время Великой Отечественной войны советское правительство в знак благодарности «положило» пятерым британцам

пожизненную и по тем временам достойную пенсию. Все пятеро, узнавшие об этом от своих лондонских кураторов, высококую честь отвергли. Все вместе и каждый по отдельности подтвердили в личных письмах, что работают не за деньги. А Гай Берджесс вовсе оскорбился, сочтя унижением саму возможность предположить, будто он рискует головой из-за каких-то фунтов.

Далее, в марте 1944 года последовала работа в Вашингтоне: Маклейн — первый секретарь британского посольства. В целях безопасности его псевдоним «Генри» сменили на «Гомера». Чтобы поддерживать связь с ценным агентом, осенью этого же года за ним в США отправился его лондонский куратор. Бдительный Маклейн старался резко ограничить круг своего с ним общения. Он вообще терпеть не мог смены связников, предпочитая работать только с людьми, пользующимися его полным личным доверием и не вызывающими раздражения командирскими замашками. Увы, иногда попадались и такие. Их по просьбе ценнейшего источника меняли.

И Маклейн, на которого возлагалось столько надежд, как всегда не подвел. Не ирония судьбы, а успех разведчика «Гомера»: в посольстве он курировал вопросы атомной энергии. Ему было поручено координировать усилия ученых Британии и США по созданию атомной бомбы. Вел работу столь тактично и умело, что руководители американского «Манхэттен прожект» относились к нему с не меньшим уважением и доверием, чем соотечественники из «Тьюб эллойз прожект». А что уж говорить о московских друзьях, души в «Гомере» не чаявших. В Москве знали всё или почти всё о политическом, военном и чисто техническом содружестве англосаксов. У Маклейна появился доступ к переписке и протоколам бесед «Капитана» (псевдоним Рузвельта) и «Кабана» (естественно, Черчилль). Это Маклейн первым передал в Центр сведения о плане американцев и англичан разделить послевоенную Германию на разные оккупационные зоны.

Не особенно сведущий в физике Маклейн сумел передать и чисто техническую информацию об уране, используемом в производстве атомной бомбы. В этой области американские ученые явно опережали британских коллег, славившихся знанием теории. Благодаря Маклейну паритет был достигнут и с англичанами, и, что более важно, с русскими.

Дональд быстро продвигался по карьерной лестнице. В 1948 году в 35 лет, небывало раннем возрасте для консервативного Форин Оффиса, Маклейна отправляют советником британского посольства в Каир.

И там впервые сотрудничество с советской разведкой у него не

заладилось. Радужное мое повествование должно обрести темноватые оттенки. Не сложились у «Гомера» отношения с каирской резидентурой. Да, ранг советника был высоким, но бурный поток материалов от Маклейна превратился в тоненький ручеек. Нет, «Гомер» не выдохся, не расхотел работать на Советы, но просто требовал к себе более внимательного отношения. А российские кураторы в Каире стремились им командовать — неумело и безуспешно.

Сказалось и напряжение. Позволю себе короткую ремарку. Срывы Маклейна если не оправданны, то понятны. 15 лет он вкалывал на советскую разведку без страха и упрека. Накопилась психологическая усталость, проявлялась раздражительность. Иногда Маклейн впадал в депрессию, выйти из которой пытался с помощью алкоголя.

Однажды затеял драку с коллегой по посольству прямо во время речной прогулки по Нилу. Вскоре он с приятелем вломился вусмерть пьяным в квартиру секретарши американского посольства. После этого визита от мебели остались лишь обломки. Угломонить «гостей» удалось только вызванной полицией. Маклейн засвечивался, привлекал к себе ненужное внимание.

Дональд, уже не способный держать себя в руках, написал короткое письмо в Центр. Просил отправить всю семью — его, согласную с этим решением мужа жену Мелинду и двух сыновей — Фергюса и Дона-младшего — в Москву.

В Министерстве госбезопасности просьбу «Гомера» оставили без внимания. После окончания Второй мировой войны источников у внешней разведки резко поубавилось. Понятно, было жалко лишаться классного агента. В Центре знали, что сотрудникам Форин Оффиса с высоким дипломатическим рангом долго засиживаться на одном месте не давали. Наверняка Маклейна ждало новое назначение. Из этого исходили в Москве, и не ошиблись. Вскоре его, досконально изучившего заморские реалии, вернули в Лондон.

Роковая ошибка московского Центра заключалась в ином. Разведчик чувал, что тучи над ним сгущаются. Вряд ли он предполагал, а может, все-таки слышал, что нелегал-невозвращенец Вальтер Кривицкий еще до войны предупредил англичан: против вас действует хорошо отлаженная советская агентурная сеть. Фамилий Кривицкий, для важности выдававший себя за генерала, не знал. Однако по его описаниям в одном из активных агентов угадывался при желании Ким Филби, в образе другого явно проступали черты Маклейна. Но грянула Вторая мировая война, да и предателя Кривицкого накануне ее убили в американском отеле. Кто —

неизвестно, хотя легко догадаться. Американские спецслужбы, чтобы обелить себя, были не против версии самоубийства. Она и возобладала. Опасность для «Кембриджской пятерки», казалось, миновала.

И в 1950 году как специалист по англо-американским отношениям Маклейн назначается руководителем американского отдела в Форин Оффисе. Несложно понять, какую ценность представляла для Москвы информация, переданная, можно сказать, непосредственным вершителем англо-американских отношений. Какие шаги готовятся предпринять американцы в войне с Кореей, будет ли применено, как в 1945 году в Японии, атомное оружие, какова позиция по этим вопросам британского правительства? На все эти вопросы Москва получала точные ответы.

Это лишь основные пункты того, что сделал тогда для нас Маклейн.

Предатели и олухи

Считается, что Маклейн попал под подозрение в мае 1951 года, о чем был вовремя предупрежден Кимом Филби. Это не так. Еще в 1948 году в США заинтересовались перехваченной телеграммой из посольства СССР в Лондоне. Элементарная техническая ошибка советского шифровальщика помогла гениальному лингвисту и криптоаналитику американцу Мередиту Гарднеру, годами бившемуся над разгадкой советских кодов, частично найти к ним ключ осенью 1949 года.

Другой гений разведки — Ким Филби внимательно наблюдал в США за попытками Гарднера проникнуть в тайны переписки между советскими посольствами и Москвой. Официальный представитель Сикрет интеллидженс сервис при ЦРУ Филби познакомился, а затем и подружился с мастером дешифровки. Обменивался новостями, заходил, что категорически запрещается в разведках всех стран, в специально оборудованный кабинет Мередита. Как, почему не было замечено это вопиющее нарушение? А по результатам этих визитов Ким передал нашему резиденту ошеломившее советскую разведку сообщение. Гарднер близок к разгадке наших кодов. Он даже сумел прочитать одно из донесений, в котором упоминался агент «Гомер». И американцы включили в список подозреваемых шесть тысяч сотрудников Форин Оффиса, среди которых предстояло этого самого «Гомера» обнаружить. Да, по-нашему, иголка в стоге сена, но искать ее начали со всей американской нахрапистой мощью. Хотя даже Филби не догадывался, что под оперативным псевдонимом «Гомер» скрывается его друг Дональд Маклейн.

Через несколько месяцев Центр получил еще одно донесение Филби. Гарднер проговорился: он почти вычислил агента. Всё, по его мнению, подтверждало, что «Гомер» работает в Форин Оффисе в Лондоне. И только тогда Филби пришел к выводу: видимо, это Маклейн. Американцам и англичанам догадаться об этом было гораздо сложнее.

Тут и британская контрразведка взялась за грандиозную проверку всего Форин Оффиса. Так как расшифрованная информация за подписью «Гомер» напрямую касалась американо-британских отношений, то в США не без оснований решили сосредоточиться на английских дипломатах, работавших в Вашингтоне. Тоже немалый пласт людей, но все же меньший, чем у американцев. Шел год 1950-й.

А что же Центр? Как отреагировали в Москве на предупреждения

Филби? Там решили, что всё не так страшно. Надо сохранять Маклейна на месте как можно дольше. Действительно, сложно искать иголку в стоге сена.

Но и Филби не мог знать: к концу вообще неудачного для советской разведки 1950 года подозреваемых осталось всего 35. В новом, 1951-м круг сузился всего-то до четверых. А вскоре до троих. Среди оставшихся был Маклейн.

Ждать дальше было невозможно. И чего — разоблачения? Филби решил действовать. Срочно предупредил Центр об угрозе.

Ким нашел выход. Это невольно следуя его плану, посол Великобритании в США решил досрочно отправить домой в Лондон Гая Берджесса. Последней каплей, переполнившей чашу терпения посла, стало хамское поведение пьяницы Гая, трижды за день нарушившего правила дорожного движения и вдобавок нахамившего американским полицейским. Гай и Ким торжествовали! Посол клюнул на их наживку.

В апреле 1951 года хулиган был выслан домой. Перед отъездом он поклялся Киму, что предупредит Маклейна и в случае необходимости поможет тому бежать в СССР. Вещими прозвучали слова Филби: «Если ты убежишь вместе с Доном, мне конец». После этих слов последовала еще одна клятва Гая обязательно остаться в Англии. Берджесса ни в чем конкретном не подозревали, но, это было понятно и ему, и Киму, если он тоже сбежит, то следующей главной мишенью контрразведки становится Филби. Все знали: Гай с ним неразлейвода, даже жил в его вашингтонской квартире.

Помощь Берджесса потребовалась. Маклейн был в смятении. Признался другу: он тоже чувствует, что за ним следят, доступ к секретным документам для него закрыт. Бойтся, что не сможет играть в молчанку и сломается на допросах. А вызова в контрразведку он ждет постоянно. Нервы не выдерживают. И еще: он не сможет бежать в одиночку.

Центр тоже был согласен: только побег. Поддержала Дона и жена Мелинда, ожидавшая рождения их третьего ребенка. Вопрос заключался в ином. Арестуют ли Маклейна тотчас же или после надвигающегося уик-энда?

Как и откуда бежать? Предупреждена ли иммиграционная служба о возможном и никак не санкционированном отъезде дипломата Дональда Маклейна? Самолет отпадал. Контроль даже в самых разгильдяйских аэропортах мира, не говоря об английском, всегда был строг. Подземного туннеля под Ла-Маншем в 1951 году еще не существовало и в смелейших планах.

Но вот почему резидентура согласилась с тем, что в провожатых будет Берджесс? Да, он оставался — пока — вне подозрений. Но, зная его дурной характер и вредные привычки, логичнее было бы выбрать кого-то гораздо более дисциплинированного.

А разве не мог на расстоянии незаметно сопровождать Маклейна невзрачный сотрудник советской легальной или нелегальной разведки? Единственным ответом будет — полный цейтнот, не хватило времени на разработку, обдумывание и обстряпывание такого варианта. Арест надвигался, становясь реальностью. Берджесс, так Берджесс.

Выход — или выезд — подсказал бывший контрразведчик, «четвертый» в «пятерке» — Энтони Блант: бежать только на одном из круизных кораблей, курсирующих между Англией и Францией по выходным. Там обычно не слишком соблюдают формальности. Если корабль идет под британским флагом, то документы проверяются в исключительных случаях. Судно, пусть и бросающее якорь в портах Франции, считается территорией Соединенного Королевства, в котором предпочитают не тревожить собственных граждан. И два солидных джентльмена вряд ли привлекут внимание пограничников.

Берджесс взял два билета на круизный корабль. Он был относительно спокоен: советское контрнаблюдение подтвердило ему: МИ-5 следит за Маклейном только в Лондоне, оставляя подозреваемого в покое уже на железнодорожном вокзале, откуда он отправлялся к семье на уик-энд. В его загородном доме в графстве Кент за Маклейном не наблюдают. Куда отсюда сбежишь? К тому же в пятницу 25 мая Дону исполнялось 38 годков. Предстояло отпраздновать день рождения в кругу семьи.

На взятой напрокат машине Гай добрался в пятницу вечером до Маклейнов. Громко представился прекрасно знавшей его Мелинде коллегой Дона по Форин Оффису Стайлом. Жена поняла: может, в доме установили прослушку. А вот чего не знали два друга — будущих беглеца: в понедельник 28 мая Дональда должны были вызвать на первый допрос. И то, что они вовремя успели, сбежали — чистое везение, случайность. Немного посидели за столом, Мелинда уложила двух своих мальчишек, спокойно уснувших, Дональд их расцеловал. В прихожей он громко сообщил беременной супруге, что они со Стайлом выпьют по кружке в баре и он вернется.

Чудом, опять-таки чудом, сменяя друг друга за рулем, они успели в Саутгемптон прямо к отходу круизного судна. Берджесс бросил машину на пристани: какая парковка, корабль уже отдавал швартовые. Ночь на корабле и вот он — французский городок-красавец Сен-Мало. И тут же на такси до

города Ренна, на поезде до всегда в густых шумных толпах парижского вокзала Монпарнас, оттуда до вокзала поменьше — Аустерлица.

Еще один поезд и вот она — швейцарская Женева, а затем и маленькая уютная столица Берн. В посольстве СССР в Швейцарии им выдали два английских паспорта. Ну, не совсем английских, а поддельных и на чужие фамилии. В маленькой Швейцарии все близко, и до Цюриха они добрались быстро. Там здорово рискнули: но в аэропорту к их британским паспортам и билетам до Стокгольма приглядываться не стали.

А зря: по пути предстояла посадка в Праге. В Чехословацкой Социалистической Республике беглецов, как и в Швейцарии, уже ждали. Товарищи из МГБ пожелали им счастливой посадки в конечном пункте «путешествия». Так что вечером в воскресенье 27 мая 1951 года Дональд Маклейн (уф!) и Гай Берджесс (ах...) уже были в Москве.

Сразу после исчезновения Маклейна на допросы были вызваны все, кто знал дипломата. Жена Мелинда в понедельник спокойно отвечала на вопросы сначала сотрудников Форин Оффиса, а затем и МИ-5. Да, вечером в пятницу муж после семейного празднования своего дня рождения отправился в паб с каким-то приятелем по министерству, что ее несколько не удивило. Мелинда уверяла: возможно, он, такое изредка бывает, загулял и скоро вернется. С беременной, буквально на сносях, женщиной особо не спорили.

Узнав об исчезновении Берджесса, контрразведка сделала естественный вывод: два шпиона сбежали из Англии. Определенную сумятицу в расследование вносили сначала телеграммы из Парижа, а вскоре сменившие их телеграфные послания из Бейрута и Каира, которые получали семьи Маклейна и Берджесса. В них Дон и Гай сообщали: с нами полный порядок. Советской разведке, чтобы запутать следы, было несложно посылать эти успокаивающие послания, приходившие в Англию до середины июня.

Только тогда в газетах появились статьи о побеге. Но и журналистам пришлось относительно долго разбираться в конечной точке маршрута. Высказывались разные предположения, наиболее близким к истине была Прага.

Не буду напоминать о последующей эпопее с Филби, Блантом, Кернкроссом... Вполне ожидаемо бегство Дональда отразилось на его брате Алене, работавшем в ООН. По «просьбе» Форин Оффиса он покинул дипломатическую службу, как и вообще ни в чем не повинный муж его сестры Нэнси. Филби по приказу американцев отправили из Вашингтона домой.

Началась чистка, затронувшая всех и вся, считавшихся когда-либо левыми или имевшими дело с двумя беглецами. Контрразведчик Питер Райт был одним из возглавивших расследование. Московский Центр должен быть благодарен этому мракобесу из СИС. Райту повсюду чудились агенты Кремля. С его подачи из СИС уволили десятки людей, в основном интеллигентных, имевших несчастье быть выпускниками Кембриджа — Оксфорда и когда-либо работать с парой перебежчиков и с Филби тоже. Деятельность Секрет интеллидженс сервис была — на время — парализована. Что ж, пусть так.

Чужой, но не совсем

А вот как сложилась жизнь Маклейна в СССР, известно не так много. Попытаюсь восполнить этот пробел.

Побег Дона Маклейна и Гая Берджесса можно считать фантастически удачным. Могли арестовать, однако везение, фарт, удача были на их стороне. Констатируем, что высшая справедливость все же восторжествовала.

Непонятно только, почему Берджесс, которого Ким Филби просил помочь Маклейну на начальном этапе долгого пути, а потом возвратиться в Британию, не долетев до Стокгольма, вдруг решил рвануть вместе с другом в Москву. Что это было? Нежелание бросить Дона, действительно находившегося как на грани ареста, так и нервного истощения на последнем отрезке опаснейшего путешествия? Уверенность в том, что его, с триумфом доставившего товарища в СССР, встретят фанфарами и каким-то образом (непонятно каким) обеспечат возможность вернуться домой, в Лондон? Чрезмерная самооценка — мне все по силам? Но, нет, не думаю. Да, Берджесс — дичайший разгильдяй, но и опытнейший разведчик. Ведь именно Гай Берджесс первым из пятерых еще в 1938 году выполнил поручение советских кураторов и благополучно внедрился в английскую разведку.

Побег Гая в Москву тем более удивителен, что в середине 1930-х годов он вместе с Энтони Блантом, «четвертым» из «Кембриджской пятерки», побывал в СССР. И обоим Советская Россия не слишком понравилась. Эрмитаж, культурные ценности, относительно доступные для народа, беседы со знаменитыми и тогда еще не сгинувшими в сталинских чистках революционерами Николаем Бухариным и Осипом Пятницким... И в то же время — тяжелые условия жизни, убогий, совершенно неустроенный по западным понятиям быт, и близко не сравнимый с британским, отсутствие привычных продуктов и одежды в магазинах. И, главное, советская бюрократия и уже так явно насквозь друзьями увиденный и распознанный культ личности отвратили обоих. Не случайно разоблаченный после побега Гая и Дональда Блант на предложение советского куратора бежать в СССР ответил решительным отказом.

Как могло понести в 1950-х в Москву Берджесса, неплохо знакомого с советской действительностью — полнейшая загадка. Ее уже не разгадать. Известно, что молодой советский связник в Лондоне «Питер», он же Юрий

Модин, еще в 1950 году по поручению резидента напрямую спросил Гая, как он смотрит на возможный переезд в СССР. Тот ответил, что никогда бы не смог жить в России. Зачем и почему он изменил свое решение 25 мая 1951 года?

А уж как подвел он совсем близкого друга Энтони Бланта, вроде бы соскочившего с подножки разведпоезда и после войны назначенного королем Георгом VI хранителем художественных галерей Его Величества. Ну а Кима Филби Берджесс просто толкнул в лапы британской контрразведки. Того самого Филби, который, рискуя репутацией и нарушая все правила конспирации, поселил запившего-загулявшего друга Гая в своей вашингтонской квартире. Вроде бы от греха подальше. Но Берджесс согрешил по-крупному.

По свидетельству Руфины Ивановны Пуховой-Филби, Ким так до конца дней своих и не простил Берджесса. Филби повторял: «Если бы не Гай, я мог бы работать, никаких подозрений против меня не было». Но когда Берджесс исчез вместе с Маклейном, британская контрразведка сразу же взяла Кима Филби в клещи.

Неужели непонятно было, что выпивохе и гомосексуалисту Гаю с его экстравагантными замашками было не прижиться в Москве? Без всяких сомнений, из этой тройки, в Союз бежавших, Берджессу в СССР пришлось сложнее всего. Да и КГБ с ним хлебнул вдоволь. А как могло быть иначе? В разговорах с Руфиной сам Филби потом вспоминал, что и в бытность дипломатом Гай привлекал к себе избыточное внимание. Чего стоило хотя бы его купание в белом выходном костюме под душем прямо во время чинного посольского коктейля. Гай вежливо втолковывал пристыдившему его Филби: «И что такого? Мне было жарко».

Представьте подобное в Москве при строжайших сталинских нравах 1950-х. Вот и я тоже не могу. Но, по воспоминаниям некоторых уже ушедших свидетелей, Берджесс позволил себе нечто подобное и в Москве. Когда Маклейн с Гаем были возвращены в столицу из Куйбышева, их стали приглашать в представительства некоторых социалистических стран. И Берджесс на приеме в посольстве КНР помочился в камин прямо на глазах чинных гостей.

Это с одной стороны. А с другой — какой английский контрразведчик смог бы выявить вот в таком гее Гае русского агента?

В СССР Филби, прибывший в Одессу на сухогрузе «Долматов» в январе 1963 года, и Берджесс, умерший 19 августа того же года в возрасте пятидесяти двух лет, не встречались. Не успели. Возможно, время сгладило бы обиду. Но Берджесс, скатившийся в алкоголизм, ушел рано.

Разведчик и писатель Михаил Петрович Любимов рассказывал мне, что в последние годы московского бытия Берджесс, несмотря на все запреты и приказы начальства с Лубянки, искал и нашел себе постоянного партнера: слесаря-водопроводчика, чинившего унитаза. А еще этот умелец брэнчал на гитаре и неплохо пел песни собственного сочинения. С ним потомственный дворянин, сын английского адмирала жил в беспробудных пьянках и полном согласии. Обоим на этом свете терять было нечего.

Постараюсь объяснить, почему Ким Филби не пришел к нему на похороны. Некоторые считают, будто был смертельно обижен. Был, но причина не в этом. Другие говорят: запретили начальники с Лубянки. Тоже не так, хотя гораздо ближе к истине. Руфина Ивановна говорит, что Киму о кончине Берджесса просто не сообщили. Скрыли. Иначе бы он обязательно пришел попрощаться.

И чтобы завершить тему Гая Берджесса, представлю свою, может, сугубо личную версию бегства. Никому и никогда не узнать, о чем говорили с Берджессом в посольстве СССР в Швейцарии или в пражском аэропорту. Известно лишь, что в Чехословакии его с Дональдом встречали не только местные, но и представители МГБ СССР. Что если они предложили Берджессу тоже отправиться в СССР? Было чем обосновать предложение. Как после возвращения не из Москвы, а хотя бы из социалистической Праги Берджесс объяснил бы свое отсутствие в Лондоне? Почему он оказался в компании предателя? Неужто просто помогал старому, сбежавшему в Москву другу? А если МИ-5 прижмет? И разве там работают сплошные дураки, которые так и поверят, будто опытный дипломат, в прошлом разведчик со стажем Берджесс не догадывался, что вывозил из Англии изменника и советского шпиона?

Как вам эта версия? Мне она представляется в принципе реальной. Ведь Берджесс мог расколоться на допросе. И тогда бы была раскрыта и арестована вся Кембриджская цепочка, в которую входили явно не пять агентов.

Против этой версии лишь одно, но какое тягчайшее возражение. А как же бесценный для СССР Филби? В этом случае он точно попадет под подозрение. И сумеет ли выкрутиться? Неужели готовы были пожертвовать и Кимом? Вряд ли. Он оставался по сути самым главным не агентом, а агентищем в Великобритании. Мог дорасти и до директора СИС. Другое дело Блант, как и «пятый» Джон Кернкросс, фактически отошедшие от дел. Маклейн явно выбыл из игры. Берджесс вряд ли бы удержался в МИДе после своей высылки из США, не говоря уже о помощи Маклейну.

И еще одно предположение, которое в основном попадает в трудях

британских исследователей. Они полагают, что МИ-5 специально дала возможность Маклейну бежать в СССР, опасаясь скандала. Но англичане смотрят на ситуацию со своей колокольни, точнее, со своего Вестминстерского аббатства. Если бы их контрразведка и захотела закрыть глаза на побег Дона, американские спецслужбы тотчас поправили бы ее на правах старших братьев. Ведь именно Маклейн работал в последние годы по существу против американцев. И те жаждали его крови. Маклейна через два дня после отплытия из Англии ждал допрос, на котором он, пребывающий в жалком, подавленном состоянии, точно бы раскололся. Нет, «Гомер» бежал совершенно оправданно с любой точки зрения благодаря помощи Берджесса и советской разведки.

Но все это версии. Не больше. Однако — и не меньше.

Филби в Англии на время выкрутился. А вот Маклейну и Берджессу в Москве как-то сразу не повезло. Конечно, их хорошо приняли, определили солидную по советским понятиям пенсию, но в столице не оставили. Кто-то внушил тогдашнему министру МГБ Семену Игнатьеву, что оставаться в Москве двум перебежчикам опасно. Вдруг выйдут на них, любящих выпить и повеселиться, англичане. А если соотечественники захотят Берджесса и Маклейна уничтожить? Семен Денисович Игнатьев был далек от разведки. Пост министра госбезопасности занял по чисто партийной принадлежности. Работая в органах, принимал на веру всё, что ему втолковывали прихлебатели. Этим, как они же подтверждали, и был страшен. Подмахнул подготовленный приказ: в целях безопасности отправить обоих в город Куйбышев.

Маклейну присвоили новые имя и фамилию — Марк Петрович Фрейзер, а Берджессу — Джим Андреевич Элиот. Извините, но даже имена-отчества дурацкие, сразу привлекающие внимание. Ладно еще, Марк Петрович Фрейзер — может, какой-нибудь еврей, хотя Маклейн был типичным шотландцем. Но Джим Андреевич будет похуже. Берджессу вежливо объяснили: псевдоним дан в честь известной английской писательницы Эванс, писавшей под мужским именем Джордж Элиот. Ну а Фрейзер — это в память о шотландском антропологе. Гай плевать хотел на все псевдонимы, Маклейну фамилия не понравилась, и я еще расскажу, как он от нее избавился.

Экс-дипломаты, работавшие в Вашингтоне, Париже, Лондоне... очутились в абсолютно закрытом тогда для посещения иностранцев Куйбышеве. Изоляция, неопределенность положения, оторванность от Британии и от чекистов, с ними раньше работавших. Никакого круга общения, кроме нескольких офицеров из областного управления

госбезопасности. Лишь не покидающие обоих мысли о бессмысленности такого существования. Кто мог дать ответ на их вопросы о будущем в закрытом Куйбышеве? Всё решалось в Москве.

Дон в отличие от Гая не роптал. И 28 июля 1952 года на стол ректора Куйбышевского педагогического института легло заявление, подписанное «Фрейзер». Не знавший русского языка Марк Петрович просил зачислить его на работу преподавателем языка английского. В принципе, когда-то давно, еще в юности марксист Маклейн собирался учить иностранному языку русских детей. Полагал, что «мировая революция должна завершиться по-английски. Русские люди должны знать английский язык».

К сожалению, куйбышевские студенты его не сразу поняли. Нет, они только на первых занятиях с открытым ртом смотрели на невиданного преподавателя, одетого в костюм непривычного стиля, да еще с галстуком-бабочкой. Но какой реакции было ждать в 1953 году от жителей закрытого города, куда никогда не ступала нога иностранца? Главное, непонятен был язык, на котором вежливо обращался к ним товарищ Фрейзер. Он был так не похож на английский, которому учили их прежние наставники. Наиболее упертые даже жаловались на Фрейзера в деканат.

Но преподаватели эти недовольства быстро погасили. Они-то поняли: вот у кого надо учиться. И Фрейзер давал консультации, пытаясь взамен освоить не поддававшийся ему русский. С некоторыми коллегами установились нормальные отношения. Уже в Москве люди из Куйбышева заходили к Фрейзерам домой, самые бесстрашные (вспомните, какие были тогда времена и годы) даже оставались ночевать. Хорошо, что они не видели глаз Мелинды. Какие ночевки, если вся семья с тремя детьми «ютится» пусть в большой, но, по английским нормам, совсем не многокомнатной квартире. Понятия о комфорте и уюте у Мелинды и новых русских знакомых абсолютно не совпадали.

Не уверен, что, попав в Куйбышев тех годов, и сам Дон был по-прежнему уверен в приходе мировой революции. Смерть Сталина в 1953 году пробудила у Маклейна надежду на лучшее. Однако ничего не изменилось. Постылый Куйбышев он и позже, уже в Москве, вспоминал недобрый словом.

И все же партийным убеждениям Дональд не изменил. И осенью 1956 года, уже в Москве, Марк Петрович Фрейзер вступил в Коммунистическую партию Советского Союза. Культ личности развенчан на XX съезде. И наступит новая жизнь.

А до этого Маклейн, потрясенный переменами в своей судьбе, поначалу пил горькую. Полагаю, что рассказчики не преувеличивали.

Великий разведчик «Гомер» понимал: возвращение назад исключено.

И славу богу, что вступивший в советское гражданство Маклейн-Фрейзер довольно быстро осознал, что надо не приспособливаться, не сгибаться, не впадать в алкогольное забытие, а жить жизнью общества, тебя окружавшего.

Хотелось бы мне знать: осознают ли люди, вступившие на труднейшую дорогу разведки и работавшие на противника своей страны, что такой исход если и не предопределен (бывают счастливые исключения), то весьма и весьма вероятен? Невозможно годами добывать секреты для других и при этом оставаться незамеченным своими. Расплата, неясно в какой форме, но когда-нибудь все же придет. Она может и задержаться, но в принципе неизбежна. Тут на помощь попавшим в сложнейшую ситуацию должна бы «прискакать» идеология. Верность юношеской мечте, понимание, что ты сделал все, что мог. Умение не оглядываться, переступить порог и идти дальше. Маклейну это удалось. Берджесс сломался и покинул мир раньше ему предназначенного. Аминь...

Я попытался отыскать следы пребывания этой пары в Куйбышеве. Но столько лет пролетело, изменилось всё, включая название города, которому, как выяснилось с годами, псевдоним присвоили тоже только на время, вернув прежнее имя — Самара.

Известно лишь, что Фрейзера и Элиота поселили в разных концах большого города. Кроме них, никаких англичан в закрытой зоне не проживало. Общаться двум не говорящим на русском языке экспатам — не с кем. Однако виделись они редко. Было что обсудить и о чем вспомнить, но оба предпочитали держаться поодиночке.

Устали друг от друга? Возможно, и это тоже. Но ведь общая беда сближает? В их случае этого не произошло. Они столько пережили и выстрадали вместе, что это, как бы ни казалось парадоксально, невольно отталкивало друг от друга.

Маклейн преподавал английский и учил русский. Берджесс наотрез отказался изучать язык страны пребывания. Пытался отыскать себе партнеров по сексу. В те годы гомосексуализм в СССР карался законом, но Гай порой находил того, кого искал. Уже тогда ему мерещилось, что когда-нибудь он сможет вернуться в Англию.

Дональд понимал, что все это — чушь. Зубрежка, общение со студентами, которых он, впрочем, ухитрялся с присущей ему холодной сдержанностью держать на определенном расстоянии, помогали быстро осваивать немислимо трудные азы чужого языка. В конце концов он единственный из троицы — Филби, Берджесс, Маклейн — не только

прилично заговорил по-русски, но и писал на нашенском сложные научные статьи. В Куйбышеве не хотел общаться ни с какими визитерами из разведки. Подыскал и благовидный предлог, прося дать время на изучение языка.

И хотя никаких официальных заявлений о том, что два знаменитых перебежчика живут в СССР, так и не последовало, еще в 1954 году Гая навестила мама, а к Дональду в 1953-м приехала жена Мелинда с тремя детьми.

Летом 1955 года пришло долгожданное избавление. Их вернули в столицу Советского Союза. В Москве Гай и Дон уже снова общались. Обменивались впечатлениями. Маклейн убеждал Берджесса, что здесь они навсегда, а тот грезил возвращением. Изредка и не всегда случайно сталкивался в ресторанах, а они были наперечет, с иностранцами. Не стеснялся представляться им не каким-то Элиотом, а собственным именем. Даже попросил известную английскую актрису заказать ему костюм у лондонского портного, что вежливая дама и сделала. Этими встречами и жил.

А Маклейн шел вперед. Дон Донович, так теперь обращались к Маклейну в Москве, общался с коллегами по работе, а иногда с разрешения Службы и с иностранцами. Зимой 1956 года им с Гаем устроили встречу с несколькими иностранными журналистами, где оба дружно объявили себя пацифистами, но никак не шпионами, нашедшими надежное убежище в мирной Советской стране. Еще больше, чем этим заявлением, иностранцы были удивлены их бодрым видом и прекрасно сшитым английским костюмам, хорошо сидевшим на «пацифистах».

Дон успокоился, почти порвал с дурными привычками, а если попростому, то бросил пить. Выполнял отдельные поручения разведки: составлял аналитические записки, анализировал политические ситуации, складывавшиеся в различных районах мира. Это дисциплинировало, заставляло держаться в тонусе. И попросил, потребовал работы. По настоянию Маклейна ее предоставили.

Публиковал статьи на международные темы под опять-таки неправдоподобным псевдонимом Мадзоевский. В сугубо тогда официальном журнале «Международная жизнь» он был консультантом. Правда, содержание мидовского издания казалось ему скучноватым. Хотелось чего-то более живого.

Один из материалов англичанин посвятил событиям 1956 года в Венгрии. И в отличие от почти всех, взявшихся за перо левых западных интеллектуалов, Советский Союз не осудил. Маклейн не был упертым

членом партии, однако в будапештском путче разглядел руку отлично знакомых ему западных спецслужб, о чем и написал в советском журнале. После этого переписку с ним прервали почти все западные «леваки». Но Маклейна это никак не смутило.

Вгрызание в действительность

И все же Маклейн томился без дела. Но просьба подыскать подобающую и обязательно постоянную работу была исполнена только в 1961 году. В мае в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) появился новый старший научный сотрудник Фрейзер Марк Петрович. Зарплату ему положили солидную, да что там солидную — прямо очень завидную — 400 рублей! А основанием для приема на работу послужило, обратите внимание, ни много ни мало «разрешение Совета министров СССР».

В престижнейшем институте Академии наук СССР простачки не работали. Аналитикам и ученым даже разрешали время от времени выезжать за границу, они всегда и во всем были в курсе. И новичок был тотчас опознан, как тот самый Дональд Маклейн.

К его приходу в институте отнеслись с пониманием. Знали, что в британском МИДе он руководил американским отделом, дослужился до ранга советника. Ну а то, что работал, чтоб не сказать «шпионил», на Советский Союз, заставляло относиться к товарищу со странной фамилией с еще большим уважением.

И Фрейзер его оправдал. К иностранному акценту быстро привыкли. Он обедал в простой столовой, общался со всеми, к нему не стеснялись обращаться с просьбой разъяснить непонятные советским людям западные реалии.

Слегка критиковали Дональда Дональдовича лишь за привычку к курению. Порой он выкуривал в день по несколько пачек. И добро бы чего-нибудь мягкого, иностранного. Имел же право приобретать в открывшихся магазинах «Березка» товары на валюту. Но он не хотел выделяться ничем. Дымил «Примой», губительной для легких.

Но что курение... Зато статьи Фрейзера по проблемам Европы, аналитические исследования политики современной Великобритании выделялись точными оценками, идеологической выдержанностью и глубинным пониманием.

В те годы защита диссертации порой превращалась в приключение с непредсказуемым концом. Многие способные соискатели так и оставались неостепененными. Их нещадно отсеивали научные советы, им ставили в упрек нехватку статей по своей главной теме, порой придирались к каким-то деталям биографии, вызывавшим сомнения у партийного руководства

институтов. Очереди на защиту растягивались чуть не на десятилетия. И каково же было горе соискателя, когда неожиданно или предсказуемо члены совета в процессе всегда тайного голосования закидывали претендента на научную степень черными шарами.

Дональд Дональдович с диссертацией не торопился. Писал статьи, делал доклады. И уверенно защитился в своем, постепенно становившемся родным ИМЭМО. Ни единого черного шара, все «за» — случай редчайший. С другой стороны, кому как не ему было стать доктором исторических наук со сложнейшей темой «Внешняя политика Англии после Суэца».

Человек под фамилией Фрейзер превращался в ведущего специалиста СССР по европейской проблематике.

Ну почему его надо было скрывать под чужим именем, когда все знали подлинную фамилию британца? И предполагаю, что с согласия кураторов из КГБ Фрейзер пишет в характерном исключительно бюрократически сухом стиле заявление на имя заместителя директора ИМЭМО: «Прошу впредь числить под фамилией Маклейн (точнее Маклэйн. — *Н. Д.*) Дональд Дональдович».

Много добрых дел совершил в своей жизни академик Евгений Максимович Примаков. Занесем на его счет еще одно. В качестве замдиректора ИМЭМО он накладывает 19 июня 1971 года краткую резолюцию на заявление: «Ст. научного сотрудника Фрейзера Марка Петровича впредь числить под фамилией Маклэйн Дональд Дональдович».

Маклейну удалось то, чего так и не сумел добиться выдающийся советский разведчик-нелегал Вильям Генрихович Фишер, до последнего дня своего не избавившийся от прилипшего к нему имени друга Рудольфа Ивановича Абея, которое он взял при аресте в США в 1957 году.

В Москве Абель-Фишер был полностью «закрыт» от всех западных спецслужб. А вот английская контрразведка знала о Маклейне почти всё, в том числе и где он в Москве проживает.

В 1964-м мать Дона умерла в Великобритании. И в день похорон полдюжины сотрудников СИС ждали появления Маклейна на кладбище Пенн. Неужели люди из контрразведки могли предположить, что «Гомер» пойдет на такое?

А вот на похоронах Гая Берджесса в московском крематории 19 августа 1963 года Маклейн появился. Без него зрелище было бы еще более грустным. Провожать Гая пришли офицеры из советских спецслужб, несколько сексуальных партнеров, включая гитариста-певца-водопроводчика — и всё. Вскоре урну с прахом переправили в Англию.

Такова была воля Берджесса. Его измученная алкоголем печень не выдержала. И тут напрашивается, по аналогии с гамлетовским изречением «Бедный Йорик», столь же трагическое: «Бедный Гай...»

Нельзя сказать, будто Маклейн приветствовал каждый серьезный политический шаг советского правительства. Оставаясь верным коммунистической идеологии, был убежден, как и Филби, что ввод советских войск в Афганистан ни к чему хорошему не приведет. Его раздражало, когда диссидентов помещали в психиатрические больницы, а литераторов преследовали за публикации в иностранных журналах. Обратился с личным письмом к Юрию Владимировичу Андропову с просьбой не преследовать братьев Жореса и Роя Медведевых, убеждая председателя КГБ не числить их в диссидентах. Потом еще не раз писал письма Андропову, протестуя против высылки Солженицына, лишения советского гражданства друзей писателя.

Но и к кухонному кругу недовольных Маклейна было не причислить. Верил в коммунистическую идею, борясь за нее методами, которые считал нужными. Порой отказывался писать статьи, оправдывавшие некоторые политические шаги СССР. Переворачивая ситуацию на свой лад, «отбивался» тем, что не хочет «участвовать в антисоветской пропаганде».

И работал, не щадя себя, даже тогда, когда врачи обнаружили у него губительное заболевание. Маклейна лечили лучшие врачи. «Гомер» держался.

Однако все годы после приезда в СССР жены Мелинды с тремя детьми Дональд Маклейн мучился с одной тяжелейшей проблемой. Было семье в Москве как-то неуютно. Казалось, что только любимый сын — Дон-младший разделяет его взгляды и хорошо вписался в нашу — и Дональда Дональдовича — жизнь.

Была ли Мелинда декабристкой?

В этой части главы о «Гомере» мне бы хотелось отступить от традиционной формы повествования о судьбах наших друзей-перебежчиков. Они знали, на что шли. И неважно, стали причиной деньги или убеждения, это был их личный, обдуманый выбор. Берджесс, пусть и умерев своей смертью, закончил в так и оставшейся для него чужой стране плохо. Филби спасла русская любовь по имени Руфина. Джордж Блейк, с которым довелось в разные годы общаться, шутя, говорил о себе: «Иномарка приспособилась к русским дорогам». Личное знакомство позволяет думать, что он лучше всех остальных вошел в нашу непростую жизнь. Знаю и еще об одном идейном бойце, много для СССР сделавшем. Он покинул этот мир по собственной воле, своим предсмертным желанием облаченный в форму майора Комитета госбезопасности. Еще один друг ушел из жизни, упав с крыльца дачного дома.

Вообще, «приживание» — тема отдельной книги.

Хочу и затрону совсем иное. Что остается женщинам — женам наших друзей? Знают ли они там, на родине, чем занимаются их любимые и какой державе теперь служат? Как живут с этим — не с мужем, а с чувством вечной опасности? Не будем трогать детей таких пар с их тревожным будущим. Понимают ли супруги разведчиков, агентов, шпионов огромную вероятность того, что рано ли — поздно ли им, возможно-вероятно, придется навещать мужа в тюрьме либо вместе с ним осваиваться в другом, совершенно незнакомом государстве?

Есть у меня свой ответ. Никогда не поверю, будто жена хотя бы не догадывается, чем на самом деле занимается ее муж. Скрывать это от супруги годами нереально. Может, не до конца, но женщина понимает, какую двойную ношу несет ее близкий человек. Конечно, придумываются легенды, отговорки, объяснения, однако все они зыбкие, на фоне суровой действительности меркнущие. Женщина всегда чувствует истину. Реальность начинается с кухни и заканчивается в постели. Это не Форин Оффис и не Госдеп. Тут нет места обману, который женами быстро раскрывается, здесь все гораздо сложнее и одновременно проще.

Да и все ли мужья скрывают от своих двойную шпионскую жизнь? Ведь женщина может помочь и обычно помогает. Редко кто слышал, чтобы она выдавала супруга контрразведке по идеологическим соображениям. По иной причине — да, и неоднократно: изменил не родине, а ей лично с

какой-нибудь красавицей. Так были раскрыты многие важные агенты.

Но одно я должен сказать твердо. Это не версия, а констатация. Не знаю случая, когда бы следовавшая за мужем в СССР супруга-иностранка осталась у нас навсегда. История Мелинды Маклейн тому подтверждение. Декабристок из самых любящих жен-иностранок не получилось.

Может, потому Филби никогда не доверял секретов женщинам. Он их любил, использовал, но, одержимый идеей соблюдения конспирации, никогда не допускал до разведки. Хотя и первая любовь Литци, и сослуживица по СИС Айлин, скончавшаяся от туберкулеза в 47 лет, наверняка знали и помогали. Третья жена Элеонора, с которой он вступил в брак в 1959 году в Лондоне, догадывалась. И не больше?

У Маклейна, думается, сложилось по-другому. В 1940-м, закончив довольно продолжительный роман с собственной связной Китти Харрис, он женился в Париже на американке Мелинде Марлинг. Обеспеченная, независимая, в те годы яркая Мелинда покорила суховатого шотландца своей недоступностью. Какое сожителство — 10 июня 1940 года они сочетались официальным браком в мэрии VII парижского аррондисмана (района), что недалеко от здания тогдашнего советского посольства, а ныне резиденции посла России.

И Мелинда превратилась в помощницу. Ее не смутило признание любимого Дона о сотрудничестве с НКВД. Обещала, невзирая ни на что, всегда оставаться вместе с мужем.

В подтверждение своей гипотезы напомним: в самом конце 1940-х годов в Каире Маклейн просил перевести его с семьей в Москву. И Мелинда об этом знала. «Гомер» ставил МГБ в известность: супруга к переезду-бегству готова. Разве это не подсказывает, что она все понимала?

Конечно, после его исчезновения из дома 25 мая 1951-го отрицала, что какое там знала, даже не догадывалась о связях Дона с Москвой. В июне благополучно разрешилась дочкой, которую она (или они с Доном) тоже назвала Мелиндой. Успевала успокаивать сыновей Фергюса и Донал ьда-младшего, которых настолько затравили в школе, что они вынуждены были прекратить учебу. Это и наскоки журналистов заставили миссис Маклейн обратиться с просьбой разрешить ей уехать из Англии и отдохнуть в обществе своей сестры на вилле на Лазурном французском Берегу. Согласие СИС было получено.

Перед отъездом оставшаяся с тремя детьми на руках женщина не выдала мужа ни единым словом. Отрицала всё. А допрашивал ее лучший британский следователь Вильям Скардон, расколовший, об этом чуть ниже,

нашего атомного агента немца Клауса Фукса. Скардон пытался загнать Мелинду в тупик сложными вопросами. Она упрямо и холодно молчала либо все отрицала. И Скардон поверил, напоследок попросив дать ему знать, если Дональд как-то проявит себя. Наивный профессионал высшего класса! Как бы не так!

Уже в июле, за несколько дней до отъезда Мелинды во Францию, ее мама получила сообщение: в швейцарском банке дочку ждет перевод на две тысячи фунтов стерлингов. Для тех лет — сумма немалая. Советская разведка своих в беде не бросала.

Кстати, именно такой стиль поведения в общении с контрразведкой, который применила Мелинда, проповедовал в написанном в Москве пособии для профессионалов Ким Филби. Доказательства должны предъявлять следователи. Выбить их — задача выдвинувших обвинения. Но при чем здесь допрашиваемый? И зачем ему признаваться, если улики только косвенные, а подозрения остаются только подозрениями?

На признание можно идти лишь тогда, когда следователь выкладывает на стол совершенно конкретную улику, являющуюся бесспорным доказательством. В случае с Мелиндой доказать ее вину при твердом сопротивлении было невозможно. Она выдержала.

Но это я резко забежал вперед. А в 1944 году Мелинда вместе с мужем переехала в США. В отличие от Дона обосновалась с сыном Фергюсом не в Вашингтоне, а в Нью-Йорке. Это дало повод сплетням: в семействе Маклейна нелады. Ничего подобного! Мелинда подстраховывала своего Дона. Его русскому связнику находиться в американской столице было опасно. Огромнейший же Нью-Йорк представлялся удобным и необъятным местом для передачи информации. Дон навещал беременную жену с сыном раз, иногда два в неделю, что позволяло встретиться с куратором в районе Манхэттена. Передавать информацию иным способом Маклейн считал рискованным и использовал жену, терпеливо его ждавшую.

Мелинда проявила верность и мужество, готовя побег Дона в мае 1951 года. Беременная, замученная постоянными срывами мужа, она сразу поняла: только бегство в СССР спасет его от ареста. А она уж как-нибудь продержится.

Продержалась. И дала понять советской разведке, что готова присоединиться к Дону. На чем свет кляня британских газетчиков, заседавших в Англии на нее и детей, переселилась в Швейцарию. Там, по словам Мелинды, ей с двумя сыновьями и двухлетней дочкой было спокойнее. Жила тихо, неприметно. И русские друзья ее мужа связались с ней, не привлекая внимания ни СИС, ни швейцарской полиции.

В сентябре 1953 года предупредила маму о поездке с ребятами на отдых во Францию. Но 11 сентября по пути туда доехала только до Лозанны. И, что удивительно для женщины такого высокого класса, без всяких сумок и чемоданов села в поезд, шедший до австрийского Брегенца. Оттуда по железной дороге добралась до Вены. И хотя Австрия не входила в число «навечно братских» нам стран социалистического лагеря, советские спецслужбы в те годы чувствовали себя здесь вольготно. И обеспечить оттуда доставку жены Маклейна с детьми в Москву труда не составило. 13 сентября 1953 года они благополучно приземлились в чужой столице.

В Швейцарии спохватились поздно. Да и нужна ли была СИС Мелинда с детьми? Мало кто предположил наиболее вероятное: сбежала в СССР. Газеты писали, будто она в Праге.

Но в Москве все же подстраховались. Вдруг какие-то иностранцы увидят Маклейна с семьей в аэропорту? И жену с тремя детьми встретили чекисты, доставили в гостиницу «Советская»

И это при том, что отношения между супругами еще до побега Дона несколько разладились. Мелинда — отнюдь не декабристка, и от Куйбышева — Самары далеко до сибирских руд. И все же женщина хранила долгое терпение, даже когда муж пребывал в Союзе не в лучшей форме.

По советским понятиям обижаться семье Маклейн было нечего. Уже в Москве маленькую квартиру им сменили на считавшуюся в высокой партийной среде шикарной Дорогомиловку. Жили неподалеку от гостиницы «Украина». Дети ходили в советскую школу и трудностей в освоении языка, в отличие от отца и матери, не испытывали. Дон-младший с гордостью носил пионерский галстук.

И только Мелинде было сложно прижиться в их по московским масштабам немислимых хоробах. Выезжать никуда нельзя. Дон поначалу отказался от государственной дачи и на лето снимал неказистую избушку. Только позже переехал в мидовский дачный поселок, где обстановка была скромной. Шофера не было, муж отверг и эту предложенную ему бесплатную услугу. Хотел жить, как все. Ведь марксисты, к которым он относил и себя, равнодушны к вещизму.

А Мелинда скучала. Не потому ли, внезапно нарушив все правила, дала в 1955 году интервью журналисту пусть и коммунистической, но английской газеты «Дейли уоркер», чей корреспондент подробно расспрашивал ее о московском житье-бытье. И хотя пребывание Маклейна и Берджесса в Москве было уже секретом Полишинеля, статья в «Дейли уоркер» стала первым, пусть и неофициальным подтверждением этого. А с

официальным выступил в 1956-м Никита Сергеевич Хрущев. Да, Маклейн и Берджесс действительно в СССР, и их просьба о предоставлении советского гражданства удовлетворена.

В сентябре 1963-го в Москву приехала третья жена Филби Элеонора. Ким уже девять месяцев находился в Москве. Первым гидом Элеоноры стала Мелинда. И если Мелинда еще как-то освоилась в Москве, то Элеоноре это никак не удавалось.

Я читал ее книгу «Ким Филби — шпион, которого я любила», написанную об этом периоде их с Кимом совместной жизни. Хотя жизни, как таковой, не было. Все попытки свыкнуться, как-то пристроиться разбивались о суровый, так казалось Элеоноре, и так и было на самом деле, московский быт. Она описывала нехватку продуктов. Рассказывала, как куратор Кима, одно время им был не кто иной, как впоследствии сбежавший в США Олег Калугин, приносил к ним домой пакеты с дефицитной гречкой. И Элеонора считала это недостойным ни страны, ни старшего офицера, вынужденного таким образом поддерживать ее с Кимом.

Развлечений было немного. Нехватку общения Элеонора пыталась компенсировать выпивкой, предпочитая всему остальному доступную русскую водку. Почудилось, что в Штатах с оставшейся там дочерью ей станет легче. Она задержалась в США, а вернувшись в Москву, поняла: между Филби и Мелиндой — роман.

Ким не ожидал ее возвращения. Его отношения с Маклейном, естественно, разладились. Промыкавшись в бесполезных ожиданиях, Элеонора навсегда покинула СССР в мае 1965-го. Она умерла через три года в США.

А Мелинда оставила своего Дона. И перебралась в квартиру Филби. Но и тут не заладилось. Не мне судить о причинах.

Я скрупулезно изучал жизнь Кима Филби в Москве после его встречи с Руфиной Ивановной летом 1970 года. Что было до этого, в чем причина разрыва Кима с Мелиндой, сказать не берусь. В 1966-м они расстались. У нее ни друзей, ни поддержки, одни укоризненные взгляды.

Вдумайтесь. Середина 1960-х: одинокая, всех бросившая и всеми брошенная иностранка в чужом городе. Да, немного говорила по-русски, но все равно — одинока. Что делать? И она вернулась к Дону Маклейну. А он, гордый, обманутый, ее принял. Их дальнейшее существование было необычным. Все же позже она ушла и жила, никому не нужная, отдельно от мужа и детей. Потом, и это видится абсолютной закономерностью, уехала в Америку. Не прижилась, да и не могла прижиться.

Наверное, Дон корил и себя в таком исходе. Он жил своей жизнью на новой родине, не сумев помочь самым близким — жене и детям, найти в этом существовании смысл и суть.

Да, декабристам было дольше и дальше ехать до сибирских руд. Но притом руды-то были родными. А из англо-саксонских жен наших разведчиков декабристок не получилось.

Брожение закончилось отъездом

Мы оба — Борис Евгеньевич Рябчиков и я — сыновья журналистов, начинавших в «Комсомольской правде». Наши отцы — дружили, а мы знакомы не были. Так что в определенной степени можно сказать, что нас свел Дональд Дональдович Маклейн.

Как и сын Маклейна — Дон-младший, Рябчиков поступил в Менделеевский институт. Познакомились «на картошке», куда по традиции первокурсников отправляли еще до начала первого семестра. Семейству Маклейн еще «не вернули» их фамилию. Высоченный парень представился Доном Фрейзером. Как и других здоровяков, будущего специалиста по радиационной химии определили грузчиком.

Студенческая дружба не прервалась и после окончания учебы. Рябчиков хорошо знал семью однокурсника, бывал у него дома и на даче. О подробностях московского житья-бытья семьи Маклейн мне бы хотелось рассказать устами Бориса Евгеньевича Рябчикова, человека доброго, наблюдательного и своих английских друзей любившего:

— То, что Дон пошел на радиационную химию, было достаточно странно, получил профессию несколько специфическую. А перед этим недобрал баллов в МГУ. Поступил к нам, на закрытый факультет.

Он был хороший парень. В детстве — пионер — всем ребятам пример. Старательный школьник, говоривший по-русски так, что акцента я не улавливал. Потом — хороший студент не только с дипломом, но и с профессией инженера, которая кормила.

Его иностранная фамилия нас не смущала. Фрейзер, ну и пусть Фрейзер. Знаете, мы, молодые, в то время лишних вопросов не задавали. Не принято было. Хотя и догадывались, кем были родители Дона, но точно, что и кто, не знали. Есть какие-то тайны, и бог с ними.

А преподаватели были в курсе, даже называли настоящую фамилию, которую мы пропускали мимо ушей. Понятно, что Дон — англичанин.

И когда преподавательница английского начала к нему прикалываться, мол, нечего выпендриваться с этим твоим лондонским прононсом, мы к ней подошли. Объяснили: «Да, он в общем-то англичанин, так что зря вы с ним так». Она, видимо, сходила куда-то, ей все растолковали, и Дона от занятий английским, чтобы народ не смешить и никого из преподавателей не позорить, освободили. А вот я, имея такого друга, ухитрился не выучить английский.

Начали общаться на картошке, и все годы учебы провели в одной крепкой компании. Дружили, начали ездить друг к другу в гости. Познакомились с родителями Дона-младшего — Дон Донычем и Мелиндой, со старшим сыном Фергюсом и младшей сестрой Мелиндой — она же Мимзи. Мы часто бывали у них, они — у нас. Мы и сейчас с ними переписываемся, общаемся по скайпу. Оказались в одном течении.

Дон-младший жил около Киевского вокзала в хорошем мидовском доме. Братья и сестра говорили с родителями и между собой по-английски. Отец Дона-младшего — Дональд Дональдович, его мы называли Дон Донычем, общался с нами на вполне понятном русском, а мать, Мелинда Францисковна, так она именовалась, говорила по-русски плохо.

Но мать из большой квартиры уехала. И мы как-то ездили к ней с Доном в гости. Жила Мелинда одна: где-то рядом с американским посольством. Угощала нас совершенно офигительным салатом из непонятных продуктов, не стандартных для советских людей.

У детей, оставшихся в квартире с отцом, всегда была домработница баба Надя, так что обходились.

А вот у Мелинды все было сложно. Уходила от Дональда Дональдовича к Филби, потом вернулась в семью, но не вышло. А женщина была очень приятная. Пыталась иногда что-то сказать, но не получалось. Видимо, как и у меня с английским. Либо не хотела учить, либо не выходило. Максимум могла в магазине объяснить, что ей надо. Раньше в мидовском доме на Большой Дорогомиловке сама ходила в продуктовый. И в гастрономе, видимо, догадывались, что лучше ей помочь.

По-моему, где-то в районе 1972-го мать Мелинда, по-нашему Францисковна, уехала домой, в США. Против этого никто никаких возражений не имел. Вот кому в СССР действительно делать было нечего. С одним разошлась, с другим сошлась, а потом разошлась и с другим. Тем более бедность ей там не угрожала. Когда уезжала, оставались на счетах какие-то суммы, которые за эти почти два десятилетия отсутствия выросли, и она могла вполне нормально жить на проценты. Плюс, как я понимаю, Дон Донович ей каким-то образом помогал. Но это чисто семейные вещи, особенно за пределы круга родственников не выходящие.

Начинался некий новый откат, набегала, набирая силу, очередная волна, может, и не эмиграции, а стремления к чему-то иному, неизведанному, казавшемуся не за семью морями, а относительно близко. Нет, на чемоданах Маклейны-младшие не сидели. Однако все чаще в разговорах проскальзывали темы, никакого отношения к социалистической родине не имеющие. Следы любви к России, если такое чувство и имелось,

стирались. Виноваты ли были советская бюрократия или брежневская тягомотная скука, сказать сложно.

Чувствовал я, что не прижился в Москве старший брат Фергюс. Как-то ему было тут не очень, не комфортно. Хотя, если не ошибаюсь, учился в МГУ. Но не смог Фергюс, а может, и не захотел преодолевать высочайший барьер в виде русского языка. Сначала обходился как-то так, а потом и это надоело, наскучило. Тянуло в другую среду — не только языковую. И когда мать упорхнула, Фергюс Маклейн решил последовать за ней. Что вскоре удалось. Отправился он к маме.

По-моему, Дон Донович эти первые отъезды воспринимал спокойно. Чувство вины перед близкими гложило не так остро. Кажется, его успокаивало, что часть семьи возвращалась в родные места. Он, думаю, и сам помогал жене и детям получить разрешение на выезд. Если не ошибаюсь, не обошлось без содействия друга семьи Джорджа Блейка, который знал всех и со всеми находил общий язык.

А потом задумалась о выезде и младшая сестра Мелинда. Она дважды выходила замуж, и оба раза за граждан Страны Советов. Но браки, что первый, а за ним и второй, не сумели примирить с действительностью. Сработал генетический код? Ведь Мелинду, звали мы все ее Мимзи, привезли в СССР совсем еще ребенком. Для нее родным был скорее русский, чем английский. Она не могла помнить ни дома в графстве Кент, ни Лондона. Разве что остались какие-то совсем детские впечатления от Швейцарии и Лазурного Берега во Франции. Но и Мелинду жизнь в Москве не устраивала. И сестра, родив дочку — тоже Мелинду, двинулась к маме в Бостон. Вот так и уехали из Москвы три Мелинды.

Так в Москве из всего большого семейства Маклейн с отцом оставался мой друг Дон-младший. Когда заканчивали Менделеевский, предстояло распределение. И Дон мне признался: ему предложили в разведку. Вызвали на другой этаж и предложили прямым текстом. Дон отказался, сказав, что не хочет иметь дела с такими вещами. (Может, видел, чем закончилась разведка для его отца и всего семейства?) Пошел в институт информации, здесь, на Соколе, недалеко от улицы Алабяна. До отъезда там и работал.

В 1971 году Маклейнам вернули фамилию, замененную на некоторое время по предложению компетентных органов. Прошло 20 лет. И Дон-младший объяснил нам, что по английским законам прошел срок давности, никто его отца в Англии преследовать больше не может.

Дон-младший жил со своей женой и существовал здесь спокойно. Супруга была ирландка — подруга его матери Мелинды. И была она существенно постарше Дона. Откуда она тут в Москве появилась — сказать

сложно. Была такая втушка, что понять, где правда из того, что она говорила, а где нет, было невозможно. Ходила какая-то версия об отце, участвовавшем в восстании на английском флоте. Я смотрел в энциклопедии — вроде ничего подобного не было. Но хрен ее знает.

Затем появилась вторая женщина, которая отодвинула ирландку. Нетта — она же Анна, она же Аннет, вот и Нетта. Очень хотелось ей уехать из СССР, но в Израиль в те годы выпускали редко, а выезжать в другие государства можно было только с мужем. В семьях всегда возникают сложности, когда у мужа с женой разный взгляд на жизнь. Дон-младший вроде бы не прочь был остаться, а жена хотела уехать. Годы убедили меня, что если супруги не разводятся, то побеждает точка зрения жены. Но расставанием и не пахло. Дон и Нетта до сих пор в согласии живут в Сан-Франциско. То они ко мне наезжают, то я к ним.

А тогда началось брожение. И если в юности многое сглаживали друзья, студенческая дружба, любовь к отцу, то с годами и набираемым опытом все это меркло, отходило, кроме любви к папе, на второй и еще более дальние планы.

Дон работал не на секретном предприятии — в открытом институте. Он и сейчас, как ни странно, существует, до сих пор издает реферативные журналы.

Мой друг снабжал меня периодически книгами по моей профессии. Но понемножку все шло к отъезду. И однажды Дон сообщил, что уезжает. И сколько мы его ни уговаривали-отговаривали, ничего не получилось: «Жена хочет». У него был ребенок от первого брака. И ребенка увезли.

Помню, очень помогал при отъезде Блейк. Я отвозил Дона-младшего и Нетту в Шереметьево. Блейк тоже приехал провожать на своей шикарной по тем временам «Волге».

В аэропорту мы с Доном-младшим обнялись, и он мне на прощание: «Ну, извини, мы пойдем».

Блейк повел их каким-то другим, необычным путем, куда-то мимо всех коридоров. И все вещи уехали как-то сами, без проверок. Блейк с Доном-старшим дружил. А с младшим — не очень. Блейк был крепким мужиком и однажды, по словам Нетты, начал к ней, ну, приставать, что ли. Она пожаловалась мужу, а мне часто повторяла: «Мы с Блейком больше не дружим». Дон ей поверил, насупился. А Джордж Блейк, по-нашему Георгий Иванович, все равно помог Дону-младшему уехать. Но как это делалось — не в курсе.

Было это в 1980-м. Или, может, в 1981-м? За год-полтора до кончины Дональда Дональдовича.

Спустя много лет мы с женой гостили у Дона в Америке. Я спросил его: «Почему ты стал с нами дружить?» И Дон ответил: «Я посмотрел — умненькие мальчики».

Все постепенно складывалось и вот сложилось. Суета улеглась, все было ясно, и я понял: а Дон Донович — он-то остается один. И надо как-то ему помогать. После расставания с Мелиндой он так и не женился. Работал в Институте мировой экономики. У него была уже другая домработница. Баба Надя ушла, на смену ей появилась Маргарита Германовна. Интересная женщина, в свое время отсидевшая за связь с иностранцами. Это было после войны, и поэтому она очень «нежно любила» советскую власть. И Дон Донович говорил мне, что мы с ней ведем такие идеологические споры. А может, не только... Кто знает.

Стал я Маклейну чаще звонить, а потом и заходить. Я рассказывал, что и в студенческие годы мы встречались. Разговорчивым Дон Доновича не считали. Был он с нами немногословен.

А вот когда остался он один, тогда сошлись мы поближе. Нужны ему были общение и помощь. Годы немалые — к семидесяти. Несколько раз отвозил и привозил его на дачу и с дачи. И был он, скажем так, сильно нездоров. Часто попадал в больницу. Всегда помогал Евгений Максимович Примаков. В больнице Дон Доныча подлечивали, и лет семь он прожил, борясь с раком.

Если и мучился одиночеством, то виду не показывал. Мы говорили о его детях. Он часто вспоминал о внучке, называл ее ласково и очень по-русски Мил ин душ кой.

Политика в наших беседах всплывала редко. Дон Донович далеко не во всем был согласен «с генеральной линией партии и правительства». Но в диссидента не превратился. Верил в светлые идеалы. Так ему хотелось верить, что все наладится, исправится. Что жизнь реально изменится. Понимал, что далеко не всё получилось по великому учению, но отказываться от своих взглядов не собирался.

Никогда, ни разу за все годы знакомства собственных заслуг не подчеркивал. Жил по средствам, получал хорошую зарплату и гонорары. Выписывал английские газеты, казавшиеся нам толстенными. Одевался просто, но со вкусом. Был у него свой естественный стиль. Дома предпочитал темных тонов свитера, на нем хорошо сидевшие. Никаких разносолов от бабы Нади, а потом и от Маргариты не требовал.

Раньше играл в теннис. Ходил по утрам на корты неподалеку от дачи. Но с годами сил становилось меньше, меньше... Болезнь грызла.

Уже когда и Дон-младший уехал, я помогал ему с хозяйством по даче.

И тут не скажешь, что за три десятка лет в Советском Союзе Дон Донович сделался мастером на все руки. Управляться с рубкой дров для него было тяжело. Да и баллоны с газом вызывали отвращение. Все это было не его.

Уже перед уходом неожиданно признался мне: еще до отъезда из Англии вложил деньги то ли в банк, то ли во что-то еще, что постепенно росло и приносило определенную прибыль. И, по его словам, СИС об этом знала. Но деньги были заработаны честным путем, а раз так, то по британским законам конфисковать их было никак нельзя. В словах Дон Доныча мне послышалась гордость. Может, и потому, что даже после разрыва с женой, как я говорил, мог помочь и ей, и другим родственникам.

Академик Евгений Максимович Примаков в своей книге написал очень хорошие слова про Дональда Дональдовича. Высоко ценил Маклейна как ученого. Посмотрите, вот храню его научную работу «Внешняя политика Англии после Суэца», издательство «Прогресс», Москва, 1972 год. А в Лондоне издали в 1970 году.

Жил и умирал он достойно.

На похороны никто из родственников почему-то не успел. Приехал на следующий день Фергюс. И увез с собой в Англию урну с прахом. Такова была последняя воля Дональда Маклейна. Сына британского министра и советского разведчика, ученого.

Высоченный, под два метра, он всегда возвышался над толпой.

P. S. от автора

О его уходе написали 11 марта 1983 года «Известия» — менее официозные, чем партийная «Правда».

В траурной рамке скромные 46 строк. Вот отрывки из некролога, подписанного «группа товарищей»:

«Д.Д. Маклейн родился и получил образование в Англии... Работая более двадцати лет в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, он внес большой вклад в изучение проблем мировой политики. Его работы по вопросам внешней и внутренней политики Великобритании получили широкое признание в научных кругах нашей страны и за рубежом... Д.Д. Маклейн неизменно пользовался всеобщим уважением и искренней симпатией».

И ни слова о его работе в разведке. Разве что одна эта строка: «Исключительно велики его заслуги в борьбе против фашизма».

Строги законы сурового жанра.

ВОТ ТАКОЙ ПОЛУЧИЛСЯ ФУКС

Клаус Фукс

Начинаю с признания, если хотите, даже с утверждения. Если бы не немецкий ученый — антифашист Клаус Фукс, работавший и в США, и в Англии над созданием атомной бомбы, не взорвать бы нам в августе 1949 года наше собственное изделие.

Может, и слишком категорично. Были и другие иностранные агенты — американцы «Млад» (он же Теодор Холл) и его соотечественник «Стар» из лаборатории Лос-Аламоса, руководители группы «Волонтеры», будущие Герои России супруги Моррис и Лона Коэн, «Кембриджская пятерка» или несколько реже упоминающийся британец Алан Мэй... Список можно легко продолжить, а еще смело приплюсовать к нему наших атомных разведчиков — Героев России Владимира Барковского, Жоржа Коваля, Леонида Квасникова, Александра Феклисова, Анатолия Яцкова...

Но и в этом ряду Клаус Фукс выделяется огромнейшим и бесценным объемом точнейших научных данных по атомной проблематике, откуда только не переданных советской разведке. Ученый, сбежавший из нацистской Германии, с декабря 1940 года работал в секретных атомных лабораториях Англии, США и снова Англии. По причине и личной скромности ему не хватало дерзкой гениальности отца атомной бомбы Роберта Оппенгеймера или прародителя бомбы ядерной Эдварда Теллера, но высочайший профессиональный уровень математика и физика-теоретика позволял немцу заглядывать в далекое будущее. Добывать материалы, которые помогали советским ученым избегать ошибок, допущенных в лабораториях Лос-Аламоса, Бирмингема и Хауэрла. «Их» временные потери и наш выигрыш во времени измерялись не только миллиардами, но и теми пятью-десятью годами, за которые нас, атомной бомбы до августа 1949 года не имевших, вероятнее всего, уничтожили бы.

В Англии в марте 1950-го Клауса Фукса осудили как советского шпиона на 14 лет. От более длительного срока спасло то, что Фукс передавал атомные секреты союзной во время войны державе — СССР. Британское правосудие это учло. Если бы англичане не заупрямились и экстрадировали Клауса в США, как грозно требовали американцы, все бы наверняка закончилось для Фукса электрическим стулом.

Где же в случае с Фуксом были наши? Ведь своих помощников в

разведке называли друзьями и обычно выручали. Проходило время и с помощью опытных юристов, оплату которых брали на себя, их обменивали, иногда под флагом других, понятно каких — дружественных нам в ту пору стран.

Судьба Фукса явно выбивается из общего ряда. Открестились, категорически не признали своим, когда в Лондоне официально заявили: «Ученый-атомщик Фукс передавал секретную информацию агентам советского правительства». 8 марта 1950 года официальный ТАСС на весь мир в типично знакомой жесткой манере оповестил: «Это заявление является грубым вымыслом, так как Фукс неизвестен советскому правительству и никакие “агенты” советского правительства не имели к Фуксу никакого отношения».

Наш верный друг тихо просидел в тюрьме девять с половиной лет из четырнадцати предназначенных и только в июне 1959-го без всякого нашего вмешательства и содействия был досрочно освобожден за примерное поведение. Ему предлагали остаться в Англии, работы над усовершенствованием атомной бомбы продолжались, но Фукс быстренько сел в самолет и приземлился в Германии. Но не в уже набиравшей силу ФРГ, а в ГДР.

Откуда упорство и преданность? Клаус Фукс родился в небольшом немецком городишке Рюссельхайме. Он сын лютеранского священника, защитника страждущих и угнетенных. Приход отца был в рабочем районе. Пастора, квакера Эмиля Фукса хорошо знали не только в Германии. Он ездил по Европе, был уважаем международным церковным сообществом. Вообще Клаус Фукс и его отец ассоциируются у меня с пастором Шлагом из знаменитого фильма «Семнадцать мгновений весны». Честные, ненавидящие фашизм, готовые пожертвовать собой, немного наивные и несколько отстраненные от грубой реальности.

С детства Фукс удивлял школьных преподавателей своим редким математическим даром. Без труда поступает в университет Лейпцига, где, как и многие молодые таланты, увлекается не только наукой. Его привлекают социалистические идеи, он сочувствует обездоленным и идет в этом дальше отца. Вступает в социал-демократическую партию. А отцу в это время приходится туго. Гитлер, пришедший к власти не без помощи иерархов католической и протестантской церкви, начинает гонения не только на служителей культа, но и на паству.

Что уж говорить о коммунистах, в ряды которых вступает и Фукс-младший. Чтобы избежать ареста, он одно время скрывается в Германии под чужим именем, переходит на нелегальное положение, но все равно

арест видится неминуемым.

В этот момент товарищи по партии предлагают талантливому математику продолжить учебу за границей. Тоталитарный режим, переполненные левыми и им сочувствующими концентрационные лагеря, а руководители Коммунистической партии Германии думают о будущем, когда падет режим Гитлера и новой стране будут очень нужны молодые ученые.

Не без помощи и соратников отца Клаус бежит во Францию, а затем отправляется из Парижа в Великобританию. Тут ему вполне заслуженно повезло. Физик Невилл Мотт, сначала скептически отнесшийся к предложению принять к себе в лабораторию неизвестного и ничем себя в науке не проявившего немецкого антифашиста, быстро убеждается: перед ним настоящий талант. Принимает его в аспирантуру, и Фукс, работая в невыносимом напряжении, через три года, уже в 1936-м, защищает диссертацию. Доктору наук — всего 25!

И вскоре Фукс в Эдинбурге работает под началом уже тогда знаменитого профессора Макса Борна, который в 1950-х получит Нобелевскую премию за достижения в области квантовой механики. Научная карьера Фукса развивается быстро. Клаус становится соавтором Борна по научным исследованиям, одним из любимых его учеников.

Тут опять в его судьбу вмешивается война с Германией, объявленная англичанами еще в 1939 году, но только после падения Франции докатившаяся до Британских островов. В Лондоне боятся засланных из Рейха шпионов и сажают всех немцев без разбора. Не щадят даже политэмигрантов. И в 1940-м Фукс попадает не в лагерь, как пишут некоторые его биографы, а в страшнейшую каторжную тюрьму на острове Мэн. В 1960-х годах здесь будет отбывать двадцатилетний срок и коллега Фукса по работе на СССР, тоже атомный разведчик и, в отличие от Клауса, будущий Герой России американец Моррис Коэн. Он, помотавшийся по многим тюрьмам Ее Величества, рассказывал мне, что режим на Мэне был строжайшим, кормежка — ужаснейшей, а климат — невыносимым. За всю историю островной тюрьмы из нее никто и никогда не убежал.

Вскоре Фукса переводят в концентрационный лагерь, нет, не фашистский, а канадский. Если бы не научные наставники Фукса, сидеть бы ему в Квебеке до конца войны. Мотт и Борн обратились с ходатайством к английскому правительству, подтвердив полную лояльность Фукса, а еще написали и о его ценности как ученого в проведении теоретических научных исследований в создании нового оружия. О том, что он член КПП, Клаус благоразумно помалкивал.

Тут же последовал новый, на этот раз благоприятный поворот на извилистом его жизненном пути. Бывший узник Фукс взят под крыло учеными, вплотную занявшимися созданием атомной бомбы в Бирмингеме. Клаус быстро доказывает, что это решение не было ошибочным. Он решает несколько теоретических математических проблем, которые помогают открыть путь к практическому созданию атомной бомбы. Немецкого ученого используют и для точного перевода разведывательных данных, которые англичане добывают в секретных атомных лабораториях Германии. Кстати, именно Фукс, тонко прочувствовавший разницу в подходе к созданию бомбы, смело сообщает в Бирмингеме о твердом выводе. Его соотечественники безнадежно застряли, избрали неверный метод, и сомнительно, что в ближайшие несколько лет им удастся создать атомное оружие. Ознакомившись с выводами Фукса, Оппенгеймер обращается к королевскому дому Великобритании с просьбой даровать немецкому таланту британский паспорт. Так благодаря научной исключительности Клаус со своим новым паспортом получает и полный доступ к атомным секретам.

Но еще до этого, в 1941 году Фукс предпринимает решительный шаг. Математик понимал, что обладание атомным оружием может привести к новому мировому противостоянию. На этот раз между США, Англией, Канадой и Советским Союзом. Союзники и не думали ставить в известность Россию об атомных планах, что, по мнению Фукса, было, ко всему прочему, несправедливо по отношению к стране, несущей главную тяжесть и огромные людские потери во Второй мировой войне.

Клаус по собственной воле ищет встречи с русскими. Позднее он признал: «Я в конце 1941 года связался с одним товарищем, который, как я полагал, мог передать имевшуюся у меня информацию советским представителям».

Товарища звали Юргеном Кучински. Немецкий политэмигрант придерживался таких же коммунистических взглядов, как и он. Клаус и Юрген с уважением относятся друг к другу.

Здесь нельзя говорить о вербовке в прямом смысле слова, ее не потребовалось. Кучински хорошо знали в посольстве СССР в Великобритании. Активист общества англо-советской дружбы часто приглашался на приемы. Охотно общался с дипломатами. Поэтому ему не составило труда прийти прямо к послу Майскому и сообщить: есть некий ученый-атомщик, который может вас информировать о важных работах, ведущихся в совершенно секретной области.

Майский, как дипломат, не мог брать это дело на себя. Пригласил

военного атташе и приказал заняться неведомым «инициативником». На встречу с Фуксом отправили помощника военного атташе Семена (по паспорту Симона) Кремера. Ясно, что это знакомство — кратчайший путь для установления связей с советской разведкой.

Интеллигентный, исключительно профессиональный военный разведчик Кремер выделялся среди остальных коллег по Главному разведывательному управлению, работавших в Англии. Было в нем нечто привлекавшее англичан. Он поддерживал прекрасные отношения со всеми не только по долгу службы, а искренне, душевно.

Судьба Кремера необычна. Армейский командир — кавалерист не думал — не гадал, что в 1938 году его абсолютно неожиданно отправят помощником военного атташе в Лондон. Понятно, что военная разведка не меньше других специальных служб пострадала от сталинских репрессий. Надо было искать замену из заграничных командировок отозванных, посаженных и расстрелянных. Коньком конника сделалась разведка.

Его новому подопечному Клаусу Фуксу присвоили оперативный псевдоним Отто. Кремер и Фукс быстро нашли общий язык. Они встретились четыре раза. И Отто передал Семену около двух с половиной сотен страниц секретных научных разработок, касающихся непосредственно атомной проблематики.

А когда летом 1942 года командировка Кремера заканчивалась, он, дослужившийся в военной разведке до полковника, не остался в центральном аппарате, а попросил отправить его на фронт. И хотя ГРУ теряло великолепного разведчика, просьбу не могли не удовлетворить. Родственники Семена Давидовича Кремера были растерзаны немцами во временно оккупированном Гомеле, и он мечтал отомстить.

Кремер командовал механизированной бригадой, геройски воевал, участвуя в окружении группировок вермахта в Курляндии. Он закончил войну командиром крупного танкового подразделения, генералом. За беспримерный героизм и осознанную отвагу Семену Кремеру в 1944 году присвоили звание Героя Советского Союза.

А когда Кремер уехал в Союз, Фукс снова обратился к Юргену Кучински. И тот связал его с родной сестрой Урсолой. Она, вошедшая в историю военной разведки под оперативным псевдонимом Соня, к тому времени уже была кадровой сотрудницей ГРУ. Работала еще в начале 1930-х в Китае с Рихардом Зорге. Да, это именно она работала в Швейцарии с резидентом военной разведки венгром Шандором Радо. В псевдонимах Урсулы можно и запутаться: Соня, Рут Вернер, Рут Бертон... И сколько их было еще.

Много позже, уже на склоне лет, Клаус Фукс писал об этом периоде: «В определенное время я должен был встречаться с другим товарищем, на этот раз женщиной. Причем каждый раз мы обговаривали и назначали новые места встреч, включая соответствующие опознавательные признаки».

За первой встречей в октябре 1942 года в Бирмингеме, когда Клаус передал Рут-Соне почти сотню страниц документов по атомному проекту, последовали другие. Они продолжались около года. Чаще всего встречались на опушке леса. Оба на велосипедах уезжали подальше от чужих глаз. Несмотря на весь риск, Клаус признавался, что предпочитал всем видам связи эти прогулки.

Соня же однажды любопытства ради заглянула в полученные бумаги. И ничегошеньки не поняла в этих «иероглифах».

Зато всё поняли в Москве. В этих сугубо технических документах неплохо разбирались советские физики, обнаружившие много для себя полезного и неведомого в 400 страницах полученных за год разведдонесений. Среди них и итоги исследований самого Фукса, и общие сведения о проекте. Выяснилось, что, к счастью для советской разведки, память Фукса была блестящей, прямо-таки фотографической.

Были довольны работой немецкого теоретика и руководители Манхэттенского проекта. Оппенгеймер лично попросил включить Клауса Фукса в состав группы британских ученых, которым предстояло подключиться к работе по изготовлению атомной бомбы. Сначала Фукс должен был обосноваться в Нью-Йорке, потом, возможно, переехать в какой-то научный центр. Где этот центр, Фукс не знал.

Предложил Соне: давайте попробуем держать связь через мою сестру Кристель (иногда ее называют еще и Кристи. — *Н. Д.*). Она выехала в Штаты в 1933-м, живет неподалеку от Нью-Йорка.

Предложение приняли, но, кроме того, Соня предусмотрела и вторую линию связи. Объяснила Фуксу, как он сможет отыскать нового связного «Раймонда» — советского агента в Нью-Йорке Гарри Голда, и сообщила пароль, который тоже пригодился. Материалы Фукса Голд тотчас передавал молодому сотруднику советской, теперь уже внешней разведки — Джонни — он же Анатолий Яцков.

Источнику присвоили новый псевдонимом «Чарлз». Первые пять месяцев все шло гладко. Информация от Фукса, хотя он большей частью работал в Чикаго, поступала регулярно. Так в Москве узнали о строительстве завода по производству урана в Оук-Ридже. Но потом Фукс внезапно исчез. Его искали через сестру Кристель. Однако и ей удалось

выяснить лишь одно: с братом, уехавшим из Нью-Йорка, все в порядке, сейчас он трудится где-то на юго-западе США.

Фукс сумел подать долгожданный знак лишь через несколько месяцев. Он в святая святых Манхэттенского проекта — закрытом суперсекретном городке Лос-Аламосе. В 1945 году ему невероятным образом удалось передать ценнейшие сведения по атомному проекту. Работа по созданию бомбы успешно продвигалась и, как уверял Фукс, близилась к завершению. Особенно ценны были данные ученого об использовании в атомной бомбе зарядов из урана и плутония.

Что еще передал Фукс Советскому Союзу? В Центре была получена его детальная информация о химзаводе, производящем плутоний. В июле 1945 года в Москве получили сведения об испытании американцами атомной бомбы на полигоне в пустыне Аламогордо. Американцы настолько доверяли Фуксу, что он присутствовал при этом взрыве.

Курчатов изучил присланный неведомым ему помощником сравнительный анализ действия котлов с воздушным и водяным охлаждением. Мне же кажется, что самое важное из переданного Фуксом — это принципиальная схема водородной бомбы. Трудно поверить, но Фукс дал информацию и о ходе работ над бомбой водородной. Сведения от Фукса, и это признают многие российские советские ученые, позволили СССР приступить к работе над термоядерным оружием даже раньше, по крайней мере не позже, чем это было в США.

После войны в июне 1946 года Фукс вернулся в Англию. Причина банальная: англичане хотели иметь собственную атомную бомбу. Американцы не возражали, только вот необходимой технической документации не предоставляли, и британцы быстренько вернули своих ведущих ученых, к которым относился и Клаус Фукс, в английский ядерный центр Хауэлл. Там Фукс возглавил отдел теоретической физики.

Его включили в комиссию по противоатомной обороне Соединенного Королевства. Что же в его новый «английский период» передал Фукс Советскому Союзу? В Центре была получена его детальная информация о химзаводе, производящем плутоний. Он сообщил о планах строительства нескольких предприятий по разделению изотопов. В Москве с огромным интересом приняли сведения о результатах испытания американцами атомных бомб нового типа в районе тихоокеанского атолла Энивиток. Курчатов изучил присланный неведомым ему помощником сравнительный анализ действия котлов с воздушным и водяным охлаждением.

В Англии Фукса принял на связь Александр Феклисов. Александр Семенович рассказывал мне о Фуксе, с которым он продолжал работать

еще четыре года вплоть до ареста Клауса.

О трагической, иначе ее не назовешь, судьбе Фукса мы долго беседовали с патриархом нашей научно-технической разведки Владимиром Барковским. Он считал Фукса фигурой выдающейся. Причем так до конца и не разгаданной, не во всем и не всегда понятной. Владимир Борисович признавался, что его, детальнейше анализировавшего дело Фукса, брала горькая досада. Сам он знаком с Клаусом не был, но изучал его деятельность по сообщениям своего коллеги, долго с Фуксом работавшего. Читал и сегодня закрытые для нас донесения и документы. Барковский искренне считал, что в провале Фукса мы сами сыграли некую неблагоприятную роль, которая и заставила Клауса признаться: да, передавал сведения русским, чтобы установить атомный паритет.

Владимир Борисович и слышать не хотел, будто агента разоблачили американцы, расшифровавшие коды советских шифрограмм. Уверял меня: эта операция, называвшаяся «Веной», на след Фукса навести не могла!

Но в чем тогда состоял наш просчет? Что привело к аресту? У Героя России было свое, более глубокое и осмысленное объяснение:

— Считалось, что на Фукса навел его связник — «Раймонд» — американец Гарри Голд. Однако к моменту ареста Фукса ни англичане, ни американцы не имели никаких конкретных данных для предъявления обвинений. До момента, когда Фукс признался, что работал на Советский Союз ради сохранения атомного паритета, никто ничего толком не мог доказать. Суть в ином. Фукс годами жил в тяжелейших условиях. Встречи с советскими друзьями были столь мимолетны. Получилось так, что волею тяжелых обстоятельств советские разведчики с ним вообще не общались. Связь с ним осуществлялась через американских граждан. Фуксу было не с кем посоветоваться, пожаловаться, да просто поплакаться в жилетку. Но он оставался преданным своему и нашему делу. Семьей обзаводиться при таком жутчайшем риске не счел возможным. По существу, он оставался одиноким волком на утыканной минами дороге.

Лишь иногда, после возвращения из Штатов в Англию, он встречался с сотрудником МГБ-КГБ, будущим Героем России Александром Семеновичем Феклисовым. И как рассказывал Александр Семенович, при общении с ним Фукс отходил, доверял ему свои тревоги и печали. Феклисов, человек тонкий, пытался помочь, чем только мог. Но видел, что на новую встречу Фукс приходит задумчивым, порой удрученным. В 1946 году провалился наш агент английский ученый Алан Мэй, выданный предателем. И тут многих англичан-атомщиков американская контрразведка начала прощупывать. Американцам казалось, что утечка

информации исходит как раз из группы английских исследователей. Едва ли не все они попали под подозрение.

Понятно, зацепили и Фукса. Бывшего, как было американцам известно, социалиста. Считается, будто ни англичане, ни американцы о коммунистическом прошлом ученого в военные годы не знали. Бытует мнение, будто секретные архивы наци сгорели, были уничтожены. Время и исследования ученых, разведчиков доказали: сгорело не всё и совсем не дотла. И Барковский допускал, что после войны, когда документы, хранившиеся в тайниках нацистских спецслужб, попали в руки западных союзников, тайна Фукса была раскрыта. Об этом не говорилось на суде. Да и к чему? Зачем выдавать источник информации? Но, похоже, к концу второй половины 1940-х английская контрразведка, получившая данные о коммунисте Фуксе из гестаповских архивов то ли Гамбурга, то ли Бремена, стала внимательнее присматриваться к немецкому ученому, получившему британское гражданство и допуск к секретам в июне 1942 года.

Фукс рассказывал Феклисову, что в Хауэлле вокруг него сложилась тяжелая психологическая атмосфера. Тучи сгущались. Конкретных данных на Фукса, поводов для глумления не было. Лишь неясные подозрения. Но травили умело. Прощупывали его почти в открытую, так, что это заметили и другие ученые. Коллеги вовсю сочувствовали, добросовестно сообщали Клаусу: «Тебя в чем-то подозревают, но мы в тебя верим и будем защищать до последнего». Человека, по существу, приперли к стенке. Не доказательствами — психологически. Учитывая эту тревожную обстановку, связь с Фуксом пришлось прервать.

Прошло еще немного времени, и Фукса стали вызывать на допросы. Им занялся уже упоминавшийся в этой книге лучший британский следователь из МИ-5 Скардон, тот самый, который пытался расколоть и некоторых членов «Кембриджской пятерки». Равных Скардону в умении выжать человека до последней капли в Англии не было. Но и он уже было решил отказаться от бесполезных допросов Клауса Фукса. И тут, совершенно неожиданно, Фукс сломался. Удалось все же выдать из него признание. Вот как впоследствии объяснил причину своего поступка сам Фукс: «Я пользовался таким доверием со стороны моих английских друзей. Если бы меня разоблачили, в их глазах я выглядел бы предателем. И чтобы остаться верным им и науке, я решил признаться». И признался.

Уже потом, годы спустя Ким Филби писал в своей книге для специалистов разведки, что Фукс допустил страшную ошибку. Проанализировав все документы его дела, Филби пришел к точному выводу: никаких доказательств вины Фукса у Скардона не было. Все дело

основывалось на зыбких подозрениях. Филби несколько раз подчеркивал: признаваться в таких случаях никогда не надо. Если даже следователи считают вину агента доказанной, это совсем не значит, что суд примет их аргументы и вынесет наказание.

Но Фукс признался и получил 14 лет.

Существует версия: Фукса выдал его американский связник Гарри Голд. Барковский считает это предположение ошибочным. В разговорах со мной подчеркивал, что не хотел бы бросать тень на Фукса. Но, на его, Барковского, взгляд, тут в значительной степени не исключается и другая вероятность. Фукс невольно, даже не подозревая об этом, навел на Голда.

Однако это лишь предположение Барковского. Достоверно одно. Девять с половиной лет были навсегда вычеркнуты из жизни человека, столько для Советского Союза сделавшего.

Фукс, уехавший в Германскую Демократическую Республику, вел себя достойно. Занял важный научный пост. Вел огромную общественную работу и все время ждал. Надеялся, что о нем вспомнят советские друзья. А однажды, когда приехал в Москву в составе научной делегации ГДР, старался вечерами пореже покидать гостиницу. Надеялся: вот сейчас к нему придут те, с кем он так долго и успешно работал. Не пришли.

Откуда это известно? Об этом не раз говорил мне Герой России Александр Семенович Феклисов. Ему рассказала об этом в конце 1980-х в Дрездене жена Фукса Маргарет. В Дрезден Александр Семенович, не склонный к догмам и всегда принимавший самостоятельные решения, приехал, уже выйдя в отставку. Он разыскал семью Фукса. Долго беседовал с Маргарет, которая была откровенна. Ее муж так долго ждал, что объявятся его товарищи, друзья, для которых он столько сделал. Феклисов принес Маргарет извинения. Только от себя лично. Как говорил он мне, и я верю в это свято, сходил с Маргарет на кладбище, встал на колени перед могилой друга Клауса, положил к подножию скромного памятника букет цветов. Этим дело и ограничилось.

БОГ ПРОСТИЛ И ПОМОГ

Иван Михеев

В годы Великой Отечественной войны на помощь народу и разведке пришла Православная церковь.

Слышал о загадочном разведчике — священнослужителе от своего старшего друга А.З., который знал многих. С некоторыми строгий А.З. даже не то что знакомил, а заочно, по телефону представлял меня, журналиста. А там уж — как сложится. Так встречались потом годами с полковником Павлом Георгиевичем Громушкиным, изготовившим документы и для Николая Кузнецова, и для Абеля — Фишера, и для сотен других. Встретился однажды в жизни с полковником без фамилии, приводившим после войны в чужих краях вместе с женой в исполнение смертные приговоры, вынесенные палачам и предателям.

С подачи А.З. с Иваном Ивановичем Михеевым договорились увидеться в Центральном доме работников искусств. Уже тогда несколько обшарпанный, с виду старомодный ЦДРИ по-прежнему оставался пристанищем для интеллигенции и интеллигентов, не разбогатевших в изменчивую эпоху сокрушительных реформ. Я и сейчас навещаю в этот не сдавшийся торговцам и рестораторам бастион культуры, никак не смущаясь скрипучими потемневшими полами и потертыми красными дорожками.

На сохранившемся бело-синем билете, приглашавшем в октябре 1997 года на выставку художников-разведчиков, имена все тех же Абеля, заслуженного работника культуры РФ Громушкина, псевдоним живописца — одного из будущих Героев России, и имя Ивана Михеева...

Замечу, что многие разведчики отлично рисуют. Отношу это к необходимой для профессии наблюдательности, твердой руке, умению разглядеть то, что другим недоступно. К тому же некоторые нелегалы успешно работали в «особых условиях» именно под прикрытием живописи — занятием вольных людей, представителей свободной профессии, освобожденных от постоянной обязанности ежедневного хождения на работу, зато вольных в передвижении по свету.

Почему-то сразу узнал Михеева. Был он и по виду типичным русским батюшкой с большой окладистой бородой. Ему бы крест вместо галстука и, пожалуйста, хоть сей момент на службу в храм Божий. Не благословлял, а

спокойно отвечал рукопожатием на приветствия знакомых ему художников-разведчиков. Еще отличали его от священника шесть колодок наградных планок на пиджаке. В 1997-м фронтовиков было, царство им небесное, еще немало, и Михеев вполне вписывался в общую картину.

А его собственные картины были солидны, основательны, сделаны крепко, доброту и кистью уверенной. Поговорили. Художник, разведчик, в годы войны священнослужитель обещал узнать, можно ли рассказать о его военных подвигах. Упомянул, что в трудные годы был заброшен в Калинин, где провел «в оккупации определенное время не без пользы для Службы». Сейчас он полковник в отставке. Ответ даст скоро.

И вскоре действительно позвонил А.З. с извинениями от Ивана Ивановича. Почему-то я так и предполагал: «Раскрывать Михеева рано, надо еще немного подождать, не пришло время».

Были действительно некие обстоятельства, которые позже стерли бегущие годы и события. Коротко, но рассказали в своих книгах о Михееве — оперативный псевдоним «Михась» — столпы внешней разведки Зоя Воскресенская-Рыбкина и ее начальник Павел Судоплатов.

Да и Михеев, что случается с людьми его профессии нечасто, успел написать воспоминания, опубликованные в журнале «Наука и религия». В них, кстати, опровергнуты некоторые факты, приводившиеся историками, пытавшимися самостоятельно разузнать о подвигах разведывательно-диверсионной группы, в которую входил Иван Иванович. Кроме того, открылись кое-какие архивы. Сняты даже телевизионные фильмы, имеющие нечто общее с действительностью.

С миру по нитке — Михееву не литературный памятник, а небольшая глава этой книги, дань памяти ему и священнослужителям, спасавшим родину в годы войны, особенно в страшных 1941–1942 годах.

Не случайно, что задумала операцию именно Зоя Ивановна Рыбкина. Своеобразный мозг внешней разведки, она одной из первых поняла, что против оккупировавших значительную часть страны немцев надо действовать нестандартно. Уж очень силен был у гитлеровцев аппарат подавления. Репрессии наваливаются, настигая и виновных и безвинных безжалостно. В их загребуемые сети попадают — порой случайно — даже опытные чекисты.

К тому же, давайте признаем, не ждали на Лубянке и в Кремле, что служить врагам пойдет столько своих — вернее прикидывавшихся своими. Считалось, будто благодаря чисткам потенциально возможная пятая колонна в СССР уничтожена, нейтрализована. Немалое количество людей, точнее, нелюдей, не только тайно стучавших немцам на соотечественников,

но и с оружием в руках жестоко подавлявших партизан, подпольщиков, каравших мирных жителей за любое неповиновение, явилось для высшего и не высшего советского руководства открытием печальным.

Требовалось придумать и испробовать нечто новое, фашистскими спецслужбами нежданное. И когда по обычным для разведки каналам до Рыбкиной довели информацию, что епископ Василий, по паспорту Василий Михайлович Ратмиров, 1881 года рождения, обратился в военкомат с просьбой отправить его на фронт, у Зои Васильевны созрел план, сначала несколько расплывчатый, а затем воплотившийся в довольно стройную, одновременно рискованную, однако исключительно правдоподобную легенду.

Не собираюсь в книге о легендарных разведчиках подробно разбирать отношения государства и церкви, сложившиеся в довоенную эпоху. Воспитывалось, насаждалось безбожие, священнослужителей преследовали, церкви закрывались, разрушались, превращались в склады, казармы, иногда и конюшни. Казалось бы, понятно, как должны относиться служители культа к властям. А тут патриотический порыв священнослужителя в почетном сане Ратмирова, которому далеко за пятьдесят, желавшего послужить Отечеству на фронте и защитить от фашистских супостатов православие. А не сможет ли церковь послужить прикрытием для разведчиков?

И епископ был тотчас приглашен на встречу. Но не на Лубянку, там обстановка для бесед на церковные темы совсем не располагала, а на квартиру Зои Ивановны. В своей книге «Под псевдонимом Ирина» Воскресенская-Рыбкина пишет, что беседа с глазу на глаз продолжалась несколько часов. И когда опытный чекист поняла, что патриотизм у Ратмирова искренний, «спросила его, согласится ли он взять под свою опеку двух разведчиков, которые не помешают ему выполнять долг архипастыря, а он “прикроет” их своим саном».

Епископ задумался. Подобной просьбы или предложения он не ждал. Расспрашивал о задачах разведчиков. Высказал требование: Божий храм ни в коем случае не должен быть осквернен кровопролитием. И Рыбкина не моргнув глазом заверила, что у разведывательной группы другие задачи. Выяснение намерений фашистов, наблюдение за передвижением их частей, выявление немецких шпионов.

Зоя Рыбкина лукавила. Или, скажем по-другому, сознательно скрывала, что истинные цели разведывательной группы будут иными. Город Калинин, ныне Тверь, во время встречи Зои Ивановны и Ратмирова еще обороняла Красная армия. Но удастся ли его удержать? В этом в

Центре были не уверены. Осторожно предполагали, что немцы готовились его во что бы то ни стало взять, устроив в Калинин важный и последний перед взятием Москвы форпост, куда бы прибывали из Рейха фашистские бонзы для участия в намечавшемся военном параде у кремлевских стен. Некоторые данные разведки подтверждали это предположение Рыбкиной и ее прямого начальника Павла Анатольевича Судоплатова. И разведгруппе отводилась в этом критическом случае роль совсем иная, далекая от чисто наблюдательной.

Террор — вот что должно было ожидать Гитлера, Геринга, Гимmlера и прочую нечисть, которая могла бы прибыть в Калинин накануне взятия Москвы. Чтобы не привлекать излишнего внимания, не светиться, мелких немецких офицеров и будущих бургомистров разведгруппе приказали не трогать.

К чему долго объяснять: задание по террору могло стать смертельным. Вырваться из города после совершения громких актов возмездия ни спутникам Ратмирова, ни ему самому не удалось бы.

К счастью, для страны и для разведгруппы события развернулись по другому, тоже предусмотренному Рыбкиной и Судоплатовым сценарию. Остановит Красная армия наступление вермахта, и тогда разведчикам предстояло вести наблюдение за немецкими войсками. Проникать во враждебное окружение, завязывать связи, выявлять агентов и шпионов, добывать любую информацию, полезную для Москвы. Для этого в город отдельно от троих мужчин в церковном обличье проникнет женщина-радистка.

Согласие епископа на сотрудничество было получено. «Прикрыть», по выражению Рыбкиной, разведчиков Ратмиров предложил как двух своих помощников. Но предупредил Рыбкину: «Для этого им надо основательно подготовиться». Только время поджимало, а успеть — надо было во что бы то ни стало.

Из Михеева — в «Михаси»

22-летний Иван Иванович Михеев, включенный в эту операцию под псевдонимом «Михась», вовсе не был «выпускником авиационного училища, служившим с начала войны сержантом госбезопасности истребительного батальона войск НКВД», как пишет Рыбкина.

Действительно, за несколько лет до войны поступил в Ейское военноморское авиационное училище, но сталинским соколом стать ему было не суждено.

В 1939 году его, как и сотни комсомольцев, ждала профессия другая. Старые чекистские кадры были выбиты чистками, Наркомату внутренних дел требовались молодые способные ребята, к числу которых и отнесли Ваню Михеева.

Он прошел трудную и всестороннюю проверку. В последний момент зачисление в НКВД зависло на волоске. Пришлось доказывать, что его семья не кулацкая, как было записано в каких-то неведомых документах, а происходит он из твердых середняков. Проверили, поверили и приписали к Главному экономическому управлению.

Проявил способности, и в 1940 году Михеева перевели уже в более престижную внешнюю разведку. Яростно учил английский. Собирались в конце 1941-го отправить Ивана в Иран или Афганистан, где должен был работать под легальной крышей.

Но грянуло. И Михеева определили на время в истребительный батальон НКВД, где он без видимой пользы отслужил несколько недель. Думал, о нем забыли. А ведь до этого уже полтора года проработал в НКВД, поднабрался опыта. Сейчас идет война, а никакого к нему интереса: проверяет, как налажена ночная охрана, патрулирует улицы, в надежде поймать немецких парашютистов или тех, кто наводит самолеты с крестами на военные объекты. Поэтому первый в жизни вызов к высокому руководству на Лубянку — сразу к начальнику управления по работе в тылу врага — Михеева и обрадовал, и удивил, и насторожил.

Как и первые же вопросы, заданные ему известным всей разведке комиссаром 3-го ранга Павлом Судоплатовым и привлекательной, довольно молодой женщиной, позже он узнал, Зоей Рыбкиной: «Как относитесь к религии? Есть ли верующие в семье? Бывал ли в церкви на богослужениях и знаком ли с православными обрядами? Сам-то — крещеный?» На все это, как и на всем и на каждом шагу задававшийся в те годы вопрос: «А

немецкий знаете?» — ответил твердым и честным: «Нет».

Тут же выяснилось, Рыбкина и Судоплатов решали, кого из двух кандидатов взять в группу, которая должна работать в тылу у немцев под «церковным прикрытием». Выбрали Михеева. Был он в ответах правдив, быстр, никакой неприязни к церкви, в отличие от другого кандидата, не высказал.

Наутро Михеева познакомили с командиром разведывательно-диверсионной группы, будущим резидентом, капитаном Василием Михайловичем Ивановым. Тот тоже был не слишком в курсе предстоящего. Но им быстро разъяснили: в тылу у немцев вы, иподиаконы, будете помогать настоящему епископу вести церковные службы. Ну, и, конечно, заниматься разведкой. «Может, архиереями станете», — рассмеялся Павел Анатольевич, не предполагая, что вещей шуткой определяет судьбу Михеева на долгие-долгие годы.

Возникла масса сложностей. Иванов с Михеевым были далеки от церкви настолько, насколько только можно было. Как себя вести в храме? Как молиться? А они ни единой молитвы не знали. Ладно, если есть шанс как-то обмануть немцев, не понимают они Россию с ее православием. Но своих, русских, настоящих верующих не проведешь. Значит, малейший промах и конец легенде? Донесут, арестуют, допросят... И уничтожат вместе с епископом, о котором говорил Судоплатов.

Сомнения решительно рассеяла Рыбкина. Понятно, что времени почти нет. Но вас обязательно всему научат. За это возьмется сам епископ.

И тут же на горизонте появился Василий Михайлович Ратмиров. Он по отдельности побеседовал с Михеевым и Ивановым. Отношения с ним у Михеева, да и у капитана Иванова сложились сразу. И между двумя разведчиками — тоже. Сблизили опасность, предстоящее общее дело.

Как же уважительно пишет Иван Михеев в своих записках о епископе Василии. Столько испытаний, риска, вынужденных и непредвиденных поступков, а в адрес Ратмирова — ни единого упрека. Только благодарность за умелое приобщение к Богу и к новой профессии. Именно профессии, потому что немолодой, не очень физически крепкий Ратмиров занимался с разведчиками, не щадя себя. Они это поняли. И отвечали на его старания смирением и усердием. Каждый день на квартире у Зои Ивановны владыка Василий обучал своих помощников — членов разведгруппы — всему тому, что было необходимо знать для участия в архиерейских службах, и многим другим церковным премудростям. И только церковное облачение примеряли в кабинете у Судоплатова. Занимались часами, иногда до изнеможения. Рыбкина все время поторапливала: мало, мало

времени!

Не только заучивали молитвы, но и с помощью наставника вникали в их суть. Тут не ограничилось Отче наш. За этой главной молитвой пошли и другие. Но когда добрались и до них, выяснилось, что даже длинные, такие как молитва Василия Великого или псалом Давида — заучивались легче, быстрее. Наступили понимание, радость от приобретенного. Вникнув в суть, запоминать стало легче.

Несмотря на близость фронта, московские храмы не закрывались. Наведывались в разные церкви, налагая на себя знамение. Ратмиров показывал, как правильно ставить и зажигать свечи, подходить под благословение не только к нему, но и к другим священникам. Особенно непросто было научиться помогать вести службу.

Разведчикам, они об этом говорили только между собой, чудилось, что верующие порой смотрят на них как-то косо. Неужели догадывались? Ратмиров это понял. И однажды «невзначай» пояснил, что все начинающие, даже паства, впервые приходящая в храм, чувствуют себя неловко. Ничего, со временем пройдет.

На первые занятия приходил и незнакомый двум разведчикам паренек-радист. С радиоделом у него было все в порядке. А вот с верой... Числил себя в истовых безбожниках, всячески это свое презрение выставляя. Когда в очередной раз исковеркал слова молитвы, Ратмиров спокойно сказал ему: «Спасибо, вы свободны».

А Василий Иванов и Иван Михеев, по оценке строгого пастыря, за месяц многое освоили. Насколько правдоподобно, предстояло выяснить уже в Калинин, куда решением главы Русской православной церкви Василий Михайлович Ратмиров был назначен епископом Калининским и Кашинским.

С трудом, используя все связи НКВД, добыли необходимые для проведения служб церковные одеяния. Пришлось обращаться за ними даже в краеведческие музеи. Ратмиров тщательно примерял одежды. От некоторых, чересчур дорогих, отказался: расшиты камнями, нам не по чину.

Шла середина августа. Надо было срочно перебираться в Калинин, чтобы верующие поняли, что назначенный еще в период советской власти епископ не бросает их в час испытаний. А немцы бы оценили, что священнослужители в отличие от значительной части горожан не ушли вместе с покидающей Калинин Красной армией, их выбор остаться здесь осознанный.

Обстановка на фронте складывалась неблагоприятная. И что бы ни

писали «Правда» с «Красной звездой», на Лубянке сложилось понимание неизбежности сдачи города. Разведывательно-диверсионную резидентуру туда завезли в последний момент. Чуть не разминулись с митрополитом Николаем (Ярушевичем), успевшим объявить верующим, что к ним назначен архипастырь, которого он просит любить и жаловать. Николай уже выходил из храма, когда только прибывший епископ Василий с ним облобызался, а Михеев с Ивановым поспешно подошли под благословение. Митрополит Николай быстро умчался в Москву, а 12 октября Калинин оставили все части Красной армии.

В городе на два-три дня наступило безвластие. Начались повальные грабежи магазинов, государственных зданий, частных домов. Били стекла, тащили всё с оставленных складов, из учреждений и лавок в основном те, кто ждал прихода немцев, надеялся прожить и под ними.

Только церковь мерзавцы не тронули. Василий Ратмиров вместе с Ивановым (оперативный псевдоним «Васько») и Михеевым («Михась») успели провести церковные службы и при Советах, и при безвластии. Верующие приходили. Чувствовалось, что владыка Василий пришелся им по душе.

Руководитель группы Васько встретился с радисткой, которую успели-таки подобрать вместо скандального атеиста.

Бывшей служащей московского Центрального телеграфа Любви Алексеевне Бажановой — псевдоним «Марта» — исполнилось 23 года. Прошла коротенькую подготовку. Ей быстро втолковали то, что должна была знать любая верующая. И радистка, и прихожанка из нее получались неплохие. Но хотя еще до Калинина чекисты знали, что к молодым женщинам немцы пристают, насилуют, угоняют в Германию, действительность оказалась еще хуже, чем в Москве представляли. Не давали солдатня, полицаи, вся нечисть никакого прохода женщинам. И по подсказке Васька Марте пришлось изображать старуху, мазаться углем, золой, покрывать голову старческим грязным платком. А вот встречаться с разведчиками ей оказалось на первых порах неожиданно просто. Она не пропускала богослужений, прослыла верной прихожанкой владыки Василия и, приходя в церковь, получала от Васька текст радиограмм. Немцы Марте не трогали.

Пока была рация, моментально передавали шифровки через Бажанову. Увы, дом, в котором она снимала угол, был позже разбит при авиационном налете. Рация осталась под обломками. Это затруднило работу. Корили себя и начальство. Ну как можно было отправляться на неизвестно сколь долгое оседание с одной радиостанцией? Пришлось на время у себя дома устроить

тайник. Хранили в нем добытые сведения, записанные условным, им одним понятным кодом.

Разбомбили и церковь Покрова Пресвятой Богородицы, где прошли первые богослужения. Епископ, его помощники и за ними паства облюбовали городской собор. О владыке пошла среди верующих лестная слава. Заботлив, со всеми доброжелателен, очень доступен. И совет даст, и ласковым словом ободрит. Верующие в надеждах не обманулись. И к двум иподиаконам отношение сложилось доброе. Молодые, подтянутые, может, не слишком и разговорчивые, они являли пример строгости и скромного послушания. Было в них еще одно притягивающее: мужчин такого возраста в городе почти не оставалось. В собор потянулись и девушки.

Жаль, но у младшего по возрасту иподиакона обнаружилось нездоровье. Однажды прямо во время службы, уже при оккупации, случился у него припадок. Вдруг начал задыхаться, упал, изо рта пошла пена. Хорошо, что не растерялась какая-то женщина. Подбежала, испугавшись, что язык завалится и служба задохнется. Типичный эпилептический припадок.

Его умело имитировал Михась. А как иначе было дать понять пастве, а заодно и немцам, почему здорового — с виду, только внешне — парня не призвали в армию? И, предупредив владыку и напарника, разыграл целое представление. А пульс довел до высокого неимоверным усилием воли. В эпилепсию поверила и та самая первой подбежавшая к нему прихожанка.

Что оказалось исключительно важно. Православная немка Елена Рудольфовна Линде работала помощником бургомистра Калинина. Давно жила в городе, где трудилась врачом. Знала в Калининне если не всех, то многих. Михеев в своих записках утверждал: «По нашим сведениям, гестаповка по профессиональной принадлежности». Часто бывала на богослужениях. Тут, не исключая, была и вера. И наверняка приглядывалась к владыке Василию. По подсказке чекистов он посвятил усердную прихожанку в историю собственной жизни. Главное, на что клянула Линде, легенда о заключении непокорного священника в лагерях под Сыктывкарком в начале 1930-х. Это, по мнению осведомительницы, зачисляло епископа Василия в стан врагов советской власти, открывало дорогу немцам к его вербовке.

Существовал определенный риск, что СД может проверить факт отсидки, чего и близко не было. Об этом знали высокие церковные сановники, некоторые из которых переметнулись на сторону фашистов. Однако Бог помог и на этот раз. Положение на фронте было нестабильным. Забот у немцев хватало, поверили на слово.

Разведывательная группа попала в условия тяжелые. Храмы подвергались бомбежке. Жить было негде. Голодали, и не выжили бы, если б не благодарная паства, приносившая, пусть по крохам, скудное пропитание служителям Божиим.

Решили идти к бургомистру, обратившись к нему через Елену Линде. Она, имевшая собственные планы на использование владыки, охотно согласилась устроить встречу. Решили, что епископа Василия будет сопровождать Михась, признанный эпилептиком. Васько, пышущего здоровьем, оставляли в тени. К чему лишние вопросы о призыве в армию, да могли и отправить здорового мужика на принудительные работы в Германию. И с тех пор на все встречи с чужими Ратмирова сопровождал Михась.

Беседа с бургомистром, бывшим полковником царской армии, в офицерском кителе без погон, продолжалась недолго. Линде представила владыку как борца с Советами, просила помочь. Бургомистр согласился выделить продовольствие, помочь с ремонтом храма.

Подкинул им бывший полковник еды: кормили епископа и двух его помощников только хлебом. Зато благодаря энергии Ратмирова и его спутников удалось оборудовать городской собор для богослужений. Разведчики торопились. Требовалось полностью легализоваться, добывать сведения: надо было общаться с паствой, привлекать еще больше прихожан, завоевывать их доверие, заводить конфиденциальные беседы.

Это удавалось. Выясняли, кто остался верным патриотом, а кто добровольно работает на фашистские спецслужбы. Очерчен круг лиц, сотрудничавших с немцами втихую. Эти были особо опасны. Маячила надежда, что наши отобьют Калинин, и фашисты, конечно, заранее готовили приобретенную агентуру на оседание. Разведчики добыли информацию о штабах немцев, расположившихся в Калинин, о численности местного гарнизона. Узнали, что хранится на военных складах. С тревогой заметили: из своего тыла фашисты перебрасывают в Калинин пополнение.

Чутко следили за настроениями в городе. Признаться, они часто менялись в зависимости от побед и поражений Красной армии. Откуда только узнавали жители о положении на фронтах? Отобраны были все радиоприемники, но сарафанное радио работало и, удивительно, пусть с определенными перекосами то в ту, то в другую сторону, однако бесперебойно и относительно безошибочно. На непрерывные вопросы горожан, что же будет, владыка отвечал осторожно: все во власти Божьей, как соблаговолит Господь. Однако напоминал и постоянно, что родина у

нас всех одна.

Как-то утром владыка увидел возле собора сооруженное немцами прямо на земле подобие звонницы. Откуда только набрали столько колоколов? Офицер на ломаном русском приказал всем молчать, а звонари, неизвестно откуда взявшиеся, ударили в колокола. Рядом в специальной машине шла запись искусственного торжества. Потом звонницу мгновенно разобрали, колокола убыли в неизвестном направлении. Немцы, довольные тем, что колокольный звон удалось записать без помех, объяснили: готовится парад в честь предстоящего взятия Москвы. Эта сделанная заранее запись будет имитировать приветственный звон колоколов Кремля. Васько не сдержался, сплюнул. Михась покачал головой: не верил, что сдадут Москву.

Начали замечать: некоторые жители города «раскусили» владыку Василия. Записали его и двух молодых иподиаконов в предатели. Один раз даже немцы посоветовали им остерегаться партизан и подпольщиков. Это было, с одной стороны, хорошо, прибавляло уверенности, помогало добывать новые сведения. Но ведь могли ни за что прихлопнуть и свои.

Пока же за разработку епископа взялась Елена Линде. Предложила ему познакомиться с важным представителем новой немецкой власти. И на встречу с ним прийти без провожатого. Василий Михайлович, не раздумывая, рассказал о разговоре Ваську и Михасю. Решили, что владыке лучше пойти одному.

Утром Линде, предъявив пропуск, беспрепятственно провела Ратмирова в дом, где располагалось гестапо. По тому, как уверенно проходила Елена Рудольфовна через все кордоны, с каким почтением ее приветствовали, владыка быстро понял, что здесь секретарь бургомистра была своей. Начальник гестапо, относительно молодой оберштурмбаннфюрер повел разговор в присутствии Линде, выступавшей безукоризненной переводчицей. Поблагодарил епископа за помощь, выразил надежду, что Божьи проповеди во славу немецкого оружия привлекут на сторону фюрера еще больше прихожан. И попросил сообщать ему или фрау Линде о всех, кто покажется пастырю неблагонадежным. А еще выяснить: правда ли, что где-то в самом городе или неподалеку от него большевики оборудовали тайные склады? Не слышал ли он такого от прихожан? Это же явная вербовка.

Заодно оберштурмбаннфюрер попросил Ратмирова тут же, в кабинете, поподробнее написать о лагере в Коми, где сидел священник. И владыка повел степенную речь о пастве, ради которой он готов отдать все, о сложностях военного времени, о постоянном недоедании.

Василий Михайлович умело тянул время. Но в душе сразу же приуныл. В лагерях он никогда не был. И не ожидал, что Линде сообщит об этой выдумке, предназначенной лишь для ушей бургомистра, в гестапо. И что прикажете писать о неведомом Сыктывкаре?

Тут неожиданно зазвонил телефон. Неприятный, понятно по виду и раздраженному тону гестаповца, разговор затянулся надолго. Беседа с владыкой была скомкана. Ратмирову предложили поддерживать все связи через секретаря бургомистра. Владыка поспешно кивнул головой и с достоинством удалился. Немцу стало явно не до него. Что-то произошло. А что, Ратмирову узнать было не дано. Возможно, это что-то и спасло его и всю группу от провала.

Епископ подробно обсудил случившееся с двумя разведчиками. Решили во что бы то ни стало держаться подальше от гестаповца. На встречи с бургомистром ходить только вдвоем с Михасем. Определилась и роль секретаря бургомистра Линде. Это она, а не престарелый белый офицер, фактически правила городом. И потому впредь ко всем указаниям, отдаваемым Еленой Линде, относились с удвоенной осторожностью, хотя принимали их с внешней готовностью. Вскоре она пристроила в храм еще одного священника. Проверили, и он оказался немецким агентом. Рекомендовала присмотреться и поближе сойтись с группой прихожан — молчаливых, малоприметных. Потом Михась и Васько выяснили, чем такие безликие приглянулись немцам. В случае чего эти обученные Абвером агенты должны были остаться в городе, как когда-то осела в Калининне сама Линде.

Пока же Иванов и Михеев помогли Василию Михайловичу написать «воспоминания» о Коми. И хотя оба там, как и он, никогда не сидели, о лагерях были наслышаны от сослуживцев. Ратмиров отнес бумагу в гестапо. Оберштурмбаннфюрер куда-то торопился. Договорились встретиться позднее.

Епископ негодовал. Никогда он не будет предателем. В этом не сомневались и два иподиакона. Но как отвести беду от владыки? И Михась, как теперь он делал всегда в момент испытаний, обратился к молитве: «Услышь нас, Господи. Пронеси чашу страдания мимо нас».

И Господь услышал. Один из доверенных бургомистра тихонько сообщил владыке, что немцы уходят. Гестаповец, тот, что пытался вербовать владыку, уехал одним из первых. На восточной окраине города началась стрельба, фронт снова приближался.

Что тут было делать разведгруппе? Еще до заброски, в Москве, получили приказ: уходить с немцами, обосноваться с ними в крупном

городе, проводить богослужения. И начинать разведывательную работу.

Михась побежал в управу. Там пахло горелым. Это жег свои бумаги бургомистр. Просьба Михася предоставить транспорт для отъезда повисла в воздухе. Похоже, и бургомистра немцы бросили, не на чем было ему драпать. Обещал помочь, но только завтра.

А назавтра в город вошли наши. И Михась, вышедший на улицу, сразу почувствовал на себе презрительные взгляды. Вроде и не предатель, а с немцами якшался. Знакомые отводили взгляды, дружно сторонились.

Когда решил прогуляться по улице радостный владыка, его тотчас задержал неизвестно откуда взявшийся милиционер. Тому кто-то из горожан быстро шепнул, что немецкий поп-прислужник свободно разгуливает по освобожденному Калинин. Василия Михайловича доставили в Управление НКВД, сообщили дежурному, а тот доложил заместителю начальника управления. За владыкой поспешили в управление и два узнавших о задержании разведчика.

К счастью, заместитель начальника НКВД знал о миссии Ратмирова. В Москве беспокоились: разведгруппа перестала выходить на связь. Провалена и погибла? При появлении всей троицы вскоре к ним присоединилась и Марта, наступила всеобщая радость.

Разведгруппа сработала отлично. Все шифровки были Москвой получены и использованы. А тут Васько и Михась передали своим состав двух выявленных немецких резидентур. Составили список тридцати осевших в Калинин и поблизости от него агентов, указав их адреса. Немцы еще надеялись вернуться: оставили склады оружия. О их расположении разведчики доложили точно.

Два тяжелейших месяца в оккупации тянулись бесконечно. И когда Калинин освободили, Михеев подумал: работа под церковным прикрытием навсегда завершена. И буквально тут же какой-то мужчина заглянул к ним домой поздним вечером, аккуратно постучав в окошко. Продолжала действовать конспирация. Раскрывать группу не собирались, могла и дальше приносить пользу. Неизвестный приказал Васько готовиться к отъезду. Сначала руководителя резидентуры вызывали в Москву на доклад, а там видно будет. И Иванов без сожаления уехал. Потом Михеев узнает: убедил начальство, что ему лучше не возвращаться.

А Михасю предстояло вместе с Ратмировым работать и работать. На обращение владыки отремонтировать церковь советские городские власти ответили отказом. Это снова затевалась оперативная игра. В Центре не исключали, что Калинин опять перейдет в руки оккупантов. И представителям горсовета приказали, вернее, подсказали,

продемонстрировать недоверие к епископу, которое, впрочем, вскоре было сменено на милость. Собор подремонтировали и открыли, владыка Василий возобновил богослужения.

Одновременно в НКВД решили попытаться возобновить связь с гестаповцем, пытавшимся в свое время завербовать Ратмирова. Уж не знаю как, но убедили владыку Василия принять участие в новой оперативной игре. Подготовили некую женщину, которая под видом верной прихожанки должна была, якобы по поручению архиепископа, перейти линию фронта и отыскать гестаповца. Суть легенды сводилась к тому, что Ратмиров через верующую подавал оберштурмбаннфюреру знак: он готов к возобновлению связей. Были у смелой разведчицы и другие еще более сложные задания.

Михеев да и архиепископ к разработанной в Москве легенде сразу отнеслись настороженно. Поверят ли немцы, что Ратмиров, так и не проявивший особого желания сотрудничать с ними при оккупации, вдруг, как говорят в разведке, «инициативно» решился на такой рискованный шаг, используя для этого верующую?

Но начальство настаивало. И, как следует засветившись на всех службах, не пропуская ни одного молебна прихожанка перешла линию фронта. Это подтвердили и сотрудники спецслужб, переход обеспечившие.

Но дальше — полная тишина. Прихожанка как в воду канула. Не отыскалось ее следов и после войны. В захваченных архивах гестапо о ней тоже — ни слова. Возможно, немцы, к которым и должна была прийти женщина, не поверили в легенду. Далеко ей было до правдоподобной. Или погибла при переходе линии фронта? Но ее провожатые не слышали в ту ночь ни выстрела. Разведчица исчезла, сгинула.

Между тем Ратмиров, Михеев и Марта — Бажанова побывали в Москве. Михась и радистка отчитались перед Судоплатовым и его помощником Маклярским. Жаль, но с Рыбкиной не увиделись. Она уже работала где-то в Скандинавии.

Работу группы признали успешной. В Кремле «всесоюзный староста» дедушка Михаил Иванович Калинин наградил Иванова, Михеева и Бажанову орденами «Знак Почета» и медалями «Партизану Отечественной войны».

Вскоре Михеев в качестве представителя Калининской епархии вместе с архиепископом Василием присутствовал при историческом событии: выборах Патриарха Русской православной церкви. Огромная честь для молодого священнослужителя. Патриархом избрали Сергия Страгородского.

Уже в качестве иеромонаха Михеев стал секретарем Ратмирова,

назначенного архиепископом Минским и Белорусским. Но до освобождения белорусской столицы было еще далековато. Чтобы не терять времени, Ратмирова, получившего еще и титул архиепископа Калининского и Смоленского, направили в Смоленск.

Схема была апробированной. Рядом с Ратмировым постоянно находился Михеев. Вскоре начались богослужения. Архиепископ Василий молился о победе русского оружия, об укреплении православия. Политику оставлял в стороне, что нравилось прихожанам.

А иеромонах помимо церковных служб пытался выполнить непростое задание разведки. В период оккупации в этих краях немцы создали при помощи Абвера школу священнослужителей. Операция немецкой военной разведки была хорошо засекречена. Никаких документов, только неясные показания наиболее осведомленных прихожан, будто под видом церковников на освобожденной советской территории оставлены обученные в спецшколе агенты.

Без помощи архиепископа Михееву найти следы этой агентуры было не под силу. Сведения собирали по капле. Верующие о школе слышали, однако смутно. И все же удалось Михасю выйти на некоего Паисия, игумена женского монастыря, что в Смоленской области. Архиепископ пригласил, что было большой честью, Паисия в Смоленск. А тот от приезда уклонился, передав через паству, будто болеет. Пришлось отправляться в городок самим.

К этой встрече Паисий был не готов. Выглядел не хворым, а испуганным. На вопросы отвечал путано. Долгая беседа, которую вели с ним архиепископ и иеромонах, закончилась лишь ни к чему не обязывающим полуобещанием Паисия поговорить с кем-то из священнослужителей, работавших, как и он, под немцами.

Ратмиров и Михеев в выводах были единодушны: о немецкой школе богословия их собеседник, бесспорно, слышал. Очень вероятно даже, знал ее слушателей. Не исключали возможность: учился в ней и сам.

Значит, первая ниточка нащупана. От нее потянулись и другие. Встречался священнослужитель с людьми подозрительными, в маленьком городке никому не известными, пытавшимися скрывать свои посещения Паисия. Не слушатели ли немецких курсов тянулись к неразговорчивому человеку в одеяниях священника?

В Москве приказали начатую операцию обязательно продолжать. Началась оперативная разработка подозреваемого. Тянулась она долго. Но Михеев не ошибся. Выяснилось, что посещали Паисия курсанты школы. Именно этот иуда был оставлен немцами при отходе. Потом он и сам

признался: да, закончил разведшколу под прикрытием богословских курсов, оставлен под Смоленском резидентом.

Вот таким образом проходила своеобразная «церковная» борьба разведок.

Свой — чужой? Везде только свой!

И, конечно, возникает немало вопросов. Благодаря упорству, способностям, умению ладить с разными людьми и чутко улавливать происходящие изменения Иван Иванович Михеев быстро продвигался вверх по профессии церковного прикрития. Он познакомился со многими столпами Русской православной церкви. К нему хорошо относился будущий патриарх Алексий I. Глядя на него, и другие священнослужители признали высокого молодого бородача Михеева своим.

А что происходило с ним в жизни светской? Как складывалась судьба? Он нашел себе спутницу — надежного и понимающего друга. Домашние, люди простые, лишних вопросов не задавали, объяснений не требовали, считали: сложилось так, как сложилось.

Нельзя сказать, что Михеев находился на нелегальном положении. Но устои церковной жизни порой не совпадали с жизнью страны, бившейся не за выживание, а за победу в войне. Однажды иеромонаха, посланного Ратмировым по церковным делам в Вязьму, срочно вызвали в местный военкомат: шла поголовная мобилизация в действующую армию. Признаться, кто он на самом деле, офицер госбезопасности не мог. К счастью, удалось быстро связаться с Москвой, и вопрос с отсрочкой от призыва, правда, не без сложностей был отложен. А Михасю приказали быстро даже не уезжать, а сматываться из Вязьмы.

Похожий, как считает Иван Иванович, случай произошел на его глазах позже. По неведому кем отданному приказу владыка Василий вынужден был принять в храм незнакомого священника со служкой. Двадцатилетний могучий парень выделялся, как, впрочем, и Михеев, пышущим здоровьем на фоне пожилых церковников. Эта пара выглядела подозрительной: никому из местных неизвестная, она, как признался сам священник, вынуждена была некоторое время оставаться под немцами. О том, как жили при оккупации, оба рассказывали сбивчиво, неохотно.

Михась немедленно сообщил своим. Приказ, как говорится, не заставил себя ждать. Помогать «подозрительным» во всем, никаких бесед о работе при немцах не вести. Михеев понял, в чем дело. Скоро его догадки подтвердились. Действительно, священник и его служка сотрудничали с немцами. После ареста были перевербованы и честно замаливали грехи, работая с органами.

А однажды Михеев, привыкший постоянно «проверяться», заметил за

собой «хвост». Менял маршруты, сбивая с толку соглядатая. Пытался затеряться в подворотне, петлял по проходным дворам. Но преследователь попался опытный. И Михась, поняв, что попытки оторваться бесполезны, направился по широкой дороге в городской парк. Там и подошел к нему знакомый по службе в экономическом управлении НКВД офицер. Пожали руки, поговорили. Нарушая негласные правила, офицер осведомился, почему его коллега облачен в церковные одеяния. И Михеев тактично, но высказал товарищу свое недовольство: даже сослуживцев по разведке расспрашивать об этом не принято. Попросил забыть о встрече. Тут же прозвучало извинение.

Уже за границей, куда Михеев попал в составе высокой делегации священнослужителей в 1945 году, с ним произошло похожее. В благословенном тенистом саду советского посольства в жарком Тегеране Михеев размышлял о том, что мечтал попасть в иранскую столицу еще до войны и потрудиться здесь под крышей этого самого посольства. Но, точно, не суждено. И тут увидел знакомого по работе во внешней разведке, с которым вместе готовился к тегеранской командировке. У того — сбылось. Старый знакомец пристально разглядывал члена делегации в длинной рясе. Прошелся мимо него, но подойти не решился.

Встретившись через много лет на Лубянке, товарищ, занимавший к тому времени высокий пост, признался: «Я все понял и рассекречивать тебя не собирался. И уж очень ты был хорош в рясе и с огромным крестом».

Позволю себе маленькое отступление. Иван Иванович, после войны известный среди служителей церкви как Ювеналий, превратился в истинно верующего. Велика была его тяга к вере. И знал он о том, что офицер внешней разведки М., старше его и по возрасту и по военному званию, после долгих лет работы под церковным прикрытием обратился к начальству даже не с рапортом, а со смиренной просьбой разрешить выйти в отставку и остаться на службе — сугубо церковной. Просьба была удовлетворена.

Однако Михеев пошел дорогой иной. Вера обогатила внутренний мир, многому научила, однако покидать разведку Иван Михеев не хотел. В редкие дни, когда попадал в Москву, связывался со своим непосредственным начальством. Волею той же разведки и волею Божьей, приходилось Ювеналию — Михееву действовать большей частью в одиночку. Отрыв от чекистов чувствовался. Даже кадровики о своем офицере как-то незаметно подзабыли. Звания одно время ему не присваивали: терялись представления, застревали бумаги. Занесло Михеева действительно в другую и очень далекую степь. Но он своего добивался,

дослужившись до полковника.

А в церковной иерархии продвинулся так, как не ожидали даже Судоплатов с Рыбкиной. В составе делегации, которую возглавлял Патриарх Московский и всея Руси Алексей (Симанский), молодой иеромонах Ювеналий (Лунев) — он же Михеев — побывал в мае 1945 года в Англии. В июне этого же года вместе со Святейшим Патриархом посетил наши монастыри в Палестине. Совершил паломничество на реку Иордан. И даже искупался в ее водах.

Ивана Михеева, он же иеромонах Ювеналий, ждала закордонная работа в зарубежье. Достоинно ее выполнив, он вернулся в Москву. В отставку вышел в звании полковника. Был глубоко верующим, воцерковленным человеком.

Поддерживал связь с Василием Михайловичем Ратмировым. Тот по состоянию здоровья согласно собственному прошению отправился на пенсию — на покой — еще в 1947 году. Советская разведка наградила Василия Михайловича за проявленное во время Великой Отечественной мужество золотыми часами. Правительство — медалью. Синод принял во внимание патриотическую деятельность архиепископа Минского и Белорусского и наградил правом ношения креста на клобуке.

Воздали ли сполна Василию Михайловичу Ратмирову? Полковник Михеев считал, что нет. Архиепископ жил на своей даче, которая, по словам иеромонаха Ювеналия, находилась где-то в районе подмосковного Одинцова. О его военных подвигах, к горечи Михеева, знали немногие. Как-то они подзабылись, затерялись в ворохе лет.

Да и дата кончины Ратмирова точно неизвестна. В разных справочниках — она тоже разная. Кажется, 1970 год со знаком большого вопроса. Михеев считал по-иному — Ратмиров умер десятью годами раньше. Сам Михеев скончался в День Победы — 9 мая 2016 года.

Героям этой главы не досталось при жизни вселенской славы. Так вспомним о их деяниях сегодня.

НЕ УЛОВИМЫЙ ДЖО

Жорж Коваль

О Жорже (Георгии) Ковале пока написано не так много. Между тем ему единственному из всех советских разведчиков удалось самому поработать в засекреченных американских лабораториях, где изготовлялась первая американская атомная бомба.

Георгий, Георг, Жорж, Джордж, Джо Коваль сторонился прижизненной славы. Он не из тех, кого ее лучи ласкают и греют. Создается впечатление, что был счастлив и без этого. Родился в 1913 году в США, умер в Москве 31 января 2006-го, прожив, как и многие его коллеги-разведчики, долгую жизнь. Уверен, и не предполагал, что станет — посмертно — Героем России.

Хорошо, что в этом мире есть музеи и еще остается место для случайностей. Придя в 2006 году на открытие нового здания Главного разведывательного управления (ГРУ) и заглянув в закрытый музей молчаливого ведомства, Владимир Владимирович Путин задержался у стенда, где рассказывалось о почти никому не ведомом разведчике под оперативным псевдонимом «Дельмар». Заинтересовался, попросил рассказать подробнее и познакомить с военным атомным разведчиком. И даже совсем не чуждый разведке Путин поразился. «Дельмар», под таким оперативным псевдонимом трудился в Штатах безымянный на тот период суперразведчик, уже умер.

Но, оказалось, был у нас во время Великой Отечественной войны и после в самый разгар погони за секретами атомной бомбы единственный из Москвы посланный нелегал, проникший в важнейшие американские атомные центры. Переселение ГРУ в новое помещение, музей, президент России, понимающий цену такого подвига, опытные экскурсоводы — цепь случайностей сошлась, превратилась в закономерность, и теперь многим даже странно, почему звание Героя России Жоржу Ковалю не присвоили хотя бы в середине 1990-х, как, например, группе атомных разведчиков из Службы внешней разведки.

Коваль уже лежал на Даниловском кладбище, когда в 2007 году вышел указ о присвоении ему звания Героя России. Награды Ковалья были торжественно переданы в музей ГРУ осенью того же года. Восемь, а по некоторым сведениям девять лет, вопрос спорный, Коваль проработал в

США. Блестяще владел английским. Прекрасно играл в типично американский бейсбол. Сначала работал в США под чужим именем, а затем служил в армии под своим собственным. Выехав из Штатов, поселился в Москве, стал известным в узких кругах ученым-химиком. До конца дней был страстным футбольным болельщиком «Спартака».

Его биография несколько напоминает жизненную историю коллеги по опасному ремеслу Абеля — Фишера. Оба родились за границей, семьи вернулись с ними, еще юными, на историческую родину, а затем вновь рискованное возвращение в зарубежье, но уже в качестве нелегалов. Разве только Абеля по наводке предателя арестовали, а командировка Ковалья прошла без всяких эксцессов.

История Жоржа берет начало в белорусском местечке Телеханы, где в суровой черте оседлости трудился его отец. Плотник Абрам работал много — больше просто невозможно, а зарабатывал мало. Красавица Этель Шениски, дочь местного раввина (ничего себе родственничек для будущего военного разведчика), Абрама полюбила, но никак не соглашалась связывать с ним судьбу. Она ушла от папы, подалась в социалисты, но где жить? Не в шалаше же устраивать рай.

И тогда Абрам-плотник поклялся любимой: он уедет от телеханских невзгод и еврейских погромов в Америку, сколотит денег, купит дом и вызовет к себе Этель. В 1910 году он обосновался в Штатах.

В те далекие времена невесты умели ждать. И через два года после отъезда Ковалья Этель получила от своего Абрама по почте много долларов плюс подтверждение: деньги на дом накоплены.

Она не побоялась, поехала в США и увидела в городе Су-Сити, что, как и Телеханы, находился в захолустье — только американском — в штате Айова, деревянный домишко в пять небольших комнат. Этель родила счастливому мужу троих детишек — Изю, Жоржа и Габриэля. Среднего, родившегося прямо на Рождество 25 декабря 1913 года, местные называли на американский манер Джорджем. Жорж Коваль с годами превратился в рождественский подарок и для атеистов из советской военной разведки.

В первые годы все шло неплохо. Искали лучшую жизнь, и отыскивали. Но потом та, лучшая, куда-то исчезла. Еще в детстве кем только Жорж не подрабатывал. Способный, шустрый, говорил на идише и, понятно, на американском английском, подсознательно избавившись от своеобразного акцента, который всю жизнь потом преследовал его друзей из еврейской общины. Очень хотел учиться. Приносил хорошие отметки из школы. Даже закончил два семестра в колледже. Играл в бейсбол. Статистика в этом виде спорта в Штатах развита поразительно. И имя юного Жоржа Ковалья, как

пишут американские исследователи, даже значилось в некоторых мелких спортивных справочниках. В принципе, он мог бы рассчитывать на спортивную стипендию в колледже, в университете.

Только где было взять папе Эбрахэму (Эйбу-Абраму Берко) Ковалю деньги на учебу еще двум сыновьям? А тут вдруг наступила Великая депрессия. В Нью-Йорке люди прыгали с небоскребов. В Су-Сити таких высоких зданий не было. Как и работы.

И сознательный еврей с социалистическими взглядами Эбрахэм Коваль возглавил организацию *igor* (идише колонизации ин ратенфербанд), поставившую цель помочь своим братьям в СССР создать собственную автономную социалистическую республику. Отец семейства свято верил, что в Биробиджане «отец народов» Сталин сотворит рай для евреев. Эту веру поддерживали и письма родственников и друзей, приходившие из СССР.

Сын Джо тоже поверил в хорошую идею. Он всегда старался прийти на подмогу нуждавшимся в помощи. И когда двух бедных женщин выселили из приюта для бездомных, он с друзьями ворвался в офис чиновника, отдавшего этот приказ. Требовал вернуть несчастных в приют, не покидал помещения до прихода шерифа. И был в первый и в последний раз в жизни арестован шерифом. Ночь провел в полицейском участке. Джорджа отпустили. Но тот, по нашей терминологии, «привод» натолкнул кого надо на мысль: а не состоит ли юный борец за права в *YCL (Young Communists League)* — довольно популярной тогда Лиге молодых коммунистов?

Может, и состоял, потому что в 1930 году семнадцатилетний Джордж участвовал в конференции, собранной коммунистами штата Айова.

И еще одно «страшное» подтверждение его левых взглядов. Коваль как-то признался бывшим одноклассникам, что поступил учиться в университет, чтобы освоить профессию инженера. Проучился два семестра, дабы приехать с семьей в Советскую Россию не каким-нибудь нахлебником, а относительно подготовленным, пусть и начинающим, специалистом.

Все эти материалы на Ковалю накопили только в 1954 году, когда у главы ФБР мистера Гувера подозрения в его шпионской деятельности в пользу СССР окончательно вызрели. Что ни говори, доказательств левых взглядов Джо Ковалю хватало. Но они всплыли лишь годы спустя после отъезда американского сержанта из страны.

А в 1932 году, в пору Великой депрессии, семья плотника Абрама, прожившая в США около двух десятилетий, отправилась на советском

теплоходе с подходящим названием «Левитан» в новый поиск той самой лучшей жизни на Дальний Восток Страны Советов — напрямик в Биробиджан.

Уж чего-чего, а работы для плотников и других переселенцев из США здесь было хоть отбавляй. На хлеб с маслом трудолюбивым Ковалям хватало.

Но вот учиться Жорж Коваль хотел не в Биробиджане, а в столице СССР. Он начинал, как и отец, лесорубом-плотником, потом был электриком, слесарил. Однажды фото счастливой семьи еврейских переселенцев Ковалей, на котором Жорж получился просто отлично, появилось даже на страницах всесоюзного журнала.

Юный электрик мечтал стать химиком. Почему бы не сбыться мечте при светлом социализме? Сбылось в 1934-м в Москве, где он сразу поступил в знаменитую Менделеевку.

Учился настолько здорово, что был зачислен в аспирантуру химикотехнологического института и, что немыслимо для подавляющего большинства выпускников той поры, без экзаменов. Впереди маячила кандидатская диссертация, не вдаваясь в подробности, — по каким-то газам. Жорж умело ладил с профессорами и аспирантами МХТИ, занимался, в меру возможностей, без фанатизма, профсоюзной работой. Женился на девушке из хорошей, пусть и несколько буржуазной — в прошлом — семьи. Ее называют то Людмилой, то Татьяной, но не из-за конспирации. По прошествии долгих лет имя подзабыли. Души не чаял в родившейся дочери. Шел 1939 год.

И вся эта советская идиллия в момент разрушилась. Ну мог ли такой хороший положительный парень не заинтересовать разведку? Нет, не только отличной институтской характеристикой и своей преданностью идеям социализма, а и необычной биографией. Родился, вырос, учился в США. Знал чужие обычаи. Сам мог бы подучить энкавэдэшных преподавателей английскому. Еще раз вспоминаю любимого моего героя Вильяма Генриховича Абея — Фишера, в молодости владевшего английским лучше русского.

Только ехать нелегалом в Штаты Жоржу выпало раньше, чем Вилли. Военная разведка торопилась. Его вызвали и предложили. Согласие Жоржа Коваля получили быстро. Обучение разведывательным, чтобы не сказать шпионским премудростям шло в таком же резвом темпе.

Жоржу предстояло заменить впавшего в недоверие сотрудника Разведупра РККА, отозванного из-за океана. Но потом, и это настоящее чудо, нелегал сумел с помощью сослуживцев оправдаться, снять с себя

вину и был снова откомандирован в Америку. А Ковалю поменяли легенду.

Вернее, легенд было две. По одной, он прибывал в США под другим именем и по сделанным в СССР документам. Надо было легализоваться, найти работу по хорошо знакомой химической тематике. Перед войной о возможности создания атомной бомбы в СССР задумывались лишь чудаки-одиночки. Помня о газах, которыми немцы травили французов в империалистическую, боялись применения химического оружия.

Вторая легенда была для Жоржа более подходящей. Он всплывает из небытия и возобновляет свою жизнь в Штатах по собственному паспорту и под настоящей фамилией. Уехал-то недавно — в 1932 году. И то ли что-то предвидел, то ли по счастливой случайности сохранил все выданные в Айове документы. Конечно, устроиться предстояло в каком-нибудь крупном городе с химическими предприятиями и обязательно подальше от Су-Сити, что в Айове.

Оставалось как-то «прикрыть» исчезновение аспиранта Менделеевки из СССР. Был да сплыл. Его хорошо знали в институте, помнили и в Биробиджане. Вдруг кого-то из переселившихся опять потянет в Америку. Ха, уж дома-то, где мы сами себе хозяева, это — проще простого. А святая обязанность каждого советского молодого мужчины послужить в армии? В нее Жоржа и призвали в 1939-м. Место службы? Неизвестно. Где надо. Он не проходил курсов, как все новобранцы, не приносил присяги. Правда, военное звание ему присвоили — солдат.

Жена — знала, куда отправлен муж, родителям — успокоительные письма непонятно откуда в ставший им родным Биробиджан. Вместо армейской службы в далеких якобы краях — шлифовка в Москве двух легенд, сборы, прощание. И прибытие «домой» в Штаты в октябре 1940-го.

Фарт, удача играют в разведке не решающую, однако важную роль. Сразу повезло и Ковалю, как часто случается с людьми не только предприимчивыми, но и рисковыми. Он имел основания не очень доверять своим документам на чужую фамилию. Вдруг не выдержат проверки уже на границе? Но получилось так, что на берег он сошел в компании капитана танкера, прибывшего в Сан-Франциско. Тот небрежно кивнул знакомым из иммиграционной службы: «Этот со мной». И его вообще не проверили. Из Сан-Франциско быстренько укатил в Нью-Йорк, где встретился с резидентом-нелегалом Разведупра.

Да, уже в 1940-м приступил к работе в США. Сначала пытался устроиться в той, в принципе знакомой ему американской жизни под вымышленным именем. И довольно быстро от разведчика-химика пошла информация о производстве токсинов.

Надо было внедряться на настоящее военное предприятие. В его открытом поведении и светлом взгляде было нечто притягивающее. Помогли знания, накопленные в Менделеевке. Видно, в Москве учили неплохо. И технически подготовленный, легко сходящийся с людьми, на лету все схватывающий парень оказался востребованным.

Однако получилось так, что подготовленные в Москве документы «не прошли». Он справедливо боялся проверки, которая могла бы стать первой и последней. И Коваль решил рискнуть, устроиться на завод, производящий и военную продукцию, под собственным именем. Это решение прекрасно себя оправдало. Прикрытие оказалось приличным. И, если опять проводить параллели с тем же Абелем, у того в редкие минуты раздражения вдруг прорывался некий акцент, то родным Ковалю был именно английский в американской версии. Вроде и бояться нечего. Вроде...

Он встречался с резидентом нелегальной разведки, в Москву потек ручеек материалов с военного химического предприятия. У Жоржа создавалось твердое впечатление, будто в США не считают немецкое химическое оружие главной угрозой в будущей войне. Предугадывать, анализировать собранный материал по химическим вооружениям не входило в задачу нелегала «Дельмара». Но своей регулярной, выверенной информацией он наводил московских начальников на мысли о том, что немцы, да и уж точно американцы, заняты разработкой оружия иного.

Но и на Жоржа случилась проруха. Когда уже во время войны служил в армии и жил в казарме в Нью-Йорке, любопытный сослуживец заинтересовался, почему Коваль говорит с таким акцентом, будто родился в Айове. Ведь сам несколько раз рассказывал ребятам, что вырос в еврейском приюте на окраине Нью-Йорка. Пришлось объяснять: у них в приюте воспитателями были уроженцы Айовы.

А еще вопрос. Почти ко всем солдатам иногда по праздникам приезжают родственники, а к Жоржу — ни разу? И здесь тоже спасла сказка о приюте: какие родственники у сироты-еврея?

Но это было уже в годы армейской службы. Ни руководители в Москве, ни он не знали, где придется тянуть солдатскую лямку, если призовут. Но какие там «если». В 1941-м он уже официально подлежал призыву. Резидент подсказал: постараться уклониться. Но если будут нажимать, идти в армию. А то возникнут подозрения, начнутся проверки. Химическое предприятие, на котором работал Жорж, выполняло военные заказы, и знающего техника под всякими предложениями спасали от призыва. Но в 1942-м развели руками: американская родина зовет. И ни разу он не

дал никакого повода усомниться, что в армию призван настоящий патриотично настроенный американец.

Выпускника Менделеевки, ныне старательного, исполнительного солдата направили на учебу. Поначалу готовили в инженерные войска. Именно армия дала возможность совершенствовать знания в Сити-колледже на Манхэттене. Там он грыз новую науку, специализируясь в электротехнике. Аполитичный, сдержанный Коваль тратил время лишь на учебу, явно сторонясь политических разговоров. Привычно вошел, как и в Москве, в когорту лучших слушателей.

Затем специальные курсы. Здесь помогли и предусмотрительно сохраненные Ковалем документы, захваченные из Су-Сити в Биробиджан, а затем привезенные оттуда в США. Они свидетельствовали: за плечами Жоржа два семестра американского технического университета. Он с удивлением обнаружил, что его готовят к работе с радиоактивными материалами. В одну из редких встреч с куратором из нелегальной разведки доложил об этом, еще не понимая, к чему идет. Курсы остались позади.

И тут, как и в Москве, он привлек внимание. На сей раз американских военных «кадровиков». Шел 1944 год. Работы над атомной бомбой в разгаре. До цели — близко. Но возникали преграды, которые можно было решить, лишь используя больше и больше не только ученых, но и отличных техников. Их явно не хватало. И, возможно, случайно, однако с определенной долей закономерности, Жорж Коваль, чей уровень интеллекта был заметно выше, чем у его соучеников, попал в элиту. В августе 1944-го получил назначение в город Оук-Ридж, штат Теннесси. Ему намекнули, что придется работать с радиоактивными веществами. Но предположений, что это как-то связано с изготовлением атомной бомбы, не возникло. Резидент, которому «Дельмар» сообщил о назначении, обговорил условия связи, даже не предполагая, что его подопечный попадает на абсолютно засекреченный объект.

Коваль получил допуск на атомное предприятие. Если в ныне всем и каждому известной лаборатории Лос-Аламоса атомная бомба разрабатывалась, то в других не менее закрытых и секретных городах, как, например, Оук-Ридж, для нее производили обогащенный уран и плутоний. В отличие от «освоенного» советской разведкой Лос-Аламоса, об Оук-Ридже в Москве почти ничего не слышали. И «Дельмар» первым сообщил: здесь производят обогащенный уран и плутоний. Сам Жорж как раз и работал радиометристом в секторе по производству плутония.

Поле деятельности Коваля не было строго ограничено запретами в передвижении, как у других сотрудников. Радиометрист пекся о здоровье

соотечественников, работающих с радиоактивными веществами. В его задачу как раз и входило перемещение по трем различным секторам: он следил за тем, чтобы нигде уровень радиации ни в коем случае не превышал допустимый. Так что всё, происходившее в трех разных секторах, специалисту, пусть и химику, было не только известно, но и понятно.

Для составления отчетов выяснил, сколько человек трудится в трех изолированных друг от друга помещениях. Выходило — около полутора тысяч, что уже говорило об уровне предприятия и серьезности намерений американских ученых и инженеров. И военных.

Для Москвы неожиданным стало и сообщение Ковалья о доставке обогащенного урана и плутония из Оук-Риджа в Лос-Аламос. Военные самолеты с грузом сопровождала усиленная охрана.

Коваль также информировал, что каждый сотрудник лаборатории в Оук-Ридже фактически прикован к собственному рабочему месту. За всеми наблюдали, прослушивали на всякий случай телефонные разговоры, не слишком поощряли общение друг с другом. Жили в закрытых лагерях, как в казармах, только удобных, комфортабельных, ни в чем не нуждаясь. Между сотрудниками лабораторий, занятых исследованиями, воздвигли непроницаемые барьеры. Которые Жорж Коваль, пользуясь своим положением, относительно легко преодолевал.

Недавно я еще раз прочитал воспоминания генерал-лейтенанта Лесли Гровса, руководителя военной части «Манхэттенского проекта», отвечавшего за безопасность и секретность работ на атомных объектах. Для меня его книга «Теперь об этом можно рассказать», вышедшая и у нас в 1964-м в Атомиздате, — образец того, как нельзя безоговорочно верить в свою неуязвимость. Гровс, конечно, не отец атомной бомбы Роберт Оппенгеймер. Но, отдадим генералу должное, сделал всё, чтобы создать «железный занавес» между своими подчиненными и миром. Работал, судя по его же описанию, самоотверженно. Допустил лишь одну, но фатальную ошибку: уверовал в непроницаемость установленного им заслона, называл лабораторию в Лос-Аламосе «мертвой зоной».

Но если кто-то заслон возводит, то всегда найдутся другие, пытающиеся через него проникнуть. И это, как все мы теперь знаем, удалось советской разведке. Несколько американских ученых из Лос-Аламоса инициативно, то есть добровольно, сами вышли на советскую внешнюю разведку, предложив ей свои услуги. Тот же «Млад», он же Теодор Холл, одарил нашего друга-агента «Лесли» — Лону Коэн кипами чертежей, переданными им в сугубо закрытом городке Альбукерке и чудом

доставленными Лоной в Нью-Йорк «Джонни» — разведчику Яцкову. Немецкий физик-антифашист Клаус Фокс добывал информацию из Лос-Аламоса, а позже из Англии. Итальянский физик Бруно Понтекорво, единственный из крупных ученых, пошедший на риск сотрудничества с советской разведкой, внес огромный вклад в создание первой советской атомной бомбы.

Но роль Жоржа Ковалья, хочется, чтобы это было понято и осознанно читателем, особая. Военный — нелегал в почетнейшем звании солдата — единственный из наших соотечественников, из всех советских легальных и нелегальных разведчиков, кто сам, лично, без чьей-либо помощи проник на абсолютно закрытый (по мнению наивного генерала Гровса) атомный объект и передал бесценные данные советской разведке.

Химику и способному инженеру не приходилось начинать здесь с нуля, как многим другим агентам и резидентам. Он вникал в технологию обогащения урана. Своими глазами видел новейшее секретнейшее оборудование. Общался с замученными скучным бытием техниками, которым так хотелось душевно поговорить хоть с кем-то и рассказать, поведать. И «Дельмар» слушал, запоминал. Сумел все это, пусть на своем уровне, но обобщить, попытаться осмыслить весь технологический цикл. Понял, что ученые США заняты производством полония, который собираются использовать в атомном заряде. Об этом в СССР не знали.

Вырвался в свой первый отпуск и домчался на служебном джипе до заранее условленного места. Там его уже поджидал непосредственный начальник. Вот о ком известно лишь одно — оперативный псевдоним «Фарадей». Ему и передавал «Дельмар» данные о производстве ядерных материалов — плутония, урана. И еще о том инициаторе, благодаря которому и происходит атомный взрыв.

А от «Фарадея» сведения добирались до Москвы, где их особенно ждал молодой бородатый физик — в некотором смысле отец советской атомной бомбы Игорь Курчатов.

Все же почему Жорж Коваль не вызвал никаких подозрений у американской контрразведки, как проморгали его люди Гровса? Найти ответ мне помог многолетний собственный корреспондент ТАСС в США Андрей Шитов, приславший целый ряд материалов о Ковале, в том числе из американской прессы. Он же по моей просьбе интересовался причинами «невнимания» спецслужб к Ковалю.

Издания «Smithsonian» и «Journal of Cold War Studies» объясняют неуловимость Джо прямо как в анекдоте. Его никто не искал. Проморгали, ибо биография простого американского парня из бедной еврейской семьи

была обыденна, безлика. А если Коваль чем-то и выделялся, то, как сочли, проанализировав его тесты IQ, быстротой мышления и сообразительностью. Маловато для подозрений в шпионаже. Прошлого техника, а не инженера (кто ж знал о его советском дипломе?) Коваля представлялось типично американским, проверки не требующим. Первый же запрос в его родной Су-Сити опроверг бы это мгновенно. Но поверили, проверяли других, более важных по должности и положению в «Манхэттенском проекте», чем какой-то техник.

К тому же шла война, было не до копания в абсолютно прозрачных биографиях. Требовалось как можно скорее дать результат: во что бы то ни стало сделать эту малышку, атомную бомбу. И Коваль несколько лет умело пользовался всегдашним, типично американским и в принципе неплохим умением выжимать результат, несмотря ни на что и не обращая внимания на частности и мелкие детали.

Как написал мне Андрей Шитов, представители ТАСС после 2006 года получили от ФБР в США ряд документов из рассекреченного дела Джорджа Коваля. Из этих документов следует, что после исчезновения Коваля директор ФБР Гувер ставил перед своими сотрудниками конкретную задачу: выяснить, как удалось советскому нелегалу проникнуть в секретные лаборатории. Даже фамилии его сначала не знали, потому именуя «неустановленным лицом». Только позже всплыли серьезные вопросы. Вот они. Как и с чьей помощью Коваль смог попасть на атомные объекты? К какой секретной информации он имел доступ? Было ли это результатом заранее спланированной операции? Кто помог ему попасть в США и легализоваться? Не возвращался ли Коваль в США после его отъезда в 1948 (или в 1949-м) году? Ни на один вопрос Гувер ответа не получил.

Точно выяснили лишь место работы человека по фамилии Джордж Коваль, включенного в список обслуживающего персонала частной и крупной нью-йоркской фирмы. Но до разгадки феномена по имени «Джо Коваль» было ФБР еще очень далеко. К тому же было совершенно непонятно, насколько глубоко проник советский нелегал в американские атомные секреты.

Помог, как это, увы, случается, советский перебежчик, подтвердивший: служащего этой фирмы каким-то образом знали и в Москве. И Джо-Джорджа Коваля стали разрабатывать уже по всем правилам.

Директор ФБР попытался лишить Коваля американского гражданства. Не удалось. Тот никогда не подвергался уголовному преследованию. Да,

проник в США, но в секретных атомных лабораториях работал под собственным именем и предъявляя собственные подлинные документы. Тут, возможно, сыграла свою роль не только биография Ковалю. Военная контрразведка, которая работала на генерала Гровса, сразу же Ковалю проморгала. Раз пройдя проверку, рядовой в дальнейшем оставался вне подозрений. А ФБР спохватилось слишком поздно, когда и след Джо простыл. Несогласованность двух служб США привела к образованию бреши, которую и использовал советский нелегал.

Гровс недолго любил ФБР, он неохотно запустил в Лос-Аламос лишь парочку агентов, на которых сотрудники военной контрразведки бросали лишь косые взгляды. Ну как тут не посоветовать сотрудникам всех спецслужб: дружите между собой, ребята, если не хотите остаться на бобах, ведь делаете одно общее дело.

И хотя ФБР узнало о советском шпионе, как следует потрудившемся в секретных атомных лабораториях, в начале 1950-х годов, раскручивалось его дело крайне медленно. Шуметь об этом — только позориться. И поэтому в Штатах эта история полного триумфа одних и обескураживающего поражения других всплыла лишь после присвоения Ковалю звания Героя России. Да и статьи, книги о нем появились в основном после 2009 года. А атомный взрыв на полигоне под Семипалатинском, ошеломивший американцев, прогремел не в 1955-м, как они предполагали, а 29 августа 1949 года. В США до сих пор уверены: первая советская атомная бомба была точной копией американской. Нейтронный запал, внутри которого находился полоний, был прямо как из Лос-Аламоса. Что с них взять? Пусть, как хотят, так и думают. Но и роли рядового Советской армии Ковалю отрицать не будем.

Однако счастье — в данном случае для нашей разведки — не могло длиться вечно. Оно и так продолжалось долго. По одним сведениям — восемь лет, по другим — целых десять.

Был риск напороться на кого-то из штата Айова, знавшего, что семья Абрама Ковалю, страстно верившего в коммунизм и презиравшего все американское, рванула в 1932 году в Советский Союз. Нет, здесь-то повезло!

Зато подвело совсем иное, вроде бы малозначащее, до обидного мелкое, что и губит обычно всех разведчиков — не только нашенских. И мною уже скромно упомянутое.

Ну да, имею в виду тот самый довоенный советский журнал. Жорж Коваль помнил о нем, отправляясь в США в 1940-м. Он все-таки попал в руки американской контрразведки: фото счастливой еврейской семьи,

избежавшей тягот капиталистического рая благодаря переезду в Биробиджан. И на фото узнаваемый парнишка — Жорж Коваль.

А жалко. После войны Ковалю предлагали остаться работать на атомном объекте уже в качестве гражданского специалиста. Он, к удивлению работодателей, отказался: рвался в любимый Нью-Йорк, собирался создать семью, мечтал продолжить образование. Такие понятные желания. Им дали осуществиться. Сержант инженерных войск США, техник третьего разряда Джордж Коваль демобилизовался в 1946 году.

Уже тогда он начал бить тревогу. Да, почувствовал опасность там, где другой бы от нее отмахнулся. Но Джо действительно был везунчиком. Но спасло не только это. Он анализировал события, взвешивал ситуацию. В Америке произошел неслучайный всплеск шпиономании: в августе 1945 года из Канады сбежал ценнейший в разведке специалист — шифровальщик резидентуры ГРУ Гузенко. Вот уж когда включились на полную мощь американские спецслужбы. Пошли поголовные проверки. Тут уж Ковалю не поздоровилось бы. Выяснили бы всю подноготную.

А еще через полгода после этого произнес в американском городке Фултон свою знаменитую речь коварный Черчилль. Вскоре за проверками пошли аресты. Частично они коснулись и советской атомной сети в США и Канаде. Набравшийся опыта нелегал Жорж Коваль не мог на это не среагировать. Сославшись на неизбежность новых проверок, попросил вывезти из США. Знакомым честно признался: получил выгодное предложение поработать в Европе, куда и отправляется. Обман, но лишь частичный. Получил заграничный паспорт и отчалил во Францию. От Гавра было уже сравнительно недалеко и до Москвы.

Где он оказался в конце 1948-го. И тут же, как пишет Андрей Шитов, начались проверки его друзей по Су-Сити. Их допрашивали, просили рассказать о Ковале. При этом никому из них не говорили о том, что того в чем-то подозревают. Неужели сын Эбрахэма, уехавшего строить социализм в СССР, и сержант Коваль — одно и то же лицо? Выплыло и злосчастное фото. Не оставалось никаких сомнений — лицо было точно одно. Провал американской контрразведки означал полный успех другой нелегальной разведки — советской, военной.

По мнению некоторых историков разведки, исчезновение Ковалея из США оставалось незамеченным до 1950-го. И только тогда американцы начали бить тревогу. Искали его в разных местах. Сначала в Западной Европе. Потом почему-то в Латинской Америке.

Но, правда же, жаль, что пришлось покинуть Штаты. С такими способностями Коваль мог бы добраться в США и до более высоких чинов

и званий.

Теперь ему предстояло заново начинать жизнь в Москве.

В июне 1949-го «...солдат Жорж Коваль, 1913 года рождения, демобилизован из рядов Вооруженных Сил СССР», так ни разу за всю десятилетнюю службу в армии, то бишь в разведке, не примерив военного мундира.

Предположительно в 1950 году или чуть раньше Георгий Абрамович Коваль появился в МХТИ имени Менделеева.

Его дождалась терпеливая жена, которая долгие годы получала лишь короткие письма от мужа. Их передавали молчаливые люди, не склонные вступать с ней в длинные разговоры.

Вновь пошла тихая и счастливая своей незаметностью жизнь. Восстановился в аспирантуре, успешно, как всегда получалось у Ковалья, защитил диссертацию, став кандидатом наук. С радостным достоинством принял предложение остаться в стенах вуза.

И вдруг из отдела кадров Менделеевки грянуло: а нам ученые вашего редкого профиля совсем не нужны. Он пытался развеять недоразумение. Убедить в ошибочности решения. После увольнения думал найти работу где-то еще, а потом вернуться в альма-матер. Не брали нигде. Предлоги — разные, суть одна.

Что случилось, почему? Спустя десятилетия причины разглядеть легко, не то что тогда. Кадровики недоумевали. Где этот Жорж Коваль пребывал почти десять лет? Пишет в анкете, будто служил в армии с 1939 года, это точно зафиксировано, до 1949-го. Но почему дипломированный выпускник МХТИ с блестящими знаниями за все эти годы так и оставался солдатом? Неужели не мог дослужиться ну хотя бы до младшего офицера? И награда всего одна — медаль «За победу над Германией».

Бедные кадровики! Откуда им было знать, что есть у Ковалья и другие медали. В США его награждали более щедро. Демобилизован с почестями и двумя медалями «За победу во Второй мировой войне» и «За примерное несение службы».

А в Москве дивились: разве не странно ведет себя этот рядовой? На вопросы о службе отвечает и в письменной форме, и при собеседованиях сдержанно, подробностей не приводит. Для бдительных кадровиков, и не только для них, этого было достаточно, чтобы Ковалья уволить и никуда не брать.

А он молчал. Дав еще в 1939 году подписку о неразглашении. И не имел права нарушить честного солдатского слова. Из ГРУ, не любящего шума, его после приезда из США отпустили.

И еще об одном. Вернувшись из США, Жорж Абрамович попал, втесался, в самый пик борьбы с «безродными» космополитами. Дело врачей-отравителей, увольнение из органов достойных сотрудников не с той национальностью в пятой графе в анкете. Пригвождение к столбу деятелей науки и культуры со сложными фамилиями: как позорны эти атрибуты той эпохи. А этот Коваль еще и родился в США. К чему рисковать своим благополучием ради этого подозрительного типа.

Но Ковалю надо было жить, кормить семью. Положение — трагическое. Пришлось, оббив все только возможные пороги властных кабинетов, обратиться в ГРУ. Там откликнулись, разобрались, помогли. Не сделали этого сами? Хранили тайну. Но написал же в ответ на мольбу о помощи рядового Коваля сам начальник ГРУ генерал-полковник Михаил Алексеевич Шалин письмо министру высшего образования В.Н. Столетову: «Прошу Вас учесть его немалые заслуги при обеспечении работой». Подтвердил, что Жорж Коваль с 1939 по 1949 год находился в армейских рядах. А объяснить, чем конкретно занимался, не может, ибо строго соблюдает закон о неразглашении государственной тайны о службе, которая проходила в особых условиях.

Не уверен, что Столетов понял ремарку об «особых условиях».

На языке разведки это сочетание обозначает: был нелегалом за границей. В случае необходимости представители ГРУ все это подробно объяснят кому и где надо. Но объяснять не пришлось. На просьбу генерала Шалина «учесть немалые заслуги при обеспечении работой» министр начертал соответствующую резолюцию. Обращение переслали в МХТИ имени Менделеева. И в институте быстро, без дешифровальщиков и дополнительных разъяснений, все уразумели. Коваля приняли, восстановили и назначили.

Не согласитесь ли, что послевоенная эпоха была сурова?

Студенты Коваля любили, он отвечал им тем же. Проработал в этом институте лет сорок. Преподавал, писал научные работы.

Военная разведка — ведомство исключительно закрытое — вспомнила о своем рядовом солдате лишь в начале XXI века. Его приглашали на встречи ветеранов. Регулярно помогали, в том числе и деньгами. Даже наградили почетным знаком «За заслуги в военной разведке». В сугубо закрытом музее поместили фото «Дельмара». Свой, узенький-преузенький круг людей до этого что-то о нем слышал.

Но только не штатный состав, а уж тем более широкая публика, потому что о подвигах атомного разведчика-нелегала все предшествующие десятилетия «по соображениям безопасности» молчали. А Жорж

Абрамович не признавал суеты. Его не знают? Значит, так надо.

Когда руководителей ГРУ упрекнули в «забывчивости», в том, что дань публичного уважения отдана герою из их ведомства очень поздно, они честно ответили: сам Коваль просил «пока» хранить его подвиги в тайне. Думается, генералы не лукавили.

Коваль прожил в неизвестности в принципе счастливую жизнь. А после нее президент РФ побывал в новом здании ГРУ, заглянул в музей, увидел, присвоили Героя (посмертно). Вот он круг случайностей, который относительно счастливо замкнулся.

Но думать, будто заслуги Коваля в деле ускорения создания советской атомной бомбы были никому, кроме как в ГРУ, неизвестны, ошибочно. Знаю это точно. Ибо в 1993 или 1994 году на стадионе «Динамо» патриарх — основатель московского «Спартака» и мой добрый знакомый Николай Петрович Старостин вдруг показал мне на пожилого человека, сидящего на трибуне. «Наш многолетний верный болельщик. Ученый, то ли физик, или, кажется, химик».

Я поначалу не понял: «И что здесь удивительного?» Мой старинный компаньон по прогулкам по Садовому кольцу улыбнулся: «Ему бы за “Динамо”, а он, видите, за нас. Хоть и разведчик».

ЛЮДИ ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Михаил и Елизавета Мукасей

«Если страна нас не знала, значит, мы ее не подвели», — считали Михаил и Елизавета Мукасей — супружеская пара разведчиков-нелегалов, проработавшая в Западной Европе около двадцати двух лет. «Эльза» и «Зефир» прожили долго, счастливо, ни разу не засветившись.

Но время приближает неизбежное. В августе 2008-го на 102-м году жизни скончался разведчик-нелегал полковник Михаил Исаакович Мукасей. В сентябре 2009-го в возрасте 97 лет умерла подполковник Елизавета Ивановна Мукасей. Теперь, когда они оба ушли, можно, наверное, рассказать кое-что новое о их необычайнейшей жизни. Хотя разве есть нелегалы, чью жизнь назовешь обычной?

Они начинали еще в легальной военной разведке под крышей советского консульства в Сан-Франциско. А уже после войны супруги Мукасей стали нелегалами внешней разведки. Работали под чужими именами в разных странах, откуда глава семейства руководил группами людей, трудившимися на советские спецслужбы в нескольких регионах Европы. И за все это время — ни намека на провал.

Причиной и своих немалых успехов в разведке, и долголетия супруги считают доброжелательность. «Когда окружающие видят, что ты хорошо к ним относишься, то вполне можешь рассчитывать и на доброе отношение к себе», — дружно и чуть не в один голос уверяла меня эта супружеская пара.

За десятилетия странствий и мотаний по миру у них ни единого промаха. У чужих контрразведок ни намека на подозрения. Незаметное возвращение господ-разведчиков Э + З домой, где их ждали честно и до конца жизни заработанные почет, уважение. И, как полагается в таких счастливых случаях, полная безвестность.

Мне бы никогда не встретиться с ними, если бы не их дети. Это они — кинооператор Анатолий Мукасей и его жена — киноактриса, режиссер Светлана Дружинина — искренне гордящиеся родителями, предложили и настояли. Пусть и на склоне лет, но Михаил Исаакович и Елизавета Ивановна должны получить хотя бы толику причитающейся славы, публичного признания. И к чести руководства Службы внешней разведки России следует сказать, что оно поддержало это святое стремление.

Быстрая и уверенная езда по петляющим узким шоссейным дорогам, переходящим в проселочные. Наглухо задраенные ворота с виду неприметного серого дома в ближнем Подмосковье, нежданно оказавшегося чем-то вроде старинного санатория. Вооруженная охрана, быстрая и привычная проверка удостоверений у троих моих сопровождающих офицеров с официальным занесением данных в разграфленную книгу посетителей, лежащую на столе у коменданта. На меня — ноль внимания: за чужака-журналиста отвечают люди, его сюда пригласившие.

Обстановка такая, что вопросы «ой, где мы?» задавать не тянет. В принципе ясно, что попали мы в госпиталь или дом отдыха для тех, кто, как и будущие мои собеседники Михаил и Елизавета Мукасей, тесно и навсегда связали свою жизнь с внешней разведкой. И, повторюсь, совсем не с той, что зовется легальной и респектабельно таится под дипломатической или торгпредовской крышей. Вежливое предупреждение сопровождающих: «Да лучше не снимать. Никого». И сам уразумел, что снимать совершенно не надо.

Отдыхают и лечатся тут люди далеко не публичные. Полковник Абель чувствовал бы здесь себя своим среди своих. Тут сравнительно недавно скончалась дочь полковника Эвелина.

Да и моих героев не хочется тревожить щелканьем «кодака».

Устанавливаем связь

Михаил Исаакович, высокий, с чуть сторбившейся спиной, носил черные очки с мощными линзами. Однако не помогали ни оптика, ни операции — зрение почти ушло. Елизавета Ивановна передвигалась на кресле-каталке. Отказали ноги, но казалось, это временно. Какое уж тут фотографирование.

Всегда перед встречей с такими людьми волнуешься: как воспримут, найдешь или не найдешь общий язык, станут ли, несмотря на разрешение сверху, рассказывать, а потом удастся ли об услышанном поведать-написать.

Очень помог блондин Саша. Он, так называемый «прикрепленный», как и принято в СВР, опекал эту пару «своих». Атлетически сложенный, контактный и дружелюбный, обращался с подопечными по-домашнему, но без фамильярности. Хозяина палаты величал «Майклом», давал ему, когда у того пересыхает горло, любимые леденцы, аккуратно поправлял одеяло на коленях у Елизаветы Ивановны — «Бетси». И представлял меня так доброжелательно, что отношения постепенно сложились, флюиды настороженности исчезли.

Уже потом, во время некороткой нашей беседы, когда постепенно пошли откровения, Мукасей время от времени брал меня за руку, объясняя: «Хочу почувствовать собеседника». Потом вдруг сказал приятное: «А вы — человек искренний». И у меня прибавилось оптимизма. Ладонь у него была твердая, не старческая, голос громкий, память не подводила, и рассудок был ясен.

А ведь родился Михаил Исаакович Мукасей 13 августа 1907 года.

С такой чистой биографией прямая дорога в чекисты

В его родном Замостье было 350 дворов. Деревня эта в Белоруссии, а жило там много поляков. Освоил чужой язык в польской школе. Может, потом и пригодилось, а, Михаил Исаакович?

Сын, племянник и внук кузнецов с десяти лет помогал старшим в кузнице. Сделать почти что живой цветок из железа, как выходило у дядьки, еще не получалось, но профессию в целом освоил.

А потом вдруг рванул в Питер. Мечтал учиться, надеялся на везение. Но оно все не приходило, и несколько месяцев босоногий безработный каждый день бегал отмечаться на биржу труда, пока действительно не подфартило. В 1925 году его взяли «подметалой» на Балтийский судостроительный завод, где работало 17 тысяч пролетариев, к которым регулярно наезжал сам Сергей Миронович Киров. Воодушевленный речами яркого трибуна, да и подуставший от маханий метлой, исхудавший и тощий Мукасей однажды решился и попросился на работу в котельный цех. Начальник согласился взять с условием: придется сначала лезть в котлы крейсера «Парижская коммуна», что стоял на капитальном ремонте, и отбивать в них ржавчину.

— И в течение нескольких месяцев я занимался именно этой самой жуткой работой, — до сих пор морщится от воспоминаний Михаил Исаакович. — Я туда, в котлы, будь они прокляты, еле-еле влезал. Вкалывал так, что даже плакал, но никто на помощь мне не приходил.

Заставил он все-таки улыбнуться форту. Взяли его потом в кузнечный цех, добрался до бригадирства. Получал много премий. Однако смекнул, что о детской мечте — получить образование — забывать никак нельзя, и пошел на рабфак. Днем — кузнечный, вечером — рабочий факультет при заводе «Русский дизель». И поступление в университет на экономико-географическое отделение.

— А в один прекрасный день я получаю повестку: меня командируют в Ленинградский институт народов Востока, — и сейчас не без удивления вспоминает Мукасей.

Неужели ЧК уже приглядывалась к парню из деревни Замостье? Он говорил, естественно, на русском и белорусском, польском языках, в университете учил немецкий, в 1929 году вступил в партию. Зачислили его на бенгальское отделение, да плюс английский. Два года учебы и вдруг —

нет больше института.

— Его ликвидировали, — вздыхает Мукасей. — Директора обвинили в троцкизме, а институт вообще закрыли: а если там учатся одни враги народа? И я буквально завис.

Вдруг опять повестка. Кто за ним следил и кто ворожил? Чекисты или судьба? Мукасея вызвали в — Центральный комитет Коммунистической партии. Его и других сравнительно молодых и относительно образованных людей от станка поприветствовал член Политбюро. Заявил: мы вас командидуем на новую работу. Кто-то посмелее осведомился: на какую же? Ответили в принятом тогда духе времени: «Вот когда вы туда придете, то и узнаете». Они прибыли и узнали.

— Так в конце второй половины 30-х началась учеба в разведшколе, — твердо сжимает кисть моей руки Михаил Мукасей.

Даже Чарли Чаплин предупреждал: скоро война

Год учебы по интенсивности и напряжению сравним разве что с очисткой котлов на заводе. И вот уже Михаил и Елизавета Мукасей с двумя детьми спешат в Штаты. В Лос-Анджелесе предстоит поработать под крышей советского консульства.

11 июля 1939 года пароход «Сибирь» отчалил из Ленинграда.

В Лондоне пересадка на «Нормандию», доплывшую до Нью-Йорка, а там на поезде под названием «Сан-Хосе» в Лос-Анджелес с остановкой на пять лет.

На следующее же утро после их приезда в Лос-Анджелес в консульство пришел приятный молодой американец. Представился: «Я — из местной службы безопасности, хотел бы с вами поговорить». Разговор продолжался два часа. После этого Михаил сразу полез в подвал. Куча каких-то непонятно к чему подключенных кабелей, сплошные переплетения, а телефон на все консульство — один. Мукасей все провода, кроме телефонного, обрезал. Через 17 минут приехала машина, и косивший под монтера парень уверенно заявил: «У вас с телефоном что-то не в порядке». Так что многое начинающим разведчикам стало ясно уже со второго дня.

Легальная разведка в столице Голливуда? Сам по себе Лос-Анджелес для наших военных оперативного интереса вроде бы не представлял. Но многие звезды кино, писатели, интеллектуалы были вхожи в высшие госсферы. Им доверяли и поверяли тайны даже американские президенты. Особенно Рузвельт. У каждого своя слабость: Рузвельт обожал пооткровенничать с творческой элитой. Иногда сведения от секретаря консульства, а затем и вице-консула Мукасея шли в Центр со ссылкой на источник — из кругов, близких к президенту.

У четы Мукасей отношения со знаменитостями завязывались теплые, доверительные. Популярнейший в СССР и известный в США писатель Теодор Драйзер звал их просто Майкл и Лиз. Захаживал в гости знаменитый музыкант Леопольд Стоковский. Мукасей частенько бывал в Академии искусств на встречах с писателями. Почему-то быстро сошлись с Чарли Чаплином. Елизавета Ивановна вспоминает о нем как о родном:

— Обаятельнейший был человек. При знакомстве сразу признался, что любит советских людей, а женщин — в первую очередь. Захаживал в консульство, где его встречали на ура. Мой Миша всегда предлагал

Чаплину водочки, и тот почти никогда не отказывался — умел выпить, — с одобрением говорит Елизавета Ивановна. — А за три недели до праздника Октября муж обычно заезжал к Чаплину домой, сажал в машину и вез в свой кабинет. Там Чарли Чаплин записывал на диск приветственную телеграмму для советского народа. И однажды Чаплин выпалил: «Я люблю всех вас, ваших детей и даже ваших животных».

Муж себе все это на ус накрутил. У нас была хорошая связь с советскими моряками, которые в войну совершали рейсы между СССР и Штатами. И Миша поехал на корабль, попросил сделать для Чарли что-нибудь приятное. И уже в следующий заезд матросы привезли в подарок только родившегося бурого медвежонка. Ласковый попался зверюшка и сразу полез к Чарли миловаться. У нас даже снимок есть: Чарли целуется с мишкой, которого, конечно же, прозвали Чарли Чаплином. Он долго жил у Чаплина дома, а потом, когда подрос, актер передал его в зоопарк.

Их познакомили с кинозвездами Мэри Пикфорд и Дугласом Фэрбенксом. Те оказались славными, не испорченными славой и деньгами людьми. Пригласили Мукасеев на свою роскошную виллу, а после банкета российский вице-консул и его жена увезли с собой целую гору цветов.

Зазвала Пикфорд и на репетицию в Голливуд. Больше всего потрясли даже не сами съемки, а техника. Механика по тем временам непостижимая. Поразили и чудеса Уолта Диснея. Он к советским относился с подчеркнутым дружелюбием. Запомнил высокого русского и его симпатичную жену из консульства. Однажды показал, как рисует своего уже тогда знаменитого Микки-Мауса.

(Странно, а мне приходилось слышать, что Дисней в период маккартизма в 1950-е годы исправно стучал на своих же коллег-киношников. На любого подозреваемого в принадлежности к компартии США шел донос в ФБР за его подписью. Может, испугался, что и его, некогда симпатизировавшего левым, объявят неблагонадежным.)

А Мукасеи для себя усвоили твердо: все эти почести и знакомства лишь благодаря тому, что они представляли великую страну. Я же от себя позволю предположить иное. Были Майкл с Бетси симпатичной парой. И американцы, да и люди из других стран, где им пришлось в дальнейшем работать на положении нелегалов, это чувствовали. Контакты и отношения устанавливались естественно, а не по долгу службы. Вернее, не только по долгу службы.

Конечно, смысл пребывания в Лос-Анджелесе заключался не в светских раутах и приемах. Появлялись ценные источники информации. Тот же Чарли Чаплин не раз предупреждал, что Гитлер нападет на нашу

страну. Возможно, догадывался о настоящей роли русского друга, потому и говорил прямо: «Майкл, передай своим, чтобы не верили этому Гитлеру». И Михаил Мукасей перегонял сообщения в Центр. Если бы тревогу бил один только Чарли Чаплин... Все ждали большой войны. Кто-то из американцев лишь тонко намекал на это, а были и те, что били в набат: «Наци наплюют на все эти бесполезные пакты о ненападении, кому вы поверили?..» И лишь в Москве, к их удивлению, именно на эти сигналы реагировали слабо.

Но война не могла не грянуть. И многие американцы, русские эмигранты, которые раньше воротили нос от Советов, потянулись в консульство.

Да, Мукасей работал в разведке. Но он оставался и настоящим дипломатом. Быть может, прикрытия даже развязывало руки. Он чувствовал себя обязанным и перед своей попавшей в беду страной, и перед доверившимися ему американцами. Сколько тогда на него навалилось. Организация всяческих собраний и встреч. Показ военной кинохроники и советских фильмов. Рассказы наших фронтовиков, командированных в Штаты, о битве под Москвой и о победе в Сталинграде. Сбор вещей, посылок, денег для Советского Союза.

Они с Елизаветой Ивановной никогда не забудут, как в военном лагере великие музыканты Леопольд Стоковский и Владимир Горовец исполнили Седьмую симфонию Шостаковича для десяти тысяч американских солдат. Музыка русского композитора, написанная в осажденном Ленинграде, звучала в Калифорнии. И она звала, молила погромче лозунгов и призывов: пора, нужна помощь, где же он, ваш обещанный второй фронт? Концерты, общение с героями-русскими сближали две такие разные державы больше и быстрее, чем дипломатические ноты и бесконечные переговоры.

На американцев особое впечатление произвела Людмила Павлюченко. Такая красивая женщина и неужели снайпер, которая уничтожила 309 фашистов? Она выступала в парке, и чуть не весь избалованный зрелищами и знаменитостями Лос-Анджелес пришел послушать, как бьют фрицев эти русские. Ей аплодировали, в консульство она приехала вся в цветах. И суровая, с виду неприступная, попросила: «Лиза, дай мне, пожалуйста, твое платье. Я так устала от военной формы». Елизавета Ивановна выстирала гимнастерку, повесила сушиться на солнышке, придела в свое платье. Они подружились. У Мукасеев дома хранилось ею написанное: «Людям, которые меня очень поддержали в этой жизни».

Начальство из Москвы завалило заданиями. И они добывали информацию, давая шанс аналитикам из Центра делать выводы и

принимать решения.

Забавно, но сами американцы и установили в консульстве машину, ящик, называйте, как хотите. Не радиостанция, на которой, между прочим, Елизавета Мукасей могла бы и запросто поработать, а аппарат для передачи телеграмм. Михаил передавал жене бумажки с текстами, и она в любое время дня и ночи отправляла донесения в Москву.

Когда началась война, Ц, ентр поставил важную задачу: что будут делать японцы? Нападут или нет? В Лос-Анджелесе вольготно располагилась огромная японская колония. Да и американцы до Пёрл-Харбора торговали с этой страной активно, ездили туда толпами.

И Михаил Мукасей в стороне не оставался. Тут потребовались знакомства не только с голливудской богемой. Вступил в контакт с торговцами. Помог один антиквар, у которого был бизнес с японцами.

Вот кто щедро делился своими впечатлениями. Из всего услышанного-разведанного складывалось впечатление: Япония на войну с СССР пока не решится. Михаил писал об этом длинные депеши, супруга передавала их в Москву. Они и сами сомневались. А уж Центр тем более. Но когда дивизии сибиряков перебросили с Дальнего Востока под Москву, оба поняли: в Москве их информация без внимания не осталась. Источники Мукасея подтверждали переданное из Токио Рихардом Зорге.

Тут Елизавета Ивановна и поведала мне историю, которая ей дорога и видится пророческой, а вот Михаил Исаакович, не слишком верящий в мистику, считает совпадением. Это случилось в упомянутом антикварном магазине. Его владелец поддерживал контакты с Японией и потому был для Михаила небезынтересен, не входя в детали — помогал. Так вот, в магазине появился большой пакет из Японии с загадочной надписью: «Кто знает, от кого подарок, тому его и отдайте». И Майкл интуитивно, как считает Елизавета Ивановна, почувствовал, что это — от Рихарда Зорге. Возможно, Мукасей знал или где-то слышал имя этого человека, как и они с Лизой, работавшего в военной разведке. Пакет вскрыли — действительно от Зорге, без указания адресата и хоть какого-то имени. Просто: «Это — моим друзьям». Чудесный кофейный серебряный сервиз до сих пор у них дома, как реликвия.

Не склонный в иные моменты к подробностям, Михаил Исаакович и сегодня никаких комментариев по этому поводу не дает. Вероятно, Зорге знал, что есть у него в США коллеги по разведке? А Мукасей почувствовал дружеский сигнал, переданный ему из Токио товарищем по профессии? Или торговец, ездивший в Японию, получил от Зорге особый наказ? К чему гадания! Пусть мистика так и останется мистикой.

А напоследок рассказанная разведчиками история из реальной американской эпопеи о композиторе Рахманинове. Михаил Мукасей уже пережил пять консулов, сделался старожилом, когда в 1943 году в консульство пришли две женщины в строгом черном:

— Михаил Исаакович, мы знаем, что вы добрый, хороший человек, потому обращаемся прямо к вам. Умер Сергей Васильевич Рахманинов. Перед смертью просил, чтобы похоронили его на родине — такова его последняя воля.

— Я сразу пишу телеграмму в Центр. И мне оттуда отвечают: у нас сейчас миллионы погибают от немцев. — Михаил Мукасей и сегодня, рассказывая об отказе, взвешивает каждое слово. — Кончится война, победим и поместим Сергея Рахманинова на наше кладбище. Ответ такой потому, что отношение к Рахманинову было тогда отрицательным. Но все закончилось так, как и должно: поместили.

Путь в иные разведсферы

Они с женой и двумя детьми рвались из Америки домой. Обращались к руководителям: хотим быть вместе со всем народом. Отвечали им коротко: когда будете нужны, позовем, пока — сидите там.

«Туда» к ним приезжал генерал из Центра. Исследовал и анализировал их работу. Остался доволен, так что пятилетнюю командировку в Голливуд признали продуктивной.

Получилось так, что в 1939 году в спешке и горячке срочной подготовки к выезду в США Мукасей остался фактически без очередного воинского звания. В университете с военной кафедрой ему присвоили старшего лейтенанта. С этим и пришел в разведку. Так в нем и проходил до окончания командировки. А вернувшись в Москву, добровольно вступил в армию.

Десять лет Михаил Мукасей проработал в специальной разведывательной школе заместителем начальника учебной части. Вместе с двумя генералами и другими старшими офицерами «готовили людей для зарубежной работы».

— И вот в один прекрасный день вместе с еще несколькими товарищами пригласили к начальству. — Тут Михаил Исаакович как-то подтягивается, сосредотачивается. — Меня спросили: скажите, пожалуйста, нужно ли обязательно быть военным, чтобы стать разведчиком? Я сказал, что не обязательно, надо быть только разведчиком. На этом и закончилось.

На самом деле все только начиналось, но уже по второму, еще более закрытому кругу.

Через некоторое время его вновь пригласили, или правильнее будет сказать, вызвали, на Лубянку. Там и сидел человек, который задал тот самый вопрос.

— Это был Коротков Александр Михайлович, — ух, как напрягся Мукасей. — Наш, можно сказать, отец, один из лучших советских разведчиков. Он и благословил на нелегальную работу. Коротков гордился нами, а мы счастливы были трудиться под его началом. Еще до нашего «исчезновения» мы с Коротковым вместе много ездили, подбирали людей для работы во внешней разведке.

— Михаил Исаакович, это когда же вы взяли второй старт? В 1954-м?

— Нет, позже. В нелегальной разведке я проработал больше двадцати

лет. Мы с женой были во многих странах. Каких — считайте, что не помню.

— В это хорошо верится, когда у вас такая память. Ладно.

Но сколько же языков вы знаете? Кроме английского и в детстве, юности выученных польского и бенгальского?

— Рабочими, самыми главными, были английский и немецкий. Основной — английский. Немного говорил на испанском, немного на французском. Бенгальский тоже не мешал.

— На каком языке общались между собой?

— Когда как. Иногда на немецком. Бывало, на польском, на английском.

— Русский использовали?

— Если только надо было решить какой-то сложный вопрос. Но дома мы никогда и ни о чем сложном не говорили.

Короли нелегалов

— Михаил Исаакович, я знаю, что касаюсь области совершенно запретной, но все-таки. Вас не могли вот так взять и поселить в какую-то страну. Была же какая-то легенда. Повод. Наконец, чтобы попасть в назначенную точку, требуются документы.

— Я лично имел возможность ездить по разным странам. Документы у меня были хорошие. А легенда — тяжелейшая. Не из бахвальства скажу, что не каждый даже сильный разведчик мог ее выдержать.

Тут к разговору подключился еще один наш сопровождающий:

— Михаил Исаакович, я вас очень прошу, без деталей!

И у меня в голове быстренько промелькнуло, что на легенде можно поставить точку. Но Мукасей, как выяснилось, придерживался несколько иной точки зрения:

— Ничего такого не расскажу. В моей семье, я вам говорил, где родился и вырос, во время гитлеровской оккупации погибло более 30 человек. В ту область мы ездили. Было это по линии матери. Гитлеровцы убивали жесточайше. Людей, которые выжили и остались, — мало, по пальцам пересчитать. Я был в том месте, я знал, я видел. И перед тем, как все это делать, я нашел человека. Он действительно был в этом лагере и прошел через ад. Всю его биографию я взял на себя. А человека этого, с биографией, ставшей моей, постарался с помощью наших властей отправить в Израиль. Туда же выехал его отец. Дальше развивать эту тему я не могу.

Впрочем, вот вам крошечный эпизод. Как-то в одной стране я пришел к адвокату оформлять сделку — покупал дом. И он неожиданно попросил меня рассказать что-нибудь о себе. Я начал, и вдруг на глаза у моего собеседника навернулись слезы. Он быстро остановил меня своим «данке шен, данке шен». Спасибо, дальше можете не рассказывать.

— Вы говорили с ним на немецком?

— Я знал этот язык довольно хорошо. Часто копировал правившего в то время канцлера. Мой немецкий с акцентом соответствовал моей легенде. И чтобы я соответствовал ей уж на все сто, я мог допускать некоторые ошибки.

— Какая все-таки страна стала местом основного пребывания?

— Трудно сказать, какая. Все были главными. Мы ездили по миру.

— И сколько лет заняло это путешествие? Двадцать?

— Чуть больше, если быть совсем точными, то двадцать два.

— Скажите: чем все же вы занимались?

— Мы имели возможность и право заключать всяческие торговые сделки с любой страной и фирмой. Я главным образом занимался тем, что являлся посредником между покупателем и продавцом. За это получал проценты. И, конечно, использовал знакомства в разведработе. Сейчас вы спросите: «Как?» Если вам интересно, то в каждом государстве у нас имелись хорошо знакомые люди, которые прекрасно разбирались во внутренней обстановке и еще в политике. А в годы моей работы в разведке дома интересовались не только документальными данными, но и настроением населения. И публика, с которой мы были связаны, давала нам заведомо объективные сведения о ходе и состоянии дел. И об этом мы тоже сообщали.

— Если вы с Елизаветой Ивановной мотались по белу свету, то были человеком обеспеченным?

— Вообще-то, да.

— И сами сделали свое состояние?

— В какой-то степени.

— У вас были собственные агенты?

— Конечно! Иначе, зачем все затевалось? Были, и мы ходили, получали документы, пересылали почту в Центр — делали все, как принято и водится. Это уже обыденная и практическая жизнь каждого разведчика.

— Как поддерживали связь?

— У нас была двойная радиосвязь: Центр — к нам, и от нас — в Центр. Работала жена. Как-то с нами чуть не случилась неприятность. В первые годы аппарат был громоздкий — весил 16 килограммов. Это потом, за два с лишним десятка лет, технику усовершенствовали, и мы в последнее время получали уже модерн. А тот, пудовый, и таскать никуда было нельзя, и спрятать тоже тяжело. И однажды утром читаем в газете, что вчера на соседней улице в таком-то доме произведен обыск на предмет пресечения работы нелегального радиоаппарата. Когда мы вышли из дома, где сняли временное жилье, по улице уже курсировали машины с антеннами — пеленгаторы. А получилось так, что как раз тогда, когда Елизавета Ивановна передавала в Центр, в аппарате испортился диод, и она была на связи дольше обычного. И будто бы ее засекли. Но повезло: наше жилище находилось по счастливому стечению обстоятельств на уровне их государственной радиостанции, которая тоже наверняка работала во время нашего сеанса с Центром. И мы оказались как бы в стороне. Заподозрили кого-то другого. Но рисковать было нельзя, и мы временно прекратили

выходить на связь. Держали паузу три месяца.

— Михаил Исаакович, вы уже перешли на довольно подробное описание оперативных эпизодов. — В голосе старшего офицера, с любопытством Мукасею внимавшего, звучала искренняя тревога.

Куратор Саша только пожал плечами. Сам Михаил Исаакович смотрел куда-то вдаль своими столько повидавшими и сейчас невидящими глазами. Елизавета Ивановна сидела молча. Еще один — третий — старший офицер слушал рассказ Мукасея даже повнимательнее моего.

— Михаил Исаакович, а нельзя ли еще один какой-нибудь эпизод, необязательно оперативный? — все же решился я. — Дай когда будет готов текст, я вам все покажу, чтоб не напутать.

Чуть-чуть — и полный провал

— Хорошо, я расскажу вам о нашей работе, — громким и ясным своим голосом сказал Мукасей. — Эпизод, как вы говорите, второй. Опять на ту же тему. Приехал к нам наш работник из Центра.

— К вам, в Европу?

— Этот человек мог подковать блоху. И так здорово устроил место, где мы могли временно прятать аппаратуру. Но в один из дней, когда он у нас работал, в гости вдруг, что в Европе Западной совсем не принято, нагрянули наши знакомые, которым объяснить присутствие в доме этого человека было бы крайне трудно. Да и на языке страны пребывания он не говорил. Наш умелец не растерялся, полез на чердак и, скрючившись, терпеливо ждал под крышей три часа, пока люди не уехали.

Эпизод третий, и снова связан с техническими деталями. Это уже в последние годы. Незадолго до отъезда снимали мы в одной стране небольшую двухкомнатную квартирку. Обычно в дневное время я ездил по всяким торговым делам, а вечером работали: фотографировали, передавали в Центр то, что надо было туда отправить. И как мы ни устраивались, какие мягкие вещи ни подкладывали, но, как только нажимали кнопку, все равно слышно. И на второй или третий день этой нашей интенсивной работы заходит к нам человек, вроде бы и сосед. Предупреждает нас: у вас могут быть проблемы с газом, что-то у вас в квартире не так. Мы всерьез встревожились. Не в газе дело, а в том, что он учуял равномерное туканье аппарата. Пришлось временно свернуться.

Эпизод четвертый. Мы дождались новой радиоаппаратуры, и наш товарищ из Центра должен был передать нам ее в твердо условленном и обозначенном месте. Я туда поехал, хорошенько изучил обстановку. Еду в то место поздно вечером — пусто, никого нет. Понимаете, какие в голову лезут мысли? Езжу, долго езжу — никак не могу найти. И, в конце концов, решаю попробовать другую дорогу. Поехал — и сразу наткнулся на нашего товарища из Центра с новой радиоаппаратурой. Она нам хорошо послужила.

— Михаил Исаакович, не надо больше никаких деталей, — взмолился наш провожатый. — К сожалению, нельзя об этом пока говорить. Рановато.

— Рано, — согласился вглядывающийся в вечность Мукасей. — Тогда я расскажу историю, которая может произойти с каждым, даже самым гениальным разведчиком. От этой истории нет спасения, и кто бы, где бы и

как бы вас ни учил, никакая наука и никакие профессиональные ухищрения не помогут. Потому что разве можно избежать случая? Я был на подготовке к нелегальной работе в одной из стран. Вечером спокойно возвращаюсь домой. И тут встречается мне прохожий, который с большим изумлением на русском спрашивает: «Миша, что ты здесь делаешь?»

— А страна европейская?

— Вполне. Я вылупил свои глаза, тогда я еще хорошо видел, смотрю на него, махаю головой. Тогда он ко мне на английском: «Is it possible?» — возможно ли это? Молчу, просто молчу. Он отошел, но через секунду снова ко мне: «Миша Мукасей, ты не помнишь, как мы вместе бывали в консульстве?» Как же мне не помнить! Семья выходцев из России, жили в Америке, мама его преподавала у нас в консульстве в Лос-Анджелесе английский язык, а он был в те годы подростком. Превратился в красивого молодого джентльмена, которому я прямо говорю: «I do not know You». Разошлись и, к счастью, без оперативных последствий.

Такие встречи происходят и довольно часто. Для некоторых моих коллег они заканчивались не столь удачно.

Двадцать два года состояли из таких эпизодов

Елизавету Ивановну повезли обедать. А Михаил Исаакович от еды решительно отказался:

— Уж если уговорили рассказывать, то слушайте. Я на беседу настроился. Николай, не устали?

И пошли рассказы. По понятным, а может, и не совсем понятным резонам не обошлось без купюр, но за смысл монолога ручаюсь, пусть кое-какие детали и пришлось опустить. Имена, цифры, псевдонимы, географические названия и годы приводились точные. И изречение знаменитого разведчика, Героя России Владимира Борисовича Барковского: «Разведка, как ни одно другое занятие, прекрасно развивает память» — подходило к рассказу 94-летнего тогда Мукасея на все сто. Зачем мне документальности ради вставлять в это повествование мои вопросы? Ведь лучше Мукасея все равно не скажешь. Итак...

— Язык — это чуть не самое главное. Искали мы однажды, ну, предположим в Амстердаме или в Антверпене, одного нашего пропавшего человека. Он три месяца не выходил на связь, и Центр дал указание: найти, узнать, в чем дело, и помочь. Приложив определенные усилия, мы отыскали судно, на котором он плавал. Называлось оно «Игл» — по-русски «Орел», и когда я на немецком попросил, чтобы нас с женой доставили на этот стоящий на рейде корабль, даже разговаривать с нами не захотели, не то что куда-то везти. Это было в середине 1950-х, и, видно, не попал я с языком: в те годы случалось, что немецкий не всех устраивал, и нас прямо окатили презрением. Так что утро выдалось неудачным, но мы решили снова рискнуть вечером. Я по-другому оделся, пригодился парик, и требовательным тоном на простецком английском заявил, что нам прямо сейчас необходимо попасть на «Игл». Командный тон произвел впечатление. Нам сразу предложили сесть в моторку, что мы с моей половиной и сделали.

Подошли к кораблю, вскарабкались на борт. Смотрим, вон он, наш человек, работает на палубе. Правда, к тому времени Центр на всякий случай изготовил документы — пропавший моряк является родственником моей жены. Но документов никто не спрашивал, и мы обратились к старшему помощнику капитана с просьбой: «Не могли бы мы увидеть мистера такого-то?» А нам: «Вон ваш мистер, палубу драит». Словом, встретились. Пропал же он потому, что решил развлечься и купил себе

мотоцикл. Покатался так, что попал в аварию и на три месяца загремел в больницу. (Дорогие читатели! Вспомните эпизод из этой книги с описанием катастрофы, в которую попал в Токио Рихард Зорге, и вы поймете, что этот вид транспорта — не для разведчика. — ЯД)

Это, между прочим, и о том, что в выборе развлечений разведчик должен быть крайне осторожным. А мой коллега отличался отчаянной смелостью. Раньше был помощником капитана большого корабля. Немецкая бомба попала точно в его судно, и командир погиб. Тогда наш друг взял на себя командование и привел горящий корабль в Ленинград. Он и сам был родом оттуда. Мы с Елизаветой Ивановной его отыскивали на «Орле» и потом долгое время работали с ним за рубежом.

Вообще в разведке случается, что лицо, с которым наша Служба работает, вдруг если и не исчезает, то по разным причинам выпадает из поля зрения. На связь не выходит, и найти его бывает непросто. Обстоятельства тут могут быть самые разнообразные. Однажды такое произошло с одним работником — не русским, не советским, но в полном смысле слова нашим. Думаю, этот случай будет вам интересен. Обосновался этот иностранец со своей женой в европейской стране, работает долгое время и довольно успешно. А потом внезапно всякая связь с ним прекращается. Центр в тревоге, ведь все может быть. Что, если кто-то его опознал или где-то в работе промахнулся? И Центр дает мне задание разыскать фирму, где трудится этот человек, и прояснить ситуацию. Пришлось ехать в другое государство. Нахожу его компанию, пару дней покрутился рядом, и в теплый солнечный денек, хотя дело было на севере Европы, иду на встречу. На двери медная табличка с названием фирмы и фамилией интересующего меня господина. Нажимаю кнопку, вхожу и принимает меня его жена — дама такой красоты, что если бы не было у меня моей Елизаветы Ивановны, то я мог бы и влюбиться.

Знаю, что и он, и жена говорят по-английски, поэтому обращаюсь к ней на этом языке с просьбой предоставить мне возможность увидеть мистера такого-то. По-моему, она поняла, откуда посетитель, и попросила зайти позже: сейчас, мол, его нет, когда будет — сказать трудно. Пришлось проявлять решительность. Отвечаю, что ограничен во времени, останусь, с вашего любезного разрешения, ждать господина прямо здесь. Женщина покраснела. Одет я нарочито хорошо, что в этой стране ценится, выставляя меня неудобно. Через 20 минут приходит он сам. Я ему — пароль, он мне — отзыв, и все как полагается. Он предлагает выйти на улицу и поговорить там, ибо в конторе неудобно. Идем, выбираем удобное место на пешеходной дорожке на мосту через виадук, можно идти и

разговаривать. Спрашиваю его: чем объяснить, что такого-то числа, а затем и такого-то вы не явились на встречу? Он мне в упор: вы кто будете? С достоинством отвечаю, что я — представитель Центра. И вдруг человек, которого считали уж таким нашим, выпаливает на английском: я вас не люблю. Беру себя в руки и объясняю, что любовь или нелюбовь меня мало интересует, по крайней мере, меньше, чем причина, по которой он пропустил несколько встреч. Говорю, что я очень исполнительный, и раз мне дано задание проверить, то я его выполню, потому что просто не смогу иначе. Он дает мне понять, что я, быть может, не тот человек, с которым ему можно вести дело. Тогда, чтобы как-то расположить строптивного господина, начинаю говорить с ним по-русски. И то ли от волнения, то ли от того, что долго на родном ни с кем не беседовал, русский язык у меня получается весь ломаный. Чувствую, собеседник мой еще больше насторожился. И тогда я предлагаю: ждите такого-то числа доверенного от Центра, который подтвердит, что я именно тот, с которым вы должны разговаривать.

Доверенный из Центра с ним встретился, связь была восстановлена, и этот мистер стал опять на нас работать. А потом выяснилось, почему он вдруг прекратил выходить на связь. Не нравился напарник, который с ним ее должен был поддерживать. Грубо себя с нашим другом вел. Господин этот так и сказал: если бы это были вы, то и продолжил бы. Пытаюсь ему втолковать, что тут уж выбирает начальство, однако он ни в какую. Но уговорил-таки. И долгие, долгие годы мы были вот такими добрыми и хорошими связными.

Случаются вещи довольно забавные. Однажды заехали в Париж и вместе с туристами целый день — по экскурсиям. Вечером усталый водитель развозит всех по отелям, и вдруг слышим, как он матерится и, ругаясь, говорит: «Ну, немцы проклятые. Наехали сюда, а мне до утра с ними кататься». Елизавета Ивановна и я мирно промолчали...

Против течения

Мы с женой уже работали в Европе, когда начались венгерские события 1956 года. Повстанцы относились к коммунистам жестко, злостно, и то, что Хрущев послал туда пушки, мы посчитали правильным. А вот о событиях в Чехословакии, о Пражской весне 1968 года писали в Центр открыто: наше правительство делает очень большую ошибку. Отправляли подробные донесения, где прямо подчеркивали, что чехи будут помнить обо всем сто лет и превратятся в наших врагов. Мы в этой стране бывали, заезжая из других государств, и обстановка нам была понятна. Наверное, рисковали, идя против течения. Если почитаете наши доклады, то поймете, что выводы наши были правильными.

И по поводу Израиля у нас было собственное мнение. Однажды заехали туда, думали — на месяц-другой, а оказалось на три. Только что закончилась война 1967 года, и, когда мы ездили по отдельным районам, еще взрывались бомбы. Центр нам поставил определенную задачу по выяснению ряда вопросов. Для ее выполнения требовалось найти компетентных людей, которые были бы в курсе того, что собирается предпринять израильское правительство в дальнейшем, какова стратегия отношений с арабским миром. Удалось выйти на одного человека, который не только был в курсе, но и сам выяснял для нас много тогда непонятного и запутанного. В свое время он был членом правительства, потом его уволили и здорово этим озлобили. Не понимал, на кого работает, — мы все расспросы вели очень осторожно. Но знал он действительно очень много. Были и другие высокопоставленные источники. Это позволило нам еще в 1970 году сделать определенный вывод. Израиль может пойти на некоторые уступки арабам, палестинцам. Но только не за счет Иерусалима, тут они голову положат, но город этот ни за что не отдадут. Я так и написал в донесении. Тот мой отчет в Центре восторга, понимания не вызвал. Прошло больше 30 лет. И, видите, я не ошибся. Николай, что еще вы хотели узнать?

— Может, о вашей личной жизни. Как познакомились с будущей супругой и как получилось, что стали работать вместе? У вас же двое детей. Как было с ними?

— Я эту женщину, которая зовется Елизаветой, встретил в Ленинградском университете. Мы больше 70 лет вместе. Какая это считается свадьба? Платиновая? Пусть она вам обо всем этом сама

расскажет.

Как можно без личной жизни

Елизавета Ивановна как раз и была настроена рассказать о личном. Или, может, за шестьдесят с лишним лет в разведке просто-напросто приучилась не говорить о главном деле жизни. А вот о Мише, о детях, о себе, но только без какой-либо связи с основной профессией, — пожалуйста:

— Я училась в Узбекистане. У нас был такой интернат! Сама Крупская приезжала и даже назвала нашу школу «жемчужиной Востока». Я училась только на «отлично», и директор, как сейчас помню его фамилию — Лубенцов, посоветовал мне «вливаться в рабочую среду». Это потому, что рабочих тогда принимали в вузы без экзаменов. И вот из Ташкента с тремя сотнями рублей денег я приехала в Ленинград. В университет действительно приняли. Профессии физиолога меня обучал сам Иван Петрович Павлов. Но меня интересовали, не знаю уж почему, и иностранные языки. Потом увлеклась радио. Познакомилась с радистами, и так мне это увлечение помогло — и в Америке, и после в других странах.

А Мишу я сразу в университете заприметила. Высокий, красивый, он всегда носил красную рубашку. Был секретарем комсомольской организации. Я его в первый раз увидела сидящим в президиуме. А познакомились в очереди у стоматолога. Я только сдала нормы ГТО, и он попросил мои бумаги посмотреть. Отдала — и тут меня вызывают к врачу. Документы остались у него, и, знаете, как это в университете бывает, встретились мы только через три месяца. Собираюсь идти на первомайскую демонстрацию, а этот в красненькой рубашечке с вьющимися волосами ко мне подходит и решительно: «Девушка, никуда вы не пойдете!» Я разозлилась: «Это почему?» А он мне так тихо: «Вы же голодная, нельзя вам...» А я и вправду голодная, бледная. Откуда быть сытой, если где-то в столовой студенческой схватишь кусок черного хлеба — и всё. Демонстрация отменилась, и на площади Урицкого она прошла без нас. А Миша повел меня обедать.

И винегрет, и суп, и второе. Он всегда был добрым, отзывчивым человеком. Люди это чувствуют. Мы стали друзьями. Гуляли по Летнему саду, возвращаясь каждый в свою комнату. У него — три человека, нас, девчонок, — пятеро. Ну и потом мы поженились.

Заканчиваю университет, а муж уже совсем на другой работе. У него сложная подготовка перед отъездом за рубеж. И тут меня, члена партии,

вызывают в райком на беседу. В конце просят: «Елизавета Ивановна, вы когда там будете работать, пришлите нам хоть один банан». Я обещала. Когда мы плыли в Америку, сыну прямо на корабле исполнился год, а дочке было четыре.

— Елизавета Ивановна, — не выдержал я. — Как вы жили в Лос-Анджелесе с двумя детьми — понятно. Но потом? Когда стали нелегалами? Ведь не видели же сына с дочерью годами.

Елизавета Ивановна задумалась. Чуть заерзала в своей колясочке.

И решилась:

— Наши работники ко мне относились очень хорошо и гуманно. Выходило так, что каждый год я проводила с детьми месяц.

— Елизавета Ивановна, муж был в вашем легальном и нелегальном дуэте старшим?

— Он и по званию старший — полковник. А я — подполковник.

Нам хватало и полувзгляда

— Михаил Исаакович, а чем вы больше всего гордитесь? Что особенно удалось? Какое достижение в работе — наивысшее?

— Я вам скажу откровенно и без излишней скромности. Думаю, мы из всех разведпар — редкая по пониманию друг друга. Не помню, чтобы хоть одного задания не выполнили. Обычно перевыполняли. И ни разу никого не подвели. Выручать нас не приходилось, потому что провалом не пахло. Поэтому и известны мы лишь в своем узком кругу. Тихо получали награды и благодарности.

— А какие именно?

— К примеру, у меня орден Боевого Красного Знамени за первый период нелегальной работы, когда удалось сразу после приезда довольно быстро вжиться и организовать.

— Что организовать?

— Я не говорю, где и когда, но резидентуру создали мы довольно быстро. И похвала моего начальника, друга Александра Михайловича Короткова была мне не менее дорога, чем орден и новая звездочка.

У супруги, как и у меня, знак «Почетного чекиста», медали. Но с наградами ее немножко прозевали, обошли. Работали мы в одном учреждении, но приписаны были к разным отделам. Помимо всего прочего, я еще занимался подбором людей для нашей разведки. Подыскивал надежных помощников. Писал на них характеристики.

— Это иностранцы? Агенты?

— Оставим вопрос без комментариев. А когда в 1970-х годах вернулись, у нас оказалось много знакомых в центральном аппарате. Кое с кем мы сотрудничали еще там. Недавно скончался один из ближайших друзей, который держал с нами связь за границей. Мы с ним работали и крепко дружили.

— После возвращения вы, наверное, преподавали в ваших школах?

— В течение довольно длительного времени мы готовили людей. Они приходили к нам домой. И я с женой рассказывал, как работать, что и в каких случаях нужно делать. Подготовили, и серьезно, человек семь. И один после трех лет на нелегалке обратился к руководству с просьбой навестить нас. Разрешили, и он приезжал. Благодарил: все, что вы рассказывали, — правильно, и я поступал именно так. Разве нам это тоже не награда?

— А о чем вы рассказывали? Что вашим ученикам требовалось усвоить в первую очередь?

— Михаил Исаакович, — взмолился старший офицер-тезка Мукасея. — Здесь только в общих чертах.

— А в каких же еще? — даже удивился Мукасей. — Едва ли не главное — знать свои права. В одной из стран, где приходилось бывать, мы, по указанию Центра, построили дом. Вдруг местные власти ко мне с упреком: вы внесли мало денег на строительство, надо еще, иначе — освобождайте виллу. И тут я проявил твердость, может, даже нахальство... Ага, значит, вот вы какие гостеприимные хозяева. Ничего больше вкладывать не собираюсь и никуда отсюда не уеду, потому что квартира — моя. Так мы там и остались. Я этим хочу сказать, что если надо было поругаться с кем-то, то я выступал смело, потому что изучил их законы досконально. Вызубри, что ты имеешь право делать, а что нет. Имеешь право ругаться с полицейским, или лучше промолчать. Иногда на этом тоже горели. Второе — язык. Вы на меня не обижайтесь, но я лишний раз подчеркну: разведчику, нелегалу тем более, им необходимо владеть в совершенстве. Язык твоей легендарной страны происхождения — это твое богатство. Если и допускаешь ошибки, то только такие, которые твоей легендой оправдываются. Все-таки русских людей, даже, казалось бы, в совершенстве освоивших иностранный, частенько узнают. Тут ведь не только в произношении дело — в артикуляции, в жестах, во внутренних нюансах и эмоциональных проявлениях.

И, наконец, нельзя забывать о мелочах. Был у нас интересный момент. Пошли мы вскоре после приезда получать один документ для жены. Получили, и тут встает полицейский и мою Елизавету Ивановну поздравляет. Это мы забыли, что по новым документам у нее сегодня как раз день рождения.

— А вы выезжали уже мужем и женой? Или сочетались «законным» браком еще и за границей?

— Нет, по легенде и по жизни мы пара, — тотчас вступила в разговор Елизавета Ивановна.

— А как все-таки с детьми? Ведь они-то жили в Союзе.

— Сложный вопрос, — признался Михаил Исаакович. — По легенде, у Елизаветы Ивановны был ребенок. Ведь в чем проблема: врачи могут установить, имела ли женщина детей и даже сколько. Был у нас в одной из стран пребывания, где 1 ноября день памяти усопших, коллега, компаньон. Какое-то время работали вместе. Так однажды в этот грустный день он отыскал на кладбище заброшенную могилку умершего лет тридцать назад

мальша. Наказал: на всякий случай — это «ваша», можете изредка приходить молиться.

Что вообще для разведчика наиболее важное? Известность? Слава? Но они если и приходят, то только в результате провала. Так, быть может, лучшая награда и свидетельство успеха все-таки безвестность?

Книга на двоих

Мои встречи с Мукасеями продолжались, годами поддерживал я с ними добрые отношения. И как-то пригласили они меня на премьеру своей первой книги «“Зефир” и “Эльза”», изданной при содействии Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка. И, быть может, в этом не было бы ничего особенного, если бы не солиднейший возраст моих героев. А так полковник Михаил Исаакович Мукасей (он же «Зефир» и «Вальтер») и его жена подполковник Елизавета Ивановна («Эльза» и «Вишня») написали интереснейшую и, что нечасто случается с литературой такого рода, откровеннейшую книгу. Я проглотил те ее главы, где авторы описывают собственную работу. Вошли в книгу и мои материалы. Елизавета Ивановна на презентацию не пришла — попала в госпиталь. Ее муж по-прежнему держался бодро. И когда я искренне поздравил его с удачным литературным опытом, сын деревенского кузнеца из белорусского местечка Замостье так крепко сжал мою руку, что я подумал: быть может, мемуары будут и продолжены.

Тем более что занимались выехавшие под чужими именами из Чехословакии в Швейцарию, а затем в Мексику разведчики не только добыванием нужной стране информации, но и налаживанием связей с осевшими чуть не по всей Европе советскими нелегалами. Есть о чем вспомнить.

Потом, уже дома у Мукасея, я попросил его поподробнее рассказать о смерти нашего нелегала К. в Париже. Молодой еще человек перестал выходить на связь, и Центр приказал Мукасеям: отыскать во что бы то ни стало.

Это был один из первых выездов Михаила-Вальтера из новой страны проживания в другое государство. Довольно рискованная поездка из Берна в Париж, где терялись следы одинокого (по чекистской легенде и по жизни во Франции) нелегала К. И найденное на месте трагическое объяснение невыхода на связь. Владелец небольшого магазина умер в больнице.

Это потом Мукасей узнал, что когда К. вырвался в отпуск в Советский Союз, ему предлагали сделать операцию. Но ждали нелегала большие дела, и разведчик отказался.

Отыскал не без труда его квартиру, узнал, что господину К. сделалось дурно и его увезли в больницу, где тот и скончался.

Никто не мог предположить столь преждевременного ухода. И здесь

Мукасей проявляет не просто служебное, а чисто человеческое участие. Подробнейше выясняет все обстоятельства смерти неизвестного им сподвижника. Больничная сестра-католичка сообщила: «Ваш знакомый умер в полном одиночестве и в полном сознании. Он позвал священника, поцеловал католический крест, а перед смертью из глаз его скатилась чистая, как роса, слеза, и он затих навсегда».

Мукасею сделалось больно за товарища. Даже на смертном одре он не выдал себя, унося с собой тайны родины. До последнего вздоха не отступил от своей легенды. Вот уж кто остался верен присяге, не подвел, даже умирая. Русский человек был похоронен по чужому обряду, сделал все, чтобы уйти достойно. Михаил Исаакович отыскал его безымянную могилу. Так хоронят бродяг и собак. И Мукасей, несмотря на определенный риск, добился перезахоронения.

В Париже К. был безумно одинок, а на родине в Москве у офицера внешней разведки остались жена и две дочери. Теперь они совсем взрослые, но по-прежнему простая русская фамилия их отца, как и совершенный им подвиг, под грифом «совершенно секретно».

Тогда же, в той трагической ситуации «Зефир» и «Эльза» не отступили. Чтобы как-то объяснить свой интерес к К., Мукасей выдал себя, по легенде, за его дальнего родственника, кузена своей жены. И тут супругам приходит идея: официально оформить наследство. Дело, конечно же, не в жалких грошах, 40 американских долларах, оставшихся от бедного К. Добиться признания в качестве настоящих наследников означает совсем иное: по-настоящему легализоваться в Швейцарии, публично доказать, что у них, приехавших из Восточной Европы, были родственники и в Европе Западной, получить соответствующие документы.

Завязывается длинная и подчас рискованная интрига. Нотариусу требуются свидетели. И чтобы найти, а точнее уговорить их, Мукасеи применяют все профессиональное умение и глубочайший человеческий такт.

Ну а память о скончавшемся товарище по нелегальной разведке они увековечивают: устанавливают на могиле мраморный памятник, высаживают многолетние кипарисы и елочки. И все 20 с лишним лет пребывания за кордоном заботились о могиле. На памятнике — портрет К. с датами рождения, по легенде, а год смерти — подлинный. И даже уйдя из жизни, К. помогал родине. Его могила служила местом встреч с другими разведчиками, тайником для обмена разведывательными материалами. Не правда ли, сюжет для детективного фильма?

И еще долгие годы после возвращения четы Мукасеев на родину кто-

то, догадываюсь кто, приносил цветы к памятнику с выбитой на нем чужой фамилией. Настоящей была только дата смерти.

Что сейчас, остался ли памятник на своем месте или, как это часто бывает во Франции, тут уже другая могила? Не знаю...

Вот еще один из крошечных эпизодов. В кладовке зарубежной квартиры Мукасеев хранился пылесос. На самом деле его 12-метровый шнур безотказно служил радиоантенной во время чуть ли не ежедневных сеансов связи.

Или такая деталь прикрытия. «Эльза», по легенде, была полькой. Пришлось выучить не только язык, но, чтобы показать себя ревностной католичкой, регулярно бывать в костеле и выучить все молитвы. Научилась готовить национальные блюда. А иногда и развлекать гостей простенькими, якобы с детства запомнившимися польскими песенками и стихами.

Но аккуратная, радушно принимающая приглашенных гостей «Эльза» всем своим видом дает знать, что не любит, когда к ним в дом приходят экспромтом, заранее не предупредив. Знали бы приятели и соседи истинную причину подобной щепетильности. У Елизаветы Ивановны сеанс связи с Центром, и любой, даже мало разбирающийся в технике гость может заподозрить неладное, увидев в комнате сложную современную технику. А пока Лиза передает или принимает радиogramмы, Михаил старательно метет дорожки в уютном, приобретенном им, действительно удачливым коммерсантом, домике с садом, старательно наблюдая за тем, чтобы рядом не появились посторонние. Невинное занятие, а сколько напряжения. Ведь стоило, если вы помните, однажды забарахлить устаревшей аппаратуре и затянуться сеансу связи, как радиопередатчик чуть не запеленговали.

В Москву, к детям, по легенде

Некоторые разведчики-нелегалы рассказывали мне, что с детьми в чужих краях и труднее, и легче одновременно. Легче — ибо детишки — это еще и лучшее прикрытие. Труднее — ибо при возвращении домой возникают нередко непонимание, конфликты. Возвращенные в чужих краях дети не говорят по-русски. И каково им адаптироваться в снежной и сложной России?

У Мукасеев и намека на такое не было. Иногда, неизвестно какими путями, Елизавета Ивановна на короткое время вырывалась из своей нелегальной жизни и оказывалась в Москве. Как? Под каким предлогом и прикрытием удавалось вырваться? Рассказывать об этом запрещено до сих пор. Но Центру удавалось вывозить своих нелегалов отдышаться. Это называлось и отпуском, и переподготовкой. А для Лизы это была встреча с детьми. За короткие несколько недель она старалась передать им все тепло и любовь, копившиеся месяцами в далеких странах. После чего снова возвращалась к мужу.

— Как получалось — не спрашивайте, — предупреждает Елизавета Ивановна. — И ребята у меня выросли талантливые. Анатолий — один из лучших кинооператоров. Дочка тоже была связана с кино, работала администратором, директором кинокартин на Центральной студии документальных фильмов. У Толи жена — Светлана Дружинина, актриса и режиссер, она мне сразу понравилась. У нас в семье четыре члена Союза кинематографистов. Вот вы о личной жизни. Но она же удалась. Мы можем гордиться редчайшим взаимопониманием. Один взгляд Михаила Исааковича, поворот головы, полувздых... И мне было все абсолютно ясно. Лечу — и выполняю.

Иногда, когда особенно хотелось поговорить по душам, они садились в машину и уезжали в лес. Проверялись, уходили в чащобу, общались по-русски. Хотя по строгим разведканонам это запрещается (одного разведчика-нелегала, ночью в полудреме выругавшегося на родном матерном, едва не отозвали из Скандинавии).

И в 100 лет — разведчик

Иногда Михаил Исаакович мне что-то рассказывал. Елизавета Ивановна всегда в эти моменты сжималась, настораживалась. Из этой пары она, подполковник Мукасей, до последних лет не позволяла — и так и не позволила — себе выговориться. А Михаил Исаакович, поведав при встрече какой-то эпизод — другой, звонил мне домой: «Николай Михайлович, вот о том, припоминаете, я подумал, пока не надо». На следующий день снова: «Да, и о продолжении того случая, ну, помните, пожалуй, тоже не стоит, время не пришло». Память у него работала здорово.

13 августа 2007 года полковник Михаил Мукасей отпраздновал свой сотый день рождения. Его боевая подруга, жена — подполковник Елизавета Мукасей 95-летие справила в марте. Я заглянул и на юбилей, да и до него переговорил с Михаилом Мукасеем.

Квартира в доме недалеко от метро «Фрунзенская» — небольшая, зато в зеленом районе столицы. Стены в портретах знакомых по книгам и фильмам людей из разведки. Мукасеям, как и почти всем немолодым нелегалам, продолжает помогать СВР. У них вполне благополучные и благодарные дети.

Идиллия? Все и всегда складывалось благополучно. Вряд ли. И я спрашиваю:

— А когда были уже нелегалом в Европе, чувствовали иногда вокруг вас чужое шевеление, повышенный интерес?

— Неоднократно. Порой в некоторых государствах поднималась волна шпиономании. В местных газетах появились угрожающие статьи «о шпионах с Востока, обосновавшихся в нашем тихом городе». В таких случаях мы на связь с Центром, чтобы не рисковать и никого не подводить, некоторое время не выходили.

— Как передавали разведданные?

— По радиосвязи, а еще тайнописью. Закладывали сообщения в тайники. Иногда наши нелегалы вдруг переставали выходить на связь. И нам приходилось выезжать в другие страны их отыскивать.

— А если их арестовали или вдруг они переметнулись на чужую сторону?

— Если б переметнулись, мы бы с вами тут так спокойно не сидели. Предателей за эти два десятилетия нам не попадалось.

— Вот вы учили своих молодых преемников. На что обращали их внимание?

— На многое. И на языки тоже. Вообще языки, как я вам говорил, надо знать в совершенстве. Один наш нелегал, человек высокообразованный, пробился в такую высшую военную школу, обучение в которой могло бы стать для разведки бесценным. Но там не удержался.

— Подвел акцент?

— Нет, некоторая неотшлифованность языка, немного совсем не хватило до блеска.

— Почему среди разведчиков-нелегалов немало долгожителей? Работа же нервная, столько сил отнимающая...

— Дед мой был могучий кузнец. Мог лошадь остановить. И, когда я шел на встречу с агентом или нелегалом, я, помимо соблюдения всех предосторожностей, которым нас обучают, вспоминал о деде и тихонько повторял про себя: уходите от меня, не прикасайтесь ко мне. Я иду на работу, иду важное дело делать. Не мешайте.

Если сам себя не успокоишь, то кто это сделает? Только Лиза. Но я всегда старался все тщательнейше продумывать. И никакой работы на ура. Постоянно пересекая границу одной страны, мы даже изучили манеру работы их карабинеров. Старались не попадаться часто на глаза одним и тем же людям: вдруг эта частота наших пересечений вызовет подозрения? От некоторых таможенников, пограничников, выказывавших большое служебное рвение, старались держаться подальше. Шли через других, более дружелюбных. Нам было чего опасаться: через границу перевозились секретные документы.

— Вы служили и в военной разведке, были преподавателем в спецшколе, работали под крышей диппредставительства, больше двух десятилетий в нелегалах... Что интереснее всего?

— Когда разведчик в консульстве, ему говорят: сходи, возьми, дай задание. А когда ты нелегал, всё или почти всё зависит только от тебя.

И пользы от тебя гораздо больше. Нелегальная работа — самая почетная.

— Михаил Исаакович, на своем столетии вы спокойно выпили, сам видел, рюмочку.

— Да вы сами со мной ее и подняли. Можно и две, а то и три.

— Что из напитков любите? Водочку?

— Да нет. Я предпочитаю виски «Блэк энд Уайт».

Прощайте, Майкл и Эльза

Трогательная была и очень интеллигентная пара. Елизавета Ивановна могла часами рассказывать о великих народных артистах МХАТа.

А кому было знать их, как не ей, пять лет проработавшей после возвращения из Штатов секретарем художественного совета легендарного театра. Актеры со званием народных наперебой рассказывали, что в нее в ту послевоенную пору были влюблены многие гениальные и великие.

Но ей и самой вместе с мужем было суждено стать легендами — только нелегальной разведки. Вообще из этой пары нелегалов более разговорчивым был, как ни странно, Михаил Мукасей.

В 2007 году мы отпраздновали в гостеприимном доме Мукасеев 100-летие его хозяина. До этого Михаил Исаакович спросил меня, с кем бы я предпочел отпраздновать его юбилей — с большим начальством или с друзьями семьи? Я предпочел друзей.

И тут же готовя статью к 100-летию, начал фотографировать Михаила Исааковича. Искал лучший ракурс, когда полковник предложил:

— А давайте здесь, на фоне настенного календаря. А то не поверят, что бывают и такие долгожители.

Больше всего меня поразило, что юбиляр успевал и поднимать тосты, и изящно отвечать на шутки друга, народного артиста Льва Дурова. Елизавета Ивановна сидела в колясочке и все вспоминала о Штатах, о других далеких и близких странах. Но вот кремень: ни слова о разведке. А зато сколько о МХАТе, о Чарли Чаплине.

Мукасеи ушли, и я понимаю: всему и всем свой черед. Да и дожить бы, сохраняя бодрость духа и трезвое сознание, хоть до 80. Вспоминаю эту пару часто. Уж очень они были хорошими людьми. С ними было легко.

Жаль, не зайти мне больше в квартиру на Фрунзенской...

НЕ БЫВАЕТ НИ РАНО, НИ ПОЗДНО

Елена Косова

Елена Косова ушла от нас в 2014-м в 89 лет. Общаясь с ней, понимал, почему говорят, что «в разведке служат талантливые люди».

Ее английский и в последние годы данной Елене Александровне длинной жизни был приятен, интеллигентен и отточен. Сколько уж лет пролетело с той поры, с 1949 года, когда молодой старший лейтенант внешней разведки Елена Косова отправилась вместе с мужем и коллегой по Службе Николаем Косовым в США, а язык остался при ней. Не исчез со временем, не забылся, как это иногда бывает.

Впоследствии муж ее, тоже из жизни ушедший, стал генералом. Она, прослужив семь лет в стране Главного противника, так тогда называли Соединенные Штаты, родила сына и покинула службу.

А пришла туда в годы Великой Отечественной войны. Девчонка 1925 года рождения должна была стать снайпером. Получалось неплохо. Но красивую и способную, ее быстро приметил опытный профессиональный взгляд разведчика. Пригласили в Высшую школу Министерства государственной безопасности. Она согласилась, хотя был человек, воспротивившийся решению, — ее отец, а по совместительству командующий внутренними войсками МВД. Дочь, в отличие от отца, поначалу не знала, что ее направляют в школу разведки. А когда узнала, дала ответ: твердое «да». Отец считал это занятием не женским, еще более рискованым, чем снайперское дело. Но Елена уговорила домашних, она вообще умела убеждать. Что тоже является одним из качеств, которые оченьгодились Косовой в разведке, и, в частности, в Нью-Йорке.

Приятную молодую сотрудницу с удовольствием приняли в представительстве Советского Союза при ООН. Она не была некоей предшественницей красавиц-агентесс, задач заманивать персонажей, представляющих интерес для разведки людей, в медовые ловушки перед ней никогда не ставилось. По рассказам Косовой, ей выпала, как она говорила, честь стать первой женщиной, принятой на работу в советское представительство при ООН, где до этого трудились только мужчины. Небольшое, но по-своему примечательное событие не осталось незамеченным и служебным ооновским вестником, что придало авторитета начинающей сотруднице.

Елену быстро приняли во всегда довольно своеобразную, разборчивую и закрытую для чужаков дипломатическую среду. И не только коллеги с серпастым паспортом. Она была благожелательна, умела поддержать разговор, всегда элегантно одета. Никогда не отказывалась переводить затягивающиеся за полночь деловые беседы или сложные документы, как практиковали это некоторые другие коллеги по профессии. Словом, настоящая дама-переводчица, каковой по легенде прикрытия, да и фактически Косова и являлась.

А потом, когда уважение и, главное, доверие иностранных коллег было тоже завоевано, она сумела подняться по крутой ооновской иерархической лестнице. Признаться, дипломатическую специализацию ей подобрали в разведке: защитник прав женщин в области международного права при одной из признанных мировых организаций ООН.

Уж не знаю, как защищала эти права Елена Александровна. Предполагаю, что, как и всё в этой жизни, она и эту работу выполняла достойно.

Но главным, скрытым от глаз остальных делом была работа в разведке, которая продолжалась все семь лет пребывания в Нью-Йорке.

Косова трудилась в группе моего доброго знакомого Владимира Борисовича Барковского, будущего Героя России. Звание это было присвоено человеку, которого при жизни величали легендой научно-технической разведки за добычу атомных секретов. Владимир Барковский еще молоденьким лейтенантом занимался этим в годы Великой Отечественной войны в Англии, а затем, уже набравшись опыта и став полковником, резидентом внешней разведки и в США. Все нити от американских источников, в том числе и атомных, верно служивших советской разведке, тянулись к этому невысокому, внешне очень неприметному человеку, обладавшему огромным обаянием, фантастической памятью и, в отличие от многих сослуживцев, блестяще разбиравшемся в проблемах далекого не мирного атома.

А связной в резидентуре Барковского была как раз Елена Косова. Иностранные дипломаты называли ее Элен, в резидентуре Косовой поначалу почему-то присвоили мужской псевдоним «Ян», который потом сменили на просто «Елену».

Она не слишком много рассказывала о тех временах. Достоверно известно лишь то, что группа Владимира Борисовича Барковского работала, как говорят разведчики, по секретной атомной лаборатории в Лос-Аламосе. Нет, сама Косова никого не вербовала. Однако на связь ей передали двух наших «друзей», опять сугубо профессиональная

терминология, то есть агентов из числа американцев. Какие должности они занимали, не будет раскрыто никогда. Тут время не то что еще не пришло, оно прошло и, скорее всего, не наступит никогда. Известно лишь, что это были женщины. Жены ученых или государственных чиновников? Секретарши, через наманикюренные пальчики которых проходит столько документов с грифами или без грифов? Встречи с ними проводились регулярно, иногда, как ни странно это покажется для того сурового для разведки времени, даже очень часто — по два раза в неделю.

И ни разу Косова не попала под подозрение. Да, была и фэбээровская наружка, и некий риск: ведь на связь выходили одни и те же типажи, которые могли и примелькаться, чем-то выделиться в нью-йоркской толпе. К счастью, толпа была по-настоящему густой.

Чтобы избежать лишних проблем, Косова, конечно же, вместе с резидентом Владимиром Барковским придумала несколько уловок. Иногда американская «подруга» быстро бросала что-то в машину Элен. И Косова предпринимала все меры, чтобы в случае необходимости уничтожить следы: всегда и всюду она носила с собой — на всякий случай — зажигалку. Знала, что если вдруг придется сжигать листы с полученной информацией дома, в гостях, да хоть на дипломатическом приеме, то надо свернуть листочки трубочкой и поджечь ее сверху. Во-первых, быстрее сгорит, во-вторых, лист превратится в белый пепел. Даже в машине рядом с сиденьем водителя ей установили небольшой металлический ящичек — для ключей, сигарет, в котором всегда лежали зажигалка и спички. К счастью, воспользоваться ими так ни разу и не пришлось. Хотя несколько лет подряд старший лейтенант перевозила полученные документы в этом ящичке. Случись что, а такое могло произойти на протяжении нью-йоркской «семилетки» Косовой в любую минуту, и, возможно, ей бы быстро удалось избавиться от улики.

Нередко «случайные» встречи происходили в маленьких закусочных. Порой в парикмахерских. Иногда буквально на ходу — на бегу. Это было одним из методов работы старшего лейтенанта. Елена Александровна вспоминала, что встречи, как говорят в разведке, всегда были моментальными. Материалы в одну секунду переходили из рук в руки. Хорошо следящие за собой дамы не вызывали подозрений. Ни разу Косова не подводила своих друзей, информаторов, агентов.

Как полагала много лет спустя сама Косова, секретные сведения касались не только интересовавшей Центр атомной проблематики. Некоторые были получены из НАТО. Советская разведка не ошиблась, знала: в этой организации вынашивались, зрели серьезные

геополитические угрозы для СССР.

Документы по американскому атомному проекту «Энормоз» первым получал Берия, а затем уже в переведенном виде они доходили до «Бороды». Так называли Игоря Васильевича Курчатова — руководителя советского атомного проекта, молодого ученого, усилиями и Лаврентия Берии ставшего потом академиком.

Но прошло семь лет, последовало возвращение в Союз, родился маленький сын, требовавший внимания. И Косова покинула службу. Впрочем, как сказать, ее муж Николай закончил свою чекистскую карьеру в звании генерала. Часто выезжал в командировки, в том числе и долгосрочные. И всегда в этих поездках его сопровождала жена.

Трудно, нет, просто невозможно представить, какие задания выполняла Косова в этих передвижениях по свету. Суть не в банальной фразе «Бывших разведчиков не бывает». Просто супруга, прошедшая отличную и суровую школу борьбы с контрразведкой в США, могла быть и, думаю, была полезна мужу и родине в других государствах.

По крайней мере, одно из ее увлечений привлекало внимание зарубежных знакомых. Уже в возрасте 50 лет, находясь с супругом в Будапеште, Елена Александровна увлеклась лепкой. Рассказывала мне, что на это ее вдохновило творчество классика венгерской поэзии Шандора Петефи. Первым произведением стал его скульптурный портрет.

И постепенно увлечение превратилось в профессию. Кто только не становился героями ее скульптур. Она встречалась с «железной леди». Премьеру Соединенного Королевства Маргарет Тэтчер работа русской понравилась, и она поместила подаренную скульптуру на своем столе. Удавались Косовой и скульптурные портреты президентов США, Франции, Джона Кеннеди, генерала Шарля де Голля и премьера Индии Джавахарлала Неру. Не забыла и про Леонида Ильича Брежнева — а как и почему без наших?

А были еще Ганнибал и Ференц Лист, Бетховен и Таривердиев, Пушкин и Чехов... Действительный член Международной академии творчества Елена Косова — автор 60 памятников, скульптур и скульптурных портретов. Наверняка у Вучетича и Церетели их больше. Но они же не были еще и разведчиками. Да и начала Елена Александровна заниматься лепкой в 50 годков, доказав, что в жизни не бывает, не может быть рано или поздно. Если творчество доставляет радость, значит, по силам начинать в любом возрасте и немало успеть.

Проторила Елена Александровна и дорожку в Италию. Памятник Джине Лоллобриджиде установлен в родном городе итальянской

кинозвезды. Бюст Маяковского, выполненный в бронзе, находится в Турине.

Скульптурный портрет майора Сергея Солнечникова, закрывшего своим телом гранату и спасшего ценой собственной жизни молодых сослуживцев, передан Еленой Александровной в Центральный музей Вооруженных сил.

Пятнадцать работ члена Союза художников СССР находятся в Венгрии, Франции, Германии. Немало их и в музеях России.

Шесть выставок Косовой за рубежом понравились публике и критике. Особенно ценили скульптора в Венгрии, где она была в командировке вместе с мужем. Ее первый наставник скульптор Олчаи Киш гордился ученицей. После нескольких персональных выставок она присоединилась к Венгерскому художественному фонду.

Знал ли кто, что Елена Александровна Косова — удачливая разведчица? Не думаю. Она всегда появлялась на разных встречах в хорошо сшитых платьях темноватого цвета. Сверху накинута теплая безрукавка. Показывала фотографии своих работ и приглашала в мастерскую.

Вероятно, прощая, главная специальность воспитала острый глаз, наблюдательность, научила останавливаться на важном в работе скульптора, отсекая все лишнее.

Ее работы выставлялись на вернисажах художников-разведчиков в Москве. А твердо понять, что и она внесла свою лепту в благородное дело защиты национальной безопасности, помогла премия Службы внешней разведки России в области искусства и литературы за 2010 год. Скульптурные портреты товарищей по Службе — Героя России и бывшего ее резидента Владимира Барковского и полковника разведки, писательницы Зои Воскресенской-Рыбкиной запомнились многим.

Не случайно я завершаю эту небольшую главу упоминанием о Зое Рыбкиной-Воскресенской. Общий тираж ее книг, в основном о Ленине, однако не только, превысил в былые (советские) времена 21 миллион экземпляров. Великолепная разведчица, волею судьбы отлученная от любимой профессии, превратилась в хорошего писателя. У Елены Косовой все обошлось благополучно. Она ушла из органов по собственной воле. И нашла себя в 50 лет в совершенно новой профессии. Это я к тому, чтобышний раз напомнить: в разведке работают способные, талантливые люди.

«ПЕТЛЯ ПРИМАКОВА»

Евгений Примаков

Кажется странным, однако вопрос постоянно возникает: был ли разведчиком Евгений Максимович Примаков? Но разве может быть не разведчиком человек, больше четырех лет руководивший отечественной внешней разведкой?

Чтобы покончить с сомнениями на сей счет раз и навсегда, приведу несколько дат. 30 сентября 1990 года академик Примаков назначается руководителем Первого главного управления (ПГУ) внешней разведки, первым заместителем председателя КГБ СССР. Он же первым в истории этой организации отказался от высоких генеральских чинов, справедливо сочтя, что полученных знаний, звания академика и уважения сотрудников вполне достаточно для руководства разведкой.

Далее пошли мало зависевшие от Примакова хаотичные государственные реформы, начался катастрофически быстрый распад Советского Союза, и 6 ноября 1991 года ПГУ КГБ СССР переименовали уже при Примакове в Центральную службу разведки, а 18 декабря того же года Ельцин подписал указ о создании Службы внешней разведки (СВР) Российской Федерации.

И здесь первый президент России крепко задумался: академик Примаков никак не относился к числу его фаворитов. Не лебезил, не нахваливал, относился к Борису Николаевичу с уважением, не проявляя, впрочем, многими коллегами напоказ выставляемого подхалимского подобоострастия. Новый глава государства присмотрел даже своего верного человечка на важнейшую (Ельцин это понимал) должность. А новый выбор Борис Николаевич объяснил ближнему кругу, что было особенно поразительно при его-то всем известных пристрастиях, склонностью Примакова... к выпивке. Действительности это совершенно не соответствовало.

Все же Ельцина уговорили не совершать опрометчивого шага, поразмыслить, хорошо все обдумать и даже побывать в штаб-квартире СВР. Здесь он и появился в момент своих тягостных раздумий, став первым руководителем страны, нанесшим визит в Ясенево. Кстати, потом его примеру последовали и будущие президенты России Владимир Путин и Дмитрий Медведев, которых (сам этому свидетель) сотрудники СВР

каждый раз принимали с искренним энтузиазмом.

Почему известный востоковед, журналист и собственный корреспондент всеильной тогда газеты «Правда» на Ближнем Востоке (он «просидел» четыре года в Каире), член-корреспондент и затем академик сам пошел в разведку? Вот в чем настоящий вопрос.

И вот сугубо правдивый, без преувеличений ответ: чтобы спасти СВР от неминуемого разрушения, предназначенного ей всем ходом непредсказуемой ельцинской эпохи.

Но разве были у Евгения Максимовича какие-то связи с Комитетом госбезопасности? А как без них? Знаменитый востоковед, немало поколесивший по Ближнему Востоку, лично знакомый с властелином Ирака Саддамом Хусейном, его министром иностранных дел Тариком Азизом, с лидером курдов Барзани, разве только не с обожествляемым в Палестине Ясиром Арафатом... Уже как член правительственных делегаций Примаков навещался в Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт, Саудовскую Аравию, Иран, Турцию... Он знал всех политических деятелей, вершивших большую политику на Ближнем Востоке и во многих других мировых регионах.

Было бы наивно думать, что аналитические записки академика о положении в той или иной части планеты читали лишь в Центральном комитете КПСС. Понятно, что в закрытую рассылку включались все, имеющие отношение к большой международной политике. Неужто в число редких читателей не входили руководители КГБ, ГРУ и других закрытых ведомств? Да как бы им справиться со своими многотрудными обязанностями без таких блестящих аналитиков, как Примаков? Могу представить, что на официальных встречах ему задавали уточняющие вопросы, ставили связанные сугубо с их специфическими ведомствами аналитические задачи. Ясно, что заданий по вербовке, закладке тайников и привлечению к сотрудничеству надежных источников Евгений Максимович не получал. Кто посмел бы. Да и использовать в разведывательной работе собственных корреспондентов центральных газет, а что могло быть «центральнее» наицентральнойшей «Правды», в советские времена категорически запрещалось. Однако авторитетным мнением Евгения Примакова о возможных действиях лисы Арафата или о взаимоотношениях египетского президента с американцами, предполагаю, интересовались не только в ЦК на Старой площади, но и на Лубянке.

В советскую эпоху было заведено, что все без исключения отправлявшиеся в зарубежные командировки проходили оформление через Центральный комитет партии. При выезде им давали ознакомиться с

Инструкцией о правилах поведения за границей. Ясно, что не избежал этого десятилетиями заведенного порядка и знакомства с цековской инструкцией и член КПСС тов. Примаков. И в ответ на такую «заботу» (об этом даже не говорилось, а само собой подразумевалось) Евгений Максимович щедро и в высшей степени профессионально готовил личные, без правдинского пафоса, записки об истинном положении в той или иной части света. Плодами его обезличенных размышлений и наблюдений пользовались все — от генсеков до чекистов.

Вряд ли у кого-то из представителей науки и большой журналистики той эпохи было больше раскиданных по всему миру друзей и знакомых, чем у обладающего необыкновенной харизмой Примакова. Востоковед по образованию, он хотя и изучал арабский, иногда пользовался услугами переводчика при переговорах с деятелями Ближнего Востока. В остальном ему хватало и английского.

А в 1991 году приезд Ельцина в «лес», как между собой называли Ясенево разведчики, произвел нечто похожее на фурор. Его выступление перед руководством СВР было необычным. Честно признался, что испытывает определенные сомнения относительно компетенции Примакова. Тот работал в разведке меньше трех месяцев, его не отнести к испытанным профессионалам. Хватит ли у новичка опыта и авторитета для создания принципиально новой, совершенно самостоятельной Службы, подчиняющейся непосредственно ему, президенту России? Как будто до этого разведка подчинялась кому-то кроме главы государства!

У самого Примакова были некоторые, таившиеся лишь в душе, наружу не выходящие колебания. Была группка людей, среди них и разведчики, и аппаратчики, возможно, и искренне полагавшие, будто Прим (так его называли за глаза) не потянет. Поздний — по возрасту — приход в ясеневский лес мог, по их мнению, сказаться на эффективности оперативной разведработы. Потребуется слишком много времени, чтобы вникнуть. А надо еще и завоевать доверие не только у авторитетных в профессиональной среде заместителей, но и у сотрудников, которым тоже пальца в рот не клади. Все бывалые, все, как говорили тогда о загранработниках, хорошо объезженные.

Эти же сомнения посещали и самого кандидата на пост директора по существу новой Службы. Они перекрывались тем, что Евгений Максимович понимал — работа нужна стране. И промедление, остановка деятельности внешней разведки неизбежно скажется на безопасности России. Пусть высокий стиль, но такова была суровая правда жизни.

Скажу и о другом. Примаков, которого Ельцин считал человеком

Горбачева, нуждался в определенной передышке. Публичности в тот момент, когда многое решалось криками и громкими обвинительными речами, политическому деятелю Примакову не требовалось. Этим с успехом занимались другие, умело пробиравшиеся к ельцинскому трону. А Евгению Максимовичу переход на работу в подмосковный лес давал возможность вплотную заняться делом государственной важности.

И если в первые недели к академику относились если не со скепсисом и недоверием, а с определенной настороженностью, то вскоре эти понятные чувства исчезли. К тому же некоторые разведчики знали Евгения Максимовича по заграничным командировкам. Другие читали его аналитические труды. А молчаливое и, как всегда, выжидавшее большинство быстро уразумело: в период эпохальных потрясений этот серьезный, уже немолодой руководитель не даст никому из конкурирующих спецслужб подмять, проглотить, присоединить к себе разведку.

В ту пору атаки на нее уже готовились, и сотрудники СВР, привыкшие заглядывать вперед, мыслить стратегически, увидели в Ефиме фигуру могучую. Ведь на их глазах пал всемогущий КГБ. Разогретая спиртным и демагогическими речами толпа снесла памятник Феликсу Дзержинскому, а начальство комитета смотрело на происходившее, спрятавшись за плотные шторы. Никто не попытался выйти на площадь, вступить в тяжелую дискуссию, уж не говоря о том, чтобы защитить в данном случае ни в чем неповинного основателя ЧК. Теперь много говорят: мол, пора восстанавливать. А где были, когда сносили? Неужели ни у кого не хватило мужества хотя бы вступить в разговор, попытаться убедить? Ведь зачинщики же, убеждая, нагло ввали и одурачивали возбужденную толпу. И Железный Феликс исчез не только по вине его ненавидящих.

В Примакове же опытные, прошедшие хорошую школу разведки люди быстро рассмотрели защитника. И ему, и им, призванным выполнять задачи по обеспечению безопасности молодой страны, отступить было нельзя. Да и некуда.

К тому же аналитики внешней разведки без всякой команды, по собственному почину изучили возможные кандидатуры всех претендентов на директорское кресло. По логике и смыслу выходило, что лучшего руководителя, чем Евгений Примаков, нет. Но логика в начале 1990-х была не в почете. Некоторые назначения никаким объяснениям не поддавались. Как, впрочем, и иные увольнения. Но во внешней разведке вопреки всему в логику верили.

Короче, в Ясенева, к удивлению Ельцина, спокойно, но твердо

высказались за Примакова. Первым выступил первый заместитель директора Вячеслав Иванович Гургенов. Его в разведке уважали все. Как всегда, был он краток, доказателен, логичен. Вывод: только Примаков.

За ним взял слово Вадим Алексеевич Кирпиченко, о котором я еще расскажу. И его выступление произвело большое впечатление. Напомнил: в разведку приходит не новичок, как полагают некоторые, а руководитель нескольких важных государственных международных научных институтов, многие годы поддерживавший рабочие контакты с Первым главным управлением КГБ СССР.

И Борис Николаевич, редкий случай, согласился с чужим мнением. Признался, что люди из его окружения советовали заменить Примакова, «но в результате состоявшегося обмена мнениями я понял, что они были не правы».

По своей вошедшей в традицию привычке подписал на глазах у всей разведки Указ о назначении Примакова и, по словам очевидцев, разорвал бумагу, где значилась совсем другая фамилия. С того момента и до начала января 1996 года Евгений Максимович верой и правдой возглавлял СВР в качестве директора.

Когда в декабре 1995 года поползли упорные слухи о назначении Примакова министром иностранных дел вместо Андрея Козырева, мы с журналисткой Еленой Овчаренко не преминули осведомиться у академика-директора, с которым не раз встречались в его кабинете, правда ли это. На что получили довольно прямой ответ: «А почему вы думаете, что Смоленская площадь мне больше по душе, чем Ясенево?»

Но пришло время уходить. И на прощание Примаков произнес искреннее, не директорское, о том, что прирос к разведке и провел в ней свои лучшие четыре года и четыре месяца. Вырвалось и абсолютно откровенное: «Ухожу от вас не по своей воле».

В знак признания заслуг Примакова его имя выбито золотыми буквами на огромной мемориальной стене в здании СВР. Он — среди самых выдающихся советских, российских разведчиков. Портрет Евгения Максимовича висит на почетном месте. Он и ушел, и остался. Он стал совершенно своим, родным.

А его переезд 9 января 1996 года в мидовскую высотку обозначил, как впоследствии выяснилось, начало новой международной политики молодой России.

Царство «дяди Жени»

И тут отвлекусь на время, нырну — и вас приглашу — в собственное счастливое детство. Пусть подобные знакомства числятся под названием «я вас знал, а Вы (с заглавной буквы) меня — нет». Учился в одном классе со знаменитым ныне киносценаристом и режиссером Александром Миндадзе. Дружили, да и сейчас дружим. Мы жили рядом, в самом центре Москвы. И наши знакомые между собой родители, уходя куда-то на премьеры или просмотры, «подкидывали» детишек друг другу.

Отец Саши Анатолий Борисович Гребнев, один из лучших сценаристов советского, российского кино, был душа-человеком, его жена Галина Ноевна Миндадзе — литератор, переводчик — гостеприимной хозяйкой. Перебрались они из Тбилиси в московскую коммуналку, устраивали в большой комнате веселые и очень достойные застолья. Нас, маленьких, к взрослым не сажали, кормили отдельно.

Но мы внимали рассказам таких разных (это понимание пришло позже) режиссеров, как Марлен Хуциев, Лев Кулиджанов и Юлий Карасик. Последний почему-то считал себя гением. Вместе с нами иногда оказывался и мальчик Сережа, сын кинокритика и секретаря Союза кинематографистов Александра Караганова. Но Сережу, ныне политолога Сергея Александровича, мы не слишком воспринимали. Был он на несколько лет моложе, что в юном возрасте чувствовалось.

Как же внимательно прислушивалась малышня к взрослым. Мы далеко не всё понимали. Какие-то уже снятые, законченные, но положенные на непонятную полку фильмы. Трудности съемок кино о молодежи. Попытки Анатолия Борисовича Гребнева экранизировать казавшуюся тогда спорной «Дикую собаку Динго» — что за странное собачье имя и замыслы его «Июльского дождя», где мой друг Сашка снялся лет через пять в крошечной эпизодической, но запомнившейся мне роли. Обязательный успех картин с главным героем Владимиром Ильичом Лениным. Ничего кухонного, обывательски злобного, но много мною порой неуловимого. И как же было интересно вникать, пусть и не до конца, в эту закрытую, недоступную жизнь.

Но, и я помню это свято, все тогдашние и будущие великие как-то смолкали, единодушно передавая пальму лидерства за столом позже других присоединявшемуся к компании человеку по имени «дядя Женя». Он появлялся, наверное, прямо с работы, всегда в казавшейся новенькой

рубашке с обязательным галстуком. И незаметно бразды правления переходили от шумных людей искусства к нему, не так, как они, а точнее, в ту пору совсем никому не известному. Тут дело не в тостах и не в здравицах. Часто обходились без вина. Но «дядя Женя», никем на роль тамады не назначавшийся, вел компанию, направлял разговоры, задавал тон. Слушали его все — уже тогда заслуженные и вскоре народные. Он царствовал на фоне всего этого интеллектуального великолепия — «Женя», «дядя Женя», еще не Евгений Максимович и не Максимович. Но уже такая умница, такой рассказчик и мастер не просто восточных, а тончайших тостов. Неудобно писать, но Примаков — приземистый, широкоплечий, вызывающе хорошо по тем небогатым временам одетый возвышался над всей элитой.

Не слишком замечал ползающую ребятню, было не до нас. «Дядя Женя» говорил, ввергая настоящих и отлично улавливающих его мысли слушателей то в смех, то в некое уныние, а иногда даже в будящие коммуналку аплодисменты.

Мне было даже обидно: сложно разобраться в произносимом человеком в галстук. Он брал (это я теперь уразумел) на несколько интеллектуальных тонов выше. Слишком глубоко для нас, рвущихся к знаниям малолеток. Евгений Максимович Примаков был таким.

Где-то почти через полвека я попал на закрытую, не для наших простых ушей, встречу министров иностранных дел российской эпохи. Не очень-то меня туда и приглашали. Дискуссия была сугубо внутренней, не официальной, не государственной, но важной. Один из министров попросил меня после окончания дебатов о них забыть, что я добросовестно выполнил.

А о чем забыть не могу, так это об абсолютном главенстве Евгения Максимовича Примакова. Никого не обижая, клянусь, что он был так же выше остальных в выводах и суждениях, как тогда, много лет назад. Именно Прим, хотя формально и не вел дискуссии, подводил итоги важнейших пунктов программы. Задавал тон обсуждению. Порой, в отличие от того, что было в глубоком моем детстве, говорил резко, один раз высказался беспощадно по отношению к коллеге. И, чтобы разрядить обстановку, как и в давние времена, рассказал к месту анекдот: «Построили американцы новый боевой самолет. Ну, такой дорогой, прямо жуть: обошелся во столько же, во сколько один километр дороги до Сколково».

Никакой грубости. Лишь профессиональная и научно обоснованная уверенность в правоте предлагаемых мер и намечаемого пути. С Примаковым не спорили. Но соглашались не как с дуайеном советской,

российской дипломатии, а с ее наиболее дальновидным стратегом.

И та долгая дискуссия в особнячке неподалеку от Президент-отеля пробудила иные воспоминания.

Жизнь определила в лидеры

В 1998 году после катастрофической девальвации, накануне которой президент Борис Николаевич поклялся лечь на рельсы, если рубль падет, премьером назначили Примакова. И за восемь месяцев его, а не Ельцина, так и не отдохнувшего на рельсах, правления страна начала подниматься с уже истертых уступками колен.

Восстанавливалась экономика. Вошла в мировую историю «петля Примакова»: он был совсем близко от США, куда летел на переговоры, когда узнал, что самолеты НАТО бомбят Югославию. И премьер приказал развернуть самолет над Атлантикой, лететь из Ньюфаундленда в Москву. Не просто жест, а возвращение России в большую политику, положившее конец провозглашенному США однополярному миру. Знаменитая «петля Примакова» над Атлантикой.

Евгений Максимович не мог поступить иначе. До этого с присущей ему предусмотрительностью попросил пригласить в салон командира воздушного судна. Поинтересовался, хватит ли топлива, чтобы, прямо сейчас развернувшись, долететь до Москвы без посадки. Летчик заверил: топлива достаточно, долетим. И Примаков связался с Ельциным, сообщил о своем решении, которое Борис Николаевич одобрил. Потом переговорил с вице-президентом США Альбертом Гором. Сейчас этот политик полузабыт, а тогда едва не стал президентом: выиграл выборы у малограмотного Буша-младшего, но голоса в штате Флорида, где в губернаторах ходил братишка Буша, пересчитали. И Гор, неплохо, в отличие от всех пришедших с той поры к власти американских президентов, к России относившийся, канул в безвестность. Примаков прямо заявил Гору, что США совершают крупную политическую ошибку, которая войдет в историю, и по этой причине он визит свой отменяет. Вице-президент США предложил Примакову приземлиться в любом городе Соединенных Штатов и все же провести переговоры. Прим отказался.

В большой российской газете, попытавшейся блеснуть своей осведомленностью, даже вышла статья с описанием программы премьера, которую он якобы уже начал осуществлять в Америке. Я храню эту вырезку, показывая порой слушателям на журналистских семинарах. Никогда не критикуя автора, а тем не менее предупреждая: в этом переменчивом мире опережать события ни в коем случае нельзя.

Не берусь судить, как бы жила Россия дальше, останься Евгений

Примаков в ранге премьера. Но за короткий срок им сделанное настраивало на лад оптимистичный. А его обещание разобраться с высокопоставленным ворьем народ воспринял с энтузиазмом. И хапуги всё поняли. Тут уж было или-или.

Если бы тяжело болевший Борис Николаевич мог самостоятельно оценить происходящее, он никогда бы не произнес отдававшую самодурством и дурным воспитанием фразу «не так сели», пересадив вице-преьера Степашина на «правильное» место рядом с собой, президентом, и потревожив при этом Примакова, внешне спокойно воспринявшего всю эту притворно протокольную, а на самом деле морально недостойную высшего руководителя показательную возню. Как же неудобно было интеллигенту Степашину. И как больно премьеру, которого было суждено заменить Степашина из-за опасений ельцинской родни. Боялись, Примаков займет место больного папы.

Чистое совпадение, но мне выпало взять тогда последнее, заключительное на том посту, интервью у премьера. Настороженность в Доме правительства, обеспокоенность в приемной. И как контраст — спокойствие в главном кабинете.

Но и оно не обманывало: Примаков чувствовал приближение неминуемой отставки, однако оставался абсолютно хладнокровен. Мы хорошо и в быстром темпе поговорили.

Знакомый мне советник Томас Колесниченко пообещал побыстрее завизировать статью и посоветовал опубликовать беседу как можно скорее. Все было понятно. И мы дали интервью в «Труде» в тот же день, а на завтра наступила отставка.

Расскажу, как сам Евгений Примаков через много лет объяснял в узком кругу, что произошло. Ручаюсь за каждое услышанное тогда от него слово. Коротко: ближний круг убеждал Ельцина, будто «этот» его подсиживает. Примаков с присущей ему твердостью все эти наветы отверг. Однако Б.Н. от принятого решения не отказался.

Ельцин понимал, что время его истекло, знал о достоинствах вероятного преемника, но родственники сумели убедить тяжелобольного президента, что бразды правления сдавать рано. И Борис Николаевич, как с деликатностью сообщалось, еще долгое время «работал с документами».

Его перст в моей судьбе

Не дело автора переоценивать роль своих героев в собственной судьбе. А уж выпячивать себя совсем не годится. Но в определенной степени Евгений Максимович направил меня по пути, который считаю истинным. Иду по нему с лета 1993 года.

Возвратившись после пяти с лишним лет парижской командировки в редакцию «Комсомольской правды», я попал не только в другую, уже перестроенную редакцию, но и в иную историческую формацию. Отсутствие с 1987-го по 1992-й не могло не сказаться. Уезжал из одной страны, попал в другую. С непонятными правилами игры, с иными, иногда совсем не моими, героями типа Чубайса, самозабвенно сыгравшего по чужим нотам предназначенную для него роль. Руководители России менялись, как и национальные приоритеты. И если в международной журналистике, как и в спортивной, с которой начинал в 1973-м, почти все было ясно, то в остальных областях меня воспринимали как дилетанта. Сколько было пропущено, свершилось без меня и было не понято, не осмыслено.

В Париже считал, будто держу руку на пульсе. Встречался с главами высоких делегаций, освещал переговоры, несколько раз сопровождал Горбачева в его частых западноевропейских визитах, видывал Ельцина. А на самом деле мало что понимал в происходящем дома. В начале 1990-х многие коллеги — собственные корреспонденты старались подольше, а то и насовсем задержаться в благословенной Франции. Но не я. Нас с женой Леной особенно тревожило, что подрастающий сын говорит по-французски лучше, чем на родном русском. Да и пяти лет хватило, чтобы понять: родина ждет тебя в конце нелегкого пути.

В «Комсомолке» мне очень нравилось. Шаггал вверх по творческим и карьерным ступеням, писал, разъезжал по стране, пусть скукожившейся, а все равно оставшейся необъятной. Но период притирки, так это виделось не мне, другим, как-то затягивался. Порой попадал невпопад с какими-то идеями, нелепыми проектами. Наверное, надо мной и подсмеивались.

И в один, как позже выяснилось, прекрасный день главный редактор «КП» Владислав Фронин, с которым вместе, хотя и в разных отделах, работали в газете с 1975 года, вызвал меня, уже своего заместителя, на разговор. Деликатно, как это умеет только он, намекнул: не стоит замыкаться лишь на международной тематике и спорте. Пора открывать

иные темы, заводить новые знакомства. К примеру, вчера звонил директор Службы внешней разведки академик Примаков. При его раньше полностью закрытом ведомстве открылось Пресс-бюро, начальником которого назначен журналист, полковник Юрий Кобаладзе. О журналисте Кобаладзе я слышал, а вот что он полковник, явилось открытием. Примаков предложил, чтобы с Пресс-бюро постоянно контактировал корреспондент, знающий пару языков и имеющий хоть какой-то опыт работы в зарубежье. Вроде бы все сходилось — мое! И здорово, если добровольно открывается нечто неизвестное читателям и будущему автору.

Для начала предлагалось написать статью к 90-летию разведчика Рудольфа Ивановича Абеля. Фамилию я слышал, публикация была гарантирована. И на следующее утро в Колпачном переулке меня доброжелательно приняли Юрий Георгиевич Кобаладзе и пресс-секретарь директора СВР Татьяна Викторовна Самолис. Юра (буду называть его так) вынес, на ходу сдувая пыль, огромные папки, завязанные старинными тесемочками. Все материалы — о таинственном Абеле.

Был я счастлив. Но только до глубокой ночи, пока не закончил домашнее чтение старинных статей, написанных в стиле любимой советской бюрократии. Сухо, откровенно скучно и, не надо было для этого быть гениальным разведчиком, местами неправдоподобно.

Этим я и ошарашил Кобаладзе. Он почесал уже тогда, в 1993-м, лысый затылок, пригласил Таню Самолис, и начался совет в Колпачном. Я терпеливо втолковывал, что не смогу написать нечто читабельное на основе покрытых пылью публикаций. Нужны свежие идеи, новые люди, желательно лично знавшие Абеля, — его начальники, сослуживцы, родственники.

И тут Юра с Татьяной предложили: а что, если написать официальное письмо директору разведки с такой просьбой? Только он может разрешить общение, это лишь в его власти. Но с ответом придется подождать: у Евгения Максимовича много дел. Ответ на мое наглое послание пришел на третий день.

Почему наглое? Просил встретиться с родственниками Абеля, с его прямым начальником, со связником, каким-нибудь учеником или продолжателем дела, то есть с полностью закрытым для общения нелегалом... А еще хотел бы познакомиться с советскими атомными разведчиками. Пригласил директора дать большое интервью для газеты и, что было уже совсем явным нахальством, побывать в суперсекретном Ясенева.

Плюс два пункта, о которых даже сейчас стесняюсь рассказывать, до

того они были заведомо невыполнимы.

Против каждого пункта Примаков поставил галочки. Последние два жестко вычеркнул. Наложил резолюцию: помочь в пределах возможного. Кобаладзе и Таня Самолис тотчас принялись организовывать встречи, что, поверьте, по разным причинам было не только необычно, но и революционно.

Прорыв состоялся. И к 11 июля 1993-го, к 90-летию Абея, как я несколько позже узнал, носившего фамилию Фишер, в газете вышла не одна, а три здоровенные статьи с продолжением. Практически немыслимо для такой закрытой темы. В принципе нереально для газеты типа «Комсомолки». И я понял, что с Примаковым, а также с Кобаладзе и Самолис невозможное — возможно.

С тех пор не изменяю теме внешней разведки. Статьи, документальные и художественные фильмы, книги о разведчиках в престижнейшей молодогвардейской серии «ЖЗЛ» убеждают, что не ошибся в выборе. Да, жена, сын, работа, но и нечто свое, сокровенное, заставляющее и в наиболее тяжелые моменты верить и в замечательных людей разведки, и, извините, в себя тоже.

Слово Кобы

Коба — так называют друзья генерал-майора СВР в отставке Юрия Георгиевича Кобаладзе. Он хорошо знал Примакова, был (и не вижу в этом ничего плохого) его любимцем.

Вот небольшие отрывки из его рассказа о Евгении Максимовиче:

— Примаков для меня не просто начальник в течение почти пяти лет. Он и наставник, и друг. Считаю и всегда считал его выдающейся личностью. Теперь политические заслуги Евгения Максимовича общепризнаны.

Но еще это был замечательный человек, который умел дружить и очень ценить дружбу. Становившиеся его друзьями сопровождали Примакова многие годы жизни, ни мы его, ни он нас никогда не теряли.

Сами понимаете, что наиболее полно и авторитетно я могу говорить о годах Примакова в разведке. Встретился я с ним впервые, как ни странно, в городе-герое Лондоне, где работал. По моей просьбе познакомил нас Валентин Зорин, известный журналист-американист, давнишний приятель Примакова. Это были горбачевские времена, еще до всех событий. Я много слышал о Примакове, знал нескольких его друзей. Зорин пригласил меня в гостиницу, на углу посольской улицы.

Представились, выпили по рюмке. Примаков был бутылке не враг, предпочитал водку. Поговорили — обычная светская беседа. И распрощались. Я, конечно, не мог представить, что пройдет два-три года, и он станет моим начальником.

В 1991 году, во время августовского путча разведка была полностью деморализована. Не верьте тем, кто говорил, что все это было какой-то игрой и никто ничего всерьез не воспринимал. На самом деле все воспринимали, и очень серьезно.

Тогда разведку возглавлял Шебаршин. Тоже замечательный человек, умница, чья карьера, к сожалению, была волею событий прервана на взлете. Прозорливо побывав в штаб-квартире КГБ на Лубянке, где отдавались сумасшедшие приказы раздать оружие и защищаться до последней капли крови, Шебаршин вернулся в Ясенево. Сказал: «Какое оружие? Сдать всё, не прикасаться, сидеть, не высовываться. И имейте в виду, что КГБ и разведка больше никогда не будут прежними». Он-то как раз понимал, что всю эту структуру ждут огромнейшие перемены, и не ошибся. В Ясенево все размышляли о своей судьбе: что же будет?

И я вдруг вспомнил, что вроде бы знаком с Примаковым. И когда Шебаршин подал в отставку, я в узком кругу сказал, что считал бы лучшим кандидатом на должность директора разведки Примакова. Конечно, с Евгением Максимовичем по этому поводу не советовался. Просто это был мой естественный выбор. И я говорю Зорину: поезжайте к Евгению Максимовичу и попросите, чтобы он меня принял. Не принял, но уже потом, раздумывая о своей судьбе и еще не приняв решение, Примаков сказал, не называя меня, что в разведке есть группа людей, которая хотела бы, чтобы я ее возглавил. Мне было очень лестно.

Подчеркну, что Примаков не возник ниоткуда, он возглавил разведку естественно и закономерно. Стать главой Службы согласился с удовольствием.

Я должен сказать совершенно авторитетно: Примаков действительно спас разведку. Сейчас многие уже забыли, какие неприемлемые кандидатуры назывались на должность директора СВР. У моих коллег-профессионалов с волосами на голове они становились дыбом.

Когда я возглавил Пресс-бюро, нашлись люди, которые целенаправленно, осознанно стремились не только развалить КГБ (это уж само собой), но и ликвидировать внешнюю разведку, раскрыть все ее архивы. Когда-нибудь расскажу по этому поводу много любопытного. И именно Примаков своим авторитетом, политическим весом прикрыл разведку. И он провел совершенно необходимые, нужные, может, не всем сразу понятные реформы.

Во-первых, департизировал разведку. Уже на последнем этапе жизни советской еще разведки тот же Шебаршин, возглавлявший Первое главное управление, прекрасно понимал: не может в нашей Службе существовать партком, который вмешивается в оперативную деятельность. Он реально продвигал эту идею, все время повторял: мол, ребята, занимайтесь душой человека, не лезьте в наши дела. А получалось, приезжает резидент из какой-то страны, докладывает руководству разведки да еще отчитывается перед парткомом. Зачем? Для чего?

В принципе вызревала идея, что не может разведка, да и все остальные спецслужбы обслуживать интересы какой-то партии. Она должна служить интересам государства и общества. И, конечно, великая заслуга Примакова в том, что он вывел разведку из-под партийного контроля.

Была запрещена деятельность любых партийных органов. Коммунисты в то время вообще были под запретом. Но горячие головы пытались создавать какие-то другие партийные организации. Им в Ясенево предлагали альтернативу. У вас иные воззрения и симпатии?

Пожалуйста, у себя дома по месту постоянной прописки, в жэке занимайтесь партийным строительством. Так и решили.

Еще об одном важном. Когда в 1993 году разыгрались события в Белом доме, то Ельцин позвонил и спросил Примакова: с кем вы, разведчики? И Примаков ему ответил: если вам нужно, я приду на баррикады, сяду за пушку, залезу в танк, но разведку не трогайте. Ельцин на него очень обиделся, сказал: я ожидал от вас другого ответа. Директор СВР делал все для того, чтобы не втягивать разведку в межпартийные дразги, в политику. Мы занимались своими специфическими делами. Сейчас это кажется естественным. Но в те годы разведку тащили в разные стороны.

Третье, что сделал Примаков. Он стал инициатором и во многом автором, хотя там работал большой коллектив, Закона о Службе внешней разведки. Да, была в Законе о КГБ одна строчка насчет того, что в рамках Комитета госбезопасности существует Первое главное управление. И всё.

По приказу Евгения Максимовича были изучены законодательства многих стран. Оказалось, что только в США и во Франции, по-моему, еще и в Германии, были разработанные законы о разведке. А в Англии, например, закона о внешней разведке не было. И англичане потом в беседах с нами говорили, что вы, русские, нас спровоцировали, приняв в 1993 году такой закон. В Британии лишь только после этого закона признали факт существования британской разведки. Она вроде была, но ее формально не было. И директор английской СИС был засекречен. Закон о внешней разведке строго регламентирует, что разведка может делать, что не может, как осуществляет связи с общественностью, с прессой, какие обеспечивает гарантии и права разведчикам. И тогда мы впервые заявили, что да, в прошлом разведка участвовала в том числе и в мокрых делах, но в будущем это по закону запрещено. Не только участие в каких-то политических убийствах, но и методах давления, принуждения, то есть в использовании таких методов, которые были свойственны в период холодной войны.

Примаков первым заговорил о возможности партнерских отношений со спецслужбами и разведками разных стран, в том числе таких, как Англия и США. Конечно, в годы Второй мировой войны такое сотрудничество между союзниками существовало. К примеру, Советский Союз обменялся разведывательными миссиями с англичанами. А вот Гувер категорически не согласился пустить официальных советских разведчиков в Штаты. И после войны все это заглохло.

У Примакова идея была, мне кажется, абсолютно ясной и простой. Да, мы никогда не будем союзниками, у нас останутся разногласия, возникнут

проблемы, по которым наши точки зрения не совпадут. Но есть вопросы, представляющие угрозу и для вас, и для нас, и давайте в этих областях сотрудничать. Это международный терроризм, проблема распространения оружия массового поражения, наркотрафик... И действительно, в 1990-х такое сотрудничество стало развиваться очень интенсивно. Особенно важно это было для американцев. Но по разным причинам они же и свернули все сотрудничество, в конце концов, практически сведя его к нулю. Жаль. Когда эта идея озвучивается сегодня, то ее сторонников обзывают мечтателями. Но в том-то и дело, что мечту можно осуществить в интересах стран, бьющихся с терроризмом. Это реально. Да, надо отбросить политические разногласия, погрузиться в нашу общую с американцами, англичанами и другими специфику. Сейчас по понятным причинам эта задача откладывается. Но не исчезает. Становится еще более насущной. И не зря в начале 1990-х Евгений Максимович считал ее важной.

Еще одна заслуга Примакова, которая, настанет время, будет оценена: он был инициатором написания и публикации открытых докладов Службы внешней разведки.

Особая детективная история произошла с докладом о расширении НАТО. При тогдашнем министре иностранных дел Козыреве американцы и НАТО считались нашими партнерами, никакой угрозы вообще не представляющими. Но тезис Примакова был простым. Да, никто и не считает, что они завтра на нас нападут, однако намерения — величина переменная. И приближение чужой военной инфраструктуры к своим границам Россия игнорировать не может. Сейчас это аксиома, реальная для России угроза, на которую мы должны адекватно реагировать. Но когда Примаков доложил Ельцину, что такой доклад готов, Борис Николаевич попросил время на ознакомление. Через неделю позвонил — публикуйте. Назавтра была созвана пресс-конференция, однако накануне вечером пресс-секретарь Козырева делает заявление. Готовится некий доклад, но просим иметь в виду, что это не позиция президента, а мнение Службы внешней разведки. Президент же и МИД считают иначе. Видно, Козырев прочистил мозги Ельцину. И возникло недопонимание. И тогда Примаков в ходе пресс-конференции сказал: да, у нас могут быть расхождения в нюансах, но принципиально мы не противоречим друг друга. Пресс-секретарь Ельцина Костиков тоже подтвердил, что доклад был сделан с санкции президента. Потом последовали и другие доклады. Они вызывали в мире колоссальный интерес. Пошли отклики. Конечно, это тоже было новшеством. Никогда прежде никакие открытые доклады КГБ или разведки, да и не только в

России, но и в Советском Союзе, вообще в мире не публиковались.

Но у Примакова был такой конек. Он считал себя, и справедливо, аналитиком. При нем было создано целое управление, которое занималось, к примеру, проблемами распространения оружия массового поражения. И директор провоцировал такие мозговые штурмы, был инициатором этих докладов. В Ясенева, внутри разведки, это воспринималось очень позитивно, поскольку у нас всегда считалось, что разведчики, агенты — это белая кость, а вот информационщики, аналитики — так, штаны протирают. На самом деле, и Примаков сказал об этом открыто, для государства здесь нет никакой разницы, все представляют ценность. И те, кто добывает информацию, и те, кто ее анализирует и пишет такие доклады: и то и другое равнозначно и равноценно.

После этих шагов Примакова, когда новшества прижились, разговоры о том, что пришел человек неизвестно откуда, в «лесу» полностью прекратились. Да, на это потребовался год, для наиболее упорных в своих сомнениях — два.

А Примаков, ценивший своего предшественника Шебаршина, предложил ему пост первого заместителя. Тот отказался, и правильно, потому что дважды в одну реку не входят. И Евгений Максимович назначил своим первым замом Трубникова Вячеслава Ивановича, замечательного человека, потрясающего профессионала — любимца разведки и любимца Примакова.

Тут я должен обязательно заметить, что был у Примакова, еще начиная с его работы в ИМЭМО, особый принцип. После себя оставляй своего первого зама. Когда Ельцин предложил Евгению Максимовичу пост министра иностранных дел, одним из его условий было то, что директором разведки президент назначит Трубникова. Ельцин даже немножко оскорбился: чего это вы мне навязываете. Но академик стоял твердо: это мое условие. То же самое он сделал в МИДе, когда уходил. Настоял на Игоре Иванове, который вместе с ним работал.

Правда, в правительстве он уже этого сделать не мог, там сложилась иная ситуация. А вот в Торгово-промышленной палате он, уходя при президенте Медведеве, сказал: я бы хотел, чтобы ТПП возглавил Катырин, мой зам. На что Медведев возразил: Евгений Максимович, у нас есть лучшая кандидатура. Примаков не испугался: может, у вас есть и лучшая, но эта — моя, я настаиваю. И Катырина назначили.

Это была его визитная карточка. Должен оставить после себя человека, которого сам считал наиболее достойным занимать освобождаемую им должность.

Теперь немного о себе. При Примакове было впервые создано Пресс-бюро, которое я возглавил. Для меня то были золотые годы. Работать жутко интересно, хотя и сложно. Об этом сейчас даже странно говорить, но тогда мало кто верил, что мы принесем пользу. Я никогда не отказывался выступать. Однажды ко мне подошел человек... и плюнул мне в лицо. И считалось, что в этом нет ничего особенного, всего лишь публичная демонстрация чувств, как бы под аплодисменты. Лично ко мне никаких претензий, но такое было ожесточение против любых спецслужб. И это вообще признак нашего общества. У нас же маятник колеблется. То мы любим КГБ, то не любим. Никак он не остановится на разумной середине, чтобы к органам безопасности, спецслужбам относились, как они того заслуживают. Не перехваливали их, не делали так, чтобы они контролировали всё и вся, но в то же время не унижали и не оскорбляли. А тогда раздавались призывы покончить, растоптать.

Вы даже не представляете, кто назывался в качестве возможного директора СВР, например, в числе претендентов называлась депутат Старовойтова. Причем называлась реально. Но где бедная Старовойтова, и где и как далеко от нее внешняя разведка. А мне звонили очень известные журналисты и говорили: Юра, кирдык твоему Примакову, всё уже, указ подписан. Постоянно шло и постоянно нагнеталось такое давление, что вашего погонят, разведку к кому-то присоединят, вас расформируют, Примаков не жилец, это уже вопрос решенный. В этой обстановке мы жили и работали где-то год-два.

Назывались в качестве сменщика и многие другие. Был такой, если память не изменяет, Аржанников, депутат от Ленинграда, который задался целью проникнуть в архивы, огласить имена. Понимаете, какая это могла бы быть катастрофа для разведки, в которой настоящие имена агентов никогда не произносятся. Если их знают, то два-три человека, с ними непосредственно работающие, и даже высшему начальству о них докладывают с использованием псевдонимов.

Бывали вообще случаи парадоксальные. Ко мне пришли кинематографисты, показывают Указ, подписанный Ельциным, — предоставить съемочной группе доступ в архивы разведки. Я звоню Примакову: Евгений Максимович, у меня человек сидит с ельцинским Указом. Мне Примаков сказал: пошлите его, мало ли что Ельцин подписывал.

Мы тогда отбивались от всех этих атак. И волею судеб я оказался на их острие. Пресс-бюро было все-таки открытое учреждение, многие тогда, англичане особенно, поражались: как это Пресс-бюро СВР? Что, к вам

можно зайти? Ко мне постоянно приходили британские журналисты. Писали потом материалы: неужели и мы, англичане, когда-нибудь доживем до того, что можно будет прийти в английскую разведку, поговорить с генералами?

Бывший начальник нелегального управления Вадим Алексеевич Кирпиченко сыграл свою позитивную роль, когда Примаков перевел его, уже очень пожилого человека, советником в наше Пресс-бюро. В свое время он и его жена учили Примакова арабскому языку, они были близкими друзьями, общались на «ты». Кирпиченко всегда честно обо всем Примакову говорил.

И когда Примаков приехал к нам в Пресс-бюро, и мы узнали от Евгения Максимовича, что ему сделали предложение стать премьер-министром, а он колебался и только на второй день дал согласие, Кирпиченко сказал: «Женя, ты сошел с ума. Ты куда? Они тебя вообще оттуда пинком под зад вытолкнут. Через месяц». И оказался в чем-то прав. Такой был мудрец.

О личном

Можно ли говорить о сугубо внутренних ощущениях, вспоминая о политическом деятеле международного масштаба? По крайней мере попробую.

Никогда и в голову не приходило напомнить Евгению Максимовичу о встречах в конце 1950-х. Было бы неловко, да и, пишу откровенно, отношения с руководителем Службы внешней разведки были у меня на сугубо рабочем уровне — журналист — директор, и эту грань никогда, ни разу не переходили.

И все же, как это ни странно, был я допущен «близко к телу». Несмотря на определенные надежды на сближение, улучшение отношений, углубление взаимопонимания и т. д. и т. п. (Боже, прости детям твоим глубочайшую наивность!), чего только в то время, впрочем, точно так же как и сейчас, в мире не происходило.

Если сугубо о делах Ясенева, то был арестован один из лучших агентов нашей разведки американец Олдрич Эймс. Окончательно предал родину лишенный званий и наград экс-генерал разведки Олег Калугин, а еще несколько изменников рангом поменьше попросили убежища в разных странах, с неизменным успехом выдавая себя там за противников разгромленного здесь коммунистического режима. Открывались, во многом благодаря Евгению Примакову, закрытые главы из золотой истории советской разведки, в первую очередь атомной. Как раз в те годы нескольким самым достойным атомным разведчикам было присвоено, догадайтесь, с чьей подачи — конечно, Примакова, — звание Героев России.

Обычно, не так часто, как хотелось бы людям нашей любопытствующей профессии, но, к зависти издателей других газет, довольно часто, в Ясенево мы отправлялись с журналисткой Еленой Александровной Овчаренко, знавшей Примакова лучше меня. К беседам готовились тщательно. Составляли вопросы, редактировали их, фильтровали, снова что-то добавляли и отсеивали. Пусть мы не принадлежали к разведке. Но прошу извинить за нескромность, занимались этой темой исключительно серьезно. Никаких секретов нам никто выдавать не собирался, в носителей государственной тайны мы не превращались. Однако ход международных событий и определенную роль в нем внешней разведки понимали твердо.

Уж не знаю, заглядывал ли сам директор при его огромной занятости в заранее присылаемые вопросы. Мы старались, чтобы нас не слишком заносило, и все же иногда Коба (Юрий Кобаладзе) и Татьяна Самолис нас деликатно, в основном в не до конца ясных непрофессионалу подробностях, подправляли. Иногда подсказывали некоторые возможные направления беседы. Несколько раз мы с коллегой по перу Овчаренко понимали, что заходим слишком далеко, за дозволенную черту. Кстати, должен обязательно заметить, что та школа (а как ее еще назвать?) очень пригодилась мне в дальнейшем при встречах с великими нашими Героями-нелегалами и легалами. Тут нельзя раздражать собеседника, самовольно перепрыгивать через красные флажки.

Нас подвозили в «лес». Обычно время приближалось к вечеру. Рабочий график директора СВР был плотен, и нам уделялись, увы, часы его отдыха. И ни разу за все время встречи не переносились. Тот, кто берет интервью у большого начальства, понимает, о чем я говорю. Примаков был точен, как часы, висевшие в его приемной.

Вежливые люди сверяли разовые пропуска с данными паспорта. Сразу после входа в большое светлое здание на информационном щите были аккуратно приклеены и наши публикации. Не скрою, приятно. Мы оставляли вещи в комнате, принадлежащей Пресс-бюро. Евгений Максимович ввел твердый порядок: никаких телефонов. И десятилетия спустя, в эпоху Сноудена, я оценил эту предосторожность, понял, насколько же глубоко заглядывал академик-гуманитарий.

Шли по длинному коридору. Еще раз проходили сквозь рамку. На глаза вновь попадалось предупреждение о полном запрете использования телефонов. Значительных, но не гигантских, не подавляющих размеров приемная. Приветливый помощник, а через минуту и улыбающийся советник и друг директора Роберт Маркарян. Конечно, все, кроме охраны при входе, в хорошо отглаженных штатских костюмах и при галстуках. Таков был строгий дресс-код этого учреждения. Часы показывали шесть, мы входили. Лене Евгений Максимович всегда целовал руку, мне доставалось рукопожатие.

Приглашение рассаживаться поудобнее — мы всегда выбирали большой стол, во главе которого располагался хозяин. Доставали магнитофоны, это разрешалось. Кабинет был уютным. Тут ты не чувствовал себя песчинкой в неведомом океане. Иногда к нам присоединялась Татьяна Викторовна, порой, гораздо реже, Роберт Маркарян. Роберт Варганович работал с Примаковым еще в ИМЭМО, затем в Президентском совете, в Совбезе и, конечно, свой титул сохранил и

в СВР, потом и в МИДе. Был начальником примаковского секретариата в правительстве. Но, уйдя оттуда, Евгений Максимович позаботился о коллеге и друге — Маркарян отправился послом в Сирию.

Не будет, и мы это уже знали заранее, строгой беседы по вопросам. Не требовавшие цифр и выкладок ответы подготавливали помощники. Но главный собеседник почти не заглядывал в бумажки. Памяти директора оставалось позавидовать. Это для нас вопросы были сложными, а он щелкал их как орешки. Отвлекался, делал комментарии, изредка, но переходил к анализу, показывая нам более широкую картину. Я до сих пор уверен, что нам, мастерам пера, по природе профессии свойственна определенная однобокость, у каждого занятия, включая журналистику, есть свой потолок. Примаков расширял горизонты наших знаний.

Всегда во время похожих встреч приходит — и тогда приходит — момент, когда проникали слишком глубоко в кипучие события сегодняшнего дня или в недавнюю историю. Иногда и в наших беседах маячил гриф секретности. Евгений Максимович намекал, что сейчас последует пассаж не для газеты, а для нашего понимания, который мы сможем лучше донести до читателя после его подробного объяснения всех (или некоторых) не для чужих ушей предназначенных обстоятельств. Магнитофоны тут же выключались.

Часто, по крайней мере меня, спрашивают: а не может ли собеседник ненароком раскрыть журналисту какую-нибудь страшную тайну, а тот, не поняв, что делает, ее обнародовать? Отвечаю с 200-процентной твердостью: за 25 с лишним лет работы в этом жанре такого ни разу не произошло. Во-первых, и в-главных, квалифицированный собеседник знает, о чем можно говорить, а о чем нельзя. Во-вторых, журналист после беседы читает ее расшифровку, работает над ней, понимая что к чему, а затем отдает на визу. Примаков визировал материалы быстро, вычеркиваний, исправлений, по теперь понятным читателю причинам, было мало.

Между прочим, с разведчиками высочайшей квалификации работать в этом плане тоже легко. Герой Советского Союза Геворк Вартамян, с ним мы часто встречались, сам визировал свои материалы. Лишь однажды внес значительную поправку в эпизод. Я спросил почему, и Геворк Андреевич объяснил: еще во время его рассказа я понял, в какой точке мира происходило описанное им действие: «А раз поняли вы, Николай, могут понять и другие». Интереснейшей страничкой пришлось пожертвовать — и правильно.

Но с директором СВР в оперативные подробности мы не залезали. То были интервью иного, стратегического рода. Здорово, что преемники

Примакова на директорском посту, Вячеслав Иванович Трубников и Сергей Николаевич Лебедев, не отказались от традиций принимать нас все в том же кабинете. А Михаил Ефимович Фрадков переехал в новый кабинет, где я с ним и повидался.

Беседы с Примаковым длились долго. И это всегда было так увлекательно, здорово. Поближе к завершению подавался ужин. И даже вкусный, потому что кормили нас, как и любил Евгений Максимович, с допустимым изыском.

Однажды Примаков открыл здоровый сейф около стола. И продемонстрировал нам, потрясенным, свой пистолет. Хотел передернуть затвор, но осторожная Лена академика остановила, предостерегла: «Не надо, Евгений Максимович, пусть ваше оружие остается в сейфе».

Как-то директор показал и свой домик: небольшой коттедж прямо на территории объекта Ясенево. Скромное помещение, где Евгений Максимович жил с женой, врачом по профессии. Если было в доме много чего-то, то книг. Работа требовала круглосуточного присутствия, и Примаков признавался, что экономит время: ездить с работу в Москву и обратно было занятием не из приятных, а тут до кабинета несколько минут пешочком.

Вдруг выяснилось, что у Евгения Максимовича есть поблизости от коттеджа несколько собственных грядок. Видеть-то их мы видели, но представить академика их пропалывающим я все же не могу. Не его это было, не примаковское.

Бывало, что помимо этих бесед Татьяна Само лис или Юрий Кобаладзе рассказывали, может, и по подсказке директора темы новых статей. Был я тронут, когда после ареста одного российского агента в Штатах и публикации соответствующего материала раздался звонок. Самолис переключила на Примакова, и Евгений Максимович поблагодарил: «Сейчас этому человеку, сурово осужденному за помощь нам, трудно. Спасибо, что написали. Надеемся, он об этом узнает».

Аресты наших агентов Примаков воспринимал, как мне кажется, с болью. Тема начальника советского отдела управления внешней контрразведки ЦРУ Олдрича Эймса, столько за девять лет сотрудничества для СССР, России сделавшего и приговоренного к пожизненному заключению, всплывала не раз. Примаков считал его поступки героическими, осознанными, на которые один из крупных сотрудников ЦРУ пошел не только ради денег. Не разделяя этой точки зрения, я как-то высказал собственное мнение. Был выслушан не перебивая, но тут же разбит в пух и прах. Все же каждый остался при своем.

Директор СВР не отвергал идеи обмена. Возвратили же полковника Абеля, отдав американского летчика-шпиона Пауэрса и еще двоих в придачу. Но считал, должно пройти время. Улягутся страсти, придет в Белый дом новый президент. Словом, некая гипотетическая возможность оставалась. А пока Евгений Максимович хвалил за публикации об Эймсе, повторял, не раскрывая подробностей: «Эймс об этих статьях знает. Они его в эти трудные годы поддерживают».

Боюсь, в наши дни обмену не осуществиться. Сколько еще лет тяжелой тюремной жизни вынесет Эймс, родившийся в мае 1941 года... А у власти в Штатах люди, которым не до обменов.

Золотое перо

Бывших журналистов, как и бывших разведчиков, не существует. Будет не верно, если я, журналист с 1973-го, не выскажусь относительно коллеги. Тем более сидели мы с ним в одном здании на улице Правды, 24. Примаков был заместителем редактора международного отдела партийной «Правды», собкором по Ближнему Востоку, чьи статьи уже тогда здорово отличались от строго размеренного правдинского стиля.

Что и кто такой настоящий журналист-востоковед? Это тот, который при выборе куда ехать — в Сирию, Египет или в столицу Франции — без долгих размышлений выбирает совсем не Париж, а Каир. Вот таким и был Примаков.

Мой многолетний коллега по «Российской газете» Всеволод Владимирович Овчинников, в свои за 90 работавший в «Российской газете», не уставал повторять, что у них, у востоковедов, выше и работоспособность, закаленная изучением труднейшего языка, и преданность делу. И снова это на 100 процентов относится к Евгению Максимовичу, у которого не просто многие годы, а вся жизнь была связана, подчеркиваю, с Арабским Востоком.

Писал я как-то рецензию на небольшую, изданную мизерным тиражом книжицу, в которой наши знаменитые востоковеды рассказывали о лидерах «своего» региона. И чисто по-читательски сразу бросились в глаза две главки, написанные изящным, точным и одновременно довольно категоричным пером Примакова. Как здорово представил он Ясира Арафата. Для меня тот всегда был некой двустволкой. Так, после похищения в его краях группы советских дипломатов, среди которых был и разведчик, высказывал соболезнования советской внешней разведке, в конце концов наших и освободившей. А по телефону отдавал команды сподвижникам запрятать этих русских подальше, чтоб не нашли. С другой стороны, с какой симпатией, но и неоднозначностью показал в своих записках Примаков сложнейшую фигуру Арафата. В ней тот предстает и другом, и хитрющим переговорщиком, всегда тянущим одеяло на себя, и абсолютно трезвомыслящим человеком, неожиданно умеющим уступить, пойти навстречу в момент кульминации, когда кажется, что все пути к решению проблемы им же, Ясиром Арафатом, и отрезаны.

Иногда мне виделось, будто Евгений Максимович что-то заимствовал из этого арабского хитросплетения. Перенес кое-что и в нашу сначала

советскую, а затем и российскую, порой совсем не черноземную для таких пересадок почву.

При личной встрече Арафат меня поразил. Игнорируя громкое застолье, не притрагивался, что понятно, к рюмке. Но пришло время палестинскому гостю молвить слово, и он разразился такими анекдотами на хорошем английском, что мало никому не показалось.

Непонятно было только одно: как Примакову удавалось наладить с лидерами арабского мира, тем же Ясиром, такие хорошие отношения? Однажды в разговоре с этим изворотливейшим хитрецом услышал я из уст главы Палестины не дифирамбы, а именно стихи в адрес Примакова.

Мне кажется, что отношения СССР, России с арабскими странами и складывались в ту пору легче, понятнее, потому что за нас и для нас их налаживал все тот же Примаков. Журналист «Правды» и академик, писатель и тончайший дипломат, он и на поприще переговорщика действовал столь умно и умело, что не согласиться с ним выглядело вопиющей глупостью. И оппоненты были вынуждены соглашаться.

Вообще при всей парадоксальности ситуации о закрытой для любопытных глаз деятельности Примакова — директора Службы внешней разведки или Примакова — министра иностранных дел известно и пишется больше, чем о том, с чего он стартовал, о том, откуда берут начало истоки его журналистики.

А ведь начало было стандартным — иновещание. Это теперь не с моей, а с точки зрения молодых коллег это направление считается не совсем престижным, уступая место и телевидению, и интернетному блогерству, да много еще чему. Но в середине так удалившихся от нас 1950-х попасть в главную редакцию Главного управления радиовещания на зарубежные страны считалось огромной удачей. Тем более для молодого человека, только закончившего Московский институт востоковедения и его аспирантуру.

А Примаков попал, был приглашен. И поразил всех врожденными способностями. Молодой корреспондент искренне удивлялся: зачем тратить вещательное время и свое собственное, излагая мысль на четырех страницах, когда то же самое, только сжато, кратко, доступно и очень понятно можно написать, а затем, сэкономив время на труды переводчика, сократить до полутора, ну, хорошо, двух страниц. Он пошел по этому пути сам, немало удивив гораздо более опытных коллег и широко раскрывших глаза редакторов. Нет, не революция, но явное и определенное проявление таланта — никем не выпестованного, а просто в душе и в пере проснувшегося, самородного. Его статьи, зачитываемые носителями

труднейшего для восприятия арабского языка, нравились сложной, своеобразной, зашоренной в своих собственных представлениях аудитории Ближнего Востока.

И старшие товарищи повели себя не так, как можно было бы представить и как бывало. Не затерли, не затыркали новичка, обвинив его в отходе от годами выработывавшегося советского журналистского стиля, а переняли — в меру способностей — примаковскую новизну. Во времена, когда на каждое продвижение вверх по служебной лестнице уходили годы и годы, Примаков быстренько превратился из корреспондента в ответственного редактора, затем главного редактора всей редакции, а потом и зама главного Главной редакции.

Вижу в этом несколько закономерностей. Да, несомненный талант, о котором я уже говорил. А еще глубочайшие знания арабиста, молодого, однако какого же вдумчивого, кропотливого, глубоко копающего ученого. Не нарушая (только бы попробовал) устоявшихся советских догм, он умел преподнести событие не только в новостной, но и в аналитической плоскости. И при этом не впадал в бюрократизмы, трафареты, избегал высокого штиля, чем тогда даже не грешили, а привычно промышляли и вполне квалифицированные журналисты. Тут проглядывала разница между профессионализмом многих и даром предвидения, умением представить, что будет, если...

Впрочем, однажды, уже позже, Примаков чуть не получил по первое число от работника ЦК, посчитавшего, будто журналист перед переговорами выдал государственную тайну, оповестив читателя, а заодно и трудных партнеров о советской позиции на грядущей встрече. И Евгению Максимовичу пришлось доказывать, а он это умел, что он не видел никаких секретных бумаг. Просто рассказал о переговорах так, как они ему видятся без чужих подсказок. То, над чем работал отдел ЦК, журналист и ученый (этих двух понятий мне не хочется разделять, говоря о Примакове) предвидел, сформулировал и «выдал».

Шесть лет работы на радио закончились приглашением в святую святых — газету «Правда». Сейчас об этом источнике информации полузабыто, о нем вспоминают кто с иронией, а кто и с легкой ностальгией. Как-то я пару раз упрекнул способного, но всегда торопящегося сотрудника: мол, пишешь, как в «Правде». На третий раз паренек осмелился: «Николай Михайлович, извините, а что вы имеете в виду под правдой?»

А уж в 1960-е годы «Правда» была главным советским рупором. Работать в ней было престижно. И Примаков получил приглашение от ее

зама главного редактора Иноземцева не куда-нибудь, а в важнейший отдел — международный.

Для тех, кто не знает, не знал или забыл. Отдел ИНО любой газеты считался местом для небожителей. А уж правдинский международный, откуда журналисты выезжали собственными корреспондентами в далекое зарубежье, был мечтой для каждого, знавшего языки. И Примаков попал в свою стихию. Сначала корреспондент, обозреватель, а потом и заместитель редактора Международного отдела по странам Азии и Африки, он сразу, как мы говорим, пробился на полосу. 1962–1965 — годы труднейшего (хотя когда было иначе) противостояния между Египтом, да и всем арабским Ближним Востоком, с вечным противником — Израилем. Сложнейшие политические маневры, бесконечные переговоры, попытки перетягивания на свою сторону казавшихся Москве перспективных лидеров типа Насера, с вручением ему и ближайшему его стороннику звания Героя Советского Союза. Что вызвало в СССР бурю негодования — всего лишь кухонную.

Во всем этом Примаков купался, как уже набравшийся опыта пловец-олимпиец, досконально изучивший свою ближневосточную акваторию. Его статьями зачитывались подписчики.

И не только. На глазах идеологической верхушки созрел феномен Примакова. Журналист превращался, нет, не в писателя, а в политика.

Выскажу свое личное. Здесь Евгений Примаков несколько напоминает мне еще одного героя этой книги великого журналиста и разведчика Рихарда Зорге. Тот тоже вырос из журналистских штанишек, становясь предсказателем, стратегом, советчиком, по-современному скажу «решателем» — *decision maker*.

И Примаков в знак признательности за свой прорыв был послан собственным корреспондентом «Правды» на Ближний Восток. Он попал в самый разгар столкновений, стычек, споров, а затем войн, побед и поражений. За их развитием и исходом мы следили его глазами. Верно выбранный строгий и идеологически выдержанный тон, всегда ему свойственный. Но за этой правдинской строгостью сколько искренности. И какие подробности, подмеченные не просто созерцателем событий, а их участником. Не описание, а сопереживание. Не голословная поддержка, а доказательство правоты молодых ближневосточных лидеров. Мы, в Москве, были способны понять, как глубоко проник он в таинственный, закрытый для чужих арабский мир, превратившийся для него — и благодаря Примакову и для нас — в свой.

И даже катастрофические поражения арабских друзей не смущали Примакова. Он видел, предугадывал, что их время еще придет, настанет.

Корреспонденту удалось совершить редчайший прорыв, почти недостижимый в журналистике, особенно той поры. Его герои — руководители арабских государств — превратились в его друзей. Да, это здорово, когда к вам домой приходят великие Галина Уланова или Игорь Моисеев. Но тут другое. Дружбу с вершителями судеб арабского — и не только — мира Примаков сумел обратить на пользу родине.

Ведь и годы спустя он вылетал на встречи с друзьями, чтобы помочь новой, молодой России добиться взаимопонимания с теми, кто был возвращен (нет, не им) в его времена. Другого такого примера я не знаю.

Мне кажется, та долгосрочная и короткие командировки убедили людей, от которых во многом зависела судьба Примакова и таких, как он, что засиживаться в журналистах собкору по Ближнему Востоку нечего. Евгений Примаков способен еще и на гораздо большее. Нет, ему не тесно в журналистских рамках, что Евгений Максимович демонстрировал до конца своей долгой и счастливой жизни. Но круг талантов, способностей Примакова гораздо шире, разнообразнее.

И началась для него иная жизнь. Жизнь крупного политического деятеля мирового масштаба.

Здесь мне обязательно хочется отвести от Примакова обвинения, часто представителями моей профессии выдвигаемые. Якобы не любил директор разведки, министр иностранных дел, премьер общаться с журналистами. Попробую разбить оппонентов одним ударом. Да, Евгений Максимович с осторожностью, с большой осмотрительностью и тщательным выбором соглашался на беседу, интервью. Была у него собственная селекция. Но почему? Да потому, что невольно мерил коллег по собственной, для иных чересчур высокой, шкале. Разве позволял он себе что-то додумывать и дописывать за собеседника? Или грешил неточными цитатами? Или в погоне за сенсационным высказыванием выдавал собственный наводящий вопрос за изречение собеседника? И как мог, к примеру, перенести премьер Примаков утечку информации из российского Белого дома? Ведь среди представителей СМИ, приглашаемых на брифинги и предупрежденных о том, что обсуждаемые вопросы «не для печати», *off the record*, всегда находились выплескивающие тихо, доверительно сказанное на страницы газет и на просторы Интернета. И эту практику встреч пришлось прекратить.

С такими «коллегами» Примакову было работать трудно. И он, однажды обжегшись на чьей-либо небрежности, мысленно вычеркивал объект из своих возможных контактов. Сурово? Возможно.

Став писателем, Примаков издал множество книг, превратившихся в

бестселлеры.

Уверен, наследие Примакова еще долго будет изучаться и изучаться. Надеюсь, нам предстоит еще немало узнать и о его деятельности журналиста-переговорщика на Ближнем Востоке.

Он многое нам оставил

Примаков ушел в 85. И при всей своей любви к общению, к друзьям, к доброму и остроумному слову в последние годы редко появлялся на публике. Да, болел. Но думать, нет, даже не думать, предполагать, что такая человеческая глыба, такой гениальный интеллект может навсегда от нас, его примером выпестованных, уйти — никогда.

В начале 1990-х, когда грянула эпоха перемен, Евгений Максимович ни на миг не поверил в наступление всеобщего международного благоденствия. Я тогда уже был долго и далеко от родины, и его назначения в сентябре 1991-го только что отделившейся от КГБ Службы внешней разведки не понял. Ведь академику придется находить общий язык с разведчиками-профессионалами. Да и зачем ему эта расстрельная должность, когда люди с длинными высунутыми языками не просят, а требуют внешнюю разведку закрыть, всех агентов на СССР работавших и прибежище в Москве нашедших, включая легендарного Джорджа Блейка, отправить домой в Англию, а имена агентов, друзей и сотрудников, находящихся в зарубежье, предать если не анафеме, то уж точно гласности. Всерьез требовали рассекретить архивы, открыть доступ на территорию штаб-квартиры в Ясеневе. Почему-то кажется, что так бы и произошло, если бы академик не отбил те яростные атаки на свою высоту. Причем с абсолютным хладнокровием. Он защитил всех. Остановил несправедливые начавшиеся под влиянием эмоций увольнения. И не думал заниматься люстрацией. До сих пор люди из СВР с теплотой вспоминают своего Максимовича: спас, не дал внешней разведке сгинуть, погибнуть, как погибло под сносимыми праведными и неправедными руинами уже многое.

И на помощь Примаков призвал именно гласность. Создал Пресс-бюро СВР, рассекретил подвиги безвестных до того разведчиков, постепенно заставив народ уважать их совершивших, а заодно замолчать тех, кто мечтал срубить умнейшие головы.

А когда он стал министром иностранных дел, лучше сделалось не ему, а России. Уважаемый поголовно всеми, даже злейшими оппонентами, он аккуратно, без помпы вытягивал державу из той глубокой ямы, куда ее успели затянуть. Тончайший и жесточайший, тактичнейший и бескомпромисснейший, когда дело шло о Родине, он успел быстро отыграть и вернуть немало из вроде бы навсегда сданного.

Был назначен премьером. Нет, тут дело не в сказке. И не по законам волшебства именно при премьер-министре Евгении Примакове Россия росла, крепла, набиралась экономической мощи. Он наконец-то решился на то, чего боялись и сильные личности. Прижал олигархов, намекнул о ждущих кое-кого спальных местах, напоминающих нары. Сделать это было необходимо. Смелчак должен был когда-нибудь отыскаться.

И после этого участь его была предрешена. Олигархия затряслась, объединилась. Примаков мог стать президентом, и от этого кое-кого бросало в дрожь. Повторюсь в рассказе, ибо это — исключительно важная часть новейшей истории молодой России. Нашептали через самых-самых Ельцину близких мерзкую ложь.

Олигархия в последний раз одержала победу. Но проиграла, ибо показала себя в нагом уродстве. Убрала-таки лучшего премьера.

Итоги Евгением Максимовичем Примаковым нам оставленного предстоит подвести. А им завещанного — выполнить.

ПО ПЯТНИЦАМ МЕНЯ ВОДИЛИ НА КАЗНИ

Алексей Козлов

Алексей Михайлович Козлов — полковник-нелегал Службы внешней разведки, Герой России, награжден орденом Красной Звезды, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством».

Он скончался в конце 2015 года после долгой болезни, с которой боролся, как и всегда делал в своей жизни, мужественно и до конца. Врач, его лечившая, признавалась, что жажда преодолеть, выстоять и в этой битве была у Козлова необыкновенная.

Он — один из принадлежавших к сугубо малочисленному, штучному всемирному клану разведки. Нелегал, которому удалось прожить несколько жизней. При этом каждая была полна опасностей и невероятных событий и по большей части лишена главных человеческих радостей — дома и нормальной семьи. Нелегалы не жалуется на судьбу, которую когда-то выбрали сами или она явилась к ним силою сложнейших обстоятельств. И очень редко имеют возможность или желание поделиться с окружающими хотя бы немногими эпизодами из своей бурной, всегда строго засекреченной биографии. Но все же иногда волею высшего руководства разведки такой шанс выпадает.

Такой судьбы, как у нелегала Козлова, не выпало никому. С 1962-го по 1980-й работал в особых условиях. Затем два года в камере смертников в ЮАР. Обмен — и четыре года работы в Центре. А потом он на десять лет снова отправился за границу с паспортом жителя одной западноевропейской страны. Это, насколько я знаю, единственный случай в истории нелегальной разведки.

Я был первым журналистом, которому было разрешено побеседовать с Алексеем Михайловичем. Он в жизни не беседовал с представителями нашей древней профессии. И, признаться, мы долго притирались друг к другу. Мои попытки разговорить его казались Алексею Михайловичу чересчур уж если не назойливыми, то прямыми. Из всех моих собеседников-разведчиков, не говоря об обычно исключительно интеллектуальных и доброжелательных нелегалов, Козлов поначалу казался мне самым резким. Я чувствовал, да и он не стеснялся показывать, что некоторые вопросы его раздражали. Как бы тут не сказать чего

лишнего. Даже несколько раз переспрашивал: «А что, Вартанян (первый Герой Советского Союза среди нелегалов. — *Н. Д.*) вам такое рассказывал? Давайте без оперативных эпизодов. Сами понимаете». Я понимал, но работу это не облегчало.

Однажды продюсер-документалист, снимавшая фильм «Исповедь нелегала» по моему сценарию о Козлове, вроде как невзначай спросила его: «А не возникало у вас после ареста в ЮАР мысли облегчить мучения и рассказать следователю хотя бы часть правды? Ну, кто бы узнал...» Тут же искренне обиженный Козлов встал и ушел со съемки. Даже само предположение не о предательстве, а о какой-то уступке противнику виделось ему оскорбительным.

Пришлось долго уговаривать Героя простить даму за некомпетентность. И Козлов опять обиделся, но уже на меня: «А зачем нам некомпетентные? Вы бы взяли да и подготовили, отсеяли ненужное». С того самого инцидента я жестко правил все вопросы, сочиняемые кинокомпанией. А Алексей Михайлович перед съемкой постоянно переспрашивал: «Сегодня с нами работают люди компетентные?»

Однако потом мы нашли общий язык. Козлов после встреч и съемок приглашал посидеть за кружкой пива. После 20 лет работы в «особых условиях», часть из которых прошла в Западной Германии, был он его большим любителем. Пролетело годков пять-шесть после знакомства, и я был сердечно тронут вниманием Алексея Козлова. На большом собрании он провозгласил здравицу в честь честных журналистов, показав на меня. Я покраснел от смущения, зато после приема получил десятки похлопываний по плечу от сослуживцев Алексея Михайловича.

Знаете, как относились к Герою России Козлову его коллеги? Однажды во время юбилейного торжества в Кремлевском дворце, где показывали кадры, как президент России награждает его орденом, весь огромный зал, как один, мгновенно встал и разразился овацией. Такое уважение профессионалов надо было еще заслужить.

Мы общались. Я пытался написать в компании людей далеких и от Козлова, и от непростой темы сценарий документальной кинодрамы о Герое. По разным причинам не особенно получалось. Оставалось довольствоваться лишь принципом барона Пьера де Кубертена — главное участие. В итоге и это радости мне не принесло. Фильм получился, скажу так, не совсем правдивым. Стрельба, погони, силовые приемы... Такого в нелегальной разведке не бывает никогда, если только в разведке фронтовой. Меня расстроили кинокадры непрекращающихся драк и особенно сцена ареста Козлова: в ЮАР его брали в самолете, а в фильме, наверное для

красоты, пригнали корабль.

Зато наше сотрудничество с Алексеем Михайловичем переросло во взаимопонимание. Постепенно его рассказы приобрели оттенок пусть не откровенности, но точно доверительности. Возможно, он проводил какой-то свой отбор, мерил нас, к его профессии не относящихся, на свой строжайший лад.

Признаться, не ожидал, что в списке приблизительно ста стран, которые Козлов посетил отнюдь не с официальными визитами, было несколько, поведать о которых не придется. Да и те редкие задания, о которых он упоминал, скорее, намекал, виделись мне совершенно фантастическими.

Однажды я не выдержал: «Но это же физически невозможно». Козлов согласно кивнул: «Практически невозможно. И я даже обратился с этими словами к генералу Дроздову (многолетний начальник Управления нелегальной разведки ПГУ и сам в прошлом нелегал, которого все подчиненные чтили, словно Бога. — *Н. Д.*) Ну, как я это сделаю? Дроздов нахмурился: “Думай. Ведь это ты нелегал, а не я. Тебе решать”». Чертыхаясь, что было в его стиле, Козлов «решил» и задание, связанное с неимоверно дальним переездом в угрюмую страну, не поддерживавшую с нами никаких отношений, выполнил. А государство это было еще пострашнее ЮАР.

Жаль, конечно, что этот эпизод, как и некоторое другое из рассказанного, не войдет в книгу. Пролетит еще лет 20, и подвиги Героя России Алексея Козлова, возможно, обретут более конкретные черты. Впрочем, совсем не факт. Хотя и рассказанного вполне достаточно, чтобы представить, что же переживает человек, которого несколько месяцев подряд каждую пятницу водили на казни.

Есть вещи, написать о которых рука не поднимается. Полковника-нелегала пытали. Я изумлялся чудовищной жестокости. Следователи из ЮАР подражали фашистам из гестапо, а в изощренности их превосходили. Не знаю, как объяснить: мужчине об этом рассказать еще можно, а женщинам — нет. Изуверы ломали русского нелегала. Не сломали.

Допрашивали его и люди из спецслужб Великобритании, Германии, Израиля, Франции, США. Больше других, во всю безнаказанную свирепость избивал офицер МОССАДа, выходец из СССР. «Жора из Одессы» — так представился он полковнику на хорошем русском. Почему-то был уверен, что быстро расколется Козлова. А когда не получилось, вырывать связанного пленника из рук садиста приходилось юаровцам. Они объясняли мерзавцу, что убьет, замучит, а нелегал нужен им живым.

Оттаскивали вдвоем, втроем от озверевшего Жоры. Раз, чтобы привести мossaдovца в чувство, настолько Жора впал в звериную ярость, юаровцы надавали ему тумаков. Козлов с выродком вообще не говорил. Это и бесило.

Неожиданно грубо повели себя французы. Вопросы задавали, Козлов сразу понял, для проформы. А били — по-настоящему.

Американцы склоняли к предательству. Англичане моментально уразумели, что русский не расколется, и для собственного удовольствия стращали, запугивали.

Думаю, два года в мучениях не могли не повлиять на характер Алексея Михайловича, столько перенесшего и выдержавшего. Тут сложно остаться улыбочивым, ко всем приветливым, добродушным. Такого не было. Козлов мерил людей по своим правилам. Порой суровым, очень суровым. Превратился ли он в кремень? Нет. Или да?

Честно признаюсь: не ожидал, что нелегал из камеры смертников доживет до восьмидесяти. Тут и жажда жизни, и жена-доктор, и фантастический оптимизм Алексея Михайловича. Уверен, он очень гордился уважением людей своего узкого круга. А вот пришедшая публичная слава оставляла его относительно равнодушным, подчас раздражала. Подвиги совершались не ради этого. Иногда просил меня: «Вы им объясните, что об этом писать нельзя. Как я могу? Никогда! Ведь вы же поняли». Но не понимали ни его, ни меня.

Вот монолог Козлова. Мы вели его часами. Простите за многочисленные купюры. Я старался не прерывать и не перебивать Алексея Михайловича. Иногда приходилось задавать уточняющие вопросы. Нелегалу все было понятно, мне — не совсем.

— Я расскажу вам все, что сочту возможным, называя свое настоящее имя. И нет в этом ничего страшного: отсидел два года в тюрьмах в Южной Африке, и противник мое имя знает отлично. Для начала назовем причину моего ареста без уточнений — предательство.

Родился я 21 декабря 1934 года в селе Опарино Опаринского района Кировской области. Правда, села этого не помню, никогда не видывал и где оно, не знаю, потому что в полтора года бабушка забрала меня у родителей, и с 1936 года я жил в Вологде. Там и окончил десять классов. Так уж сложилось, что воспитывался я у бабушки с дедом, потому что мать с отцом были очень молоды и растили кроме меня еще троих. Мама работала бухгалтером в колхозе. А отец в 1941 году ушел в армию, во время войны был комиссаром танкового батальона в 5-й гвардейской армии генерала Ротмистрова, того самого, что стал потом маршалом бронетанковых войск.

Отец, и я этим горжусь, участвовал в битве на Курской дуге. Мать осталась одна, как выживала с тремя детьми на руках, не представляю.

Ну а я в 1943-м поступил в школу. Как раз тогда закончилась Сталинградская битва. Видите, по какому счету идут у меня военные годы.

Был у меня прекрасный учитель немецкого языка — Зельман Шмулевич Щерцовский. В 1939 году, когда Польшу оккупировала Германия, он бежал от нацистов в Советский Союз. Еврей по национальности, не собирался Зельман погибать в концентрационных лагерях. Наши его долго не проверяли. Отправили молодого парня в Вологду на поселение. Закончил пединститут и преподавал у нас немецкий. Знал его в совершенстве и с нас много требовал. Учителя я уважал, у меня с ним сложились замечательные отношения. Немецкий грыз я с рвением. Может, что-то предчувствовал? Или потому, что мне вообще нравилось изучать языки. Именно Щерцовский очень помог мне при подготовке в институт.

Школу я закончил с серебряной медалью — и в столицу. Прибыл на Ярославский вокзал с деревянным чемоданчиком и висячим замком. Было это в 1953-м, как раз умер Иосиф Виссарионович Сталин. В Москве до того ни разу не был. Первое, о чем спросил в справочном бюро вокзала: «Где находится Институт международных отношений?» Мне назвали адрес: Метростроевская, 53. Сейчас в этом здании Дипломатическая академия. Шесть лет я в этом здании проучился.

До сих пор меня спрашивают: раз попал в МГИМО, значит, по блату. Но какой блат у нас, у вологодских. Поступал по свободному набору. Пришел в приемную комиссию, дали мне анкету, и быстро выяснилось, что никакой я не враждебный элемент. Допустили до экзаменов, и все вступительные сдал я на «отлично». И главное — немецкий.

В институте изучал датский и немецкий. Дважды — в 1957-м и в 1958-м — выезжал со студенческим отрядом на целину, где вкалывали мы очень прилично. Много работал в комсомоле, что мне нравилось. Кем меня только не избирали. Знал очень многих — и курсами постарше, и помоложе, дружил с ребятами разными.

И в декабре 1958-го на последнем курсе отправили меня на практику в Данию в консульский отдел посольства по линии МИДа. Подтянул свой датский. В Москве на нем поговорить было не с кем.

Когда вернулся, предложили пойти на работу в органы государственной безопасности. Почему? Об этом надо спросить отдел кадров МГИМО. Хотя в основном сидели там люди, к КГБ никакого отношения не имевшие.

Конечно, далеко не все выпускники шли в чекисты. К примеру, со мной в группе учился Юлий Квицинский — будущий первый заместитель министра иностранных дел СССР, а уж сколько вышло известных послов... Да, некоторых приглашали и в органы. Что в этом страшного? И, помню, когда в 1984-м я впервые после долгих лет работы в зарубежье попал в Ясенево (штаб-квартира Службы внешней разведки. — *Н. Д.*), чуть не каждого там встреченного обнимал и приветствовал, потому что помнил по учебе в институте.

Итак, в 1959-м меня в первый и в последний раз вызвали на Лубянку — тогда улицу Дзержинского, дом 2. Спросили: где бы ты хотел работать? Я ответил: только на оперативной работе — чтобы никаких писулек. Предложили стать разведчиком-нелегалом. Только вот я и сейчас могу похвастаться одной шишкой — на пальце. Никогда мне не приходилось писать столько, сколько на этой несчастной оперативной работе.

Технический чертежник

— Но разве для нелегальной работы не требуется знание иностранного, как родного?

— В МГИМО немецкий был у меня первым языком, и к тому времени был хорошим, нормальным. Датский изучал в институте и во время практики в Копенгагене. Взяли меня на подготовку. Причем была она очень короткой: год обучения по обычной программе, полтора года работы в центральном аппарате. Пришел учиться 1 августа 1959 года, а уже 2 октября 1962-го выехал на боевую работу в одну западную страну.

Предварительно готовился в ГДР. Тогда это нам здорово помогало. Хотя и не всегда. Потому что подхватил в Лейпциге саксонский диалект. И никогда не забуду, как вскоре, уже в Западной Германии, совершенно случайно разговорился в кафе с сотрудником криминальной полиции. И вдруг он меня спрашивает: вы, говорит, не отсюда, не из Брауншвейга? Нет, отвечаю, я — австриец. Он качает головой: странно, голову бы дал на отсечение, что вы — саксонец. Пришлось убеждать его, что мама моя — саксонка, отец — австриец. К счастью, моего соседа по столику, парня молодого, в тот момент больше интересовали сидящие рядом барышни, с которыми ему хотелось познакомиться, потанцевать, а не какой-то странный австриец.

— А не могло закончиться и по-другому, если бы полицейскому не хотелось танцевать?

— Ну, нет, не думаю. Главное, что в принципе немецкий был у меня вполне. Да и в Германии был всего три недели. Не совсем обсаксонился.

Но мелочи играют важную роль. Потом в одной европейской столице — еще один случай. Захожу в кафе перекусить. Снимаю пальто, вешаю на вешалку в зале и вдруг, даже не успев позвать официанта, получаю от него: «Вы — русский?» Я опешил, вежливо спрашиваю, откуда он такое взял. И выясняется, что я снял пальто так, как это всегда делают только русские: не поддержал я рукой рукав, спускающийся с другого плеча. Да я об этом никогда не думал. Ерунда, а прокололся.

Или снова совсем не оперативный эпизод из небольшого ресторана одной западноевропейской страны. Пришел, и официант меня приветствует, как старого знакомого. Встревожился: это чем же я засветился? И официант меня обслуживает быстро-быстро. Снова не понятно. Спрашиваю, навожу мосты, и паренек говорит, что запомнил меня

по прежнему заходу. Оказывается, ел я очень быстро. Так в этой стране, где принято во время ужина растягивать удовольствие и смаковать каждое прикосновение к соусу или печени гуся, никогда не едят. Я все уразумел.

Понимаете, это сейчас наши люди свободно разъезжают по миру, всё видели, и как говорится, всё, что только можно, пили. А тогда нас вводили в курс той жизни наши учителя. Почти никаких учебников не было. Помню, мне показывали, как надо вкладывать очки в очечник. Но абсолютно всё рассказать было невозможно. Каждая деталь могла проявиться в своей неожиданной красе. Все время в напряжении, постоянно настороже. Сейчас обкатку пройти гораздо легче, а мы постигали премудрости на ходу. Да, а потом была Дания.

— И чем вы там занимались, помимо своего основного дела, конечно?

— Каждый разведчик-нелегал должен иметь какую-то профессию прикрытия. У нас в Москве в тот момент меня могли сделать слесарем по ремонту автомашин, мастером по починке холодильников или телевизоров и тому подобное. Сделали техническим чертежником. Я эту профессию ненавидел всеми фибрами души, потому что по складу — гуманитарий. Но пришлось согласиться. Да и профессия — чистая, хоть под машину не нужно лазить.

В Копенгагене в конце октября 1962-го пришел в один технический институт, где в числе прочих готовили чертежников. Нужно было учиться три года, если хорошо пойдет, то два. Сказал директору, что у меня нет ни двух, ни тем более трех лет. Институт нужно закончить за три месяца. Тот посмотрел на меня ошалело, но я спокойно, однако настойчиво объяснил, что чертить умею и нужен мне только диплом. Не зря же меня в Москве, а потом и немного в ГДР учили. Но это было, понятно, не для директора-датчанина. Он пригласил какого-то преподавателя, поговорили. И они решили так: мне придется заплатить за все три года обучения, но если у меня получится сдать все экзамены за три месяца, выдадут мне сразу диплом. Я ходил в институт каждый день и по нескольку раз. Выполнял все задания и получил-таки датский диплом технического чертежника.

— А какой у вас был паспорт?

— Немцем я был. А паспорт — западногерманский, правда, липовый. Потом Центр мне предложил совершить обкатку по нескольким странам, поставить печати в свой документ, выбрать какое-то государство, в котором я якобы жил многие годы и где мог, по легенде, заработать достаточно денег как иностранец.

Сначала мне подсказали: выезжай в Ливан. Плыл туда на теплоходе из Неаполя. В пути познакомился с девушкой, очень хорошо знавшей

английский.

В Ливане выяснилось, что ливанцы-арабы очень любят немцев. Что касается Дании, откуда я приехал, то о существовании королевства Датского там мало кто догадывался. Все говорят по-арабски и, наследие колониализма, по-английски. Пришлось возобновить знакомство с девушкой с теплохода. Она меня шесть месяцев этому новому языку обучала, и довольно неплохо.

После по заданию Центра, не заезжая лишний раз в Европу, выехал в Алжир. Предстояло устроиться там на длительное оседание. И через все страны, с заменой машин, пересадками с автобуса на автобус, а иногда и на маршрутных такси с их дальними маршрутами, удалось за четыре недели добраться до Алжира. Как раз отмечали праздник первой годовщины независимости. В Алжире еще стояли французские войска, но президентом был уже свой — Ахмед Бен Белла.

В этой стране, как выяснилось, никто не знал ни английского, ни немецкого, ни уж тем более датского. Они не знали этих языков, а я не знал, что мне делать. Долго искал и в конце концов нашел одну связь — француза, неплохо говорившего по-немецки. Тот представил своим приятелям, и так через них устроился на работу техническим чертежником в ателье градостроительства. Все инженеры и архитекторы там были швейцарцы, а уж они все, как и положено гражданам их страны, свободно говорили по-английски, по-немецки, по-французски и по-итальянски. Для практики все время болтал с ними по-английски.

Все чертежники и остальной личный состав — арабы. А в Алжире в то время почти все образованные арабы говорили только по-французски, даже родного не удостоились выучить. Доходило до курьезов. Когда Бен Белла решил переименовать все улицы и их названия вывели арабской вязью, беспорядок начался потрясающий. В общем, пришлось мне в Алжире выучить и французский, а впоследствии, много позже, еще и итальянский. До сих пор нормально говорю на всех этих языках.

В Алжир приехала ко мне жена. Раньше было нельзя: учила язык.

Я вам о языке так подробно не случайно. Знать его в совершенстве для нелегала с его легендой абсолютно необходимо. И хотя существует, скажем, у немецкой контрразведки, некий свод признаков, по которому они различают иностранцев, выдающих себя за местных, мы с языком не прокалывались. Был у нас, уже несколько лет спустя после приезда жены, неприятный случай. С одним немцем выясняли, попивая пиво, почему испанцы вообще не говорят ни на каких языках. И вдруг, как всегда вдруг, он принялся объяснять мне, что вот так, как мы с ним, говорят на

немецком, да и на любом другом, представители лишь одной нации — русские. Я чуть было не поперхнулся. Что это? Проверка? Намек: я тебя распознал? Этот разговор сильно встревожил.

— И почему действительно вдруг такой вопрос?

— Случайность. Знакомый немец сказал чистую правду. Русские хорошо осваивают иностранные языки. Это известно, значит, ничего страшного. Но в тот момент вызвало немало переживаний. Мы продолжали не без пользы для меня общаться.

При общении с иностранцами возникало немало всяких неожиданностей. Один из управляющих нашего дома вдруг начал напрашиваться на уроки языка к моей жене. Допытывался до тонкостей, до истоков. Выдержать это похожее на допрос действие сложно. И я разыграл ревнивца, заявил, что такие уроки нарушают неприкосновенность нашего жилища, которое должны были свято чтить в стране. Управляющий испугался, извинился. Дурных намерений у него не было. Но мало ли что могло проявиться при таких уроках? Нечего было ходить нам по острию. И образ ревнивого Отелло очень нам пригодился.

Или вдруг один француз, отлично знавший немецкий, спросил меня, как на языке Шиллера и Гёте звучит одно очень интимное, в основном мужчинами употребляющееся словечко. Я и представления не имел, отделался тем, что сослался на некоторую собственную застенчивость, а уж после выяснил и шепнул это самое словечко другу. А знаете, кто лучше всех остальных распознает наши российские корни?

— Откуда же.

— Пожилые евреи. Малейшие нюансы языка чувствуют, лучше, чем профессионалы из западных спецслужб. Не пойму, почему, но это факт доказанный.

Бывают, но это уже случилось не со мной, и другие неожиданности. Жена нашего нелегала, и тоже, понятно, нелегал, исполнила на частной вечеринке на рояле музыкальную классику. Браво! Высокопоставленное общество, в которое еще надо пробраться, рассыпается в аплодисментах. А после подходит тихая пара и вежливо спрашивает, не русский ли педагог был у нашей барышни. Они с мужем еле отговорились: мол, да, один малоизвестный выпускник американской школы, где особенно сильно влияние русской фортепьянной классики. Обошлось. Но больше дама на фоне при стечении людей не играла. Дал ей Бог талант в свое время окончить то ли Гнесинку, то ли, я уж забыл, Московскую консерваторию.

— Да, любая случайность может в данном случае «сыграть». Но как же вы сумели объяснить приезд жены местным?

— Поженились мы в Москве перед самой командировкой. В Союзе она находилась на подготовке. А когда приехала, мы нашли для нее соответствующую легенду. У меня были знакомые пожилые французы. Кто-то из них уехал, кто-то умер. Зато у нас был адрес, по которому жена теоретически могла в свое время жить. Только и всего. Приехала она, конечно же, как немка со своим безукоризненным языком, а французский выучила уже в Алжире. В этой стране мне повезло: спустя год после получения независимости алжирцы стали уничтожать документацию на всех иностранцев, живших там до этого. Позже я запросто мог говорить в других государствах, что 20 лет прожил в Алжире, где зарабатывал много денег. Так я легендировал свое относительное материальное благополучие.

А жена забеременела, и нам было предложено выехать в Западную Германию, чтобы там уже окончательно задокументировать женитьбу. Ведь паспорта у нас обоих были липовые. Сначала заехали в Тунис, затем в Голландию, потом во Францию. После этого я поехал в 1964-м в город Штутгарт. А жену оставил на границе во французском Страсбурге. Так ей было легче: в Эльзасе все говорят по-немецки.

— Почему вы въехали в ФРГ в одиночестве?

— Не мог я ее взять, потому что не знал, как у меня повернутся дела. Жена — беременная, а если что-то пойдет не так? И черт его знает, что со мной будет. Я, как вы помните, технический чертежник, и мне надо было искать работу, чтобы где-то в ФРГ поселиться. Штутгарт — город большой, в нем — десятки учреждений. Но попал я туда в августе в разгар летних отпусков. Никто и никакой работы не предлагает. Пришлось устроиться чернорабочим в химчистку: только туда и взяли. Причем обещали платить как квалифицированному рабочему и, если буду трудиться добросовестно, через три месяца в таковые и перевести. Так оно и произошло. Был тогда в этом городе довольно свободный режим. Поэтому, предъявив свои липовые паспорта, мы без труда получили внутренние удостоверения личности и официально поженились.

Вскоре переехали в Мюнхен, где я снова устроился на работу техническим чертежником. Там у нас родился сын, потом дочь. Разница в возрасте у моих детей всего 11 месяцев. Из Центра нам пишут: «Времени вы даром не теряете». После рождения детей получили вместо наших прежних внутренних удостоверений настоящие западногерманские загранпаспорта. И с великим сожалением сжег я в печке наши липовые паспорта.

— Почему с сожалением? Ведь жгли-то липу.

— Точно, липу. Но какую же надежную, привычную. Но настоящие,

вы правы, все равно лучше.

— А как шла оперативная работа?

— Мы с вами договаривались — об этом в последнюю очередь. Нормально шла. Был источник или источники. Интересные люди. Привлек их к сотрудничеству. Работали с нами по политическим соображениям. К нашей стране относились с симпатией.

Тут произошел еще один случай, достойный внимания. Во время одного из переездов присмотрел я квартиру. Старался жить только по средствам. Ел в столовых, была возможность — даже в дешевых, студенческих. Машина тоже скромная. Когда жена рожала, пришлось ее срочно везти на авто в роддом.

— А если бы она закричала при родах на русском?

— Она — не радистка Кэт. Кричала на языке страны пребывания.

Но вдруг на пути в роддом попадаю в пробку, пытаюсь из нее вырваться, и останавливает меня полицейский. Я ему про жену, он тотчас пересаживает нас в свой автомобиль и без всяких правил и светофоров мчит, куда надо. Я ему и сегодня благодарен. А крестным отцом одного из детей был приятель нашего семейства — бывший офицер СС, не черного, не гестапо, но свое отсидевший. И вообще рождение детей — это хороший знак для властей страны, где ты живешь. Действительно, некоторые нелегалы на продолжение потомства при работе в «особых» условиях не решаются. Мы пошли иным путем.

Но я хочу вернуться к эпизоду неприятному. Снимали новую квартиру, обо всем договорились, уходим. И хозяйка нам на прощание бросает: «Только просьба — ни в коем случае не шпионить».

О чем она? Что за чушь. Но отменять сделку — поздно, да и может вызвать подозрения. Пришлось на следующий день все равно заселяться. И узнаем мы уже позже, что жил в квартире некий человек, который почему-то вызвал подозрения у полиции. Проверили его и выяснили: у жильца — не слишком достоверные документы, и начали прощупывать его по полной программе. Словом, человек исчез. И жить вот в такой «плохой» квартире с дурным наследством мы не решились.

— Правда, что нелегалы — суеверны?

— Не знаю. Но мы нашли удобный и, главное, правдоподобный предлог и без всяких обид, они тоже ни к чему, съехали.

Агент из химчистки

Через некоторое время нас вызвали обратно в Россию. Дома провели пару месяцев. И я получил задание выехать на длительное оседание в одну из стран Бенилюкса.

Насчет семьи в Москве возникли сомнения. Предстояли переезд, поиски квартиры и работы. Предполагалось, что жена приедет ко мне позже и с одним ребенком. А второй останется с ее родителями. Не исключалось, что дети могут вообще остаться на родине.

Поселился я в столице. Искал работу — и как чертежник, и как рабочий химчистки. Ушло на это шесть месяцев, трудно было устроиться. В конце концов попал я в крупную гостиницу, в подразделение химчистки и прачечной. Был я действительно рабочим квалифицированным, и вскоре сделали меня руководителем этого сектора. Нашел квартиру, и ко мне приехала жена с двумя детьми.

— А дети не догадывались, из какой они страны?

— Нет. Сын пошел в детский сад, дочь мы устроили в ясли. Между собой они говорили только по-французски, а с нами — только по-немецки.

— Русского не знали?

— Откуда же?

— А два месяца дома в России?

— Не давали им русский язык выучить. Не знали они его совсем. Да и жена выехала после Москвы в ГДР, где ни слова по-русски.

— Как зовут ваших детей?

— Миша и Аня. Они работают здесь, никакого отношения к моей профессии не имеют, в этой жизни себя нашли.

А жена в нашей новой столице устроилась преподавателем немецкого языка в школу, которая была аккредитована при НАТО. Там учились дети натовских сотрудников. Сначала занималась с ними частным образом, потом учила их немецкому в школе.

Мне же предложили должность генерального директора одной крупной химчистки.

— Бенилюкс, НАТО — наверняка вы добывали сведения об этом военном блоке?

— Шла оперативная информация.

— Помогало, что супруга преподавала в натовской школе?

— Естественно.

— Да наверняка и детишки из разных стран между собой общались.

— Эка вы загнули. Воображение богатое. Детишки в этом плане помогли мало. Были скорее прикрытием.

Я бы обратил внимание на иное. Даже работая в химчистке, можно добывать актуальную информацию. Среди моих знакомых — местные жители, в основном бизнесмены, да и все, кто угодно. А потом оперативной работы стало очень много и в других странах. Наверное, кое-что вам как-нибудь расскажу.

— А с посольством общались?

— Никогда. Для любого нелегала — это опасно. Но в 1970 году жена тяжело заболела, и пришлось возвращаться на родину. Лежала в больницах, лечилась. Тяжела наша работа для женщины, у многих нервы не выдерживают. Жена моя умерла. А мне предложили работать одному по кризисным точкам.

С двумя паспортами

— Что это такое?

— В тех странах, с которыми мы не имели дипотношений и где возникали кризисные ситуации. В 1970-е годы это в основном Ближний и Средний Восток — Израиль и арабские государства. Вот где я часто бывал.

Позже легализовался на жительство в Италии. Общим знакомым объяснял: с женой развелся, дети остались у нее. Рим — прекрасный город. В нем не захочешь, а приобщишься к искусству. Картинные выставки, музеи — все это было мое, понятное, любимое. Чтобы глубже вникнуть и понять, посещал общество «Данте Алигьери» на палаццо Фиренце. Слышали, наверное? Названо в честь величайшего итальянского мыслителя. Да и по Италии поездил. Но здесь оперативных целей — никаких. Только для души. Или требовалось какое-то отдохновение: вечный риск в вечном городе Рима.

У меня установились хорошие связи с фирмами, выпускавшими материалы для химчисток — химикаты, машины. И мне предложили быть их представителем во всех странах мира, кроме самой Италии, где находилось генеральное представительство фирмы. Меня это устраивало. Место проживания — Рим, платил там налоги, но бывал в столице по два-три месяца.

Я уже говорил вам о кризисных ситуациях. До 1974 года, когда в Португалии совершилась революция, у нас с этой страной не было дипотношений. А мне еще при фашистском режиме Каэтано пришлось побывать там и собрать тоже очень интересную информацию. Когда началась революция «красных гвоздик», я вернулся и прожил там пару месяцев. Был не только в Лиссабоне. Объездил всю страну. Мы никогда не работали только в столицах. Это было бы глупостью, и мы ездили по разным городам.

Разъезжать приходилось и по другому региону — Египет, Иордания, Израиль, Кувейт, Ливан. Затем Саудовская Аравия и много еще чего.

— Вас во все эти места легко пускали? А как с визами?

— Тут такая история. Если в то время у человека в паспорте были израильские отметки, проставленные на КПП о въезде туда, его не пустили бы ни в одну арабскую страну. Пришлось идти в западногерманское посольство: «Что же мне делать, друзья?» Они говорят, получай новый паспорт, дубликат. И с этим дубликатом западногерманского паспорта я

разъезжал по Арабскому Востоку. Один паспорт — для Израиля, другой — для арабского мира. В регионе у меня были полезные связи — родственники министров, в том числе и в Ливане, офицеры израильской армии, политики в Израиле и в Египте. К примеру, в Израиле — племянник одного министра. Это как, годится?

Однажды в Иерусалиме случился курьез. Захожу вечером в кафе. Беру 50 граммов водки, вернее, 40 — у них такая двойная порция. И кружку пива. Огляделся вокруг, смотрю, сидят три старичка: все места заняты. А у них — одно свободное. Подхожу, по-немецки спрашиваю: можно с вами присесть? Евреи в основном все немецкий знают. Говорят: пожалуйста. Спрашивают меня: немец? Отвечаю: да. И один из них мне рассказывает: знаешь, во время войны я служил в советской военной разведке, и меня забросили в немецкий тыл. И я, говорит, вам, сволочам, во как дал прикурить. И с такой гордостью он это сказал, с такой ностальгией и уважением к советской разведке... Рассказывает все это в пику мне — немцу.

— Вы поверили?

— Поверил. Особенно когда он перечислил, весьма профессионально и детально, какой нанес урон вермахту. Сижу и думаю, вот рядом со мной — коллега, свой. Но попробуй поговорить с ним откровенно! Тут у нелегала никогда не выскочит: «И я — тоже».

Но разведчику всегда приходится приспособливаться. Как-то захожу в ресторанчик в Тель-Авиве часов в пять пообедать. Заказал гуляш и кружку пива. Рядом со мной усаживается парень в джинсах, в ковбойке, видно, что их постоянный клиент, потому что несут ему без заказа 200-граммовый графинчик со светлой жидкостью из холодильника, которая сразу начинает запотевать. Потом ставят перед ним тарелку с двумя кусками черного хлеба и еще одну — с мелко нарезанной селедочкой и все это под кружочками белого лучка. И так эта сволочь начала аппетитно хрустеть всем этим над моим ухом... Прямо бери, Лешка, свой гуляш да ему на голову и еще пивом залей. Так мне всего этого нашенского захотелось, ну просто будь здоров. И я, быстренько смолотив мне принесенное, от греха подальше — в гостиницу.

— Ваше пребывание на Ближнем Востоке было успешным?

— Пребывание на Ближнем и Среднем Востоке было далеко не бесполезным. Много пришлось поработать в Израиле, в арабских странах и многого удалось тогда добиться, о чем до сих пор не имею права рассказывать. В 1975 году я сидел в Бейруте, и израильтяне как раз в этот момент в него входили. Получил я орден Красной Звезды за это дело.

С 1974 года бывал я и в Иране. Пришлось заезжать туда еще при шахе. Иран нас очень интересовал.

— Там же была жуткая служба безопасности — САВАК... Ходила за каждым советским, по-фарси — шурави, по пятам, влезала нагло в гостиничные номера, в квартиры.

— Что делать. Бывал я в Иране, естественно, не по советскому паспорту. А в САВАК попадать никак нельзя. По этой стране я совершенно спокойно ездил, и была у меня там масса друзей — и среди полиции, и в других кругах. Удивительно, но на проходящей в Тегеране международной выставке увидел в павильоне Советского Союза немало русских. Приехали на эту выставку. И я сразу оттуда: вдруг знакомые.

— И в посольства советские тоже не заходили?

— Вы меня об этом настойчиво спрашиваете. Давайте объясню. Никогда в жизни с посольствами не связывался. Нельзя это нелегалу. И зачем? Только беду на себя навлекать. Я предпочитал работать один, без помощников. По своему опыту скажу: никогда работа с кем-то вместе до добра не доводит.

— А как же пообщаться со своими? Поговорить по-русски?

— Вы должны уяснить: я к этому не стремился. Ну а если бы стремился, то меня надо было бы гнать из Службы, только и всего.

— Ностальгии не испытывали?

— Ностальгия? Она у нелегала есть всегда.

— А поговорить с кем-то по-русски? Связник легендарного Абеля-Фишера полковник Соколов рассказывал мне, что в Америке они вместе выезжали на океан и под шум волн говорили по-русски.

— Сейчас общение на русском языке категорически не рекомендуется. Человек может привыкнуть, ляпнуть нечто в неподходящий момент. Мы, нелегалы, к этому не стремимся. Ни в коем случае!

— Посмотрите, как трогательно развивались отношения нашего нелегала Конона Молодого — Гордона Лонсдейла с его радистами Коэнами-Крогерами.

— Трогательно. Ваша правда. И что в итоге? Привел Бен к ним по дружбе «хвоста», Конону — 25 лет тюрьмы, Крогерам — по 20. Они почти полсрока отсидели, пока их с трудом величайшим обменяли.

Дорогая плата за дружбу и радость встреч, когда непредсказуемо, кто кого и куда выведет. Да, Коэн считал за счастье видеться с Беном. Но если откровенно и прямо, то Бен Коэнов и посадил. Если бы ко мне приехал туда кто-то близкий, я бы с ним тоже пообщался. Это было бы настоящим счастьем. Но чем это закончилось для Коэнов?.. Я всегда помнил об

опасности.

— Если у вас не было помощников, то как переправляли всю информацию в Центр?

— Как-как... Все вам расскажи. В основном передавал через тайники. И давайте без конкретики. Описывать тайники не собираюсь.

— Но хоть что-то можно рассказать? Непонятно же.

— Самую жгучую информацию отправлял в письмах, в тайнописи на определенные адреса, которые мне давали в Центре. У них там с почтой все в порядке. Три-четыре дня — и послание доходит. А более полную информацию — через тайники в виде непроявленной пленки. Но, конечно, не целыми альбомами. Потом придумал другую вещь. Маленькие блокнотики, как керамическая плитка, — там до 50 страниц текста, все это я прекрасно пересылал. Иногда приходилось отправлять очень много.

— И все это время вы были один?

— Естественно. Но мы должны иметь друзей. И у меня была масса друзей среди арабов и евреев. Вместе проводили свободное время, ездили на экскурсии. Причем это были настоящие друзья, которые не знали, кто я такой, но которые доверяли мне, а я — им...

— И никогда ни у кого из них не возникало подозрений на ваш счет?

— Старался не давать повода. И какие подозрения? Что русские со мной не встречаются?

— Что вы постоянно в разъездах, мотаетесь по всему миру. Столько штампов в паспорте.

— Но у меня же была легенда: я продавал машины для химчистки. Никогда в жизни не слыхивал, чтобы люди привлекали к себе внимание только потому, что перемещаются по свету. Был у меня друг — почтовый служащий, так он больше меня ездил и, в конце концов, осел в Маниле — женился на филиппинке. А сейчас наши российские туристы разъезжают побольше, чем в свое время мои коллеги. К тому же поймите, в то время я не был русским, советским. Я — европеец, гражданин ФРГ, немец, вход которому открыт везде.

— Кто-то из Центра к вам наезжал?

— За рубежом у нас очень редко бывали личные встречи. Например, в Италии за десять лет всего две. Приезжали из Центра. Вообще же личные встречи проходили, что называется, на нейтральной почве в другой европейской стране, к примеру в Австрии. И никаких встреч в странах со сложной оперативной обстановкой.

Раз в два года, когда выпадала возможность, вызывали в отпуск в Москву. Вроде как отдыхал. Жена тогда уже все больше лежала в больнице.

Дети учились в обычной школе, а жили в интернате для таких вот ребяташек, родители которых находились далеко. Теперь этого интерната больше нет. Я в отпуске проводил все время с ними. Иногда приходила из больницы жена. А так — никаких встреч.

Но чем меньше встреч в месте пребывания за рубежом, тем лучше. Расскажу я вам такую штуку. Однажды под Новый год, накануне возвращения на родину — отпуск у меня начинался в январе, — прилетел я из Тегерана поближе к Союзу. Встречаюсь с резидентом. Обменялись мы паспортами. Я дал ему свой «железный», с которым все время ездил, он мне — другой, который потом можно было уничтожить. Резидент поздравляет меня с Новым годом и с награждением «знаком почетного чекиста». И добавляет: поздравляет тебя еще один общий знакомый, который здесь. Я его спрашиваю: кто же этот общий знакомый? Он говорит: Олег Гордиевский. Я спрашиваю его: откуда Олег Гордиевский знает, что я здесь? Ты, что ли, ему сказал? Да я сам только два дня назад узнал, что лететь мне в отпуск через эту страну. Или показал вот этот мой переброшенный паспорт? А Гордиевский был тогда его заместителем. Это я к тому, что нельзя нелегалу, если нет на то крайней необходимости, общаться с коллегами из резидентуры.

— А радио у вас было?

— Конечно. Обычный радиоприемник. Раз в неделю слушал сообщения из Центра. Выполнял его указания и потом переправлял письма в тайнописи на адреса в Европе или же передавал информацию через тайники.

— Сами по радио информацию не отправляли?

— Нет. Связь была односторонней.

— А как вы работали, как продавали свои машины, оборудование? И что бы произошло, если бы в Риме решили вас проверить?

— Если бы проверили, то убедились, что у меня было много контактов по делам фирмы, которую я представлял. И где-то в Гонконге или на Тайване я посещал все химчистки.

— Но кто обеспечивал вас деньгами?

— Центр, естественно.

— А ваши хозяева из Рима не понукали? Давай активнее, продавай больше...

— Все проще: продашь, получишь комиссионные, не продашь, ничего не получишь. Какие хозяева? У меня их и не было. Я был свободный представитель, вольный агент, проверить которого было невозможно.

И хозяевам из Рима все было до лампочки. Я принимал заказы,

записывал. А для того чтобы продать, надо было сидеть там днями и ночами целыми месяцами. А у меня днями и ночами шла несколько иная работа — на Центр. Я все делал правильно. Казалось, сложностей быть не должно.

— Однако сложности начались...

Бомба из ЮАР

— В 1977 году мне впервые приказали выехать в ЮАР — тогда страну апартеида. Настоящее фашистское государство. На всех скамейках в парках, на улицах надписи «только для белых». Магазины — только для белых, для черных ничего нет. Черные в шесть часов вечера садятся в автобусы и уезжают в свои тауншипы. До завтра! В городе остаются одни белые. Для меня это было дико.

Тогда Советский Союз помогал Африканскому национальному конгрессу. Разведку же больше интересовало другое: тайные связи ЮАР с Западом. Когда я в первый раз посетил Намибию, это была немецкая Юго-Западная Африка, колония ЮАР. объездил всю страну: нельзя было ограничиваться одним городом. Везде нужны были контакты.

В Намибии общался только на немецком. Потому что даже черные говорили на этом языке не хуже немцев. Гостиницы — немецкие, названия магазинов — на немецком. И везде, по всей стране немецкие фермеры, выжимающие, как только немцы умеют, кровь из своих чернокожих — чуть ли не рабов.

Намбия была нам интересна своим ураном. Там уран добывался уже обогащенный до 80 процентов, поднимали его на поверхность в свинцовых контейнерах. И весь он шел в Америку. А ведь официально США, Англия и другие западные страны к тому времени объявили ЮАР экономический бойкот. Никаких контактов, экономических отношений вроде быть не должно. И я сообщал, что это совсем не так.

В 1978 году я сам предложил совершить поездку по приграничным, прифронтовым государствам — Замбия, Ботсвана, Малави. Они, по идее, как бы помогали Южноафриканскому конгрессу, но все равно экономикой там управляли юаровцы. В Ботсване, к примеру, алмазные копи находились в руках компании «Де Бирс». Она, возвращенная семейством Оппенгеймер, все держала в своих руках, да и сегодня держит.

— А что еще интересовало советскую разведку в ЮАР?

— Есть там все-таки атомная бомба или нет? В научно-исследовательской лаборатории Пелендаба велись исследования в ядерной области. И у нас, и у американцев были подозрения, что там создается атомная бомба. Потому что однажды в 1978 году удалось зафиксировать похожую на атомный взрыв вспышку в Южном полушарии неподалеку от Кейптауна. Тогда я и включил Малави в свою поездку, ведь это было

единственное африканское государство, установившее с ЮАР дипломатические отношения.

Приехал в город Блантайр. Все белые в этих государствах очень быстро между собой сходятся, организуют как бы свой белый клуб. Появляется свежий европеец, тем более немец из Западной Германии, тебя с удовольствием примут и поведают абсолютно всё. Там не стесняются, все секреты — твои.

Сидели, мирно попивали и заговорили об атомной бомбе. И я на всякий случай вбросил, надо же, думали, будто ЮАР ее имеет, а оказалось, нет. И вдруг одна пожилая женщина оживает, открывает сначала глаза, потом рот: подождите, как это нет? Мы же в декабре 1976 года вместе с израильтянами обмывали ее изготовление шампанским.

— Это официально установлено?

— Я тут же сообщил в Центр. Как мне потом рассказывали, ночью вызвали даже начальников управлений, отделов и обсуждали мою информацию. Но документально это нельзя было доказать. Женщина эта мне представилась с именем и фамилией, сообщила, что работала секретаршей генерального директора базы Пелендаба, ушла на пенсию и переехала в Малави.

— А потом это нашло подтверждение?

— Нашло.

Исчезновение

В 1980 году меня опять отправили в ЮАР. Прилетел я сначала в Намибию с ее марионеточным правительством, зависимым от ЮАР. И вот в намибийской столице Виндхуке заметил за собой наружное наблюдение.

— Впервые за все время?

— Да. Деться оттуда некуда. Лететь можно — но только в ЮАР. Приземляемся в Йоханнесбурге, смотрю — черная машина направляется к трапу нашего самолета.

— А вы прямо из самолета ее увидели?

— Прямо. Самолет движется, тут уж не выпрыгнешь. А когда остановился, они подъехали прямо к трапу. И у меня чувство: это за мной. Предъявили документы юаровской контрразведки, надели наручники, отвезли в аэропорт. И в специальной комнате заставили раздеться до трусов. Только, слава богу, до трусов. Затем притащили мои вещи, одели и повезли в Преторию. Месяц провел во внутренней тюрьме полиции безопасности — это секьюрити полис, она же контрразведка ЮАР.

Допросы — день и ночь. В первую неделю спать не давали ни секунды. Засыпал прямо стоя, иногда даже падал. Кстати, у моего следователя в кабинете висел портрет Гитлера. А сам он был поклонником Эрнста Кальтенбруннера (начальник Главного управления имперской безопасности. — *Н. Д.*). Допрашивал меня полковник Глой — настоящий нацист. Допросы велись в основном в подвале. Делали они все, что хотели, тут ничего не скажешь. В общем, было хреново.

— Вас пытали?

— Ну а как же? Совершенно естественно — куда от этого денешься? Через неделю вдруг решили дать мне выспаться. Но камера, где я должен был спать, всю неделю наполнялась звуками человеческих голосов. Как будто кого-то пытали рядом со мной. Люди орали, скрежетали зубами, плакали, словно их избивали прямо рядом. Я понимал — это запись, магнитофон. Но от жуткой какофонии, лезшей в уши, в голову, некуда было деться. Через каждые полчаса ко мне заходила охрана и смотрела. Я должен был перед ними вставать. Так что выспаться не удалось.

Однажды привели на допрос. Сидят два человека. Один из ведомства по охране конституции Западной Германии, другой из службы разведки — БНД.

— Допрашивали на немецком или на английском?

— На английском. Помню, открыли чемодан. Достали мой радиоприемник, такой в любом магазине можно было купить. Но сразу радостные возгласы — а! Вынули блокнот, в котором были копировальные листы. Но я же не сказал ничего, они должны были проверить и, кстати говоря, давленку (следы от записей. — *Н. Д*) обнаружили на одном. А давленка была по-русски. Но дело даже не в этом. Сидят эти двое из Западной Германии и спрашивают: а почему вы не потребовали кого-нибудь из западногерманского консульства? Я говорю: все время и до сих пор требую, только не знаю, почему никто никого не приглашает. Они меня спрашивают: а вы знаете, почему вас арестовали? Отвечаю: не знаю, я ничего не сделал. И дают они мне фото жены: посмотрите, вам знакома эта фотография? А потом мою фотографию. Мигом ее перевернул, и на обороте вижу: «А. М. Козлов».

После этого я не стал говорить, что я не верблюд: да, я советский офицер, советский разведчик. И всё. Больше я ни черта не сказал за два года, что бы они там со мной ни делали. Это, между прочим, установлено и нашими спецслужбами абсолютно точно.

Месяц меня продержали в этом ужасе. А о пытках я вам расскажу без записи.

Полгода в камере смертников

— Через месяц меня перевели в центральную тюрьму в Претории. Посадили в камеру смертников. Было там несколько отсеков, так называемого звездного типа. И в каждом — по 13 камер. Но в том отсеке, куда меня поместили, оказался я совершенно один. Другие камеры — все пустые.

А рядом — виселица. По пятницам в пять утра там проходили казни. Меня специально водили посмотреть, как это делается. Виселица находилась на втором этаже. В тюрьме, я сначала не поверил, тоже был апартеид: тюрьма для черных, тюрьма для белых. Только вешали и тех и других вместе. Но и то делали различие. На последний завтрак перед казнью черному давали половину зажаренного цыпленка, белому — целого. Через двадцать минут они будут висеть рядышком на веревках, а пока белому дано посмотреть на черного с высокомерием: ты получишь всего половинку, а мне отвалили целого. Вот такая хреновина.

Казнили на втором этаже, потом люк опускался, казненный падал как в бездну. При казни присутствовал священник. А внизу стоял величайший мерзавец доктор Мальхеба. Он делал последний укол в сердце повешенному, чтобы человек умер окончательно. Потом его выносили. Однажды этот доктор осматривал и меня.

Самым страшным для меня было то, что Центр не знал, где я. Оказывается, они еще три месяца посылали мне радиogramмы. Исчез, пропал.

Шесть месяцев провел я в камере смертников. А тут — параша. Кровать и стол. Стула не было. В тюрьме полиции безопасности в камере был туалет. Комната — три шага на четыре. На стенах нацарапаны гвоздем слова прощания тех, кто там сидел и кого уже повесили до меня. Много чего было написано, и я читал все это предсмертное творчество. Никаких прогулок, никаких газет, радио — заточение настоящее. Все два года я вообще не знал, что творится в мире.

Единственное, что мне приносили — еду. Завтрак — в 5.30 утра: кружка жидкости, напоминавшая то ли кофе, то ли чай, а чаще вода, в которой мыли посуду, два куска хлеба и миска каши. Обед — в 11 часов; ужин — в три часа дня. В общей сложности четыре куска хлеба, кусочек маргарина, джема и тарелка супа. Ели в три, а свет отключали только в десять вечера, вот что самое хреновое: ждать с трех до десяти ночи было

будь здоров. К этому времени от голода у меня аж видения начинались. Вспоминал все время почему-то не об икре с семгой, а про отварную картошечку с паром, про помидорчики, огурчики. Помню, когда освобождали и взвесили, во мне оказалось 59 килограммов или 58. А когда я попал — под 90, как сейчас. И так шесть месяцев.

— На допросы уже не водили?

— Иногда водили.

— А в чем они обвиняли конкретно?

— Обвинений не предъявляли никаких. Сказали, что я посажен по закону о терроризме, статья девятая. Больше ничего. Это означало, что причину ареста мне сообщать не обязаны. Была у меня просто отметка, что я не имею права на адвоката, на общение с внешним миром — ни с семьей, ни с кем абсолютно.

Дали мне таз и из камеры утром иногда меня выводили, чтобы я набрал в него воды. Я вам рассказывал, что сидел месяц во внутренней тюрьме контрразведки. Там мне не давали бритвы. Наверное, боялись, что я могу себя чиркнуть по горлу. А у меня таких мыслей не было. Я знал: наши меня ищут. А борода отросла — и такая хорошая. И вдруг в тюрьме дали мне бритвы, но они мою щетину не брали, пришлось кромсать ножницами. И все полгода видел я одну и ту же морду, одного, как я его про себя называл, прапора, который надо мной надзирал.

И вот, наконец, 1 декабря 1981 года, через шесть месяцев, пришел ко мне начальник тюрьмы и заявил, что премьер-министр Бота официально объявил по телевидению и радио, что я нахожусь под арестом.

— И как вас объявили?

— Алексей Козлов.

— Вы тогда были полковником?

— Да, получил это звание еще в 1976 году. Звание у меня в тюрьме было простое: Алексей Козлов, советский разведчик, только и всего. Они, думаю, в то время не знали, что я полковник.

Начальник тюрьмы сказал, что после официального сообщения Боты о моем деле мне теперь положено полчаса прогулок под охраной по тюремному двору. Вышел на первую прогулку — небо ясное, чистое, солнце — яркое. Там еще клумбы, которые заключенные разбили. Двор чистый. Даже подумал: твою мать, что мне сейчас еще надо? Пока буду сидеть, все со мной хорошо, нормально.

Разрешили наконец-то курить. В тюрьме не курил несколько месяцев. Представляете, что это для меня такое, если я и сегодня выкуриваю по две с половиной — по три пачки в день. Но тогда — выдержал.

— А что немецкое консульство? Они к вам, немецкому гражданину, приезжали?

— Сначала немцы приезжали на допросы раз в три месяца. Потом раз в полгода. Приедут, помямут, посмотрят на меня растерянно и уйдут. Что им еще остается делать?

А я все продолжал сидеть в той самой камере. И где-то к концу 1981 года у меня начала лопаться кожа на руках. Там в бараке находился тюремный госпиталь. Позвали этого доктора Мальхебу. Он мне: дышите. Я дышу. Так, еще дышите, глубже. Я дышу. Он говорит: дыхание у вас хорошее. Я говорю: а как вы можете сказать, что дыхание у меня хорошее, если вы меня не слушаете? У него стетоскоп-то висел на шее, он его даже в уши не вставил. И так он разорался...

Но дали мне перчатки из искусственной кожи. Почему-то вьетнамские. А моя кожа все равно лопается. Позвали все-таки начальника тюремного госпиталя. Был такой майор Ван Роен. Он посмотрел и сказал, что это недостаток хлорофилла. Дело в том, что у меня было одно-единственное окошечко под самым потолком. Туда свет никогда не проникал. Он говорит: только если солнце будет, хлорофилл появится и это пройдет. И меня через полтора года после начала отсидки поселили в штрафное отделение тюрьмы Претории.

— Почему в штрафное?

— Потому что туда сажали в основном заключенных, нарушивших тюремный режим. Кто-то кого-то убил, и убийцу всегда вешали. А кто-то у кого-то что-то украл, подрался, покурил марихуану, которую им поставляли те же самые надзиратели. Тоже одиночные камеры, но там я хоть был не один. В других камерах находились люди, которые ругались, смеялись, матерились. У меня — та же параша, тот же топчан, зато в камере — всегда солнце. Кожа стала проходить.

Народ там, скажу я вам, собрался... Правда, одни белые — и надзиратели, и заключенные, черных не было. Все, даже отпетые, боялись лишь одного наказания — голодной диеты от пяти до тридцати суток. Это когда в день давалось всего полчашки протеинового бульона. Я, правда, на этой диете не сидел. А сидевшие быстро начинали катастрофически худеть; надзиратели, чтобы заключенные сразу не померли, взвешивали их в коридоре. Тем, кого приговорили к 30 суткам, выдержать было невозможно. И к ним проявляли «милосердие». Разрешали писать рапорт на имя министра юстиции ЮАР Джимми Крюге, чтобы голодную диету им заменили на телесное наказание.

Шла, между прочим, вторая половина XX века, а у нас в тюрьме

стояли козлы. Приходил здоровеннейший амбал — сержант Филипс с тяжелой двухметровой палкой. С заключенного снимали штаны, укладывали на козлы, привязывали, под почки — подушки, и следовал первый удар. Сразу проступала сине-красная полоса, начинала сочиться кровь. Беднягу отвязывали, давали напиться воды и проверяли сердце, потом снова на козлы — и второй удар. Каждые десять минут по сокрушительному удару. Шесть — в час. На теле обязательно должны были быть видны всем присутствовавшим при экзекуции шесть кровавых полос. При этом тюремщики не забывали еще и говорить о человеколюбии: ведь черных разрешалось бить по одному и тому же месту.

В основном сидели убийцы, крупное ворье, профессиональные бандиты. Но когда меня проводили мимо них по коридорам то ли на допрос, то ли еще куда, они мне втихаря шептали, подавали знаки: не беспокойся, тебя они не посмеют забить до смерти, скоро обменяют, держись. Откуда они знали, обменяют или нет, но эти бандиты меня поддерживали, сочувствовали. Знали, кто я.

Так просидел до мая 1982 года. И тут сняли с меня мерку, я не понял для чего. Вскоре пришел начальник тюрьмы, принес костюм, довольно приличный, по моему размеру, рубашку, галстук. Повезли к заместителю начальника контрразведки ЮАР генерал-майору Бродеруку. Сидел передо мной интересный такой, вальяжный мужик. Он мне сказал сразу: передаем тебя для обмена, повезут домой. И предупредил: тебя передадут нашей национальной разведывательной службе. Не говори им, что знаешь об обмене, скажешь — отыграют назад. Не знаю, что они с тобой будут делать, но что бы ни делали — молчи.

После этого мой следователь, полковник Глой, о котором я рассказывал, крепко пожал мне руку и сказал: ты извини за то, что с тобой произошло здесь. Теперь мы знаем, что ты нормальный мужик и настоящий парень. Пожал руку, и там оказался значок. Я разглядел его уже в самолете. Это был значок сотрудника полиции безопасности ЮАР с правом ареста...

Кстати, этот значок я подарил моему начальнику В.З. на его пятидесятилетие.

А пока передали меня сотрудникам разведки, и те для начала повезли меня на огромнейшую скалу, возвышавшуюся над всей Преторией. На скале — памятник первопроходцам — бурам, а под скалой — обрыв. Историческое место, рядом с которым проходила кровавая битва между зулусами и бурами. Вот на этом самом месте мне и сообщили, что именно здесь мы тебя, русский, и расстреляем. Давай, шевелись, становись

поближе к обрыву. Ну, я постоял. Все помолчали, потом схватили меня буквально за шиворот и к машине. Запихали туда и помчали в аэропорт.

В «Джумбо Боинге-747» меня везли с почетом: семь человек охраны и я.

Одиннадцать за одного

Прибыли во Франкфурт-на-Майне. Пересадили в вертолет Ведомства по охране границ Западной Германии. Еще 300 километров и приземлились около КПП «Херлесхаузен». Там и проводился обмен.

Сначала привезли тех, на кого меня должны были обменять. Одиннадцать человек — десять немцев и один офицер армии ЮАР, в свое время попавший в плен в Анголе во время рейда туда южноафриканской армии. Все одиннадцать с чемоданами. А мне вещей не отдали: у меня маленький кулечек, где кусочек зеленого мыла. Зачем я его захватил из тюрьмы, так и не знаю. Потом еще ремень матерчатый от тюремных брюк. Я его свернул и положил в кулек, когда меня из тюрьмы выводили. Единственное, что там для меня было ценного, это машинка для свертывания сигарет, мне ее подарили юаровские заключенные.

Прибыл и офицер Министерства госбезопасности ГДР. Забрал меня и перевез через границу. Знаете, через пару лет я побывал на месте обмена. И удивился: сколько же здесь всего понастроили. Поделился этим наблюдением с немцами. Они на меня посмотрели вот такими глазами: ни единого нового здания, всё, как было. Это значит, что жажда вернуться была так велика, что я, профессионал, ничего в своей голове не зафиксировал.

А тогда доставили меня к какому-то ангару. Смотрю, внутри маячат две фигуры — Виктор Михайлович Нагаев, ныне генерал-майор в отставке, и Борис Алексеевич Соловов, бывший начальник отдела безопасности. Ну, расцеловались, конечно. Посадили меня в машину: 400 километров до Берлина. Километров 30 проехали в гробовом молчании. Подъехали к городу Айзенах. Молчим. Я говорю: «Виктор Михайлович, я же вернулся на родину». Он соглашается: «Да, ну и что?» Я ему: «Как ну и что? А отметить-то это дело надо». Он как шлепнет себя по лысине: «А я все никак не могу понять, чего же не хватает и почему мы молчим». И водителю: «Ну-ка, давай в первую попавшуюся харчевню по сто грамм, по кружке пива». Как только шарахнули, так после этого до Берлина уже не молчали.

В Берлине мне товарищи стол хороший приготовили: икорочка, семга. Но я всю отварную картошку смолотил и всю селедку. Мне потом представитель наш, генерал-лейтенант Василий Тимофеевич Шумилов, ныне покойный, сказал: «Ты, Лешка, сожрал у нас весь представительский

запас селедки...» Я ему: «Виноват, но что же делать...»

И еще дали мне ребята денег, чтобы я купил что-то своим детям. Долго меня дома не было.

Приехал, подождал пару месяцев, передохнул и после этого опять начал работать. Но об этом вам, естественно, никто не даст разрешения написать.

И десять лет в придачу

— И все-таки давайте вернемся к вопросу, как вас вычислили.

— Долгое время никто не мог понять, почему меня арестовали. Обменяли в 1982 году. Когда в 1985-м сбежал Олег Гордиевский, всё и прояснилось. Был он тогда исполняющим обязанности резидента в Лондоне. Это генеральская должность, простите. А с Олегом я вместе учился в МГИМО. Он был на два курса младше, вместе работали в комитете комсомола. Я-то закончил раньше его, и он не знал, где я. Но потом он работал в нашем документальном отделе — потому так и получилось. В предательстве все дело.

— И история с паспортом, который вы меняли в одной северной стране, и привет от Гордиевского были не случайны...

— Да. Меня бы раньше взяли, хотя и трудно было взять. Могли где-то на Тайване, в Лиссабоне. Или в Мадриде, Осло. Но за что? И взяли там, где пришлось мне жутчайше трудно. Я, кстати, спросил немцев, которые меня допрашивали: это вы специально устроили, чтобы арестовали здесь, в ЮАР? Они мне прямо ответили: конечно. Сидели бы в какой-нибудь Франции или Италии, показалось бы курортом.

— Откуда они взяли фотографию с надписью «А. Козлов» на обороте?

— Не знаю. Они мне не рассказывали. Знал бы, и вам рассказал бы. Можно только догадываться. Теперь уже не выяснишь.

— А после возвращения?

— Четыре года — здесь, в Центре. И здорово я загрустил. Позвонил Юрию Ивановичу Дроздову. Сказал, что больше так не могу. Дроздов — мне: «И как ты, собственно, это себе представляешь? Ты всем известен. Как можно тебя снова куда-то посылать?» Затем поразмышлял и говорит: «Вообще-то ты же нигде не числишься в розыске, потому что нам тебя отдали. И потом, какой дурак подумает, что человек, только-только вынув голову из петли, опять собирается ее туда сунуть. Поезжай».

Дали мне в зубы паспорт. Раньше был немецкий. На этот раз получил документ другой европейской страны. После этого еще десять лет работал вдали от дома. Но где и что я там делал, этого я вам не скажу, потому что связано это с конкретными людьми.

А в 1997 году вернулся уже насовсем. Но до сих пор работаю. Встречаюсь с молодежью. Побывал в тридцати регионах России — Владивосток и Находка, Мурманск и Омск, Томск, Новосибирск,

Красноярск, Благовещенск, Хабаровск... У меня по пять-шесть командировок в год.

— А Героя России когда вам присвоили?

— Это еще в 2000 году.

— И за что, с какой формулировкой?

— Там было написано так: за мужество и героизм при выполнении специальных заданий.

А я, как автор, добавлю: которые были с блеском выполнены.

ЕСТЬ ЛИШЬ БЕЛЫЕ ПЯТНА

Разведчик Икс

Этому разведчику-нелегалу, Герою России рассекречивание не грозит. Его имя никогда не будет названо.

Нет даже портрета. Есть лишь короткая фамилия на рамке того, что должно быть портретом, да белое пятно. Полная безвестность.

Он начинал фактически с нуля. Унылое побережье с мрачными скалами. Его то ли выбросили на берег, то ли доставили в условную точку на веслах или подводной лодке. Скромная одежда, припрятанная в камнях, отыскалась им быстро. И странник пошел по новой своей жизни. Так нелегала вывезли в чужую страну.

Ушло 17 лет на то, чтобы построить биографию совершенно другого человека. Из безработного превратиться в почетного гражданина города.

То был не просто героический человек — настоящий стоик. В свое время разведка привозила ему сына в одну из стран Западной Европы, куда он выезжал в командировку из своего постоянного места пребывания. Надо было, чтобы мальчик видел, какой у него достойный отец. Они встретились, поговорили. Мальчик терпеливо ждал его возвращения, хотя до окончания командировки было еще далеко. В семьях нелегалов родителей ждут с терпением и достоинством.

Но случилась непоправимая беда. Сын, отдыхая в лагере, утонул. И отец, извещенный о трагедии, каким-то чудом вырвался из другой жизни, приехал на похороны сына. Всего лишь на один день. Похоронил и вновь уехал туда.

Долгие годы он был отлучен и от жены. Нельзя их было использовать вместе. Не пошел у нее сложный иностранный язык. Да и характер, по воспоминаниям начальника нелегалов, был не тот — сложный, неуступчивый. К тому же внешность — чисто славянская.

Но этот одинокий человек знал, какие у него возможности, что нужно делать. Он был незаменим на том самом континенте, который изъездил вдоль и поперек. Легенда, сложная и неоднозначная, выдержала длительную проверку благодаря ее хладнокровному, мужественному обладателю. И наступило время: нелегал благополучно вернулся на родину.

Когда в период, условно говоря, близкий к перестройке, ему вручали Звезду Героя, было торжество. 17 лет службы в полной темноте.

Не все было понятно ему в этой нашей здорово изменившейся жизни. Но он не роптал, нет. Хотя как-то признался начальнику нелегалов, что порой задумывается, как такое могло произойти. Ведь и его родная разведка могла не уцелеть, когда кое-кто решил, будто в изменчивом мире наступило всеобщее равенство и братство. Как об этом не задуматься Герою-разведчику, отдавшему своему делу всю жизнь.

Он умер в Москве странной смертью. Там прошел все испытания. Случались с ним всякие. А здесь попал под машину... Говорят, плохо видел. Несчастный случай.

Недавно умерла и жена.

Вещи, собранные в одну комнату и так никем и не тронутые, находятся в его бывшей квартире. Сейчас в ней живет другой человек с женой и детьми. Он относится к старой мебели бережно. Помнит, кому она принадлежала. И о предшественнике, бывшем жильце, вспоминает добрым словом.

Только ничего о нем не рассказывает. Потому что и новый хозяин квартиры — тоже нелегал, сравнительно недавно оттуда вернувшийся.

И тоже Герой. Фамилия — неизвестна. Разные люди обращаются к нему по-разному. Даже точные имя-отчество — загадка. А уж где он был и что делал, тайна за многими печатями.

ЛИКВИДАТОРЫ

Их имена неизвестны

Над предателями занесен дамоклов меч.

Они — подобны раковой опухоли и, по мнению некоторых разведчиков, профессиональная неизбежность. Проникали в разведку в любую эпоху, предавали своих товарищей, не щадили верных агентов. Как правило, их жизнь заканчивалась преждевременным уходом — выстрелом ли в голову, катастрофой, кончиной от неведомых болезней или от пьянства. Всегда, даже в далеких краях и под чужими именами, жили они под охраной новых хозяев в вечном и совсем беспочвенном страхе.

Есть и еще одна версия их появления. Замечено: в тяжелые времена социальных потрясений и перемен перебежчиков становится больше. Не знаю уж, так ли это, но люди, возможно, не до конца идее преданные, чаще ломались в сложные исторические эпохи. В советский период эпоха невозвращенцев началась в 1930-е годы вместе с волной сталинских репрессий, когда сотрудники разведки спасались от незаслуженной кары за мнимое сотрудничество с врагами во время работы за границей. Внес, как полагают некоторые историки разведки, свою лепту и Никита Сергеевич Хрущев, начавший было резко сокращать армию и силовые структуры: опять всплеск побегов и измен. Перебежчики той поры, сдаваясь на милость новых хозяев, предпочитали выдавать себя за «борцов с тоталитарным режимом и коммунизмом». В начале 1990-х, после смены социалистической формации на капитализм в его самом разнузданном виде, нетвердые духом, падкие до наживы побежали в западном направлении, изобретя неправдоподобные предлоги — «за свободой» или «ради торжества демократии». А на самом деле гнались за жирным куском.

Для меня эта, вторая версия видится некой, простите, «отмазкой» от истинных причин предательства. Ну, какой, к примеру, «борец за демократию» экс-генерал Олег Калугин, сдававший своих коллег и американских агентов. Но коль вброшено такое не оправдание, а объяснение омерзительному предательству, приведу, никак не разделяя этой точки зрения, и его.

Если для разведки вообще предательство чревато расшифровкой своих и отзывом сотрудников, то для разведки нелегальной предательство — смертельно. И что бы ни толкнуло на эту тропу иуд нашего тревожного

бытия, вечный позор им обеспечен.
А иногда — и возмездие.

Человек без имени и без жалости

Меня свел с ним в конце осени 1998 года добрый приятель. Я просил, настаивал, и старый друг мой, наверное, нарушая какие-то принципы, все же дрогнул. Лишь предупредил: «Не лезь только с именами и странами и, не дай бог, с оперативными эпизодами. Что захочет, расскажет сам. И давай без этих твоих диктофонов».

Тихое московское кафе в центре в те месяцы грянувшего кризиса-98 было пустынно. Я сразу узнал Его. Аккуратно одетый, совсем немолодой человек лет за 75, но с какой-то особой бьющей уверенностью в движениях, взглядом прямым, рукопожатием железным.

— Вьют...? — осведомился я.

— Як Коле, — усмехнулся Он.

Суть разговора. Он был ликвидатором. И я хотел узнать: как это? Учили его этому и можно ли научить? Давали задание? Как искали и выходили на предателей? И как карали — ведь бывшие свои?

Он отмел мои сантименты сразу: давайте без соплей. Да, был в специальной группе, уничтожавшей предателей, перебежчиков, агентов, которые предавали.

— После 1945 года таких развелось немало. Успел два года прослужить во фронтовой разведке. Языков брали, ходили по их тылам и вообще. Рука была твердой.

Закончилась война. Предложили войти в специальную группу. У меня сомнений — никаких. На что иду, понимал. Согласился. Потом обучили некоторым специфическим методам устранения.

Хорошо знал один европейский язык. Поселили в стране, где хоть социализм и не строили, но войска наши после войны еще стояли. Уехать из этого тихого места в центре Европы по настоящим документам труда не представляло. Давали задание на ликвидацию, и мы выполняли.

— Кто мы? — не понял я.

— Парами, парами работали, — удивился Он моей непонятливости.

— И кто с вами в паре?

Он вдруг тяжело вздохнул, неожиданно перекрестился:

— Жена моя, царствие Ей небесное.

— Погибла при исполнении задания?

Он опять усмехнулся то ли моей наивности, то ли еще чему:

— Нет, скончалась недавно. Обычно стреляла Она.

— Как?

— Как? — Он задумался. — Всегда сражала с первого выстрела. Пусть и по-женски, но точно. И неожиданно. Есть специфические женские приемы.

— Не понял.

— А не надо понимать. Разве ваш друг не предупредил, что не надо расспросов? Хотя, наверное, теперь уже можно. Оружие — в женской сумочке. Лезла за платком — и наповал.

— И много предателей вы вдвоем уничтожили?

— Руководство ставило задачу, и нам работы хватало. После войны столько нечисти развелось.

— Это называлось «чистильщик»?

— Чистильщики ботинки чистят, — обиделся Он. — Мы — ликвидаторы. Работало несколько пар. Молодыми были, жена еще моложе, чем я, но все с хваткой, с крепкими нервами. Обычно старались так, чтобы тело не отыскали. Или по крайней мере нашли не сразу. Встречи назначались около водоемов. Труп в мешок, груз к ногам, и точка.

— Вы из внешней разведки?

— Вы не поняли? У каждого свое. У них было свое, у нас — свое. Не было никакой политики, указаний Сталина — Берии и культа личности. Уничтожали сбежавших вражин, бывших своих. Я на просьбу рассказать согласился, потому что друг ваш — человек очень хороший. Но на этом и хватит. Тем более что лет через семь-восемь после войны группы наши расформировали. И мы с женой вообще все это забыли. Освоили мирные профессии. — Он опять усмехнулся.

— Чем-то награждены?

— Зачем об этом? В войну получил больше. Но скоро уйду. Болею, — пояснил Он. — С пионерами не встречался, в советах ветеранов не состою, второй раз в жизни об этом рассказываю. И в последний. Точно, — вздохнул Он. И вдруг спросил так, как спрашивают друг друга только профессиональные переводчики: «У вас первый язык — какой?»

— Английский.

— У жены — тоже. А у меня — другой. — И тут Он не выдал подробностей.

Мы расстались. Позже мой старший друг рассказал, что болезнь Ликвидатора была неизлечима и скоротечна. Когда я решился все же спросить о званиях и наградах Ликвидатора, познакомивший нас пояснил, что был Он в те послевоенные годы, кажется, старшим лейтенантом или капитаном.

Первый предатель

Считается, будто первым предателем из разведки стал один из удачливых сотрудников Иностранного отдела ОГПУ Георгий Агабеков. Прихватив кассу нелегальной резидентуры в Стамбуле, он обратился в 1929 году к англичанам с просьбой о политическом убежище. Говорят, это только теперь предатели выдают себя за борцов с режимом и несогласных с властью. Ничего подобного. Оправдание старо, очень старо, как сам мир разведки. Агабеков выступал разоблачителем советской власти, писал книги, где раскрывал всех известных ему разведчиков и агентов. Охота за ним шла больше восьми-девяти лет. Его пыталась уничтожить группа знаменитого впоследствии разведчика Якова Серебрянского, имевшая право проводить операции по уничтожению на чужой территории. Гонялись за Агабековым по всей Европе, расставляли хитрые ловушки, заманивали, но больно был он опытен, хитер, да к тому же и везуч. И все же был убит в 1938 году советским нелегалом, работавшим во Франции. Использовали тягу приговоренного к расстрелу Агабекова к деньгам, заманили его на какую-то квартиру и тот пришел-таки туда. Бытует теория, что тело его сбросили в пропасть. И это неправда.

А первым на путь предательства встал в 1924 году бывший царский офицер Андрей Смирнов, довольно долго проживший на нелегальном положении в Финляндии. После расстрела в СССР своего брата объявил себя политическим беженцем. И на него, к смерти приговоренного, шла охота. Смирнов понял, что в Европе он обречен, и рванул в Бразилию. Относительно его судьбы существует две версии. Первая: умер собственной смертью. Вторая: был все-таки найден и уничтожен.

Первая ликвидация

Если попытаться выстраивать некую хронологию предательств, то первым выслеженным и уничтоженным перебежчиком был разведчик Владимир Нестерович, получивший в Гражданскую войну высшую тогда награду — орден Красного Знамени. На человека верующего, бывшего царского офицера, ставшего сотрудником советской разведки, тяжелое впечатление произвели гонения на церковь, уничтожение храмов.

И Нестерович, работавший в Европе, попросил в 1925 году убежища во Франции, пообещав при этом выдать важную информацию. На это мгновенно прореагировал один из начальников ИНО Трилиссер: ликвидировать! Летом этого же года приказ выполнили. Если верить некоторым источникам, Нестерович отравился пивом. Если внести уточнение, то немцы-коммунисты — агенты Трилиссера подсыпали в пенный напиток яд.

Приговор приведен в исполнение

Трудно писать о моральной стороне физической ликвидации. Да, безвестные люди приводили в исполнение приговоры, вынесенные предателям в Москве. Методы — самые разные. Но все же убивали предателей по приговору, вынесенному дома. Месть за выданных своих являлась возмездием, чаще всего неизбежным. Иногда ликвидация проводилась нарочито открыто, чуть ли не напоказ. Бывало, что за перешедшими на чужую сторону устраивали тайную охоту. Так где-то поблизости от Лозанны был уничтожен в 1937 году опытный разведчик-нелегал Игнатий Порецкий — Рейсс. Несогласный с политикой Сталина, он публично объявил о разрыве с разведкой.

Чуть позже такой же шаг — полный разрыв с Советами — предпринял не менее ценный нелегал Вальтер Кривицкий. И даже боевики Серебрянского долго не могли к нему подобраться: Кривицкого тщательно охраняли. От смерти подальше он перебрался в США, о чем я уже упоминал в главе об Абеле — Фишере. В 1941-м, еще до нападения Гитлера на СССР, был найден убитым в номере гостиницы. Кривицкому выстрелили прямо в голову. Так что за самоубийство, как пытались, эту смерть выдать трудно.

Как сейчас с возмездием?

Ликвидаторов больше нет. Хотел бы я сказать то же самое и о предателях. Их хватает. Последний случай — полковник Потеев, выдавший американцам в 2010 году десятерых российских нелегалов, среди которых были и Герой Советского Союза, генерал Михаил Васенков, и красавица, ныне телеведущая Анна Чапман.

Пусть и заочно, но Потеев был в 2011 году приговорен российским судом к 25 годам лишения свободы за госизмену и дезертирство, лишен военного звания и государственных наград. Чуял, что вот-вот его накроет колпак российской контрразведки, а работа на ЦРУ близится к своему логическому финалу — разоблачению. И сбежал в Штаты незадолго до ареста там выданных им десяти разведчиков, предварительно ухитрившись отправить за океан своих детей, запустивших в США собственный бизнес. Затем к Потееву присоединилась и жена.

Не вдаваясь в подробности, напишу: он предавал своих без тени угрызений совести. Вот лишь один эпизод. Когда один из наших арестованных нелегалов отказался давать показания, в камеру к нему был запущен Потеев. Оpozнал, назвал по имени, пригрозил, что, если пленник будет по-прежнему молчать, к нему применят методы физического воздействия. Говорил с издевкой. Как такому существу, как Потеев, ходить после этого по земле?

Наши спецслужбы быстро обменяли «десятку» на россиян, осужденных на различные сроки за предательство и работу на иностранные разведки.

Надеяться, будто мерзавца, сбежавшего в США, когда-нибудь экстрадируют в Россию, засадят за решетку, наивно. И что же с ним будет? Разведка — не тот вид человеческой деятельности, где ценится торопливость.

И вскоре пришла весть о смерти разжалованного экс-полковника Потеева. Об этом как бы невзначай проговорились сами американцы. Дезинформация? Вброс, чтобы успокоить, спасти мерзавца? Иногда разведки применяют подобный прием: объявляют о смерти сбежавшего предателя, сменившего фамилию, а порой и лицо.

Ему было около 65 лет. «Умер своей смертью. И кому он сейчас нужен», — подтвердил один из знающих профессионалов.

Несмотря на всю аморальность предателя, вряд ли ему жилось в США

вольготно. Витал страх. Да и чувство, что российские спецслужбы узнали, как думается, о его новом постоянном месте жительства, уверенности не прибавляло. Жил же в то время в США другой предатель Третьяков. Неожиданно автор книги о собственных предательских деяниях скончался в 53 года: подавился куском мяса.

Еще один свежий пример: перебежчик Торопов, выдававший своих в Канаде, вдруг скончался в своей ванне: то ли удар током, то ли еще что-то...

Но есть и другие примеры. По-прежнему водит экскурсии «по шпионским местам Вашингтона» разжалованный и приговоренный к 15 годам тюрьмы экс-генерал Калугин. Мирно почил сбежавший в Англию архивариус ПГУ Митрохин, закопанные в подмосковном огороде архивы которого были вывезены, как предполагается, не без помощи смельчаков с Туманного Альбиона.

Остались предатели, живет и ненависть к ним. В США, в Англии их охраняют, берегут, меняют внешность и фамилии. Сколько зла они принесли и не только людям, которых предали. Черная метка и на их родственниках, окружающих, сослуживцах, наказанных за отсутствие бдительности.

Мучают ли предателей угрызения совести? Вряд ли. Как может мучить то, чего нет. Но вот страх наверняка не уходит. Он с ними навечно.

МИСТИФИКАЦИЯ: БЫЛА ЛИ ОЛЬГА ЧЕХОВА АГЕНТОМ НКВД?

Из десятков фильмов, где эта русская актриса мило обольщала, фривольничала, показывала точеную свою фигурку и так нравилась простым немцам и их коричневым главарям, у нас в прокате, по-моему, не было ни одного. Но Ольга Константиновна Чехова, урожденная Книппер, 1897 года рождения, из обрусевших немцев, в последние годы набирает все большую популярность. Звучит ее короткая, великим Антоном Павловичем прославленная фамилия, — Ольга Чехова, и сразу начинаются гадания. Была ли любимица Гитлера, государственная актриса Третьего Рейха советской шпионкой или не была. Остальное — по боку.

Давайте сразу и по порядку. А он на первый взгляд исключительно прост.

В списках не значилась

На все официальные запросы, как и на письма чеховских родственников, отечественная разведка выдает решительное: каких-либо сведений о том, что Ольга Чехова была агентом НКВД, не обнаружено. И, действительно, документальных свидетельств нет. Документальных — нет, в это свято верю и я.

Зато есть телесериалы, сотни статей, где утверждается, что была советской шпионкой, и еще какой. А генерал Павел Анатольевич Судоплатов, уважаемый в разведке за то, что ликвидировал одного из главных украинских националистов Коновальца, пишет в своих мемуарах: являлась нашим многолетним агентом. И в этом тоже своя правда.

И чтобы понять, каким образом две параллельные лыжни сходятся в одну единую и неделимую, попробуем отвлечься от бесполезных споров на заданную тему. Давайте изучим биографию Ольги Константиновны, сопоставим абсолютно реальные факты и попытаемся сделать вывод.

Есть прижать по родственникам

В семье обрусевшего немца, преуспевавшего при проклятом царском режиме инженера Константина Книппера, счастливо росли трое детишек — Ада, уже известная нам Ольга и Лев. Про Аду раз и навсегда забудем. К счастью для себя, пошла она не по той, не по интересующей нас линии.

А вот на Ольге и Лео (так в семье звали Льва) остановлюсь поподробнее.

Ольга, красавица, умница, может, для ровного счета и отличница, была всеобщей любимицей и интересовалась театром. Потому и отпустили ее «в Москву — в Москву!», как писал классик, к родной сестре отца тете Оле — уже тогда прославленной актрисе МХАТа Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой, жене Антона Палыча. Тетка пристроила племянницу в одну из мхатовских студий. В отличие от написанного в воспоминаниях Ольги Чеховой, до подмостков великого театра она не добралась. Зато вышла замуж за молодого талантливый и страшно запойного актера Михаила Чехова — племянника великого нашего писателя. И стала настоящей Чеховой как бы с двух сторон: племянница супруги классика мировой литературы и жена его племянника. И даже когда Адольф Гитлер в знак расположения предложил ей поменять фамилию Чехова на исконно немецкую Книппер, актриса, не побоявшись, отказалась. Тоже маленький подвиг — на фоне ее других смелых деяний.

Первым из них стал выезд в Германию с малолетней дочерью и без мужа, с которым она, несмотря на всю свою любовь к нему, развелась. Нельзя было столько пить и чуть не на ее же глазах изменять с кем попало.

Запущена версия, будто за кордон Чехову отправил сам Ян Берзин — глава военной разведки, который напутствовал в Китай великого разведчика Зорге. Ни одного, ну хотя бы малейшего, подтверждения этому нет. Она не училась искусству шифровки, способам обнаружения и ухода от слежки, как и прочим разведывательным премудростям.

Все было по-иному. В 1920 году ее родная тетя — боготворимая в Стране Советов актриса Ольга Леонардовна Книппер-Чехова обратилась с просьбой к наркому просвещения Луначарскому. И тот, большой мастер на небольшие добрые дела, согласовал с кем надо отъезд безвестной актрисы за границу — всего на полтора месяца.

Сорок пять дней растянулись на всю долгую жизнь. И сразу же, с первых дней, Чехова взялась за работу. Неважнецкий на первых порах

немецкий не мешал сниматься в кино — оно-то было немое. И пошли кинопробы, собеседования, съемки. Фрау Ольга нравилась режиссерам работоспособностью, дисциплинированностью, умением быстро сходитьсь и ладить со всеми — от кинозвезд до гримерши. И еще приверженностью тем самым методам театра Константина Сергеевича Станиславского, носителями которых были ее тетя и бывший муж.

И пошло, и поехало, фильм за фильмом превращал ее в любимицу Германии. А когда кино заговорило, выяснилось, что русская немка сумела избавиться от дурного произношения. Заметьте, для актера — случай редчайший, на чужом даже не языке, а акценте горели все выезжавшие и тогда, и теперь.

Возможно, повторяю, возможно, в ту пору становления и состоялась ее встреча с братом Левой, которого домой к Книпперам приезжал лечить еще сам доктор Антон Павлович Чехов. В детстве Лео чудом избавился от туберкулеза. Рос здоровым, крепким, пошел в армию, а когда началась Гражданская, волею судьбы молодой офицер остался в строю — на юге у белых. И какие бы легенды своего пребывания на юге Лев Книппер потом ни придумывал, этот факт из его сложной био было никак не выкинуть. Он вернулся в Москву, начал сочинять музыку...

Но боюсь, что не дали. Крепкий, хорошо тренированный альпинист и теннисист, говоривший на немецком (еще бы ему не говорить), был замечен разведкой. Таких, как он, слегка шантажировали, на чем-то прижимали, стращали и, убедившись в правильном выборе, или отправляли на небеса, или вербовали.

Не разведка ли согласилась — или предложила ему, верному человеку, выехать в зарубежье? Повод нашелся сам собою — с незалеченным туберкулезом надо было бороться только в Германии.

Не там ли состоялась вначале встреча с сестрой, уже превращавшейся в любимицу нации? Сколько всего можно было объяснить Оле. И то, что даже великая Ольга Леонардовна не всеильна. Ее наверняка не тронут, а вот остальных родственников... А еще патриотизм, любовь к матушке-России. И к брату Лео тоже. Можно было дать согласие помогать своей стране, ее людям.

Никто из разработчиков этого вероятного плана и предполагать не мог, что Ольга Чехова так быстро превратится в кинозвезду первой величины. Подружиться с другой актрисой — женой Геринга и с самим главным немецким летчиком. Что ее представят Гитлеру, и, к ужасу всех недоброжелателей, она ему так понравится, что еще миг и бесноватый предпочел бы «эту русскую» своей Еве Браун. К зависти истинных

арийских красавиц, фюрер сделал ее государственной актрисой Рейха. И дал понять настойчивому Геббельсу, что Чехову нельзя преследовать, как, впрочем, и соблазнять ее циничными предложениями сожительства.

И чтобы всё уразумел не только циничный Геббельс, на важной премьерe фюрер усадил Ольгу Чехову в первый ряд — и занял кресло поблизости. На следующий день газеты вышли с фотографиями красавицы Чеховой и сидящим рядом с ней Гитлером. И всё всем стало ясно.

Киносъёмки в оперативных целях

Что сделала Ольга Чехова для СССР? Не знаю. Могу лишь строить догадки. Говорят, еще в 1920-х познакомилась с тремя молодыми офицерами из разных родов войск, которые в войну выросли до полковников. Какие полковники, если она вращалась, терлась плечами, разговаривала со многими из фашистской верхушки. Бормана, как признавалась, не знала, с остальными была в добрых отношениях. И уж точно слышала, что они там между собой обсуждали в моменты побед и поражений. Иметь такого агента — мечта любой разведки. Быть столь близко, так «подобраться» мало кому удавалось.

Опять никак не подтвержденные данные. На Чехову работали сразу три радистки, между собой никак не связанные, — вот сколько информации она передавала. В конце войны ее разоблачило гестапо. Уже арестовали личного шофера, должна была попасть в лапы Гимmlера и сама кинозвезда. Но только вот Гитлер не позволил.

А брат Лев жил в СССР. Писал музыку, выступал. Композитор, вероятно, огорчился, что многие свои музыкальные шедевры ему приходилось создавать на темы, навеянные произведениями советских писателей. Но что делать. Многим людям его круга не дозволялось и этого.

А когда грянула война и немец добрался до нынешних Химок-Ховрино, патриот Лев Книппер был готов выполнить свой долг. И это уже никакая не гипотеза. Лев Константинович вместе с женой Мариной Гаековной по приказу разведки и родины должен был в случае взятия немцем Москвы оставаться в городе. Войти в доверие (может быть, и при помощи сестры) к верхушке, подобраться к Гитлеру и его уничтожить. Готов был отдать для этого всё, включая жизнь. Он был оставлен руководителем одной из многочисленных групп, уже было затаившихся в московском подполье.

К счастью, немца погнали. Книппер остался жив. Писал музыку. И готовил учеников — только не музыкантов, а диверсантов. Тут можно бы многое домыслить. Может, встречался в неметчине с сестрой? Вряд ли.

Но идея устранить Гитлера Сталина не покидала. В Германию чудом пробрался наш боевик Миклашевский. Боксер, однако тоже из театральной семьи. Родственник известного актера Блюменталь-Тамарина по протекции предателя дяди, один в один имитировавшего по немецкому радио голос Сталина, прибыл в Берлин. Там, если верить Судоплатову, ему с помощью

Чеховой предстояло ликвидировать Гитлера. Но затем сам Иосиф Виссарионович приказ свой отменил: побоялся, что если сработает, немецкая верхушка выберет более приемлемого для Запада вождя, договорится с союзниками и двинет против нас.

Что в итоге? Боевик Миклашевский со сталинским приказом был. Акт возмездия не состоялся. Какова во всем этом роль Чеховой?

Ее доставили в Москву самолетом еще в апреле 1945-го. Поселили в удобной квартирке, выхода из которой, правда, не было. Не допрашивали, а мирно беседовали, обсуждая эпизоды ее жизни, особенно общения с верхушкой. Протоколы ничем особым не радуют. Открытий и сенсаций — ноль.

Один из руководителей советской разведки, в те дни плотно общавшийся с Чеховой (или ее допрашивавший?), оставил короткое резюме, за точность которого ручаюсь. «Боже, до чего глупа! Но как красива...» Это ли не свидетельство того, что до разведчицы Чехова так и недотянула.

А вскоре на самолете же отправили обратно в Германию. Поселили в удобной квартире, помогали в голодную для немцев пору, чем могли, особенно продуктами. А захотела Ольга Константиновна уехать в зону западной оккупации, беспрекословно разрешили. Она продолжала как ни в чем не бывало сниматься в кино. С разведкой покончено?

Вовсе нет, как свидетельствует полковник и писательница Зоя Воскресенская-Рыбкина. Ее буквально сорвали с отдыха, направив в Германию. Задача — встретиться с Ольгой Чеховой. Та должна была выполнить задание товарища Берии. Тот вопреки мнению Маленковых-Булганиных собирался слить две Германии — «нашу ГДР» и «их» ФРГ — в одно единое государство. А Чеховой поручили прозондировать, как отнесутся к такому предложению СССР, то есть Берии, западные немцы во главе с канцлером Аденауэром. Радостная Рыбкина доложила по ВЧ Судоплатову: встреча с Чеховой прошла нормально. И получила ошеломивший ее приказ: возвращаться домой на первом же военном самолете. Это в Москве арестовали вышедшего из доверия гражданина Берию и все его планы по объединению заклеили предательством.

Полагаю, на этом миссия Чеховой пришла к завершению. Она по-прежнему снималась, потом занялась бизнесом и, как и всегда и во всем, была успешна в выпуске своей линии женских товаров. Спокойно добравшись до старости, Ольга Константиновна Чехова (оперативный псевдоним Мелинда — документально не подтвержденный) скончалась в 1980 году.

Так была или не была? Судить об этом вам, проницательный читатель.

Очень личное

В 1971 году я сдавал госы в московском инязе. Во избежание блатных дел по строгим инязовским правилам экзамены по языку у выпускников принимали преподаватели, нас до того не знавшие. Французский, второй тогда язык сдавал я строгой высокой женщине. Очень хорошо со вкусом одетой. Чудилось в ней нечто восточное. Услышав мою фамилию, экзаменатор вдруг доброжелательно улыбнулась. Пробежала искорка непонятно откуда взявшегося взаимопонимания. И я понял, что все будет в порядке. Оценка, выставленная в результате короткого и доброго не экзамена, а просто разговора на французском, была выше той, на которую я рассчитывал.

А милейшая экзаменаторша вдруг спросила: «Вы наверняка сын Михаила Николаевича Долгополова? Очень похожи». Я растерянно кивнул. «Передайте привет папе». Я впал в ступор: «От кого?» Дама улыбнулась: «От Книппер. Он хорошо знаком с композитором Книппер, моим мужем».

Дома всегда суровый отец после моего рассказа заметил: «Ты хоть знаешь, кто это?» Нет, композитора Книппера я никогда не слышал. «Все-таки какой же ты неуч», — вздохнул отец. И начал, как обычно, насвистывать мелодию. И даже я узнал «Полюшко-поле».

КРАТКИЙ СПИСОК КНИГ

Библиография к Рихарду Зорге

Будкевич С. Дело Зорге. М.: Наука, 1969.

Газета «Правда». 1964 год. 6 ноября.

Колесникова М., Колесников М. Вечный огонь интернационализма.

Люди молчаливого подвига: Очерки о разведчиках. М.: Политиздат, 1975.

Колесникова М., Колесников М. Наш друг Ика. М.: Детская литература, 1979.

Колесников М. Таким был Рихард Зорге. М.: Изд-во Министерства обороны СССР, 1965.

Мейснер Г. О. Кто вы, доктор Зорге? М.: Изд-во Министерства обороны СССР, 1966.

Смирнов А. «Висбаден» всегда на связи. Изд. дом Дальневосточного федерального университета, 2012.

Рихард Зорге. Статьи. Корреспонденции. Рецензии. М.: Изд-во Московского университета, 1971.

Фронт без линии фронта. М.: Московский рабочий, 1975.

Библиография к Николаю Кузнецову

Гладков Т. Медведев. М.: Молодая гвардия, 1985.

Гнидюк Н. Медведевцы в Ровно.

Медведев Д. Это было под Ровно.

Струтинский Н. Дорогой бессмертия. Львов: Книжно-журнальное изд-во, 1962.

Шалагин А. И сим горжусь. Челябинск, 2016.

Библиография к Ивану Михееву

Воскресенская З. Под псевдонимом Ирина.

Священник из фронтовой разведки // Наука и религия. М., 2005.

Судоплатов П. А. Остаюсь единственным живым свидетелем // Молодая гвардия. 1995. № 5.

Библиография к Джо Ковалю

Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. М.: Атомиздат, 1964.

Лота В. ГРУ и атомная бомба. М.: Олма Пресс, 2002.

Norrist R. George Koval. Manhattan Project Spy. Journal of Cold War Studies. May, 2009.

Welsh M. George Koval: Atomic Spy unmasked. Smithsonian. May, 2009.

notes

Примечания

Махно — он же Михаил Степанович Карпий — руководитель группы УПА. Родился в 1921 году в селе Кауты Бауского района Львовской области. В период оккупации служил в полиции, затем перешел в УПА. В октябре 1944-го по неподтвержденным данным убит при переходе линии фронта.